

НЕИЗВЕСТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

НЕМОЙ СВИДЕТЕЛЬ

Агата
Кристи

НЕМОЙ
СВИДЕТЕЛЬ

Агата
Кристи

НЕИЗВЕСТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

- Ведь ты понимаешь, что ее нужно убить?
Вопрос как бы повис на мгновение в
спокойном воздухе ночи, чтобы затем
улететь сквозь темноту в сторону Мертвого
моря. Эркюль Пуаро, положивший руку на
оконную задвижку, застыл в
неподвижности...

Любопытная фраза. Как раз для слуха
знаменитого детектива - и это в первый же
вечер в Иерусалиме!

Агата КРИСТИ

НЕМОЙ СВИДЕТЕЛЬ

СВИДАНИЕ СО СМЕРТЬЮ

МИНСК
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ”
1996

ББК 84(4Вл)

К 82

УДК 820-31

Серия основана в 1992 г.

Перевод с английского

Составитель И. В. Полтавец

Художник Д. А. Милованов

Кристи А.

К 82 Немой свидетель. Свидание со смертью: Романы;
Пер. с англ.— Мн: Университэцкае, 1996.— 366 с.—
(Неизвестный детектив).

ISBN 985-09-0144-6.

В сборник известной английской писательницы, мастера детективного жанра Агаты Кристи (1891—1976) включены два остросюжетных романа, ранее не переводившихся. «Немой свидетель» и «Свидание со смертью». Их объединяет главный герой — сыщик Эркюль Пуаро, который, основываясь на своем методе расследования, может распутать любое преступление. Миллионы людей мира с увлечением смотрят телесериалы с участием любимого детектива, которые с неизменным успехом идут уже не один год на голубом экране.

8200000000—012

К ————— **34—96**

М 317(03)—96

ББК 84(4Вл)

ISBN 985-09-0144-6

© Составление. И. В. Полтавец, 1996

© Оформление. Д. А. Милованов, 1996

НЕМОЙ СВИДЕТЕЛЬ

Глава I

МИСС АРАНДЕЛЛ ИЗ «ЛИТЛГРИН ХАУЗА»

Мисс Аранделл умерла первого мая. И хотя болела она недолго, смерть ее нисколько не удивила жителей провинциального городка Маркет Бейсинг, где она жила с тех пор, как ей исполнилось шестнадцать. Оно и понятно: Эмили — последней из потомков Аранделлов — давно уже перевалило за семьдесят и многие годы она слыла особой, надежденной хрупким здоровьем, а полтора года назад едва не умерла от приступа болезни, которая потом ее и доконала.

Но если смерть мисс Аранделл мало кого удивила, то ее завещание взбудоражило поголовно всех, вызвав бесконечные толки и бурю самых разных чувств: недоумение, волнение, отчаяние, злобу. У каждого на сей счет имелось свое собственное суждение, начиная с бакалейщика мистера Джонса, утверждавшего, что «свой своему поневоле брат», и кончая мисс Лэмфри, служащей с почты, без конца восклицавшей: «Нет дыма без огня! Помяните мои слова!»

На самом деле — таково было единодушное мнение жителей городка — о том, что произошло в действительности, могла знать только мисс Вильгельмина Лоусон, компаньонка мисс Аранделл. Однако мисс Лоусон категорически отрицала свою осведомленность, заявляя, что знает ничуть не более остальных и не менее других была огоршена, когда вскрыли завещание.

Впрочем, мало кто верил ей. Но что бы там ни говорила мисс Лоусон, сущую правду знала лишь сама покойная. А уж она-то умела держать язык за зубами. Даже своему адвокату ни словом не обмолвилась о мотивах своего решения. Просто выразила его, и делу конец.

Скрытность вообще была свойственна Эмили Аранделл — типичной представительнице своей эпохи, с присущими этому поколению добродетелями и пороками. Несмотря на властный, иногда нетерпимый характер, она отличалась необыкновенной отзывчивостью. Сентиментальная по натуре, она по складу ума была очень рациональна. Никто

из компаньонов подолгу не задерживался у нее, поскольку она их нещадно третировала, хотя и щедро им платила. Кроме того, у нее было сильно развито чувство семейного долга.

В пятницу, накануне Пасхи, Эмили Аранделл, стоя в холле «Литлгрин Хауза», отдавала кое-какие распоряжения мисс Лоусон.

Мисс Аранделл, будучи некогда миловидной девицей, по сию пору сохранила красоту, прямую осанку и живые манеры. Слабая старческая желтизна кожи свидетельствовала о том, что ей противопоказана жирная пища.

— Как же вы намерены разместить их, Минни? — спросила старуха.

— Мне кажется... По-моему, так будет правильно... Доктора и миссис Таниос следует поместить в дубовой комнате, Терезу — в голубой, а мистера Чарльза — в бывшей детской...

— Нет, Терезу поместите в детской, а Чарльза — в голубой, — перебила ее мисс Аранделл.

— Как вам будет угодно... Прошу прощения... Просто я думала, что бывшая детская менее удобна...

— Терезу она вполне устроит.

Поколение мисс Аранделл чтит женщин гораздо меньше, чем мужчин. В ту пору мужчины главенствовали в обществе.

— Жаль, что не приедут малышки, — притворно проворковала мисс Лоусон.

Она обожала детей, но совершенно не умела с ними обращаться.

— Хватит с нас четверых гостей, — отрезала мисс Аранделл. — Тем более, что Белла слишком распустила детей. Очень уж они непослушны.

— Миссис Таниос — хорошая, заботливая мать, — пробормотала Минни Лоусон.

— Да, это верно. Белла чересчур добра, — согласилась мисс Аранделл.

— Ей, наверное, нелегко живется на чужбине, в таком захолустье, как Смирна, — вздохнула мисс Лоусон.

— Охота пуще неволи, — изрекла Эмили Аранделл. И, стремясь положить конец разговору, заключила: — Пройдусь по лавкам, следует заказать кое-что на уик-энд.

— О, мисс Аранделл, позвольте мне. То есть...

— Ерунда! Я предпочитаю пойти сама. С Роджерсом надо уметь разговаривать. А вы, Минни, не можете насто-

ть на своем. Боб' уда запропастилась эта собака?

По лестнице скатился жесткошерстный терьер. Он вьюном вертелся вокруг своей хозяйки, выражая восторг и неерпение коротким отрывистым лаем.

Хозяйка и собака вышли в сад и по дорожке направились к воротам.

Мисс Лоусон по-прежнему стояла в дверном проеме, слегка приоткрыв рот и глупо улыбаясь им вслед.

— Те две наволочки, что вы мне дали, мисс, не парные,— сказала за ее спиной горничная.

— Неужели? Как же это я опростоволосилась...

И мисс Лоусон вновь погрузилась в хозяйственные заботы.

Мисс Аранделл подобно королеве шествовала по главной улице Маркет Бейсинга в сопровождении Боба.

Это и впрямь походило на королевское шествие. В каждой лавке, куда бы она ни заходила, владелец устремлялся ей навстречу.

Мисс Аранделл из «Литлгрин Хауза». Одна из старейших покупательниц! Дама старой закваски! Их почти не осталось!

— Доброе утро, мисс. Что вам угодно? Мякоть недостаточно нежная? Вы заблуждаетесь, мисс. По-моему, довольно приличный кусок баранины. Ну разумеется, мисс Аранделл. Раз вы так считаете, значит, так оно и есть. Нет, нет, что вы, у меня и в мыслях не было посылать к вам Кэнтербери, мисс Аранделл, конечно, я сам займусь этим, мисс Аранделл.

Боб и Спот, собака мясника, оба взъерошенные, тихонько рыча, кружили друг за другом. Спот — толстая дворняга — хорошо знал, что ему категорически запрещено затевать драки с собаками клиентов, входивших в лавку хозяина, а потому позволял себе лишь легонько задира́ть их, как бы намекая, что при желании, не будь на то запрета, мог бы разделать их на котлеты.

Боб, тоже не робкого десятка, отвечал ему тем же.

Окликнув собаку, Эмили Аранделл двинулась дальше по улице.

В лавке зеленщика у нее произошла встреча с еще одной звездой первой величины. Дородная пожилая дама, обладавшая тем же королевским достоинством, что и мисс Аранделл, приветствовала ее:

— Доброе утро, Эмили!

— Доброе утро, Кэролайн!

— Ждешь на уик-энд кого-нибудь из родственников? — поинтересовалась Кэролайн Пибоди.

— Да, Терезу, Чарльза и Беллу.

— Значит, Белла здесь? С мужем?

— Да.

Всего одно слово, но в нем таился подтекст, понятный обеим дамам. Белла Биггс, племянница Эмили Аранделл, вышла замуж за грека, а в роду Эмили Аранделл, главы которого были, что называется, «людьми служивыми», выходить замуж за греков считалось неприличным.

Стараясь выдерживать дипломатический тон, ибо о подобных делах не принято говорить прямо, мисс Пибоди сказала:

— У Беллы неглупый муж. И с такими очаровательными манерами!

— Да, в обаянии ему не откажешь, — согласилась мисс Аранделл.

Когда вышли на улицу, мисс Пибоди спросила:

— Как обстоят дела с помолвкой Терезы и молодого Доналдсона?

— Молодежь в наши дни слишком непостоянна, — пожала плечами мисс Аранделл. — Боюсь, эта помолвка надолго затянется и еще неизвестно, чем кончится. У него ведь нет денег.

— Зато у Терезы есть собственные деньги, — возразила мисс Пибоди.

— Мужчина не должен рассчитывать на деньги своей жены, — поджала губы мисс Аранделл.

Мисс Пибоди расхохоталась.

— Теперь они не придают этому значения. Мы с тобой слишком старомодны, Эмили. Мне непонятно только, что девочка нашла в нем особенного! Слишком уж он педантичен.

— Он способный и подает большие надежды.

— Но это его пенсне, манера цедить слова! В наше время мы прозвали бы его ходячей тростью!

Наступило молчание. Мисс Пибоди вспоминала бравых молодцов с бакенбардами...

— Передай этому молокососу Чарльзу, чтобы зашел ко мне, если, конечно, у него появится охота, — вздохнула она.

— Обязательно передам.

Дамы расстались.

Их знакомство длилось уже полвека. Мисс Пибоди хорошо знала обо всех жизненных перипетиях генерала Аранделла, отца Эмили. Знала, как шокировала женитьба

Томаса Аранделла его сестер. И имела кое-какие подозрения насчет нынешнего потомства Аранделлов.

Но никогда ни единым словом или намеком не обмолвились дамы на сей счет. Ибо они свято чтит семейные традиции и устои, а потому были солидарны и весьма сдержанны, когда речь заходила о семейных неурядицах.

Мисс Аранделл направилась домой. Боб послушно побежал за ней. Эмили Аранделл никогда не призналась бы никому на свете, даже себе самой, в том, что недовольна нынешним поколением своей семьи. Взять, к примеру, Терезу. С тех пор, как та в двадцать один год получила возможность тратить собственные деньги, она сразу же вышла из-под контроля мисс Аранделл и обрела сомнительную славу. На фотографиях в лондонских газетах она часто появлялась в компании яркой, экстравагантной молодежи, которая устраивала шумные вечеринки, нередко завершавшиеся в полицейском участке. Такой славы Эмили Аранделл не желала для членов своей семьи. Откровенно говоря, ее никак не устраивал тот образ жизни, который вела Тереза. Помолвка же Терезы с доктором Доналдсоном вызвала в душе у тети полное смятение. С одной стороны, ей казалось, что этот выскочка совсем не подходящий муж для Терезы Аранделл, с другой — ее тревожило сознание того, что Тереза вряд ли может быть подходящей женой для тихого провинциального врача.

Вздыхнув, она задумалась о Белле. Тут, вроде бы, не придерешься. Белла была доброй женщиной, преданной женой и матерью, достойной всякого подражания, хотя на редкость скучной! Но и она не заслуживала полного одобрения мисс Аранделл, ибо вышла замуж за иностранца, мало того, за грека. Не лишенная предрассудков, мисс Аранделл считала, что грек ничуть не лучше аргентинца или турка. А то, что доктор Таниос отличался очаровательными манерами и был дока в своей профессии, еще больше раздражало старую даму и восстанавливало против него. Она не доверяла обаянию и лести. И эта ее неприязнь распространялась на обоих его детей. Они слишком походили на отца и начисто были лишены чего бы то ни было английского.

Наконец, Чарльз...

Да, Чарльз...

Факты — упрямая вещь. Очаровательный Чарльз не внушал ей доверия...

Эмили Аранделл снова вздохнула. Она вдруг почувствовала себя совсем старой, усталой, подавленной.

И подумала, что долго ей не протянуть.

Мысли мисс Аранделл обратились к завещанию, составленному ею несколько лет назад: небольшое вознаграждение она выделяла слугам, все же остальное поровну поделила между тремя своими родственниками.

Она считала, что поступила правильно и справедливо. Правда, у нее промелькнула мысль, что следовало бы защитить долю Беллы от посягательств ее супруга. Надо будет посоветоваться с мистером Первисом.

Мисс Аранделл свернула в ворота «Литлгрин Хауза».

Чарльз и Тереза Аранделл приехали на машине. Таниосы — поездом.

Первыми прибыли брат с сестрой. Чарльз — высокий, привлекательный молодой человек — поздоровался с едва уловимой иронией.

— Привет, тетя Эмили, как поживаете? Выглядите вы отлично! — и поцеловал ее.

Тереза прикоснулась своей свежей щечкой к увядшей щеке тети:

— Как дела, тетя Эмили?

Тетя подумала, что Тереза не слишком хорошо выглядит. Ее лицо под обильным слоем грима было усталым, вокруг глаз появились морщинки.

Чай был подан в столовой. Белла Таниос, у которой из-под модной шляпки, надетой набекрень, то и дело выбивалась прядь волос, усердно изучала свою кузину Терезу, горя страстным желанием усвоить и запомнить все детали ее туалета. Уделом бедной Беллы была тяга к модным красивым вещам при полном отсутствии всякого вкуса и стиля. Туалеты Терезы были дорогими и слегка экстравагантными, а фигура просто великолепной.

Приехав в Англию из Смирны, Белла принялась старательно копировать элегантные наряды Терезы, правда, по более сходным ценам.

Доктор Таниос, рослый, добродушный бородач, беседовал с мисс Аранделл. У него был приятный низкий голос, который завораживал собеседника помимо его воли. Он пленил даже мисс Аранделл.

Мисс Лоусон хлопотала за столом вовсю. Она то вскакивала, то садилась, то подавала тарелки. Чарльз, с его безупречными манерами, несколько раз поднимался, чтобы помочь ей, но она даже не поблагодарила его.

После чая, когда гости отправились на прогулку в сад, Чарльз прошептал сестре:

— По-моему, я не нравлюсь Лоусон. Странно, не правда ли?

— Очень странно, — ехидно заметила сестра. — Как видишь, нашелся человек, способный устоять перед твоими неотразимыми чарами.

— Слава богу, что это всего лишь Лоусон, — усмехнулся Чарльз.

Мисс Лоусон, прогуливаясь по саду с миссис Таниос, расспрашивала ее о детях. Вдруг невыразительное лицо Беллы озарилось внутренним светом. Она оживилась и вдохновенно заговорила:

— Еще когда мы плыли по морю, Мэри сказала одну очень странную вещь...

В лице мисс Лоусон она нашла самую участливую слушательницу.

Вскоре в саду появился серьезный светловолосый молодой человек в пенсне. Он выглядел несколько смущенным. Мисс Аранделл вежливо поздоровалась с ним.

— Привет, Рекс! — окликнула его Тереза и, взяв под руку, увела.

Чарльз поморщился и пошел перекинуться словечком-другим с садовником — непременно партнером в его детских играх.

Когда мисс Аранделл вернулась в дом, Чарльз играл с Бобом. Собака стояла на площадке лестницы с мячиком в зубах, слегка виляя хвостом.

— Ну, давай, старина!

Боб сел на задние лапы и не спеша принялся подталкивать носом мяч к краю площадки. Столкнув наконец мяч, он радостно вскочил, мяч медленно запрыгал по ступенькам. Чарльз поднял его и кинул собаке. Боб поймал мяч, и представление повторилось.

— Его любимая забава, — сказал Чарльз.

— Он может играть так часами, — улыбнулась Эмили Аранделл.

Она вошла в гостиную. Чарльз последовал за ней. Боб разочарованно залаял.

— Посмотрите на Терезу и ее кавалера, — сказал Чарльз, взглянув в окно. — До чего же странная пара!

— Ты думаешь, у Терезы это всерьез?

— О да, она без ума от него! — уверенно заявил Чарльз. — Станный вкус. Но ничего не поделаешь. Я думаю, это потому, что он обращается с ней, как с подопытным кроликом, а не как с женщиной. Для Терезы это в новинку. Жаль, что парень беден. Тереза дорого ему обойдется.

— Я убеждена, что Тереза сможет изменить свой образ

жизни, если захочет,— сухо отрезала мисс Аранделл.

— Да, конечно...— согласился Чарльз, бросив на нее виноватый взгляд.

Вечером, когда все собрались в гостиной в ожидании ужина, с лестницы вдруг донесся какой-то шум, а затем послышался взрыв проклятий. Появился Чарльз. Лицо его было багровым.

— Прошу прощения, тетя Эмили. Я не опоздал? Из-за вашего пса я чуть не свернул себе шею. Он оставил мячик на площадке лестницы.

— Ах ты, маленький разбойник! — воскликнула мисс Лоусон, наклоняясь к собаке.

Боб едва удосужил ее взглядом и отвернулся.

— Да, да, я знаю,— сказала мисс Аранделл.— Это очень опасно. Минни, уберите, пожалуйста, мяч.

Мисс Лоусон поспешно вышла.

За ужином доктор Таниос полностью завладел разговором. Он рассказывал увлекательные истории о своей жизни в Смирне.

Гости рано отправились спать. Мисс Лоусон, прихватив вязанье, очки, бархатную сумку для рукоделия и книгу, сопровождала свою хозяйку в спальню.

— Ах, что за душка этот доктор Таниос! — оживленно ворковала она.— Такой милый собеседник. Но подобная жизнь не для меня... Все время кипятить воду... Пить козье молоко... А оно такое противное...

— Не говорите глупости, Минни,— перебила ее мисс Аранделл.— Вы предупредили Элен, чтобы она разбудила меня в половине восьмого?

— О да, мисс Аранделл. Я велела ей не подавать чай, хотя, мне кажется, было бы лучше... Вы знаете, викарий из Саутбриджа, благочестивейший человек, сказал мне, что совсем необязательно поститься...

Мисс Аранделл снова оборвала ее:

— Я никогда не ела перед заутреней, и не собираюсь. А вы вольны поступать, как вашей душе угодно.

— Нет, нет, зачем же... Я не сомневаюсь...

Мисс Лоусон совсем растерялась.

— Снимите с Боба ошейник,— велела ей мисс Аранделл.

Мисс Лоусон поспешила выполнить приказание. Все еще пытаясь угодить хозяйке, она сказала:

— Какой чудесный вечер! И всем очень понравилось.

— Еще бы! Они ведь явились сюда не просто так, им что-то от меня нужно.

— Как можно, дорогая мисс Аранделл...

— Милая Минни, что бы там обо мне ни думали, но не такая уж я дура. Интересно, кто из них первым заведет об этом разговор?

Мисс Аранделл не пришлось долго ждать. Когда они с мисс Лоусон вернулись с заутрени в начале десятого, доктор и миссис Таниос завтракали в столовой. После завтрака все разошлись, а мисс Аранделл осталась, чтобы сделать кое-какие записи в маленькой книжке расходов.

Около десяти в комнате появился Чарльз.

— Прошу прощения, что я опоздал, тетя Эмили. Я ждал Терезу, но она еще и глаз не продрала.

— В половине одиннадцатого завтрак уберут, — предупредила мисс Аранделл. — Как видно, нынче не в моде считаться со слугами, но только не в моем доме.

— Замечательно. Непокосимый принцип с древних времен.

Чарльз положил себе на тарелку почек и уселся рядом с тетей.

Его улыбка была как всегда обворожительной. Эмили Аранделл поймала себя на том, что снисходительно улыбается ему в ответ. Ободренный ее благосклонностью, Чарльз решил:

— Тетя Эмили, мне очень жаль, что приходится к вам обращаться с просьбой, но мне чертовски нужны деньги. Не могли бы вы мне немного подкинуть? Сотни было бы вполне достаточно.

Лицо тети сразу стало суровым и непреклонным. Эмили Аранделл привыкла говорить то, что думает, и не боялась высказать своего мнения. На этот раз оно было не в пользу племянника.

Глава II

РОДСТВЕННИКИ

Чарльз легко взбежал по лестнице и постучал в дверь к сестре.

— Войдите! — тотчас отозвалась она.

Тереза зевала, лежа в постели.

Чарльз присел рядом.

— До чего же ты красива, Тереза! — восхищенно произнес он.

— Как дела? — резко оборвала его она.

— Сразу догадалась? — хмыкнул Чарльз. — Да, я опередил тебя, моя девочка! Решил попытать счастья прежде, чем это сделаешь ты.

— Ну и как?

Чарльз беспомощно опустил руки.

— Ничего не вышло! Тетя Эмили дала мне от ворот поворот. Намекнула, что не питает никаких иллюзий на наш счет и понимает, почему любящие родственники слетелись к ней! Добавив при этом, что их ждет разочарование.

— Не надо было торопиться, — сухо заметила Тереза.

— Я не хотел, чтобы ты или Таниосы меня обскакали, — хмыкнул Чарльз. — Очень сожалею, дорогая моя Тереза, но на сей раз, боюсь, у нас ничего не выйдет. Старушку не проведешь, не так она глупа.

— Я никогда и не считала ее глупой.

— Я даже попробовал припугнуть ее.

— Что ты имеешь в виду? — резко спросила его сестра.

— Сказал, что в любой день с ней может что-нибудь стрястись. Не забирать же ей все с собой на небо. Лучше уж сейчас немного раскошелиться.

— Чарльз, ты кретин!

— Отнюдь. Я кое-что смыслю в человеческой психологии. Наша старушка терпеть не может, когда к ней подлизываются. С ней надо говорить напрямик. К тому же я рассуждал вполне логично. Ведь после ее смерти деньги получим мы, так почему же ей при жизни не дать нам немного? Иначе в нас будет расти искушение желать ей как можно скорее отправиться на тот свет.

— Она тебя поняла? — спросила Тереза, презрительно скривив свой прелестный ротик.

— Сомневаюсь. Во всяком случае, она никак не отреагировала на мои слова. Только сухо поблагодарила меня за совет и добавила, что в состоянии позаботиться о себе сама. «Ну что ж, — сказал я, — мое дело вас предупредить». «Постараюсь запомнить», — ответила она.

— Ей-богу, Чарльз, ты жуткий кретин! — обозлилась Тереза.

— Черт подери, Тереза! Она меня довела! Старушка ведь купается в деньгах. Держу пари, что она не истратила и десятой доли того, что ей досталось. Да и на что, собственно, ей было тратить? А мы молоды, хотим наслаждаться жизнью. Так нет, она назло нам проживет до ста лет. Мне хочется радоваться жизни сейчас... Да и тебе тоже...

Тереза кивнула.

— Старики нас не понимают...— почти шепотом произнесла она.— Не хотят понять... Они не знают, что такое жить по-настоящему!

Брат с сестрой несколько минут молчали.

— Ладно, дорогая,— Чарльз встал,— может, тебе повезет больше. Хотя верится в это с трудом.

— По правде говоря, я делаю ставку на Рекса,— призналась Тереза.— Если мне удастся убедить тетюшку Эмили в том, что он талантлив и ему очень важно именно сейчас выбиться в люди и не погрязнуть в трясине захолустья, где его удел быть простым врачом... Знаешь, Чарльз, несколько тысяч могли бы коренным образом изменить всю нашу жизнь!

— Может, ты их получишь, но верится с трудом. Ты и так уже промотала солидную сумму, пока вела разгульный образ жизни. А тебе не кажется, Тереза, что эта зануда Белла и ее подозрительный Таниос быстрее нас выпросят у старухи денег?

— Какой прок Белле от денег? Безвкусная провинциалка, у нее вид старьевщицы.

— Кто знает? — усомнился Чарльз.— Деньги нужны ей на этих противных детей, чтобы выровнять им передние зубы, на их учебу, на уроки музыки. К тому же дело вовсе не в Белле, а в Таниосе. Держу пари, он давно пронюхал о тетюшкиных деньгах. На то он и грек! Все, что было у Беллы, он истратил. Занялся коммерцией и все спустил.

— Думаешь, он сумеет выудить что-нибудь у старушки Эмили?

— Во всяком случае, я сделаю все, чтобы этого не случилось,— мрачно ответил Чарльз.

Сказав так, он вышел из комнаты и спустился вниз. В холле крутился Боб. Он радостно бросился к Чарльзу.

— Чего тебе? — спросил Чарльз.

Боб метнулся в гостиную и выжидающе уселся у небольшого бюро. Чарльз подошел к нему.

— Ну, что?

Боб завилал хвостом, уставившись на ящички бюро и просительно повизгивая.

— Там что-то спрятано?

Чарльз открыл один из верхних ящичков. Брови его поползли вверх от изумления.

— Господи! — пробормотал он.

В углу ящичка лежала стопка казначейских билетов.

Чарльз взял банкноты и пересчитал их. Усмехнувшись, отделил от них три купюры по одному фунту и две десяти-

шиллингвые и сунул себе в карман. Остальные деньги он аккуратно положил на место.

— Отличную мысль ты мне подал, дружище, — сказал он. — Твой дядюшка Чарльз теперь, по крайней мере, может расплатиться с долгами. Всегда полезно иметь при себе немного наличных денег.

Когда Чарльз закрыл ящик, Боб укоризненно гавкнул.

— Прости, старина, — извинился Чарльз и открыл соседний ящичек. В углу лежал мячик Боба. Чарльз достал его. — На, возьми, играй, сколько душе угодно.

Боб, поймав мячик, выбежал из комнаты, и сразу же раздался стук прыгающего по ступенькам мяча.

Чарльз спустился в сад. Стояло чудесное солнечное утро, пахло сиренью.

Мисс Аранделл находилась в обществе доктора Таниоса. Он вел разговор о преимуществе английского образования для детей — самого лучшего в мире — и глубоко сожалел о том, что не в состоянии позволить подобной роскоши своим детям.

Чарльз злобно и вместе с тем довольно усмехнулся. Он непринужденно присоединился к беседе, умело переводя разговор на другую тему.

Эмили Аранделл приветливо улыбалась ему. Чарльз даже подумал, что она благодарна ему за это и таким образом его поощряет.

Он воспрянул духом. Кто знает, может, перед отъездом...

Чарльз был неисправимым оптимистом.

Во второй половине дня за Терезой заехал на своей машине доктор Доналдсон и повез ее в Уортемское аббатство — одну из местных достопримечательностей. Выйдя из аббатства, они решили пройти пешком вдоль реки.

Во время прогулки Рекс Доналдсон рассказывал Терезе о своих теоретических изысканиях, о недавно проведенных опытах. Она мало что понимала, однако слушала, словно зачарованная, думая про себя: «Какой умница мой Рекс, и до чего же он хорош!»

Неожиданно Рекс прервал себя на полуслове и с явным сомнением в голосе спросил:

— Тебе, наверное, скучно, Тереза?

— Ничуть, дорогой, все, что ты говоришь, — потрясающе. Продолжай. Ты взял немного крови у инфицированного кролика...

Доктор Доналдсон продолжал свой рассказ.

— В этой работе заключена вся твоя жизнь, любимый, — похвалила доктора Тереза.

- Естественно, согласился тот.

Но для Терезы в этом не было ничего естественного. Мало кто из ее друзей работал, а если и работал, то без особого желания.

Она подумала, как уже думала не раз, что ей не стоило влюбляться в Рекса Доналдсона. А впрочем, чему быть — того не миновать. К тому же Рекс не хуже ее знакомых, беззаботных весельчаков и циников. Разумеется, у любого может быть с кем-то роман, не надо только увлекаться всерьез. Покрутить немного — и все. Правда, к Рексу Тереза относилась иначе, чем к другим своим поклонникам. Ее чувство было каким-то более глубоким. Все в нем казалось ей привлекательным: его спокойствие и отрешенность, столь чуждые ее собственной безалаберной, легкомысленной жизни, его хладнокровная логика, целеустремленность и еще какая-то не совсем осознанная, неведомая, тайная сила, которую она улавливала за его внешней непритязательностью и педантичностью.

Рекс Доналдсон был гением, и то, что его профессия занимала главное место в его жизни, а она — лишь второстепенное, хотя и существенное, делало его еще более притягательным. Впервые эта эгоистка, привыкшая к одним только удовольствиям, готова была отойти на второй план. Ради Рекса она была готова на все!

— Проклятые деньги! — капризно произнесла она. — Вот умерла бы тетушка Эмили, мы бы с тобой сразу поженились, ты мог бы переехать в Лондон, иметь там свою лабораторию и не думать больше о детях, болеющих свинкой, о престарелых дамах, страдающих несварением желудка.

— Твоя тетушка, если будет хорошо следить за собой, — сказал Доналдсон, — может прожить еще долго-долго.

— Да, это верно, — уныло согласилась Тереза.

Тем временем в большой спальне с дубовым гарнитуром доктор Таниос говорил жене:

— По-моему, я достаточно подготовил почву. Теперь твоя очередь, милая.

Он наливал воду из старомодного медного бачка в фарфоровую раковину, расписанную розами.

Белла Таниос, сидя перед туалетным столиком, удивлялась, глядя на себя в зеркало, тому, что волосы ее, несмотря на такую же прическу, как у Терезы, выглядят совсем иначе.

— Мне до смерти не хочется просить деньги у тетушки Эмили, — не сразу ответила она.

— Ты же просишь не для себя, Белла, а для детей. Что поделаешь, если наши торговые операции оказались неудачными.

Стоя к ней спиной, он не мог видеть, как жена украдкой, прищурив глаза, косо взглянула на него.

— Нет, нет, я не смогу... — мягко настаивала она. — С тетей Эмили не так-то просто договориться. Она умеет быть щедрой, но не любит, когда у нее кланчат деньги.

Таниос подошел к ней, вытирая на ходу руки.

— С чего это вдруг ты заупрямилась, Белла? В конце концов, зачем мы приехали сюда?

— Я не думала... что мы едем просить деньги... — проворчала она.

— Но ведь ты согласна, что если мы хотим дать детям хорошее образование, то у нас нет другого выхода, кроме как обратиться за помощью к твоей тетушке.

Белла беспокойно заерзала на своем пуфе. На ее лице появилось мягкое упрямое выражение, хорошо знакомое по собственному горькому опыту многим умным мужьям глупых жен.

— Возможно, тетя Эмили сама предложит... — начала она.

— Вполне вероятно, но пока она не проявила ни малейшего желания это сделать.

— Если бы мы смогли привезти с собой детей, — продолжала Белла, — тетя Эмили непременно полюбила бы Мэри. Не говоря уж об Эдварде. Он такой умница!

— Твоя тетя не кажется мне большой любительницей детей, — сухо заметил Таниос. — Может, даже лучше, что их здесь нет.

— Ну что ты, Якоб...

— Да, да, моя дорогая. Я понимаю твои чувства. Но эти сухие, как воблы, старые девы мыслят совсем иначе. Неужели ради Мэри и Эдварда мы не сделаем все, что в наших силах? Тем более, что мисс Аранделл совсем не трудно нам чуть-чуть помочь.

Миссис Таниос обернулась. Щеки у нее горели.

— О, Якоб, пожалуйста, давай отложим до следующего раза. Я уверена, что сейчас было бы неразумно обращаться к ней с просьбой. Во всяком случае, мне не хотелось бы этого делать.

Таниос прильнул к ней, обняв за плечи. По телу ее пробежала дрожь, и она замерла, словно окаменев.

— И все же, Белла,— мягко уговаривал он,— ты обязана выполнить мою просьбу... В конечном счете ты всегда поступаешь так, как я прошу. Я уверен, что ты исполнишь мою просьбу...

Глава III

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Вторник уже клонился к закату. Боковая дверь в сад была открыта. Мисс Аранделл, стоя на пороге, бросила мячик Боба на дорожку. Терьер помчался вслед за ним.

— Последний раз, Боб,— сказала мисс Аранделл.— Постараюсь бросить подальше.

Мячик снова покатился по дорожке, Боб ринулся за ним, подобрал, принес и положил у ног мисс Аранделл.

Мисс Аранделл нагнулась, подняла мячик и вошла в дом в сопровождении Боба. Затем она направилась в гостиную, неотступно преследуемая Бобом, и положила мячик в ящик бюро. Взгляд задержался на часах, стоявших на камине. Они показывали половину седьмого.

— Немного отдохнем перед ужином, Боб.

Мисс Аранделл поднялась по лестнице к себе в спальню. Боб по-прежнему следовал за ней. Устроившись поудобнее на обтянутой ситцем кушетке, мисс Аранделл с радостью подумала о том, что завтра гости наконец-то разедутся.

Полчаса она пролежала, закрыв глаза, пока пожилая горничная Элен не принесла ей горячей воды. Поблагодарив ее, хозяйка стала одеваться к ужину.

В тот вечер к ужину был приглашен доктор Доналдсон. Эмили Аранделл получила хорошую возможность изучить его поближе. Ей все еще не верилось, что столь экзотичная особа, как Тереза, решила выйти замуж за этого чопорного, педантичного молодого человека. В то же время казалось невероятным, что этот молодой человек решил жениться на Терезе.

Вечер уже истекал, а мисс Аранделл чувствовала, что знает о докторе Доналдсоне ничуть не больше прежнего. Он был крайне учтив, обходителен и в то же время безмерно скучен. В душе она полностью разделяла мнение мисс Пибоди. Ей вспомнились молодые люди с бакенбардами...

Доктор Доналдсон долго не рассаживался. В десять часов он уже поднялся из-за стола. После его отъезда

Эмили Аранделл объявила, что отправляется спать. Она поднялась наверх, вскоре за ней последовали и ее молодые родственники. В этот вечер все они выглядели какими-то жалкими, притихшими. Мисс Лоусон задержалась внизу, чтобы выпустить Боба на вечернюю прогулку, загасить огонь в камине, закрыть дверь на задвижку. Только после этого она появилась в спальне своей хозяйки.

— Наконец со всем управилась,— сказала она, кладя на стол нитки, рабочий мешочек и книгу, взятую из библиотеки.— Из тех, что вы указали в своем списке, на полках ничего не оказалось. Но библиотекарша уверила меня, что эта придется вам по душе.

— На редкость глупая девица,— отозвалась Эмили Аранделл.— Я еще не встречала человека, который так плохо разбирался бы в книгах.

— О боже, извините. Возможно, мне следовало...

— Ерунда! Вы ни в чем не повинны,— успокоила ее Эмили Аранделл и ласково добавила: — Надеюсь, вы хорошо провели сегодняшний вечер?

Лицо мисс Лоусон просияло. Она выглядела почти молодой и более энергичной.

— О да, большое спасибо. Я вам очень признательна за то, что вы меня отпустили. Я так интересно провела время. Мы работали с планшеткой, благодаря которой удалось узнать множество интересных вещей. Среди них оказалось несколько посланий от тех, кого уже нет с нами. Я так рада... что подобные вещи не запрещаются...

— Только не говорите об этом викарию,— с улыбкой заметила мисс Аранделл.

— Я уверена, дорогая мисс Аранделл, абсолютно уверена, что в этом нет ничего плохого. Хорошо, если бы наш милый мистер Лонсдейл изучил этот предмет. Мне кажется, только ограниченные люди способны осуждать то, о чем не имеют ни малейшего понятия. Джулия и Изабел Трипп воистину наделены спиритическими способностями.

— Настолько, что непонятно, как они еще продолжают оставаться в живых,— пошутила мисс Аранделл.

Ей не очень нравились Джулия и Изабел Трипп. Их туалеты казались ей нелепыми, привычка есть только вегетарианскую пищу и сырые овощи и фрукты — абсурдной, а их манеры — вычурными. Эти женщины не знали своей родословной, не получили хорошего воспитания. В то же время ей импонировала серьезность этих девушек, и, будучи в глубине души доброй женщиной, она никогда не стала бы возражать против их дружбы с бедняжкой Минни.

Бедняжка Минни! Эмили Аранделл относилась к своей компаньонке одновременно с симпатией и с презрением. Очень много сменилось у нее этих глуповатых немолодых женщин, которые ее обслуживали, и все они были одинаково суетливы, подобострастны и почти всегда лишены здравого смысла.

Бедняжка Минни была явно взбудоражена в этот вечер. Глаза ее блестели. Она не находила себе места от переполнявших ее чувств.

— Как жаль, что вас не было с нами... — тараторила Минни. — Тогда бы вы сами во всем убедились и поверили в наши спиритические сеансы. Сегодня, например, пришло послание для Э. А. Инициалы были видны совершенно отчетливо. Послание было от мужчины, который скончался много лет назад, видного военного деятеля. Изабел видела его как наяву. Возможно, это был сам генерал Аранделл. Чудесное послание, полное любви, утешения и веры в то, что терпением можно все одолеть.

— Эти сантименты совсем не свойственны папе, — отозвалась мисс Аранделл.

— Да, но не забудьте, что души наших близких очень меняются там, где царят любовь и взаимопонимание. А потом на планшетке появилось слово «ключ». По-моему, это ключ от комода.

— Ключ от комода? — заинтересовалась Эмили Аранделл.

— По-моему, да. Наверное, в нем лежат какие-то важные документы или что-то в этом роде. Уже был один совершенно достоверный случай, когда в послании конкретно указывалась какая-то мебель, в которой действительно обнаружили завещание.

— У нас в комоде нет никакого завещания, — сказала мисс Аранделл и резко добавила: — Идите спать, Минни. Вы устали. Да и я тоже. Как-нибудь вечером мы пригласим к себе сестер Трипп.

— О, это было бы замечательно! Спокойной ночи, дорогая. Разумеется, вы устали! Здесь столько народу! Нужно сказать Элен, чтобы она завтра как следует проветрила гостиную и вытряхнула занавески. Эти сигареты оставляют такой запах! Должна заметить, что вы зря разрешаете им курить в гостиной.

— Приходится отступать перед современностью, — сказала Эмили Аранделл. — Спокойной ночи, Минни.

Когда мисс Лоусон ушла, Эмили подумала о том, что эти спиритические сеансы действительно произвели на

Минни очень сильное впечатление. Она была явно потрясена.

«А вот насчет комода и впрямь странно», — подумала Эмили Аранделл, ложась в постель. Она вспомнила сцену, разыгравшуюся давным-давно. После смерти отца нашли ключ. И когда открыли комод, оттуда посыпалась груда пустых бутылок из-под виски. Это был один из тех маленьких секретов, которые, разумеется, держались втайне от Минни и уж тем более от Изабел и Джулии Трипп, поэтому поневоле задумаешься, нет ли и в самом деле чего-то необычного в спиритических сеансах...

Ей не спалось в большой кровати под пологом на четырех столбиках. Последнее время она почему-то вообще с трудом засыпала. Но решительно отвергала рекомендации доктора Грейнджера пользоваться снотворным. Это лекарство, по ее мнению, предназначалось для людей, слабых духом, тех, кто не в силах был перенести боль нарывающего пальца или нытье зуба, либо вытерпеть скуку бессонной ночи.

Порой Эмили вставала и бесшумно обходила дом, трогала какую-нибудь безделушку, переставляла вазу с цветами, а иногда садилась писать письмо. В такие ночные часы ей казалось, будто рядом с ней находятся ее сестры — Арабелла, Матильда и Агнес, брат Томас, славный малый, каким он был, пока та женщина не окружила его! И даже генерал Джон Лейвертон Аранделл — домашний тиран с очаровательными манерами, который кричал на своих дочерей и грубо с ними обращался, но которым, тем не менее, они гордились, поскольку он участвовал в подавлении мятежа в Индии и посетил многие другие страны. Ну что тут поделаешь, если иногда он был «не совсем в себе», как выражались его дочери?

Мысли женщины снова вернулись к жениху племянницы, и она подумала: «Наверное, никогда не пьет. Тоже мне мужчина: весь вечер за ужином пил ячменный отвар! А я открыла сохранившийся еще от папы портвейн».

Чарльз отдал портвейну должное. О, если бы Чарльзу можно было доверять. Если бы только не знать, что с ним...

Она позабыла, о чем думала... И стала перебирать события всего уик-энда... Вместо успокоения от присутствия рядом многочисленных родственников сердце почему-то сжималось от дурных предчувствий...

Мисс Аранделл попыталась отогнать беспокойные мысли. Но тщетно. Она приподнялась на локте и при свете ночника, который всегда горел на ночном столике, посмотрела

рела на часы. Стрелки показывали час ночи. Время позднее, а сон не шел. Она встала, надела домашние туфли и теплый халат и решила спуститься вниз проверить книги расходов, чтобы наутро расплатиться по всем задолженностям.

Оказавшись на площадке, мисс Аранделл протянула руку, чтобы взяться за перила, но вдруг споткнулась, и кубарем покатилась вниз по лестнице.

Шум ее падения, крик, вырвавшийся из груди, нарушили сонную тишину. Дом проснулся. Захлопали двери, зажглись огни.

Из своей комнаты, выходявшей на площадку, выбежала мисс Лоусон и стала быстро спускаться вниз. Зевая, появился Чарльз в роскошном ярком халате. За ним — Тереза, закутанная в темный шелк. И Белла в светло-синем кимоно, с гребенками в волосах.

Не в состоянии что-либо понять, почти потеряв сознание, Эмили Аранделл лежала на полу. Плечо и лодыжка ныли, все тело сводило судорогой от боли. Она увидела собравшихся вокруг нее людей: глупышка Минни почему-то плакала и махала руками. Тереза смотрела на нее испуганно. Белла застыла в ожидании, приоткрыв рот. Откуда-то издали — так ей показалось — донесся голос Чарльза.

— Это мячик проклятого пса! Должно быть, он оставил его на площадке, а она поскользнулась. Видите? Вот он!

Потом Эмили почувствовала, что инициативу в свои руки взял доктор. Отстранив других, он опустился около нее на колени и со знанием дела начал ощупывать тело.

Ей сразу стало легче. Теперь все будет в порядке.

Доктор Таниос говорил уверенно и ободряюще.

— Ничего, все обойдется. Переломов нет... Просто она очень испугалась, ударилась и находится в шоке. Хорошо еще, что так отделалась. Могло быть гораздо хуже.

Затем он легко поднял ее на руки и отнес на постель в спальню. Там, минуту подержав ее за запястье, посчитал пульс, кивнул и послал Минни, которая все еще плакала, принести немного коньяку и согреть воду для грелки.

Совсем беспомощная, потрясенная, истерзанная болью, мисс Аранделл в ту минуту испытывала огромную благодарность Якобу Таниосу за то чувство облегчения, которое он принес ей. Он, как и положено врачу, вселял в нее уверенность и бодрость.

И все же какое-то смутное беспокойство не покидало ее, но она не могла собраться с мыслями и понять, что же

именно ее тревожит. Ладно, об этом она подумает потом. Сейчас она выпьет то, что ей прописал доктор, и уснет.

Но чего-то или кого-то ей не хватало.

О нет, она не будет думать... У нее болит плечо. Она выпила то, что ей дали.

А затем услышала, как доктор Таниос очень приятным, уверенным голосом сказал:

— Теперь все будет в полном порядке.

Она закрыла глаза.

Проснувшись мисс Аранделл от хорошо знакомых звуков — тихого, приглушенного лая. И через минуту окончательно пришла в себя.

Боб, непослушный Боб! Он лаял за парадной дверью как-то особенно виновато, будто хотел сказать: «Всю ночь прогулял, и теперь мне очень стыдно».

Мисс Аранделл прислушалась. Да, все правильно. Она услышала, как Минни пошла вниз по лестнице, чтобы выпустить его, как скрипнула парадная дверь, услышала тихое бормотание Минни, тщетно пытавшейся устыдить собаку: «Ах ты, шалун, наш маленький Боб...» Услышала, как открылась дверь в моечную. Постель Боба находилась под столом, где мыли посуду.

И Эмили ясно осознала, чего именно ей не хватало в ту минуту, когда она упала. Где был Боб? Весь этот шум — ее падение, крики сбежавшихся со всех сторон людей — и... отсутствие Боба, который обычно подавал громкий голос из буфетной.

Так вот что подсознательно тревожило ее. Теперь это вполне объяснимо. Боб, когда его выпустили вчера вечером погулять, решил доставить себе удовольствие и не вернулся домой. Время от времени добродетель, которой он был наделен, подвергалась искушению, хотя потом он чувствовал себя виноватым и старался замолить свои грехи.

Значит, все в порядке. Но так ли это? Нет, что-то еще мучило ее, не давая покоя. Что-то, связанное с ее падением.

Ах да, кажется, Чарльз сказал, что она поскользнулась на мячике Боба, который тот оставил на площадке лестницы... Чарльз действительно держал его в руке.

У Эмили Аранделл болела голова. Дергало плечо. Ломило все тело. Но, несмотря на физические страдания, мысль ее работала четко. Сознание прояснилось. Память была отличной.

Она вспомнила все события, начиная с шести часов вечера... Повторила каждый свой шаг, вплоть до той минуты, когда, очутившись на площадке лестницы, хотела спуститься по ступенькам.

И вдруг задрожала от ужаса...

Нет, не может быть! Она, наверное, ошибается... Мало ли что приходит в голову человеку после того, как произошел несчастный случай. Она попыталась представить у себя под ногой скользкий мячик Боба... И не смогла. Вместо этого...

Но ее здравый, проницательный викторианский разум не мог в это поверить. Хотя викторианцы отнюдь не были наивными оптимистами. Они умели с достаточной легкостью поверить и в худшее. Эмили Аранделл поверила в худшее.

Глава IV

МИСС АРАНДЕЛЛ ПИШЕТ ПИСЬМО

Родственники уехали в среду, как и собирались. Один за другим они предлагали остаться. И каждый из них получал твердый отказ. Мисс Аранделл говорила, что хочет побыть одна. В течение двух дней после их отъезда Эмили Аранделл находилась в какой-то прострации. Порой она даже не слышала, о чем говорит ей Минни Лоусон.

— Это она после шока, бедняжка, — говорила мисс Лоусон.

И сокрушенно добавляла, испытывая удовлетворение от несчастья, которое хоть как-то скрашивало скучное существование:

— Боюсь, она никогда уже не оправится от него.

Доктор Грейнджер, напротив, был совершенно другого мнения. Он уверял мисс Аранделл, что к концу недели она сможет спуститься вниз, что, к великому счастью, она не сломала ни единой косточки, что она как пациент не представляет никакого интереса для преуспевающего врача и что, будь все пациенты такими, ему пришлось бы немедленно отказаться от своей практики и заняться чем-нибудь другим.

А Эмили Аранделл отвечала доктору в том же духе — они были давними друзьями. Он грубо с ней разговаривал, она откровенно им пренебрегала, но они всегда получали удовольствие от общения друг с другом.

После того как доктор, громко топая, ушел, престарелая дама долго лежала хмурая, рассеянно реагируя на болтовню Минни Лоусон. А затем вдруг, словно очнувшись, на-

бросилась на нее. Причиной гнева хозяйки, видимо, послужили слова мисс Лоусон, обращенные к Бобу.

— Бедный наш маленький Боб! — ворковала та, склонившись над собакой, которая лежала на коврике возле кровати хозяйки. — И не жалко тебе твоей бедной мамочки, ты причинил ей столько бед?

— Не будьте идиоткой, Минни! — оборвала служанку мисс Аранделл. — Где ваше хваленое чувство справедливости? Разве вам не известно, что у нас в Англии любой считается невиновным до тех пор, пока не доказана его вина?

— Но ведь известно...

— Ничего нам не известно. И перестаньте суетиться, Минни. Разве вы не знаете, как нужно вести себя у постели больного? Уходите отсюда и пришлите ко мне Элен.

Мисс Лоусон покорно выскользнула за дверь.

Эмили Аранделл посмотрела ей вслед и почувствовала легкое раскаяние. Минни, конечно, действует на нервы, но старается изо всех сил. Мисс Аранделл нахмурилась. Ей было жаль себя до слез. Она относилась к числу тех энергичных, волевых людей, которые не могли бездействовать в любой более-менее ясной ситуации. Но сейчас она не могла решиться, не знала, как ей поступить. На какие-то минуты она теряла уверенность в себе, не доверяла собственной памяти. А посоветоваться было совершенно не с кем.

Полчаса спустя мисс Лоусон, балансируя на цыпочках по скрипящим половицам, вошла в комнату с чашкой мясного бульона в руках и замерла в нерешительности при виде своей хозяйки, которая лежала с закрытыми глазами. И вдруг Эмили Аранделл так резко и решительно произнесла два слова, что мисс Лоусон едва не уронила чашку.

— Мэри Фокс.

— Кокс, дорогая? — переспросила мисс Лоусон. — Вы хотите, чтобы я подбросила угля в топку?

— Вы что, оглохли, Минни? При чем тут уголь? Я сказала: «Мэри Фокс». Я встретила ее в Челтенэме в прошлом году. Она была сестрой одного из каноников кафедрального собора в Экзетере. Дайте мне эту чашку. Не то вы превратите ее в блюдо. И перестаньте ходить здесь на цыпочках. Вы даже не представляете, как это раздражает. А теперь спуститесь вниз и принесите мне лондонский телефонный справочник.

— Может, просто найти вам нужный номер, дорогая? Или адрес?

— Если бы я хотела, чтобы вы это сделали, я бы так и сказала. Делайте то, что я вам велю. Принесите справочник и письменные принадлежности.

Мисс Лоусон поспешила выполнить приказание.

Когда она выходила из комнаты, сделав все, что от нее требовалось, Эмили Аранделл неожиданно произнесла:

— Вы славно преданное существо, Минни. Не обращайтесь внимания на мои капризы.

Мисс Лоусон вышла из комнаты порозовевшая и окрыленная.

Сидя в постели, мисс Аранделл написала письмо. Она писала его не торопясь, часто задумываясь и подбирая нужные слова. Наконец, облегченно вздохнув, поставила свою подпись и вложила листки в конверт. На конверте аккуратно вывела имя и фамилию адресата. Затем взяла еще один листок бумаги. Но на сей раз сначала составила черновик, а затем, перечитав его, внесла кое-какие изменения и поправки и переписала начисто. Внимательно перечитав все написанное и удовлетворившись его содержанием, она вложила листок в конверт, адресовав Уильяму Первису, эсквайру, в адвокатскую контору «Первис, Первис, Чарльзуорт и Первис» в Харчестере. После этого взяла первый конверт, адресованный мсье Эркюлю Пуаро, и, открыв телефонный справочник, отыскала нужный адрес и переписала его на конверт.

В дверь постучали.

Мисс Аранделл быстро сунула конверт под подушку. Ей вовсе не хотелось пробуждать любопытство у Минни, которая и так совала свой нос, куда не следовало.

— Войдите,— сказала она и со вздохом облегчения откинулась на подушки. Ею были предприняты необходимые шаги, чтобы не оказаться в данной ситуации безоружной.

Глава V

ЭРКЮЛЬ ПУАРО ПОЛУЧАЕТ ПИСЬМО

События, о которых я только что рассказал, разумеется, стали известны мне гораздо позже, после подробного опроса членов семьи. Надеюсь, я изложил все достаточно верно. Мы с Пуаро оказались вовлеченными в дело благодаря письму, полученному от мисс Аранделл.

Я отлично помню тот день. Стояло жаркое, душное утро

уходящего июньского месяца. Пуаро совершал торжественную церемонию вскрытия утренней корреспонденции. Он брал в руки письмо, внимательно его разглядывал, аккуратно разрезал конверт специальным ножичком, прочитывал письмо и клал его в одну из четырех стопок возле чашки с шоколадом, ибо имел отвратительную привычку пить шоколад на завтрак. Все это он проделывал автоматически, словно хорошо отлаженная машина.

Я сидел у окна и смотрел на проезжавшие мимо машины. После недавнего возвращения из Аргентины бурлящий Лондон будоражил меня. Обернувшись к Пуаро, я сказал:

— Ваш скромный Ватсон осмеливается сделать некое умозаключение.

— С удовольствием выслушаю вас, мой друг.

Приняв соответствующую позу, я важно констатировал:

— Нынче утром среди полученных писем одно вас особенно заинтересовало.

— Вы настоящий Шерлок Холмс! Совершенно верно!

— Видите, ваши методы пошли мне на пользу, Пуаро, — засмеялся я — Раз вы прочитали письмо дважды, значит, оно привлекло ваше внимание.

— Судите сами, Гастингс.

Заинтригованный, я взял письмо и тут же скорчил кислую гримасу. Оно было написано старческими, едва различимыми каракулями и к тому же на двух листках испещрено многочисленными поправками.

— Мне следует прочитать это, Пуаро? — жалобно спросил я.

— Не обязательно. А впрочем, как хотите.

— Может, вы перескажете его содержание?

— Мне хотелось бы знать ваше мнение. Но, если у вас нет желания, оставьте его.

— Нет, нет, я хочу знать, в чем дело.

— Вряд ли вы что-нибудь поймете, — сухо заметил мой друг. — В письме толком ни о чем не говорится.

Сочтя его высказывание за некоторое преувеличение, я без особой охоты принялся читать письмо.

«Месье Эркюлю Пуаро.

Уважаемый месье Пуаро!

После долгих сомнений и колебаний я пишу (последнее слово зачеркнуто), решила написать вам в надежде, что вы сумеете помочь мне в деле сугубо личного характера. (Слова «сугубо личного» были подчеркнуты три раза.) Должна признаться, я о вас уже слышала от некоей мисс Фокс из Экзетера, и хотя сама она не была знакома с вами,

но сказала, что сестра ее шурина, имя которой, к сожалению, не помню, говорила о вас, как об исключительно отзывчивом и разумном человеке («отзывчивом и разумном» подчеркнуто один раз). Разумеется, я не стала пытаться, какого рода («рода» подчеркнуто) расследование вы проводили для нее, но со слов мисс Фокс поняла, что речь идет о деле весьма щепетильном и доверительном». (Последние четыре слова подчеркнуты жирной линией.)

Я прервал на какое-то время чтение — разбирать едва видимые каракули оказалось нелегкой задачей — и снова спросил:

— Пуаро, вы полагаете, стоит продолжать? Она что-нибудь пишет по существу дела?

— Наберитесь терпения, мой друг, и дочитайте до конца.

— Легко сказать — набраться терпения... Здесь такие каракули, будто паук забрался в чернильницу, а потом прогулялся по листкам бумаги. У сестры моей бабушки Мэри, помнится, был такой же неразборчивый почерк, — проворчал я и снова погрузился в чтение.

«Мне думается, вы смогли бы помочь мне разобраться в той сложной дилемме, которая встала передо мной. Дело очень деликатное, как вы, наверное, уже догадались, и требует крайне осторожного подхода, поскольку я все еще искренне надеюсь и молю бога («молю» подчеркнуто дважды), что подозрения мои не оправдаются. Человеку порой свойственно придавать слишком большое значение фактам, имеющим вполне естественное объяснение».

— Здесь не потерян листок? — спросил я, несколько озадаченный.

— Нет, нет, — усмехнулся Пуаро.

— Ничего не понимаю, какая-то бессмыслица. Что она имеет в виду?

— Читайте дальше, — посоветовал Пуаро.

«Дело очень деликатное, как вы, наверное, уже догадались... — Я пропустил несколько строк, поскольку уже прочел их и нашел нужное место. — По стечению обстоятельств, — не сомневаюсь, что вы сразу догадаетесь, каких именно, — мне не с кем посоветоваться в Маркет Бейсинге».

Я взглянул на адрес отправительницы письма и прочел: «Литлгрин Хауз». Маркет Бейсинг, Беркс.

«В то же время, как вы понимаете, тревога не покидает меня (слово «тревога» подчеркнуто). В последние дни я часто корю себя за то, что слишком фантазирую («фанта-

зирую» подчеркнуто трижды), но тревога моя все растёт и растёт. Возможно, я делаю из мухи слона («из мухи слона» подчеркнуто дважды), но ничего не могу с собой поделаться. И, по-видимому, не успокоюсь до тех пор, пока дело окончательно не прояснится. Ибо оно беспокоит меня, сводит с ума и подтачивает здоровье. А поделиться здесь с кем-нибудь не могу и не хочу («не могу и не хочу» подчеркнуто жирными линиями). Конечно, вы, как человек, умудренный опытом, можете решить, что все это старческие бредни. И факты объясняются очень просто («просто» подчеркнуто). Но, как бы банально ни выглядело это со стороны, я все равно испытываю сомнения и тревогу, поскольку тут замешан мячик собаки. Мне необходимо посоветоваться с вами. Вы сняли бы с моей души огромную тяжесть. Не будете ли вы столь любезны сообщить мне ваши условия и что от меня в данном случае требуется?

Еще раз прошу вас помнить о том, что никто ни о чем не должен знать. Я понимаю, что факты слишком тривиальны и незначительны, но они окончательно доконают меня и подорвут и без того расшатанные нервы («нервы» подчеркнуто трижды). Но, как ни вредно мне волноваться, я не могу не думать об этом, убеждаясь все больше в правильности своих подозрений и уверенности, что не ошиблась. Здесь мне даже мечтать не приходится о том, чтобы с кем-то (подчеркнуто) поделиться своими сомнениями (подчеркнуто).

С нетерпением жду вашего ответа.

Остаюсь искренне ваша, Эмили Аранделл».

Я еще раз пробежал глазами исписанные листки и сложил письмо.

— Но о чем все это, Пуаро?

— Понятия не имею,— пожал плечами мой друг.

Я нетерпеливо забарабанил по письму.

— Кто она? Почему эта миссис... или мисс Аранделл...

— По-моему, мисс. Типичное письмо старой девы.

— Пожалуй,— согласился я.— К тому же маразматички. Почему она не может толком объяснить, что ей надо?

Пуаро вздохнул.

— Ее умственный процесс лишен, как говорится, всякой логики и дедукции. Ни логики, ни дедукции, Гастингс...

— Святая истина,— поспешно согласился я.— Полное отсутствие серых клеток.

— Тут вы не правы, друг мой.

— Нет, прав. Какой смысл писать подобное письмо?

— Смысла мало, это верно,— признал Пуаро.

— Полная абракадабра! Скорее всего, что-то случилось с ее толстой собачкой: мопсом, которого душит астма, или брехливым пекинесом,— предположил я, а затем, с любопытством посмотрев на своего друга, заметил: — И тем не менее, вы дважды прочли это письмо. Не понимаю вас, Пуаро.

Пуаро улыбнулся.

— Вы, Гастингс, конечно, сразу отправили бы его в мусорную корзину?

— Скорее всего, да,— я еще раз хмуро посмотрел на письмо.— Может быть, я чего-то недопонимаю, но, по моему, в нем нет ничего интересного.

— Вы глубоко заблуждаетесь. Меня сразу поразила в нем одна важная деталь.

— Подождите! Не надо говорить! Я попробую сам догадаться! — по-мальчишески вскричал я и еще раз внимательно просмотрел письмо. Наконец безнадежно покачал головой: — Нет, не знаю. Старуха явно чем-то напугана, но чего не бывает со стариками! Возможно, ее напугал какой-нибудь пустяк, а может, что-то достаточно серьезное. Однако не вижу здесь никакой зацепки, за которую следовало бы ухватиться. Разве что ваш инстинкт...

Пуаро взмахом руки прервал меня.

— Инстинкт! Не произносите при мне этого слова! Терпеть его не могу! «Чутье подсказывает!» — вот на что вы намекаете. Я рассуждаю. Включаю в работу свое серое вещество. В письме есть одна важная деталь, которую вы совершенно упустили, Гастингс.

— Ладно,— устало согласился я.— Сдаюсь.

— Сдаете? Куда?

— Да это такое выражение. То есть я признаю себя побежденным и согласен, что полный дурак.

— Не дурак, Гастингс, а невнимательный человек.

— Так что же вы нашли в нем интересного? По моему, в этой истории с собакой интереснее всего то, что в ней нет ничего интересного.

— Интерес представляет дата,— спокойно изрек Пуаро, не обращая внимания на мой сарказм.

— Дата?

Я взял письмо. В верхнем углу стояла дата: «17 апреля».

— Ага...— задумчиво промышал я.— Странно. 17 апреля.

— А сегодня 28 июня.

Прошло два месяца.

— Возможно, обыкновенная случайность,— усомнился я.— Вместо «июня» она написала «апреля».

— Как бы там ни было, довольно странно, что письмо пришло с опозданием. Да и ваши сомнения не имеют под собой никакой почвы. Достаточно посмотреть на цвет чернил. Разве видно, что письмо написано десять или одиннадцать дней назад? Несомненно, 17 апреля — его настоящая дата. Но почему письмо не отправили вовремя?

Я пожал плечами. Ответ напрашивался сам собой.

— Скорее всего, старушка передумала.

— Тогда почему она не разорвала письмо? Почему хранила его два месяца и только теперь отправила?

Признаюсь, я совсем стушевался и не мог сказать ничего вразумительного. Только уныло покачал головой.

— Вот видите, факт неопровержимый. И весьма примечательный.

Он подошел к письменному столу и взялся за перо.

— Вы намерены ответить на это письмо? — спросил я.

Ответом было молчание. В комнате воцарилась тишина, только поскрипывало перо в руке Пуаро. Было жаркое, душное утро. Сквозь окно проникал запах пыли и гари.

Когда письмо было написано, Пуаро, держа его в руке, поднялся из-за стола, открыл ящик, вынул квадратную коробочку и достал из нее марку. Намочив ее крохотной губкой, он хотел было приклеить марку на конверт, но передумал, выпрямился и, не выпуская марку из пальцев, решительно замотал головой.

— Я совершаю ошибку,— он разорвал письмо пополам и выбросил клочки в мусорную корзину.— Надо действовать иначе. Мы поедем туда, друг мой.

— Вы хотите сказать, что мы едем в Маркет Бейсинг?

— Вот именно. А почему бы и нет? В Лондоне сегодня невыносимо душно. Не лучше ли нам подышать деревенским воздухом?

— Как вам угодно,— согласился я. И, поскольку совсем недавно я приобрел подержанный «остин», предложил: — Мы поедем на машине.

— Конечно! Этот день просто создан для езды на машине! Даже шарфа не нужно. Достаточно надеть легкое пальто, шелковое кашне...

— Уж не собираетесь ли вы на Северный полюс, старина? — запротестовал я.

— Никогда не следует забывать о возможности подхватить простуду,— назидательно заметил Пуаро, осторожно кладя все еще влажную марку на промокательную бумагу, чтобы она высохла.

— В такую жару, как сегодня?

Невзирая на мои протесты, Пуаро облачился в желтовато-коричневое пальто, укутал шею белым шелковым кашне, и мы покинули комнату.

Глава VI

ПОЕЗДКА В «ЛИТЛГРИН ХАУЗ»

Не знаю, как чувствовал себя Пуаро в своем пальто и шелковом кашне, но я просто изнывал от жары, пока мы ехали по Лондону. В знойный летний день, когда на улицах сплошные заторы, даже в машине с откинутым верхом о прохладе можно только мечтать. Но едва мы оставили Лондон позади и помчались по Грейт Уест Роуд, настроение у меня поднялось.

Вся поездка заняла примерно полтора часа. Приблизительно около двенадцати мы въехали в маленький городок Маркет Бейсинг. Стоявший некогда на главной дороге, теперь он благодаря объезду очутился милях в трех к северу от шоссе и поэтому сохранил старомодное достоинство и покой. Единственная широкая улица и площадь, где раньше был рынок, казалось, утверждали: «Мы тоже когда-то играли немаловажную роль и для людей разумных таковыми и остались. Пусть современные машины мчатся по новой дороге, зато мы были проложены еще в ту пору, когда царила гармония, а взаимопонимание и красота дополняли друг друга». На автомобильной стоянке, где находилось всего несколько машин, я, как положено, запарковал своего «остина», Пуаро решительно снял с себя пальто и шелковое кашне, убедился, что усы у него не утратили своей симметрии и пышности, — и мы двинулись в путь.

По лицам прохожих я понял, что мы с Пуаро, особенно он, выглядели вызывающе на фоне английского провинциального городка, сохранившего старые традиции.

— Усадьба «Литлгрин Хауз»? — переспросил дородный мужчина, внимательно оглядев нас с головы до ног. — Идите прямо по Хай-стрит, держась левой стороны. Первый большой дом после банка будет именно тем, который вы ищете.

Мы последовали дальше, а прохожий еще долго провожал нас взглядом.

— Господи боже! — посетовал я. — В этом городке я

чувствую себя белой вороной. Что касается вас, Пуаро, то вы вовсе выглядите заморской птицей.

— По-вашему, я похож на иностранца?

— Как две капли воды,— заверил я его.

— Но ведь на мне костюм английского покроя,— задумчиво произнес Пуаро.

— Костюм — не главное. Весь ваш облик, Пуаро, бросается в глаза. Я всегда удивлялся, как это не помешало вам в вашей карьере.

— Все потому,— вздохнул Пуаро,— что вы вбили себе в голову, будто сыщик обязательно должен носить фальшивую бородку и прятаться за столбами. Фальшивая борода — старый трюк, а за столбами прячутся лишь самые бездарные представители моей профессии. Для Эркюля Пуаро, мой друг, главное — посидеть и как следует подумать.

— То-то мы тащимся в невыносимую жару по этой раскаленной улице.

— Как говорится, не в бровь, а в глаз. Очко в вашу пользу, Гастингс.

«Литлгрин Хауз» мы отыскали довольно легко, но нас ждала неожиданность — объявление о продаже дома.

Пока мы стояли и читали объявление, послышался собачий лай. Он принадлежал жесткошерстному, давно не стриженному терьеру. Он стоял, широко раздвинув лапы, слегка скосив глаза в одну сторону, и с явным удовольствием беззлобно лалял, возвещая о прибытии гостей.

«Хороший я сторож, правда? — казалось, спрашивал пес. — Не обращайтесь внимания на мой лай. Для меня это развлечение, да и обязанность тоже. Пусть все знают, что здесь живет собака. Очень скучное утро! Вот я и рад, что вы появились, — можно полаять. Надеюсь, вы к нам зайдете? А то чертовски скучно! Мы могли бы немного побеседовать».

— Привет, старина! — окликнул я его и протянул сжатую в кулак руку.

Протиснув голову сквозь изгородь, он сначала подозрительно принюхался, а потом радостно завилял хвостом и залалял.

«Мы еще не знакомы с вами. Но, я вижу, вы умеете ладить с собаками».

— Умный песик,— похвалил его я.

«Гаф!» — приветливо отозвался он.

— Итак, Пуаро? — обратился я к своему другу, поговорив с собакой.

Выражение лица у Пуаро было каким-то странным, непонятным. Я бы сказал, напряженным от сдерживаемого возбуждения.

— «Замешан мячик собаки» — пробормотал он — Так, значит собака действительно существует.

«Гаф!» — подтвердил наш новый приятель. Потом сел, широко зевнул и с надеждой поглядел на нас.

— Что дальше? — спросил я.

Пес. по-моему задавал тот же вопрос.

— Черт побери, откуда эти «Гэблер и Стрэтчер»?

— Да, интересно. — согласился я.

Мы повернулись и пошли по улице. Наш приятель разочарованно тявкнул вслед.

Помещение которое занимала контора «Гэблер и Стрэтчер» находилось здесь же на площади. Мы вошли в сумрачную приемную и увидели молодую женщину с тусклыми глазами.

— Доброе утро — учтиво поздоровался с ней Пуаро.

Молодая женщина, оворившая в это время по телефону гнусавым голосом, жестом указала на стул. Пуаро сел. Я нашел еще один стул и уселся рядом.

— Не могу вам сказать — гунлосила молодая женщина в телефонную трубку. — Нет не знаю, каковы будут расценки... О извините. По-моему, главный волопровод, но твердо сказать не могу... Очень сожалею очень... Да... 8.35? Боюсь, у меня этого нет. Да да... 8935... 39?.. Ах, 5135?.. Да, я попрошу его вам позвонить... после шести... Ах, извините, до шести... Благодарю вас.

Она положила трубку написала на промокательной бумаге цифру 5319 и с некоторым любопытством взглянула на Пуаро.

— Я знаю, — живо начал Пуаро, — что продается усадьба под названием, кажется, «Литлгрин Хауз».

— Что, простите?

— Сдается или продается усадьба. — медленно, чеканя слова, повторил Пуаро — «Литлгрин Хауз».

— А, «Литлгрин Хауз»? — словно очнувшись от сна, переспросила молодая женщина. — Так вы говорите, «Литлгрин Хауз»?

— Вот именно.

— «Литлгрин Хауз», — еще раз повторила молодая женщина, напрягая свои мозговые извилины. — О, полагаю, об этом лучше других известно мистеру Гэблеру.

— Могу я видеть мистера Гэблера?

- Его сейчас нет,— вяло отозвалась молодая женщина, как бы желая сказать: «моя взяла».
- А вы не знаете, когда он придет?
- Трудно сказать.
- Вы поняли, что я хочу приобрести дом? — спросил Пуаро.
- О да! — безразлично откликнулась молодая женщина.
- «Литлгрин Хауз», по моему мнению, именно то, что мне требуется. Не могли бы вы дать мне все необходимые сведения?
- Сведения? — испуганно переспросила молодая женщина.
- Да, сведения о «Литлгрин Хаузе».
- Она нехотя открыла ящик и вынула из него папку с кое-как сложенными бумагами.
- Джон! — позвала она.
- Сидевший в углу долговязый парень оторвал голову от бумаг.
- Да, мисс?
- Есть у нас какие-либо сведения о... как вы сказали?
- О «Литлгрин Хаузе», — четко произнес Пуаро.
- У вас же висит объявление о его продаже, — заметил я, показывая на стену.
- Молодая женщина холодно взглянула на меня. Нападать вдвоем на одну с ее точки зрения было нечестно. Она тут же обратилась за помощью к своему помощнику:
- Тебе ничего не известно о «Литлгрин Хаузе», Джон?
- Нет, мисс. Все бумаги должны лежать в папке.
- Очень сожалею, — извинилась молодая женщина, явно ни о чем не сожалея. — Но, вероятно, мы отправили кому-нибудь эти сведения. Но у нас есть чудный домик на Хемел Энд с двумя спальнями, одной гостиной.
- Спасибо, не нужно.
- И половина дома с небольшой оранжереей. Я могу подробно рассказать вам о нем.
- Не надо, спасибо. Мне хотелось бы знать, какую цену вы запрашиваете за аренду «Литлгрин Хауза».
- Но усадьба не сдается в аренду, — проявила вдруг осведомленность молодая женщина в надежде выиграть битву. — Она продается.
- В объявлении говорится: «Сдается в аренду или продается».
- Не знаю, что там говорится, но усадьба предназначена для продажи.

В самый разгар нашей словесной перепалки отворилась дверь, и в приемную не вошел, а пулей влетел мужчина в летах... Он окинул нас воинственным, сверкающим взглядом и вопросительно посмотрел на свою секретаршу.

— Это мистер Гэблер, — представила его нам молодая женщина.

Мистер Гэблер широко распахнул дверь, ведущую в кабинет.

— Прошу вас сюда, джентльмены.

Он впустил нас в комнату, жестом указав на кресла, а сам уселся напротив за письменным столом.

— Чем могу служить?

— Мне хотелось бы получить сведения о «Литлгрин Хаузе»... — пошел в наступление Пуаро.

Но ему не позволили сделать этого. Мистер Гэблер сразу же перешел в контрнаступление.

— «Литлгрин Хауз» — большая усадьба и продается совсем по дешевке. О ее продаже только что заявлено. Могу сказать вам, джентльмены, что нам не часто удастся заполучить на продажу усадьбу такого класса да еще за столь мизерную цену. Старинные усадьбы нынче в моде. Людям надоели новые постройки, возведенные из непрочных материалов. Другое дело — настоящий, фундаментальный красивый дом с характерной архитектурой в стиле эпохи Георгов. Теперь люди стремятся жить в домах определенной эпохи, вы понимаете, о чем я говорю. Да, «Литлгрин Хауз» долго пустовать не будет. Его быстро купят. В прошлую субботу приезжал смотреть член парламента. И еще им интересуется один биржевик. В наши дни людей привлекает покой. Приезжая в провинцию, они стремятся поселиться подальше от шоссежных дорог. Таких желающих много, но мы ищем не просто покупателя, а покупателя экстра-класса. Именно для такого покупателя предназначена эта усадьба. Вы должны согласиться, что в былое время умели строить дома для джентльменов. Да, «Литлгрин Хауз» недолго будет числиться в нашем реестре.

Мистер Гэблер, который, на мой взгляд, как нельзя лучше соответствовал своей фамилии, означавшей остроконечную крышу дома, умолк, чтобы перевести дух.

— Эта усадьба часто переходила из рук в руки за последние несколько лет? — поинтересовался Пуаро.

— Ни в коем случае. Ею более пятидесяти лет владела семья Аранделлов. Очень почитаемая в городе.

Он вскочил из-за стола и, распахнув двери, крикнул:

— Сведения о «Литлгрин Хаузе», мисс Дженкинс, и побыстрее, пожалуйста.

После этого мистер Гэблер вернулся на свое место.

— Мне хотелось бы поселиться вдали от Лондона,— сказал Пуаро.— В провинции, но не в глубинке. Надеюсь, вы меня понимаете...

— Разумеется. Слишком далеко от дороги неудобно. Да и слуги этого не любят. У нас же вы найдете все прелести сельской жизни и никаких отрицательных эмоций.

Впорхнула мисс Дженкинс с опечатанным на машинке листком и положила его перед своим шефом, который кивком головы дал ей понять, что она больше не нужна.

— Вот, пожалуйста,— и мистер Гэблер принялся читать скороговоркой, привычной для агентов по продаже недвижимости: — Дом, возведенный в характерном стиле, содержит четыре гостиных, восемь спален с внутренними шкафами, служебные помещения, просторную кухню, вместительные надворные постройки, конюшни и так далее. Водопровод, старинный сад не требует больших затрат, включая и обработку трех акров земли, и так далее и тому подобное. Ориентировочная цена 2850 фунтов.

— Я могу получить у вас разрешение на осмотр?

— Разумеется, дорогой сэр,— мистер Гэблер писал размашистым почерком.— Ваша фамилия и адрес?

К моему удивлению, Пуаро назвался мистером Паротти.

— У нас есть еще несколько домов, которые могут вас заинтересовать,— продолжал мистер Гэблер.

Пуаро позволил ему подробно рассказать о состоянии двух других поместий, а затем спросил:

— «Литлгрин Хауз» можно посмотреть в любое время?

— Разумеется, дорогой сэр. В доме живут слуги. Пожалуйста, мне стоит позвонить и предупредить их о вашем приходе. Вы пойдете туда сейчас или после обеда?

— Скорее всего, после обеда.

— Разумеется, разумеется. Я позвоню и скажу, что вы зайдете около двух. Вас это устроит?

— Спасибо. Так вы говорите, владелицу усадьбы зовут мисс Аранделл, не так ли?

— Лоусон. Нынешнюю хозяйку усадьбы зовут мисс Лоусон. Мисс Аранделл, к сожалению, умерла совсем недавно. Поэтому-то усадьба и пошла на продажу. Уверяю вас, ее сразу купят. Нисколько не сомневаюсь. Откровенно говоря — но только сугубо между нами,— я постараюсь, если вы готовы совершить куплю, быстро все уладить.

Я ведь уже сказал вам, что усадьбой интересовались два джентльмена, и уверен, что со дня на день поступит предложение от одного из них. Они хорошо знают, что конкурируют между собой. А конкуренция, как известно, подстегивает людей. Ха-ха! Мне вовсе не хотелось бы оставить вас ни с чем.

— Мисс Лоусон, насколько я понимаю, торопится с продажей усадьбы?

Мистер Гэблер понизил голос, делая вид, что говорит по секрету:

— Вот именно. Усадьба слишком велика для одинокой пожилой дамы. Она хочет избавиться от нее и купить квартиру в Лондоне. Ее можно понять. Поэтому-то усадьба и продается по столь низкой цене.

— Наверное, с ней можно поторговаться?

— Конечно, сэр. Назовите вашу цену, и мы включимся в сделку. Но, должен вам сказать, сэр, много она вряд ли уступит. И будет права. В наши дни такой дом стоит, по меньшей мере, тысяч шесть, не говоря уж о цене на землю и прочие пристройки.

— Мисс Аранделл умерла внезапно, не так ли?

— Нет, не сказал бы. Старость — вот беда. Ей давно уже перевалило за семьдесят, и она долго хворала. Она была последней из семьи Аранделлов. Вам что-нибудь известно о них?

— Я знаю несколько человек по фамилии Аранделл, у которых есть родственники в здешних краях. Вполне возможно, что они имеют какое-то отношение к этой семье.

— Не исключено. Их было четыре сестры. Одна из них вышла замуж уже в годах, а три остальные жили здесь. Дамы старой закваски. Мисс Эмили умерла последней. Ее очень уважали в городе.

Он протянул Пуаро разрешение на осмотр усадьбы.

— Не откажите в любезности зайти потом и сказать мне о вашем решении. Разумеется, там потребуется кое-какой ремонт. Но иначе не бывает. Я всегда говорю: «Не так уж трудно поставить ванну-другую. Пустяки».

Мы попрощались, и напоследок я услышал, как мисс Дженкинс сказала:

— Звонила мисс Сэмьюэлс, сэр. Просила, чтобы вы ей позвонили. Ее номер — Холланд 5391.

Насколько мне помнится, это был вовсе не тот номер, который мисс нацарапала в своем бюваре, и уж тем более не тот, который ей называли по телефону.

Без всякого сомнения, мисс Дженкинс таким образом мстила за то, что ей пришлось разыскать сведения о «Литлгрин Хаузе».

Глава VII

ОБЕД В «ДЖОРДЖЕ»

Когда мы вышли на площадь, я сказал, что мистеру Гэблеру как нельзя лучше подходит его фамилия. Пуаро улыбнулся и кивнул.

— Он будет крайне разочарован, если вы не вернетесь, — заметил я. — По-моему, он нисколько не сомневается, что уже продал усадьбу.

— Да. Боюсь, надежды его не оправдаются.

— Предлагаю перекусить здесь перед тем, как отправиться в Лондон. Или вы предпочитаете пообедать где-нибудь в более подходящем месте по пути домой?

— Дорогой Гастингс, у меня нет намерения так быстро покинуть Маркет Бейсинг. Мы отнюдь не завершили дела, ради которого прибыли сюда.

Я вытираю глаза.

— Вы хотите сказать... Но, друг мой, разве не все прояснилось? Ведь наша старушка умерла.

— Вот именно.

Он таким тоном произнес эти слова, что я невольно пристально на него посмотрел. Было совершенно очевидно, что на этом бессвязном письме он просто помешался.

— Но, если она умерла, Пуаро, — мягко убеждал его я, — какой от всего этого прок? Она уже ничего нам не расскажет. И если даже с ней что-то произошло, то после ее смерти все кануло в Лету.

— Как у вас все легко и просто. Позвольте заметить, что для Эркюля Пуаро дело считается законченным лишь тогда, когда он сам поставит на нем точку.

По собственному опыту я знал, что спорить с ним бесполезно. Тем не менее настаивал на своем:

— Но ведь она умерла...

— Вот именно, Гастингс. Именно умерла... Вы хоть и твердите об этом, однако не придаете никакого значения данному факту. Да поймите же вы, мисс Аранделл умерла.

— Но, дорогой Пуаро, она умерла своей смертью! Что же тут странного или необъяснимого? Гэблер же сказал...

— Он с такой же настойчивостью говорил нам, что за «Литлгрин Хауз» просят 2850 фунтов. Неужели вы ему верите?

— Нет, конечно. Дураку ясно, что Гэблеру не терпится поскорее сбыть с рук эту усадьбу. Вероятно, там требуется капитальный ремонт. Готов поклясться, что он, точнее его клиентка, готова уступить «Литлгрин Хауз» за гораздо меньшую сумму. Продать огромный домик, выходящий на улицу, должно быть чертовски трудно.

— Вот именно, — подтвердил Пуаро, — и нечего талдычить: «Гэблер сказал, Гэблер сказал», будто он пророк какой-то.

Я собрался было возразить, но в эту минуту мы очутились на пороге «Джорджа», и Пуаро, воскликнув: «Ну, входите же!», положил конец нашему разговору.

Мы вошли в просторное кафе с наглухо закрытыми окнами и потому насквозь пропахшее затхлостью. Нас, тяжело отдуваясь, обслуживал медлительный пожилой официант. В кафе, кроме нас, никого не было. Официант подал нам превосходную баранину, большие куски водянистой капусты и отварной картофель. Затем последовали безвкусные, размазанные по тарелке, фрукты с заварным кремом, овечий сыр, вафли и, наконец, две чашки какого-то сомнительного напитка под названием «кофе».

После чего Пуаро, вынув разрешение на осмотр усадьбы, выданное нам мистером Гэблером, обратился за разъяснением к официанту.

— Да, сэр, мне известны почти все из них. Имение «Хемел Даун» довольно небольшое. Оно находится в трех милях отсюда, на Мач Бенем Роуд. Владение «Нелорс Фарм» расположено гораздо ближе, в миле отсюда. Туда сворачивает дорога сразу за Кингс Хед. «Биссет Грейндж»? Впервые слышу. А вот «Литлгрин Хауз» тут рядом, в нескольких минутах ходьбы.

— По-моему, я уже видел этот дом с улицы. Пожалуй, мы туда и пойдем. Он в хорошем состоянии?

— О да, сэр. Крыша, трубы и все такое прочее. Старомодный, конечно. Его ни разу не перестраивали. Зато сад превосходный. Мисс Аранделл очень любила свой сад.

— Теперь, вроде бы, усадьба принадлежит мисс Лоусон?

— Совершенно верно, сэр. Мисс Лоусон была компаньонкой мисс Аранделл, и, когда старая дама умерла, она все завещала ей, в том числе и дом.

— Неужели? Значит, у нее не было родственников, кому бы она могла оставить свое состояние?

— Разумеется, были, сэр. Две племянницы и племянник. Но мисс Лоусон до последнего дня ухаживала за ней.

Ведь мисс Аранделл была очень старой... Дело житейское, сами понимаете.

— Наверное, у нее, кроме дома, ничего особенного и не было?

Я не раз замечал, что там, где прямо поставленный вопрос не вызывал прямого ответа, ошибочное предположение вызывало, как правило, законное возражение, обеспечивающее Пуаро необходимой информацией.

— Наоборот, сэр. Совсем наоборот. Мы все были потрясены той суммой, которую оставила мисс Лоусон старая дама. Завещание было составлено по всем правилам. Оказалось, что долгие годы она не трогала свой основной капитал, и он составил около трехсот-четыре-хот тысяч фунтов.

— Можно только диву даваться! — выразил свое удивление Пуаро. — Совсем, как в сказке, где бедная Золушка в мгновение ока превращается в принцессу. Она хоть молодая, эта мисс Лоусон? Сумеет ли воспользоваться свалившимся на нее богатством?

— О нет, сэр. Эта особа средних лет.

Называя ее «особой», он ясно давал понять, что бывшая компаньонка мисс Аранделл не пользовалась большим авторитетом в Маркет Бейсинге.

— Представляю, каким ударом явилось это завещание для племянниц и племянника мисс Аранделл, верно? — продолжал расспрашивать Пуаро.

— Да, сэр. По-моему, их чуть кондрашка не хватил. Они не ожидали ничего подобного. Да и все жители Маркет Бейсинга только и говорили об этом. Одни считают, что близких родственников нельзя обделять, другие полагают, что человек волен поступать как ему заблагорассудится. Наверное, правы и те и другие.

— Мисс Аранделл давно здесь жила?

— Да, сэр. Вместе со своими сестрами. А до этого здесь жил их отец, старый генерал Аранделл. Я его, конечно, не помню, но, говорят, он был незаурядным человеком. Участвовал в подавлении индийского мятежа.

— А сколько всего у него было дочерей?

— Я знаю только трех, а еще одна была замужем. Мисс Матильда, мисс Агнес и мисс Эмили. Первой умерла мисс Матильда, за ней мисс Агнес, а вот теперь мисс Эмили.

— Совсем недавно?

— Да, в начале мая, а может, даже в конце апреля.

— Она что, долго болела?

— Нет, время от времени. Год назад, правда, чуть не

умерла от желтухи. Стала желтой, как лимон. Пожалуй, последние пять лет ей явно нездоровилось.

— У вас здесь, вероятно, неплохие врачи?

— Да, доктор Грейнджер уже двадцать лет, как здесь живет. Люди чаще всего обращаются к нему. Он хоть с причудами, но врач хороший. Лучшего нам и не надо. У него есть молодой компаньон — доктор Доналдсон. Более современный врач. Некоторые предпочитают лечиться у него. А еще есть доктор Хардинг, но он мало практикует.

— Мисс Аранделл, конечно, лечил доктор Грейнджер?

— Да, доктор Грейнджер не раз вызволял ее из беды. Он из тех врачей, кто не даст умереть спокойно, хочешь ты того или нет.

Пуаро кивнул.

— Всегда не мешает немного разузнать о тех краях, в которых собираешься поселиться, — заметил он. — Иметь под рукой хорошего врача очень важно.

— Вы совершенно правы, сэр.

Пуаро заплатил ему по счету и добавил щедрые чаевые.

— Премного благодарен, сэр. Большое вам спасибо, сэр. Надеюсь, вы поселитесь у нас, сэр.

— Хотелось бы, — солгал Пуаро.

Мы вышли из «Джорджа».

— Теперь вы удовлетворены, Пуаро? — спросил я, когда мы очутились на улице.

— Ни в коем случае, друг мой.

И, к моему удивлению, повернул в сторону, прямо противоположную от «Литлгрин Хауза».

— Куда мы идем, Пуаро?

— В церковь, мой друг. Это может оказаться весьма интересным. Посмотрим мемориальные доски, старые памятники.

Я с сомнением покачал головой.

Пуаро недолго осматривал церковь изнутри. Хотя там и были кое-какие образцы творений ранней архитектуры, она была слишком добросовестно отреставрирована в эпоху королевы Виктории и по этой причине была не интересна.

Затем Пуаро побродил по кладбищу, читая эпитафии, отмечая множество смертных случаев в некоторых семьях и посмеиваясь над забавными фамилиями.

Однако меня ничуть не удивило, когда он наконец остановился перед памятником, ради которого, несомненно, и посетил кладбище.

На громадной мраморной глыбе были начертаны полустертые надписи:

СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ
ДЖОНА ЛЕЙВЕРТОНА АРАНДЕЛЛА.
ГЕНЕРАЛА 24 ПОЛКА СИКХОВ.
ПОЧИВШЕГО 19 МАЯ 1888 ГОДА.
«ТЫ МУЖЕСТВОВАЛ В БОРЬБЕ, ТАК КРЕПИСЬ
ДУХОМ»

МАТИЛЬДЫ ЭНН АРАНДЕЛЛ.
ПОЧИВШЕЙ 10 МАРТА 1912 ГОДА.
«ВОССТАНЬ И ВОЗНЕСИСЬ НА НЕБЕСА»

АГНЕС ДЖИОРДЖИНЫ МЭРИ АРАНДЕЛЛ.
ПОЧИВШЕЙ 20 ИЮНЯ 1914 ГОДА.
«МОЛИСЬ, И ДА ВОЗДАСТСЯ ТЕБЕ»

А затем шла свежая, по-видимому, недавно выбитая надпись:

ЭМИЛИ ХЭРРИЕТ ЛЕЙВЕРТОН АРАНДЕЛЛ.
ПОЧИВШЕЙ 1 МАЯ 1936 ГОДА.
«ДА УПОКОИТСЯ ДУША ТВОЯ»

Пуаро стоял какое-то время, глядя на эту надпись.

— Первого мая... Первого мая... А я получил от нее письмо сегодня, 28 июня. Понимаете вы, Гастингс, что этот факт необходимо прояснить?

Да, я понимал.

Вернее видел, что Пуаро настроен решительно. Значит, другого выхода нет.

Глава VIII

В «ЛИТЛГРИН ХАУЗЕ»

Покинув кладбище, Пуаро быстро зашагал в сторону «Литлгрин Хауза». Я сообразил, что он по-прежнему играет роль возможного покупателя дома. Держа в руках распоряжение мистера Гэблера на осмотр усадьбы, он открыл калитку и пошел по дорожке, ведущей к парадной двери.

На этот раз нашего знакомого терьера не было видно, но из глубины дома, скорее всего из кухни, доносился собачий лай.

Наконец послышались шаги в холле, и дверь распахнулась — типичная горничная былых времен.

Пуаро показал ей распоряжение, подписанное мистером Гэблером.

— Да, он нам звонил, сэр. Прошу вас, заходите, сэр.

Ставни, закрытые наглухо, когда мы приходили сюда в первый раз, сейчас были распахнуты в ожидании нашего визита. Кругом царили чистота и порядок. Встретившая нас женщина, несомненно, отличалась чистоплотностью.

— Это утренняя комната, сэр.

Я с одобрением огляделся. Приятная комната с длинными окнами, выходящими на улицу, была обставлена добротной, солидной мебелью, в основном викторианской, хотя я заметил тут и чиппендейлский книжный шкаф, и несколько приятных хоппелуайтских стульев.

Мы с Пуаро вели себя, как заправские покупатели: осматривали комнаты, мебель, бормотали: «Очень мило», «Очень приятная комната», «Так вы говорите, она утренняя?»

Горничная провела нас через холл в такую же комнату, но гораздо большую, по другую сторону дома.

— Столовая, сэр.

Эта комната была в викторианском стиле. Массивный, темно-красного дерева обеденный стол, такой же массивный, тоже темно-красного дерева буфет с резьбой в виде фруктов и обтянутые кожей стулья. На стене висели портреты, очевидно, семейные.

Терьер по-прежнему лаял где-то за закрытой дверью. Внезапно лай стал приближаться и, наконец, послышался в холле: «Кто посмел войти в дом? Я разорву того на куски!»

Пес остановился у дверей и принялся.

— Ах, Боб, ах, негодник! — корила собаку горничная. — Не обращайтесь на него внимания, сэр. Он вас не тронет.

И в самом деле, едва Боб увидел своих старых знакомых, он сразу же повел себя по-другому. Добродушно засуетился, завил хвостом, как будто бы приветствуя нас.

«Рад видеть, — казалось, говорил он, обнюхивая нас. — Извините за лай, но это входит в мои обязанности. Мне положено следить за тем, кто входит в наш дом. Откровенно говоря, мне скучно, и я рад появлению гостей. У вас, надеюсь, есть собаки?»

Свой последний вопрос он явно адресовал мне, поэтому я нагнулся и погладил его.

— Умный у вас пес,— сказал я женщине.— Правда, его давно пора постричь.

— Да, сэр, обычно его стригут трижды в год.

— Он уже старенький?

— О нет, сэр, Бобу нет еще и шести. Но иногда он ведет себя совсем как щенок. Утащит у кухарки шлепанцы и носится по всему дому, держа их в зубах. Он очень добрый, хотя в это трудно поверить, слыша, как он лает. Единственный, кого он не любит, так это почтальон. И почтальон его жутко боится.

Боб был теперь занят тем, что обнюхивал брюки Пуаро. Выведав все, что мог, он громко фыркнул: «Фрр, человек неплохой, но собаками не интересуется», и вернулся ко мне, склонив голову набок и глядя на меня с надеждой.

— Не понимаю, почему собаки не любят почтальонов? — удивлялась горничная.

— Чего тут непонятного? Вполне естественная реакция,— объяснил Пуаро.— Собака тоже соображает. Она по-своему умна и делает свои выводы. Одним людям разрешается входить в дом, другим нет. Собака это быстро улавливает. Кто часто пытается проникнуть в дом и по нескольку раз в день звонит в дверь, но его никогда не впускают? Почтальон. Значит, он нежеланный гость с точки зрения хозяина дома. Его не впускают, а он снова приходит и снова звонит, пытаясь проникнуть внутрь. Вот собака и считает своим долгом помочь хозяину отделаться от непрошеного гостя, а если надо, то и укусить. Вполне логично.

Он улыбнулся Бобу.

— Сразу видно, очень умный пес.

— О да, сэр. Он все понимает не хуже человека.

Горничная распахнула следующую дверь.

— Гостиная, сэр.

Гостинная навевала мысли о прошлом. В воздухе стоял легкий запах засушенных цветов. Мебель была обита потертым ситцем с рисунком из гирлянд роз. На стенках висели акварели. Повсюду виднелись статуэтки пастушек с пастухами из хрупкого фарфора. На креслах и диванах лежали подушки, вышитые шерстью. Стояли обрамленные в красивые серебряные рамки выцветшие фотографии. На столиках валялись бонбоньерки, корзинки для рукоделия. Но особенно привлекательными мне показались две вырезанные из бумаги дамы под стеклом: одна с прялкой, другая с кошкой на коленях.

В гостиной царил дух давно минувших дней, праздного времяпрепровождения благовоспитанных «леди и джентльменов». В этой комнате, действительно, можно было уединиться. Здесь дамы занимались рукоделием, а если сюда когда-нибудь и проникали представители сильного пола, да еще позволяли себе курить, то потом обязательно вытряхивались занавеси и тщательно проветривалась комната.

Мое внимание привлек Боб. Он уселся возле изящного бюро с двумя ящичками и не сводил глаз с одного из них.

Как только он заметил, что я смотрю на него, он негромко, жалобно твякнул, переведя взгляд с меня, на столик.

— Чего он хочет? — спросил я.

Наш интерес к Бобу явно нравился горничной, которая, по-видимому, питала к нему слабость.

— Свой мячик, сэр. Его всегда клали в этот ящик. Поэтому он сидит здесь и просит.

Совсем другим голосом, эдаким фальцетом, каким часто говорят с младенцами, она проговорила:

— Здесь нет твоего мячика, мой красавчик. Мячик Боба на кухне. На кухне, Бобби.

Боб перевел нетерпеливый взгляд на Пуаро.

«Глупая женщина, — казалось, говорил он. — Но вы-то человек умный. Мячи хранятся в определенных местах. И этот ящик — одно из таких мест. В нем всегда лежал мой мячик. И сейчас он тоже должен быть там. Такова собачья логика».

— Там его нет, Боб, — подтвердил я.

Он недоверчиво посмотрел на меня. И, когда мы вышли из комнаты, нехотя последовал за нами.

Затем нам показали стенные шкафы, чулан под лестницей, небольшую моечную, где, по словам служанки, «хозяйка обычно составляла букеты».

— Вы давно здесь служите? — спросил Пуаро.

— Двадцать четыре года, сэр.

— И одна ведете все хозяйство?

— Вместе с кухаркой, сэр.

— Она тоже давно служит у мисс Аранделл?

— Четыре года, сэр. Предыдущая кухарка умерла.

— А если я куплю этот дом, вы готовы остаться здесь? Она слегка зарделась.

— Большое спасибо вам, сэр, но я решила больше не работать. Хозяйка оставила мне крупную сумму, и я хочу переехать к моему брату. Я живу здесь по просьбе мисс

Лоусон, пока не будет продан дом, чтобы присмотреть за ним.

Пуаро кивнул. Все молчали.

В наступившей тишине послышался новый звук: тук, тук, тук. Он становился все громче и громче и, казалось, спускается откуда-то сверху.

— Это Боб, сэр, — улыбнулась она. — Он нашел свой мячик и сбрасывает его сверху вниз по лестнице. Это его любимая игра.

Когда мы подошли к подножию лестницы, на нижнюю ступеньку шлепнулся, подпрыгнув, черный резиновый мячик. Я поймал его и посмотрел вверх. На площадке, расставив лапы, стоял Боб, виляя хвостом. Я кинул ему мяч. Он ловко поймал его, удовлетворенно пожевал минуту-другую, потом аккуратно положил между лапами и стал медленно подталкивать носом к краю площадки, пока мяч не скатился с верхней ступеньки и не запрыгал снова по лестнице. Боб, наблюдая за этим процессом, изо всех сил завил хвостиком от удовольствия.

— Он может так забавляться часами, сэр. Это его любимая игра. Хватит, Боб. Джентльмены пришли сюда вовсе не для того, чтобы играть с тобой.

Присутствие собаки всегда способствует установлению дружеских контактов. Наш интерес к Бобу растопил ледяную чопорность, присущую хорошей служанке. Пока мы ходили по спальням, горничная охотно рассказывала нам об удивительной сообразительности пса. Мячик по-прежнему лежал у подножия лестницы. Когда мы проходили мимо, Боб взглянул на нас с упреком и с достоинством пошел вниз за мячом. Сворачивая направо, я увидел, как он, держа мяч в зубах, медленно поднимался вверх усталой походкой, напоминая старика, которого неразумные люди бросили на половине пути, совершая восхождение на гору.

Когда мы обошли спальни, Пуаро исподволь стал вытягивать из горничной все сведения, которые она была способна дать.

— Здесь жили все четыре мисс Аранделл, не так ли? — поинтересовался он.

— Сначала да, сэр, но я еще здесь не работала. Когда я пришла в этот дом, тут оставались только мисс Агнес и мисс Эмили, а через несколько лет и мисс Агнес умерла. Она была самой младшей в семье. Но почему-то ушла из жизни раньше сестры.

— Наверное, у нее было слабое здоровье?

— Нет, сэр, вот это и странно. Моя мисс Аранделл, то

есть мисс Эмили, очень часто болела и без конца имела дело с врачами, чего никак нельзя сказать о мисс Агнес. Она отличалась крепким здоровьем. И все же умерла прежде мисс Эмили, которая, несмотря на бесконечные болезни с самого детства, пережила всю семью. Вот как бывает.

— Гораздо удивительнее то, что это бывает сплошь да рядом.

И Пуаро принялся рассказывать, по моему твердому убеждению целиком выдуманную, историю о своем больном дядюшке, которую я не собираюсь здесь повторять. Достаточно сказать, что она дала желаемый результат. Разговоры о смерти развязывают язык скорее, нежели любая другая тема. Теперь Пуаро мог задавать вопросы, которые еще двадцать минут назад были бы встречены настороженно, даже враждебно.

— Мисс Аранделл долго болела и сильно страдала?

— Нет, я не сказала бы, сэр. Она, как вы понимаете, давно чувствовала недомогание. А два года назад перенесла желтуху. Лицо и белки глаз у нее пожелтели...

— Да, я знаю...— и Пуаро тут же рассказал историю, приключившуюся с его кузиной, у которой тоже была желтуха.

— Совершенно верно. Все происходило именно так, как вы говорите, сэр. Она ужасно болела, бедняжка. Ничего не ела, ее все время рвало. По правде говоря, доктор Грейнджер потерял всякую надежду на ее выздоровление. Но он удивительно умело вел себя с ней. Не давал никаких поблажек: «Решили протянуть ноги, отдать богу душу?» — бывало, спрашивал он ее. И она отвечала: «Нет, доктор, я еще поживу». На что он говорил: «Вот и правильно. Именно это мне хотелось от вас услышать». За ней ухаживала больничная сиделка, так вот она решила, что мисс Аранделл уже умирает. И заявила доктору, что, по ее мнению, нет смысла больше зря беспокоить больную и заставлять ее принимать пищу. Но доктор только накричал на нее: «Чепуха! Беспокоить ее? Вы должны силой запикивать в нее еду!» И велел давать ей мясной бульон в определенное время, а перед этим обязательно ложку коньяка. А потом сказал слова, которых я никогда не забуду: «Вы еще молоды, моя дорогая! И даже не представляете, сколько сил обретает человек с возрастом, когда ему приходится сражаться со смертью. Только молодые лежат, задрав лапки кверху, и умирают лишь потому, что не знают, что такое жизнь. Посмотрите на человека, которому перевалило за

семьдесят. Он горит желанием жить и готов бороться за жизнь». Как это верно, сэр. Мы всегда удивляемся сохранившейся в них жизненной силе и поражаемся их умственным способностям, но именно поэтому, считал доктор, они так долго живут и доживают до глубокой старости.

— Золотые слова! Лучше не скажешь! И мисс Аранделл была именно такой? Деятельной? Энергичной?

— О да, сэр. Здоровьем она не отличалась, зато голова у нее варила отлично. Поэтому-то болезнь и отступила от нее. Наша сиделка долго не могла прийти в себя от изумления. Слишком уж молоденькая она была, вся такая накрахмаленная, но, надо отдать ей должное, ухаживать за больными умела, и горячий чай всегда был у нее под рукой.

— Совсем-совсем выздоровела?

— Да, сэр. Конечно, хозяйке пришлось еще долго придерживаться строжайшей диеты: ничего жареного, только вареное или на пару, и ни капли жира. Даже яйца есть ей доктор запретил. Она все жаловалась, что еда слишком пресная.

— Главное — она поправилась.

— Да, сэр. Порой, правда, она чувствовала себя неважно. Ощущала боли в желчном пузыре. Она ведь не всегда ела то, что ей положено, но ничего серьезного до последнего раза с нею не случилось.

— А эта ее болезнь была похожа на предыдущую?

— Как две капли воды, сэр. Она опять вся пожелтела, очень ослабла и тому подобное. По-моему, она сама была во всем виновата, бедняжка. Ела все подряд. В тот вечер, когда ей стало плохо, она съела на ужин карри, а, как вам известно, сэр, карри — блюдо жирное да еще с пряностями.

— И сразу почувствовала себя плохо?

— Пожалуй, да, сэр. Доктор Грейнджер сказал, что печень у нее совсем износилась, что это следствие простуд — погода слишком часто менялась — и чересчур жирной еды.

— Неужели компаньонка — мисс Лоусон, если не ошибаюсь, — не могла уговорить ее не есть жирной пищи?

— Мисс Лоусон не имела права голоса у нас в доме. Мисс Аранделл не из тех, кто терпит возражения.

— Мисс Лоусон прислуживала ей во время первой болезни?

— Нет, она появилась позже. И проработала здесь не больше года.

— А раньше у мисс Аранделл тоже были компаньонки?

— Да, сэр, и не одна.

— Как видно, компаньонки не приживались в этом доме, в отличие от слуг — улыбнулся Пуаро.

Горничная покраснела.

— Видите ли, сэр, слуги — совсем другое дело. Мисс Аранделл редко выходила из дома, то одно, то другое... — горничная смешалась и умолкла.

Пуаро с минуту молча смотрел на нее, потом проговорил.

— Старых дам можно понять. Им быстро все надоедает. Хочется чего-то новенького, верно? Когда все известно до мелочей, становится неумоготу.

— Вот именно, сэр. Вы попали в самую точку. Когда в доме появлялась новая компаньонка, мисс Аранделл оживала. Расспрашивала ее о детстве, как у нее сложилась личная жизнь, о ее семье, о чем она думает, чем дышит, а когда все выведывала, начинала скучать.

— Но ведь дамы, которые служат в компаньонках, между нами говоря, довольно ограниченные, не так ли?

— Да, сэр. Они все какие-то ущербные, во всяком случае, большинство из них. И довольно глупые. Мисс Аранделл, надо заметить, быстро распознавала их. Поэтому-то они у нее подолгу не задерживались.

— Наверное, мисс Аранделл была привязана к мисс Лоусон?

— Вряд ли, сэр.

— Но что-то в ней, вероятно, было особенно привлекательным?

— Пожалуй, нет, сэр. Самая обыкновенная женщина.

— Вам она нравилась?

Горничная едва заметно пожала плечами.

— Трудно сказать, нравилась она мне или нет. Слишком уж она была суетлива... Типичная старая дева, увлекающаяся к тому же всякой чепухой, вроде духов...

— Духов? — насторожился Пуаро.

— Да, сэр. Она из числа тех, кто, сидя в темной комнате вокруг стола, вызывает души умерших и с ними разговаривает. По-моему, верующим людям грех этим заниматься, потому что души умерших знают свое место и не любят его покидать.

— Так мисс Лоусон занималась спиритизмом? А мисс Аранделл тоже верила в духов?

— Мисс Лоусон просто мечтала об этом! — усмехнувшись не без злорадства, ответила горничная.

— Выходит, она так и не убедила мисс Аранделл? — решил удостовериться Пуаро.

— Конечно нет, моя хозяйка для этого была слишком разумной,— фыркнула служанка.— Разве только это ее немного забавляло. «Попробуйте убедить меня, я не против»,— говорила она, глядя на мисс Лоусон, а в глазах ее можно было прочесть: «Бедняжка! Какой же надо быть дурочкой, чтобы верить всему этому!»

— Значит, сама она не верила, просто забавлялась?

— Совершенно справедливо, сэр. Иногда мне казалось, что ей доставляет удовольствие расспрашивать об этих сеансах. Другие же относились к ним всерьез.

— Другие?

— Ну да, мисс Лоусон и сестры Трипп.

— Мисс Лоусон была убежденной спиритисткой?

— Верила, как в евангелие, сэр.

— Наверное, мисс Аранделл была очень привязана к мисс Лоусон? — намеренно повторил свой вопрос Пуаро и услышал тот же ответ:

— Вряд ли, сэр.

— Тогда почему же,— поинтересовался Пуаро,— мисс Аранделл завещала все свое состояние именно ей?

Горничную словно подменили. Доверительность ее мгновенно исчезла. Перед нами была чопорная служанка, хорошо знающая свои обязанности.

— Кому хозяйка завещала свои деньги, не мое дело, сэр,— отрезала она, и в ее ледяном голосе слышался явный укор за допущенную нами фамильярность.

Я понял, что Пуаро допустил непростительную ошибку. Добившись дружеского расположения горничной, он мгновенно лишился его. Однако Пуаро был достаточно умен, чтобы не предпринять немедленную попытку восстановить доверительные отношения. Задав какой-то незначительный вопрос, вроде того, сколько спален в доме, он направился к лестничной площадке.

Боб исчез, но когда я хотел было спуститься по ступенькам вниз, то, поскользнувшись, чуть не упал. Схватившись за перила, я едва удержался на ногах и, посмотрев на пол, понял, что наступил на мячик Боба, который лежал у самого края площадки.

Горничная поспешила извиниться:

— Очень сожалею, сэр. Это Боб виноват. Он часто оставляет здесь свой мячик. А на темном ковре он не заметен. Кто-нибудь непременно сломает себе шею. Наша хозяйка тоже упала и разбилась. Чуть не погибла.

Пуаро вдруг остановился на лестнице.

— Упала, говорите вы?

— Да, сэр. Боб тогда по своему обыкновению оставил мячик, а хозяйка, выйдя из спальни, не заметила его, поскользнулась и полетела кубарем вниз по лестнице. Могла разбиться насмерть.

— И сильно пострадала?

— Не очень. Доктор Грейнджер сказал, что ей здорово повезло. Слегка разбила голову, ударилась плечом, ну и, конечно, набила себе синяков да шишек, а главное, очень перепугалась. С неделю пролежала в постели, но потом все обошлось.

— Давно это случилось?

— За неделю-другую до ее кончины.

Пуаро наклонился и что-то поднял с пола.

— Извините... я уронил свою ручку... А, вот она.

Он выпрямился.

— Ну и разбойник же Боб, — заметил он.

— Что с него возьмешь, сэр, — снисходительным тоном произнесла горничная. — Боб, конечно, умница, но он же не человек. Хозяйка мучилась бессонницей, вот и вставала по ночам, ходила по дому, спускалась вниз.

— И часто это бывало?

— Почти каждую ночь. Но она не позволяла ни мисс Лоусон, ни кому-либо другому хлопотать вокруг себя.

Пуаро снова вошел в гостиную.

— Красивая комната! — заметил он. — Интересно, станет ли в этот альков мой книжный шкаф? Как вы думаете, Гастингс?

Ничего не понимая, я на всякий случай ответил, что не могу сказать твердо.

— Да, расстояния на глаз довольно обманчивы. Возьмите, пожалуйста, мою складную линейку, измерьте ширину, глубину, а я запишу данные.

Я покорно взял складную линейку, протянутую мне Пуаро, и стал измерять то, что ему требовалось, а он записывал на тыльной стороне конверта.

Я удивился, почему он избрал столь странный и небрежный метод фиксирования чисел вместо того, чтобы занести их в свою записную книжку, но тут он дал мне конверт и сказал:

— Правильно я записал? Проверьте, пожалуйста, все ли так, как вы говорили.

На конверте я не увидел никаких цифр. Вместо этого было написано: «Когда мы поднимемся наверх, сделайте вид, будто вы вспомнили о важной для вас встрече, и по-

просите разрешения поговорить по телефону. Уведите с собой горничную и задержите ее там подольше».

— Все верно, — сказал я, кладя конверт в карман. — По-моему, тут превосходно поместятся оба шкафа.

— Тем не менее проверить не мешало. Если вы не против, мне хотелось бы еще раз осмотреть спальню вашей бывшей хозяйки. Я не обратил внимания, есть ли там стенные ниши.

— Конечно, сэр. С удовольствием.

Мы снова поднялись наверх. Когда Пуаро стал измерять часть стены и громко разглагольствовать о том, как ему лучше поставить кровать, гардероб и письменный стол, я, взглянув на часы, всполошился и воскликнул:

— О, боже! Уже три часа. Что подумает Андерсон? Мне необходимо позвонить ему, — и, обернувшись к горничной, спросил: — Вы позволите воспользоваться вашим телефоном, если, конечно, он у вас есть?

— Разумеется, сэр. В маленькой комнате, сразу за холлом. Я провожу вас.

И она поспешила проводить меня, указывая путь к телефону. Потом я попросил ее помочь мне найти нужный номер в телефонном справочнике и наконец заказал разговор с неким мистером Андерсоном из соседнего городка Харчестер. К счастью, его не оказалось на месте, и я попросил передать ему, что ничего срочного в моем звонке нет и я перезвоню ему попозже.

Когда я вышел из комнаты, Пуаро уже спустился вниз и дожидался в холле. Глаза у него приобрели чуть зеленоватый оттенок — явное свидетельство того, что он чем-то взбудоражен.

— Когда ваша хозяйка упала с лестницы, она, судя по вашим словам, очень перепугалась и, кажется, волновалась насчет Боба и его мячика?

— Странно, что вас это интересует, сэр. Она действительно очень беспокоилась о нем. Даже умирая, в бреду, почему-то все время поминала Боба, его мячик и еще какой-то кувшин с крышкой.

— Вы говорите, кувшин с крышкой... — задумчиво произнес Пуаро.

— Мы, конечно, ничего не поняли, сэр. Но она только и твердила об этом.

— Минуточку! Я должен еще раз зайти в гостиную.

Он обошел комнату, внимательно осматривая каждую вещь. Его внимание привлек кувшин с крышкой. Обычный кувшин с рисунком — типичный образчик викторианского

юмора: грустный бульдог, уныло сидящий на пороге, а под ним надпись: «Всю ночь на улице за неимением ключа».

— «Всю ночь на улице за неимением ключа», — пробормотал Пуаро. — Ну и ну! А с вашим мистером Бобом такого не случается? Ему не приходится иногда проводить всю ночь под дверьми на улице?

— Редко, сэр. Очень редко. Наш Боб — очень послушный пес.

— Нисколько не сомневаюсь. Но даже лучшие из собак...

— Вы правы, сэр. Раз-другой, бывало, он исчезал и появлялся часа в четыре утра. В таких случаях он садился на пороге у двери и лаял, пока ему не открывали.

— А кто его впускал? Мисс Лоусон?

— Кто слышал, тот и впускал. В последний раз его впустила мисс Лоусон. Это было как раз в ту ночь, когда хозяйка упала. Боб вернулся домой около пяти утра. Мисс Лоусон поторопилась открыть ему дверь, опасаясь, как бы он всех не разбудил. Особенно она боялась, что проснется хозяйка. Она ведь не сказала ей, что Боба нет дома.

— Значит, она считала, что мисс Аранделл лучше не говорить об этом?

— Да, сэр. Она сказала: «Боб обязательно вернется. Он всегда возвращается. А она будет зря волноваться, и ни к чему хорошему это не приведет». Мы и промолчали.

— А Боб любил мисс Лоусон?

— По-моему, сэр, он относился к ней с явным пренебрежением. С собаками такое случается. Она была к нему очень добра. Называла «славым песиком», «умницей», а он не обращал на нее никакого внимания и никогда не слушался.

— Понятно, — кивнул Пуаро.

И вдруг, неожиданно для меня, вынул из кармана то самое письмо, которое получил утром.

— Элен, — спросил он, — вам что-нибудь известно об этом?

Элен опешила, нижняя челюсть у нее отвисла, глаза округлились.

— Господи! — наконец выпалила она. — А мне-то и в голову не пришло!

Признание было невольным, а потому сразу стало ясно, что горничная имела к письму непосредственное отношение.

Придя в себя от изумления, она спросила, уставившись на Пуаро.

— Так вы и есть тот джентльмен, которому было адресовано это письмо?

— Да, я Эркуль Пуаро.

Как и большинство людей, Элен даже не удосужилась взглянуть на документ, дающий нам право на осмотр «Литлгрин Хауза», который мы предъявили ей, когда пришли.

— Так значит, вы — Эркуль Пуаро? Господи, вот кухарка-то удивится!

— Тогда, если вы не возражаете, — не растерялся Пуаро, — давайте пойдем на кухню и вместе с вашей приятельницей поговорим обо всем по порядку.

— Пожалуйста, как вам угодно, сэр, — не очень уверенно согласилась Элен.

Ее смущало, что господа пойдут на кухню и будут там беседовать с ней и с кухаркой. Но деловой тон Пуаро убедил ее, что в этом нет ничего дурного. Мы отправились на кухню, где Элен растолковала суть дела рослой, приятной на вид женщине, которая как раз снимала с плиты чайник.

— Представляешь, Энни, вот джентльмен, которому предназначалось письмо, которое, помнишь, я нашла в бюваре?

— Не забывайте, что я не в курсе дела, — заметил Пуаро. — Не могли бы вы объяснить мне, почему письмо было отправлено с таким опозданием?

— Видите ли, сэр, честно говоря, я просто не знала, как мне поступить с ним. Мы обе не знали, правда, Энни?

— Сушая правда, — подтвердила кухарка.

— Дело в том, сэр, что после кончины хозяйки мисс Лоусон стала разбирать вещи. Кое-что раздала, кое-что выбросила, и среди этого был маленький бювар, кажется, так он называется. Премиленький, с изображенным на нем ландышем. Хозяйка обычно пользовалась им, когда писала сидя в постели. Мисс Лоусон он ни к чему, поэтому она отдала его мне с ворохом других вещей, принадлежащих хозяйке. Я спрятала его в ящик комода и вынула только вчера, чтобы положить в него новую промокательную бумагу на случай, если мне вдруг вздумается кому-нибудь написать. В нем был такой кармашек. А когда я сунула туда руку, то обнаружила там конверт с адресом, написанным рукой нашей хозяйки. Так вот, я не знала, как мне поступить. В конверте было письмо, и я поняла, что хозяйка сунула его туда, чтобы на следующий день отправить, а потом, наверное, забыла, как часто забывала, бедняжка.

Однажды то же самое произошло с процентным купоном из банка. Никто не знал, куда он подевался, а потом нашли его между ящиками для бумаг в письменном столе.

— Она была неаккуратной?

— О нет, сэр, совсем наоборот. Она ничего не бросала лишь бы куда, а клала каждую вещь в определенное место. Но случалось иногда и такое — положит куда-нибудь и забудет.

— И мячик Боба тоже, — улыбнулся Пуаро.

Обладающий тонким слухом терьер в ту же минуту появился в дверях кухни и радостно бросился к нам.

— Да, сэр, как только Боб кончал играть с мячиком, она его убирала. Но поскольку мячик всегда клали в одно и то же место — ящик, который я вам показала, — его легко было найти.

— Понятно. Но я перебил вас. Прошу, продолжайте. Вы нашли письмо в бюроаре?..

— Да, сэр. И спросила у Энни, что, по ее мнению, мне следовало бы с ним сделать. Сжигать его не хотелось, а уж прочесть и подавно я бы никогда не осмелилась. В одном мы с Энни были единодушны: мисс Лоусон это не касается. А потому, посоветовавшись друг с другом, решили отправить по адресу. Я приклеила на него марку и опустила в почтовый ящик.

Пуаро повернулся ко мне.

— Вот в чем дело, — пробормотал он.

— А ларчик-то просто открывался, — не смог удержаться я от насмешки.

Мне показалось, что Пуаро совсем скис, и пожалел о своих словах.

Пуаро снова обратился к Элен:

— Мой друг утверждает, что «ларчик просто открывался». Но, как вы понимаете, я, получив письмо, датированное двумя месяцами назад, был немало удивлен.

— Конечно понимаю, сэр. Мы как-то об этом не подумали.

— К тому же, — кашлянул Пуаро, — я попал в весьма затруднительное положение. Из письма я понял, что мисс Аранделл хотела дать мне какие-то поручения. Чисто личного характера. А теперь, поскольку она скончалась, я не знаю, как мне быть. Хотела бы мисс Аранделл, чтобы я выполнил ее волю при данных обстоятельствах, или нет? Да, нелегкая задача.

Обе женщины смотрели на него с почтением.

— Пожалуй, мне стоит проконсультироваться на сей

счет с адвокатом мисс Аранделл. У нее, наверное, был свой адвокат?

— Да, да, сэр,— быстро откликнулась Элен.— Мистер Первис из Харчестера.

— Он был в курсе всех ее дел?

— Думаю, да, сэр. Насколько я помню, именно он вел все ее дела. После того как мисс Аранделл упала с лестницы, она велела немедленно послать за ним.

— Скажите, пожалуйста, когда это произошло?

— На следующий день после того дня, когда были закрыты все банки,— вмешалась кухарка.— Я это хорошо помню. В тот день я готовила, поскольку у нее были гости, а отдыхала вместо этого в среду.

Пуаро вынул карманный календарик.

— Совершенно верно. В этом году все банки были закрыты тринадцатого. Значит, мисс Аранделл упала четырнадцатого. Письмо было написано спустя три дня. Жаль, что она его так и не отправила. Но может, и сейчас не поздно...— он помолчал.— Мне думается, поручение, которое она хотела мне дать, было связано с одним из гостей, о которых вы упомянули.

Предположение, высказанное Пуаро, которое должно было явиться громом среди ясного неба, имело под собой определенную почву. Элен, казалось, что-то вспомнила. Она вопросительно посмотрела на кухарку и встретила ее одобряющий взгляд.

— Скорее всего, с мистером Чарльзом,— сказала она.

— Кто гостил тогда у вашей хозяйки? — спросил Пуаро.

— Доктор Таниос, его жена, миссис Белла, мисс Тереза и мистер Чарльз.

— Это все племянники и племянницы мисс Аранделл?

— Совершенно верно, сэр. Кроме доктора Таниоса — мужа миссис Беллы, племянницы мисс Аранделл, дочери ее сестры,— он иностранец, грек вроде бы. А мистер Чарльз и мисс Тереза — брат и сестра.

— Понятно. Значит, в гостях собрались только ее родственники. И когда же они уехали?

— В среду утром, сэр. Но доктор Таниос и миссис Белла приезжали и на следующий уик-энд, их беспокоило здоровье мисс Аранделл.

— А мистер Чарльз и мисс Тереза?

— Они приезжали на второй уик-энд. После которого она и умерла.

Любопытство Пуаро не знало предела. Я никак не мог

взять в толк, зачем ему все это знать. Тайна письма получила свое объяснение, и, на мой взгляд, было бы лучше для него с достоинством ретироваться.

Моя мысль словно передалась ему.

— Ладно, — сказал он. — Все, что вы мне рассказали, очень интересно. Я должен посоветоваться с мистером Первисом, так, кажется, зовут адвоката? Благодарю вас за помощь.

Он наклонился и погладил Боба.

— Как дела, удалец? Ты любил свою хозяйку?

Боб радостно откликнулся на эту ласку и, в надежде поиграть, принес большой кусок угля. Но псу был сделан выговор, и уголь у него отняли. Он посмотрел на меня, ища сочувствия. «Ох, уж эти женщины! — как бы говорил он. — Кормят-то на славу, а вот играть не хотят!»

Глава IX

СЛЕДСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ПРОИСШЕСТВИЯ С МЯЧИКОМ БОБА

— Надеюсь, Пуаро, теперь ваше любопытство удовлетворено? — спросил я, когда мы очутились за воротами «Литлгрин Хауза».

— Да, мой друг, удовлетворено.

— Ну, слава богу! Наконец-то все тайны раскрыты! Миф о злой компаньонке и богатой старой даме развеян в прах! Запоздалое письмо и даже пресловутое происшествие с мячиком собаки предстали в своем истинном свете, и все разрешилось к общему благополучию.

— Что касается общего благополучия, то я бы этого не сказал, — кашлянув, сухо заметил Пуаро.

— Так вы же сами признались, что удовлетворены.

— Я сказал, что мое любопытство удовлетворено. А это не одно и то же. Пока я не докопаюсь до истины и не узнаю всей правды об этом происшествии с мячиком Боба, я не буду удовлетворен до конца.

— Но все оказалось проще простого!

— Не так просто, как вы полагаете, — покачал он головой. — Есть одно немаловажное обстоятельство, о котором вы даже понятия не имеете.

— Какое же? — не без скепсиса спросил я.

— Я обнаружил гвоздь, вбитый в панель рядом с верхней лестничной ступенькой.

Я вытаращил на него глаза. Пуаро был мрачен.

— Ну и что из того?

— Вопрос в том, Гастингс, откуда он там взялся?

— Как знать? Может, по хозяйству понадобился. А это важно?

— Очень важно. Ума не приложу, кому понадобилось вбивать туда гвоздь. Да еще тщательно замазывать его лаком, чтобы он не был замечен.

— К чему вы клоните, Пуаро? У вас есть какие-нибудь подозрения?

— Твердо сказать не могу, но кое о чем догадываюсь. Кому-то потребовалось протянуть нитку или проволоку поперек лестницы на расстоянии примерно с фут от пола так, чтобы привязать ее с одной стороны к балюстраде, а с другой — к гвоздю.

— Пуаро, на что вы намекаете!

— Я провожу следственный анализ происшествия с мячиком Боба! Хотите послушать его в моем изложении?

— С удовольствием.

— Дело обстояло так. Кто-то заметил привычку Боба оставлять свой мячик у края лестничной площадки. Это опасно и может привести к несчастному случаю, — Пуаро смолк на мгновение, а потом совсем другим тоном спросил: — Если вы вздумаете кого-нибудь убить, какая мысль прежде всего придет вам в голову?

— Я... Не знаю. Обеспечить себе алиби. Или что-нибудь в этом духе.

— Совершить убийство не так-то просто и безопасно. Вам, разумеется, не дано понять ход мыслей хладнокровного, осторожного убийцы. А стало быть, и в голову не придет, что для этой цели лучше всего подстроить несчастный случай. Ведь несчастные случаи происходят сплошь да рядом. При желании, Гастингс, можно помочь им произойти. По-моему, мячик, случайно оставленный собакой на лестничной площадке, только подал мысль убийце. Мисс Аранделл имела обыкновение выходить по ночам из спальни и бродить по дому. Зрение у нее было неважное, так что она вполне могла споткнуться и упасть с лестницы. Но осторожный убийца не полагается на случай. Нитка, протянутая вдоль верхней ступеньки, гораздо надежнее. Жертва полетит с лестницы кубарем, а когда сбегутся домашние, станет ясно, что произошел несчастный случай и виной тому — мячик Боба!

— Какой ужас! — воскликнул я.

— Да, действительно, ужасно... — мрачно согласился

Пуаро.— К тому же попытка не удалась... Мисс Аранделл отделалась легко, а вполне могла сломать себе шею. Воображаю, какое разочарование постигло будущего убийцу. Но мисс Аранделл была женщиной сообразительной. И хотя все уверяли ее, что она поскользнулась на мячике, который, наверное, действительно там лежал, она, вспомнив, как все происходило, поняла, что несчастный случай произошел совсем по иной причине. Что она вовсе не поскользнулась. По-видимому, что-то ее беспокоило. К тому же она вспомнила, как лаял Боб на улице в пять часов утра, просясь домой.

Разумеется, это всего лишь мои догадки, но убежден, что я прав. Мисс Аранделл вечером сама положила мячик Боба в ящик бюро. Потом Боба выпустили на улицу, и он не вернулся. Значит, он никак не мог оставить мячик на лестничной площадке.

— Но ведь это все только домыслы, — заметил я.

— Не совсем так, друг мой, — возразил Пуаро.— Вспомните слова мисс Аранделл, когда она бредила. Она упоминала мячик Боба и кувшин. Теперь вы понимаете, что я имею в виду?

— Нисколько.

— Странно... Неужели вы не заметили в гостиной фарфоровый кувшин? На нем нарисована собака. Когда Элен рассказала нам о том, что говорила ее хозяйка в бреду, я специально пошел присмотреться к нему и обнаружил рисунок. На нем изображена собака, просидевшая всю ночь на пороге дома. Понимаете, в каком направлении работает мысль больной? Боб напоминает ей собаку, нарисованную на кувшине, которая всю ночь провела на улице, — значит, не он оставил мячик на лестничной площадке.

— Вы просто гений, Пуаро! — искренне восхитился я.— Как вы догадались? Мне бы это и в голову не пришло!

— Тут и догадываться нечего. Надо только как следует все проанализировать. Улавливаете ситуацию? Мисс Аранделл, прикованную после несчастного случая к постели, мучают подозрения. Какими бы абсурдными они ей ни казались, она не может от них отделаться. «После происшествия с мячиком собаки меня все больше и больше охватывает беспокойство». И поэтому она пишет мне, но, к несчастью, я получаю ее письмо лишь два месяца спустя. Скажите, разве содержание ее письма не соответствует всем этим фактам?

— Пожалуй, вы правы, — согласился я.

— Есть еще одно обстоятельство, которое не следует

сбрасывать со счетов. Мисс Лоусон делала все возможное, чтобы мисс Аранделл не узнала о том, что Боб всю ночь провел вне дома.

— Вы полагаете, что она...

— Я полагаю, что мимо данного факта проходить нельзя.

Какое-то мгновение я переваривал услышанное.

— Что ж! — вздохнул наконец я. — Все это довольно интересно с точки зрения, так сказать, умственных упражнений. Снимаю перед вами шляпу и низко кланяюсь. Вы мастерски произвели следственный анализ происшествия, случившегося в ту ночь. Мне искренне жаль, что старая дама умерла.

— Действительно, очень жаль. Она пишет о том, что кто-то покушается на ее жизнь, — ведь именно об этом говорилось в письме, — и вскоре после этого умирает.

— Но умерла-то она естественной смертью, а вы, как я погляжу, вроде бы огорчены, — съехидничал я.

Пуаро пожал плечами.

— А может, ее отравили?

Пуаро покачал головой.

— Не исключено, — признался он, — что мисс Аранделл умерла своей смертью.

— А посему, — подхватил я, — мы возвращаемся в Лондон.

— Извините, мой друг, но мы пока не возвращаемся в Лондон.

— Что вы хотите этим сказать, Пуаро? — воскликнул я.

— Если показать гончей кролика, мой друг, разве она побежит в Лондон? Нет, она ринется вслед за кроликом.

— Что вы имеете в виду?

— Гончая охотится за кроликами, Эркюль Пуаро — за убийцами. А здесь налицо убийца, попытка которого совершить преступление сорвалась. Тем не менее это — убийца. И я, друг мой, полезу за ним в любую нору.

Он резко свернул в ворота.

— Куда вы, Пуаро?

— В одну из нор, друг мой. Это дом доктора Грейнджера, который лечил мисс Аранделл во время ее последней болезни.

Доктору Грейнджеру было лет шестьдесят с лишним. Лицо у него было худое, костлявый подбородок выпячен, серые глазки смотрели хитро. Он внимательно оглядел сначала меня, потом Пуаро.

— Чем могу быть полезен? — сухо спросил он.

Пуаро рассыпался в извинениях.

— Прошу простить нас, доктор Грейнджер, за столь бесцеремонное вторжение. Должен с самого начала признаться, что я — еще раз прошу простить нас — пришел к вам не как пациент к врачу.

— Рад это слышать, — по-прежнему сухо отозвался доктор Грейнджер. — У вас вполне здоровый вид.

— Я хотел бы объяснить вам цель моего визита, — продолжал Пуаро. — Дело в том, что я пишу книгу о покойном генерале Аранделле. Насколько мне известно, последние годы жизни он провел здесь, в Маркет Бейсинге.

Доктор заметно удивился.

— Да, генерал Аранделл действительно жил здесь до своей смерти. В «Литлгрин Хаузе», как раз за банком, вы, наверное, уже там побывали.

Пуаро кивнул.

— Но он жил тут еще до моего приезда. Я поселился здесь в 1919 году, — продолжал доктор.

— Зато вы знали его дочь, покойную мисс Аранделл?

— Эмили Аранделл я хорошо знал.

— Для меня явилось большой неожиданностью известие о том, что она недавно умерла.

— Да, первого мая.

— Мне так и сказали. Видите ли, я рассчитывал получить от нее кое-какие сведения касательно отца и послушать ее воспоминания.

— Понимаю, понимаю. Но я-то чем могу вам помочь?

— У генерала Аранделла больше не осталось детей? — спросил Пуаро.

— Нет, они все скончались.

— А сколько их было всего?

— Пятеро. Четыре дочери и сын.

— А внуки?

— Чарльз Аранделл и его сестра Тереза. Вы можете с ними познакомиться. Боюсь только, от этого будет мало прока. Нынешнее молодое поколение мало интересуется своими предками. Есть еще миссис Таниос, но от нее вы тем более ничего не добьетесь.

— Может, у них сохранились какие-нибудь семейные документы?

— Возможно. Но лично я сомневаюсь. Насколько мне известно, после смерти мисс Эмили большую часть бумаг сожгли или выкинули.

Пуаро жалобно застонал.

Грейнджер посмотрел на него с любопытством.

— А почему вы проявляете такой большой интерес к генералу Аранделлу? Он, вроде бы, ничем не прославился.

— Дорогой сэр, — глаза у Пуаро фанатично заблестели, — давно уже не новость, что история ничего не знает о тех, кто ее творит! Недавно обнаружили новые факты, проливающие свет на те волнения, которые происходили в Индии. Там имел место заговор. И в этом заговоре Джон Аранделл играл вилную роль. Документы, свидетельствующие об этом, производят потрясающее впечатление! Уверяю вас, дорогой сэр, что в нынешнее время интерес к этим событиям весьма актуален. Политика Англии в отношении Индии — жгучий вопрос сегодняшнего дня.

— Гм, — задумчиво промышчал доктор. — Я слышал, что генерал Аранделл очень любил говорить на эту тему. По правде говоря, он многим здесь докучал своими рассказами.

— Кому именно?

— Ну хотя бы мисс Пибоди. Между прочим, вы можете навестить ее. Она у нас в городе старожил и хорошо знала семью Аранделлов. К тому же она обожает сплетни. Да и вообще с нею стоит побеседовать. Личность, скажу я вам, прелюбопытная.

— Спасибо. Превосходная мысль! Не будете ли вы так добры дать мне заодно адрес молодого мистера Аранделла, внука покойного генерала?

— Чарльза? Пожалуйста. Только, предупреждаю, он большой вертопрах. Для него семейная родословная — пустой звук.

— Еще совсем молод?

— Он из тех, кого я, старый чудака, называю «юнцами» — подмигнул нам доктор — Ему уже за тридцать. Он из числа тех молодых людей, которым на роду написано доставлять неприятности своей семье. Внешне он очарователен, но внутренне абсолютно пустой. Объездил весь мир, и все зря.

— Тетка, наверное, души в нем не чаяла, баловала? — рискнул спросить Пуаро. — Такое часто случается.

— Гм, не знаю, — усомнился Грейнджер. — Эмили Аранделл была неглупой женщиной. Насколько мне известно, ему так и не удалось выудить из нее какую-либо значительную сумму. Мисс Аранделл была дамой старой закалки. Мне она нравилась. Я ее уважал. Эдакий солдат в юбке.

— Она умерла внезапно?

— В какой-то степени да. Разумеется, в последнее время она часто хворала. Но прежде всегда выходила победительницей в схватке со смертью.

— Мне говорили... Впрочем, это, наверное, сплетни,— Пуаро пренебрежительно махнул рукой,— что она не очень-то ладила со своими родственниками?

— Нет, она не ссорилась с ними всерьез,— задумчиво произнес доктор Грейнджер.— До скандалов у них никогда не доходило, насколько мне известно.

— Прошу прощения. Вероятно, я сую нос не в свои дела.

— Не беспокойтесь. В конечном счете рано или поздно все становится известно широкой общественности.

— Насколько я понял, она ничего не завещала родственникам?

— Да, она все оставила своей услужливой, суетливой компаньонке. Станный поступок, конечно. В голове не укладывается. На нее совсем не похоже.

— Чего не бывает на свете,— рассеянно заметил Пуаро.— Старая дама, болезненная, на ладан дышит. Всецело зависит от человека, который за ней ухаживает. Согласитесь, любая женщина, если она с умом, легко может добиться благосклонности.

Слово «благосклонность» подействовало на доктора, словно красная тряпка на быка.

— Благосклонность? Благосклонность? — запыхтел доктор Грейнджер.— Какая там благосклонность! Эмили Аранделл обращалась с Минни Лоусон хуже, чем с собакой. Впрочем, для дам ее поколения это весьма характерно. Во всяком случае, женщины, которые зарабатывают себе на жизнь в качестве компаньонки, большим умом не отличаются. Иначе бы они нашли себе работу получше. Эмили Аранделл плохо уживалась с дураками. Поэтому меняла своих компаньонки, как перчатки. А вы говорите — благосклонность. Да ничего похожего!

Пуаро мгновенно переменял скользкую тему.

— А может,— предположил он,— у мисс Лоусон еще сохранились старые семейные письма и документы?

— Вполне вероятно,— сказал Грейнджер.— Обычно в домах старых дев скапливается великое множество ненужных бумаг. Думаю, мисс Лоусон не успела просмотреть и половину из них.

Пуаро встал.

— Спасибо вам большое, доктор Грейнджер. Вы очень любезны.

— Не за что,— отозвался доктор.— Жаль, что ничем не смог помочь. Вам лучше всего обратиться к мисс Пибоди. Она живет в «Мортон Мэнор», в миле отсюда.

Пуаро нагнулся и понюхал розы, которые стояли в вазе на столе у доктора.

— Чудесный запах,— пробормотал он.

— Да, наверное. Но я не чувствую запахов. Утратил обоняние после того, как переболел гриппом четыре года назад. Неплохая реклама для врача, правда? «Врачу, исцелился сам», как говорится в библии. Чертовски неприятно! Даже курение теперь не доставляет мне такого удовольствия, как прежде.

— Действительно, очень неприятно. Да, вы не забудете дать мне адрес молодого Аранделла?

— Минуточку,— доктор провел нас в холл и позвал: — Доналдсон! Мой компаньон,— объяснил он.— У него наверняка есть адрес Чарльза. Ведь он помолвлен с его сестрой Терезой,— и крикнул еще раз: — Доналдсон!

Из комнаты в глубине дома появился довольно бесцветный молодой человек среднего роста. Но, в отличие от доктора Грейнджера, он являл собой образец аккуратности. Большой контраст трудно было себе представить.

Грейнджер объяснил ему суть дела.

Доктор Доналдсон оценивающе оглядел нас светло-голубыми слегка навыкате глазами. Говорил он тоже четко, ясно, тщательно подбирая слова.

— Не знаю, где живет Чарльз, но могу дать вам адрес мисс Терезы. Она, не сомневаюсь, сможет связать вас со своим братом.

Пуаро уверил его, что нам это вполне подойдет.

Доктор написал адрес на листке блокнота, оторвал его и подал Пуаро.

После того как Пуаро выразил свою благодарность, мы распрощались с обоими врачами. Уже в дверях я обернулся и увидел, что доктор Доналдсон, стоя в холле, провожает нас удивленным взглядом. Вид у него был весьма обескураженный.

ВИЗИТ К МИСС ПИБОДИ

— Неужто в самом деле никак нельзя обойтись без всей этой лжи? — спросил я, когда мы отправились дальше.

Пуаро пожал плечами.

— Что касается меня, я считаю, что эта ложь, которая, как я успел заметить, претит всему вашему естеству, — ложь во спасение. И я готов пользоваться ею без всякого зазрения совести...

— Оно и заметно.

— Так вот, если возникает необходимость в подобной лжи, лгать надо с умением, творчески, даже возвышенно!

— Вы полагаете, что своей ложью сумели убедить доктора Доналдсона и он поверил вам?

— Да, надо заметить, этот молодой человек подвержен скепсису, — задумчиво произнес Пуаро.

— По-моему, он что-то заподозрил.

— Почему вы так решили? На свете полно глупцов, которые хотят написать биографии себе подобных.

— Впервые слышу, как вы называете себя «глупцом», — улыбнулся я.

— Я могу сыграть роль не хуже любого артиста, — холодно отозвался Пуаро. — Мне жаль, что вам не понравилась моя выдумка. По-моему, она очень забавна.

Я переменял тему разговора:

— Что вы намерены делать дальше?

— Ничего особенного. Сядем в вашу машину и поедем в «Мортон Мэнор».

«Мортон Мэнор» оказался нелепым массивным домом эпохи королевы Виктории. Дряхлый дворецкий впустил нас несколько настороженно и прежде, чем доложить о нашем визите, спросил, назначена ли у нас аудиенция.

— Передайте, пожалуйста, мисс Пибоди, что мы пришли от доктора Грейнджера, — сказал Пуаро.

Спустя несколько минут дверь открылась и в комнату вразвалку вошла маленькая толстая женщина. Ее редкие седые волосы были гладко причесаны на прямой пробор. Черное бархатное платье, надетое на ней, в нескольких местах было потерто до основания, но его очень красил воротник из кружев великолепного рисунка, скрепленный у шеи большой камеей.

Она шла по комнате, близоруко сощутив глаза. Ее первые вопросы привели нас в полное замешательство.

— Чем торгуете?
— Ничем, мадам,— ответил Пуаро.
— Правда?
— Конечно.
— А пылесосами?
— Нет.
— И чулками не торгуете?
— Да нет же.
— А коврами?
— Нет.
— Вот и хорошо,— успокоилась мисс Пибоди, усаживаясь в кресло.— Значит, все в порядке. Тогда присаживайтесь.

Мы покорно сели.

— Прошу прощения за то, что приставала к вам с этими дурацкими вопросами,— извинилась мисс Пибоди.— Приходится быть начеку. Вы даже не представляете, какие типы сюда являются. От слуг тоже мало толку. Они совсем не разбираются в людях. Но винить их нельзя. Голос, костюм, имя вроде бы соответствуют внешнему облику. Командир Риджуэй, мистер Скот Эджертон, капитан Д'Арси Фитцджерберт. Приятные на вид люди, но не успеешь с ними познакомиться, как они суют под нос машинку для взбивания крема.

— Уверю вас, мадам,— вполне серьезно попытался убедить ее Пуаро,— у нас нет никаких подобных намерений.

— Вам лучше знать,— отозвалась мисс Пибоди.

Пуаро принялся рассказывать ей очередную небылицу, заготовленную им заранее. Мисс Пибоди слушала его молча, не перебивая и почти не моргая. Дослушав до конца, она сказала:

— Так вы собираетесь писать книгу?

— Да.

— По-английски?

— Разумеется.

— Но вы же иностранец? Признавайтесь, ведь вы иностранец?

— Совершенно верно.

Она посмотрела на меня.

— А вы, наверное, его секретарь?

— Я?.. Да,— ответил я не очень уверенно.

— Вы хорошо владеете английским?

— Надеюсь.

— Где вы учились?

— В Итоне*.

— Значит, плохо владеете.

Я вынужден был проглотить этот выпад против самого древнего и почитаемого колледжа, ибо мисс Пибоди снова обратилась к Пуаро:

— Итак, вы намерены создать жизнеописание генерала Аранделла, верно?

— Верно. Насколько мне известно, вы знали его?

— Да, я хорошо знала этого пропойцу.

Наступила минутная пауза. Затем мисс Пибоди, как бы размышляя вслух, заговорила:

— Писать теперь о волнениях в Индии — все равно, что стегать хлыстом дохлую лошадь. Но это ваше дело, конечно.

— Знаете, мадам, на эти вещи существует поветрие. Нынче Индия в моде.

— Резонно. Но что касается моды, то все возвращается на круги своя. Взять хоть к примеру рукава.

Мы молчали, ожидая, что она скажет дальше.

— Широкие наверху и сужающиеся книзу всегда выглядели уродливо, — продолжала мисс Пибоди. — А вот в широких книзу я всегда выглядела пристойно, — она уставилась горящим взглядом на Пуаро: — Так что же вас интересует?

Пуаро пожал плечами.

— Да все, что угодно, мадам! Семейная родословная, разные слухи, семейные отношения.

— О событиях в Индии я вам ничего рассказать не могу, — призналась мисс Пибоди. — По правде говоря, я не слушала его бредни. Эти стариковские байки всегда казались мне скучными. К тому же он был глуп как пробка. Думаю, во всей армии нельзя было сыскать подобного дурака. Впрочем, в армии умному человеку до больших чинов не добраться. Еще мой покойный отец любил говорить, что если хочешь продвинуться по службе, то надо быть лизоблюдом, подобоострастно относиться к жене полковника и подчиняться приказам старших офицеров.

Почтительно выслушав авторитетное мнение, Пуаро спросил:

— Вы были близко знакомы с семьей генерала Аранделла, не так ли?

— Совершенно верно. Я знала их всех, — ответила

* Город в Великобритании на реке Темзе, где находится колледж, основанный в 1440 году.

мисс Пибоди.— Старшей была прыщавая Матильда. Она преподавала в воскресной школе и питала слабость к одному из викариев. Затем шла Эмили. Великолепно ездила на лошади. Пожалуй, только она умела обуздать отца, когда у него начинались запои. Из их дома, бывало, телегами вывозили бутылки, а ночью закапывали. Кто же шел за ней — Арабелла или Томас? По-моему, Томас. Я всегда ему сочувствовала. Жить одному среди четырех женщин, с ума сойти! Он отупел и обабился. Никто даже представить себе не мог, что он когда-нибудь женится. Когда это случилось, все были просто потрясены.

Мисс Пибоди смачно захохотала.

Без сомнения, беседа с нами доставляла ей громадное удовольствие. Забыв о нашем существовании, она всецело погрузилась в воспоминания.

— За Томасом шла простушка Арабелла. Лицо у нее походило на ячменную лепешку. Самая некрасивая из сестер. Тем не менее она вышла замуж за довольно пожилого профессора из Кембриджа. Ему было тогда лет шестьдесят, если не больше. Он читал здесь цикл лекций, кажется, о чудесах современной химии. Я тоже посещала их. Помню, он что-то бормотал себе под нос, в бороду, а потому почти не слышно. Арабелла задерживалась после лекций и задавала ему вопросы. К тому времени ей уже было под сорок. Их обоих уже давно нет на свете. А брак оказался довольно счастливым. Непременно надо жениться на дурнушках — уж они-то никогда не станут флиртовать. И наконец, самой младшей, самой хорошенькой, веселой, шустрой была Агнес. Вот уж кому следовало выйти замуж, так не получилось! Она умерла незадолго до войны.

— Вы сказали, что женитьба мистера Томаса явилась для всех неожиданностью?

Мисс Пибоди разразилась густым, смачным хохотом.

— Неожиданностью? Слишком мягко сказано! То была сенсация! Никто не ожидал подобного фортеля от этого застенчивого, скромного тихони, который и шагу-то боялся ступить без своих сестер, — она смолкла на минуту, а затем продолжала: — Помните скандал, связанный с именем миссис Варфи, который всколыхнул все общество в конце девяностых годов? Ее обвиняли в том, что она отравила мышьяком своего мужа. Красавица! Так вот, она произвела на Томаса неизгладимое впечатление. Ее оправдали. Но Томас Аранделл совсем потерял из-за нее голову. Собирал газеты со статьями о ней, вырезал оттуда заметки и фотографии миссис Варфи. А когда процесс завершился, отпра-

вился в Лондон и сделал ей предложение! Уму непостижимо! Тихоня Томас, никогда не покидавший своего дома! Воистину поступки мужчин непредсказуемы! Они способны на все!

— И чем же это кончилось?

— Она вышла за него замуж.

— Наверное, большего удара для его сестер трудно себе представить?

— Естественно. Они даже не пожелали познакомиться с ней. Их можно понять. После всей этой истории... Томас смертельно обиделся на них, уехал с женой на Нормандские острова и как в воду канул. Не знаю, отравила ли мисс Варфи своего первого мужа, но Томас, во всяком случае, пережил ее на добрых три года. У них родились мальчик и девочка. Оба очень красивые, похожие на мать.

— Наверное, они часто навещали свою здешнюю тещу?

— Только после смерти родителей. К тому времени они уже учились в колледже и приезжали сюда на каникулы. Эмили была одинокой и кроме них да Беллы Биггс не имела родных на всем белом свете.

— Биггс?

— Дочь Арабеллы. Скучная девица, на несколько лет старше Терезы. Она тоже выкинула фортель. Вышла замуж за иностранца, который учился здесь в университете. За грека, врача по профессии. До красавца ему, конечно, далеко, но он очень обаятельный, должна признать. Правда, бедняжке Белле не приходилось особенно выбирать. Целыми днями она либо помогала отцу, либо разматывала шерсть для матери. А этот малый подвернулся как нельзя кстати. И понравился ей.

— У них счастливый брак?

— Откуда мне знать, счастливый у них брак или нет,— ответила мисс Пибоди.— С виду вполне счастливы. У них двое смуглокожих детей. Живут в Смирне.

— Но сейчас они вроде бы в Англии?

— Да, они приехали в марте. И со дня на день собираются отправиться обратно.

— А мисс Аранделл благоволила к своей племяннице?

— К Белле? Пожалуй, да, хотя она прескучная особа. Занята только своими детьми и домашним хозяйством.

— Мисс Аранделл одобряла этот брак?

Мисс Пибоди фыркнула.

— Конечно, хотя доктор Таниос ей не нравился. Человек он неглупый. И по-моему, из кожи лез вон, добиваясь

ее расположения. У него особый нюх на деньги.

Пуаро кашлянул.

— Насколько я понимаю, мисс Аранделл умерла далеко не бедной?

Мисс Пибоди расположилась в кресле поудобнее.

— Вот именно. Никому и в голову не приходило, что она так богата. Дело в том, что генерал Аранделл оставил довольно кругленькую сумму, разделив ее поровну между сыном и дочерьми. Часть этих денег была вложена в акции и принесла немалый доход. Томас и Арабелла, уйдя из дома, разумеется, забрали свою долю. Остальные три сестры жили вместе, не тратя и десятой части совместного капитала, который постоянно вкладывался в акции. Когда Матильда умерла, она оставила свою часть Эмили и Агнес, а после кончины Агнес все досталось Эмили. Эмили по-прежнему тратила очень мало. А потому к моменту своей смерти оказалось богачкой. И вот теперь все это досталось Минни Лоусон!

Последнюю фразу она произнесла со злорадным торжеством.

— Вы не ожидали этого, мисс Пибоди?

— Честно говоря, нет. Эмили никогда не скрывала, что после ее смерти деньги перейдут к ее племянницам и племяннику. Она так и составила свое первое завещание. Кое-какие вознаграждения слугам, остальное же делится поровну между Терезой, Чарльзом и Беллой. Господи, каково же было наше изумление, когда после ее смерти мы узнали, что она составила новое завещание, по которому все досталось этой ничтожной мисс Лоусон!

— Завещание было составлено незадолго до ее кончины? — спросил Пуаро.

Мисс Пибоди вперилась в него взглядом.

— Думаете, она сделала это по принуждению? Нет, ваши подозрения напрасны. У бедняжки Лоусон просто не хватило бы мозгов, а тем более смелости, решиться на что-либо подобное. Да и, по правде сказать, она была удивлена не меньше других, когда прочли завещание Эмили, судя по словам мисс Лоусон.

Пуаро улыбнулся ее оговорке.

— Завещание было составлено дней за десять до кончины, — продолжала мисс Пибоди. — Адвокат утверждает, что все сделано по закону. Вполне возможно.

— Вы хотите сказать... — подался вперед Пуаро.

— Я хочу сказать, что здесь не все чисто, — произнесла мисс Пибоди. — В том-то вся и заковыка.

— В чем именно?

— Не могу точно объяснить. Откуда мне знать? Я не юрист. Но дыма без огня не бывает, попомните мои слова.

— Пробовал ли кто-нибудь из родных опротестовать завещание? — осторожно поинтересовался Пуаро.

— Тереза вроде бы обращалась к юристу. Напрасный труд! К ним лучше не обращаться. Большая часть из них всегда посоветуют вам: «Не надо!» Однажды пять адвокатов советовали мне не предпринимать никаких действий. И что же? Я не послушала их. И выиграла процесс. Меня усадили на место истицы, а какой-то умник из Лондона стал задавать дурацкие вопросы, пытаюсь меня запутать. Но не тут-то было! «Как вы можете доказать, что это ваши меха, мисс Пибоди? — спросил он у меня. — На них нет даже клейма меховщика!» «Вполне возможно, — ответила я, — зато на подкладке есть штопка, и, если нынче хоть кто-нибудь умеет так штопать, я готова съесть свой зонтик». Он потерпел полную неудачу, вот так-то.

Мисс Пибоди смачно захохотала.

— Наверное, теперь, — осторожно продолжал расспрашивать Пуаро, — отношения между мисс Лоусон и членами семьи сильно обострились?

— Еще бы! Разве вам не известно, каков человек по своей сути? Едва наступает чья-то смерть, сразу же возникают ссоры. Покойника еще не похоронили, а большинство его оплакивающих уже готовы выцарапать друг другу глаза.

— К сожалению, вы правы, — вздохнул Пуаро.

— Такова уж человеческая натура, — снисходительно заметила мисс Пибоди.

Пуаро решил сменить тему.

— А правда ли, что мисс Аранделл интересовалась спиритизмом?

Мисс Пибоди снова пристально посмотрела на него.

— Если вы полагаете, что дух Джона Аранделла явился к Эмили и приказал ей оставить деньги Минни Лоусон, а Эмили беспрекословно повиновалась ему, — вы глубоко заблуждаетесь. Не такая уж Эмили дура. Хотите знать мое мнение? Спиритизм для нее был такой же забавой, ну, может быть, чуть побольше, чем пасьянс или криббидж. Кстати, вы уже познакомились с сестрами Трипп?

— Нет.

— Вот если познакомитесь, сразу поймете, насколько они глупы. Терпеть их не могу! Вечно передают вам послания от умерших родственников и всегда плетут какую-

нибудь чушь. Притом всерьез. А с ними заодно и Минни Лоусон. Впрочем, надо же чем-то заниматься по вечерам.

Пуаро предпринял очередную атаку.

— Вы, наверное, хорошо знаете Чарльза Аранделла? Что он собой представляет?

— Молодой повеса, хотя и очаровательный. Вечно в долгах, всегда без денег, зато объездил весь мир. Дамский угодник, — она фыркнула. — Уж я-то повидала таких на своем веку. Подумать только, у Томаса такой сын! У этого благовоспитанного чудака, являвшего собой образец нравственности! Не иначе, как по жилам Томаса течет дурная кровь. Честно говоря, мне по душе этот наглец. Впрочем, он из тех, кто способен ради одного-двух шиллингов прикончить родную бабушку. И сделать это не задумываясь. Полное отсутствие всякой морали. Откуда только берутся такие?

— А его сестра?

— Тереза? — мисс Пибоди задумчиво покачала головой. — Не знаю. Экзотическое создание. Экстравагантная. Она, между прочим, помолвлена с этим нашим доктором. Вы его видели?

— Доктора Доналдсона?

— Говорят, он хороший специалист, но во всем остальном не производит впечатления. Будь я молодой, не обратила бы на него никакого внимания. Но Терезе видней. Она, по-моему, у нас девица с опытом, я уверена.

— Доктор Доналдсон лечил мисс Аранделл?

— Лишь когда Грейнджер уезжал в отпуск.

— А во время последней болезни?

— Вряд ли.

— Мне кажется, мисс Пибоди, — улыбнулся Пуаро, — что вы не очень-то высокого мнения о нем как о враче?

— Не совсем так. Он доктор достаточно знающий, способный. Но у меня на его метод лечения свой взгляд. Сами посудите, в былые времена, когда ребенок объедался незрелыми яблоками, у него начинался приступ холецистита. Такой диагноз ставил врач и посылал ему несколько пилюль из своей приемной. Теперь же вам говорят, что у ребенка ярко выраженный цирроз, что требуется диета, и прописывают то же самое лекарство, только в виде крохотных таблеток, которые производят фармацевтические фабрики и за которые надо платить втридорога! Доналдсон — сторонник этой школы. Кстати, ее предпочитает большинство молодых матерей. Впрочем, не думаю, чтобы этот молодой человек надолго задержался у нас, обслужи-

вая тех, у кого болят животы, или тех, кто заразился корью. Он намерен переехать в Лондон. Этот подающий надежды доктор честолобив и хочет специализироваться.

— В чем именно?

— В серотерапии. Так, кажется, это называется. Смысл состоит в том, что вам вводят под кожу сыворотку, независимо от того, как вы себя чувствуете, чтобы у вас выработался иммунитет к заразным заболеваниям. Лично я никогда не позволю делать себе подобные инъекции.

— Вероятно, доктор Доналдсон проводит опыты, изучая какое-то определенное заболевание?

— Не знаю. Вижу только, что его не устраивает работа в Маркет Бейсинге. Он хочет обосноваться в Лондоне. Но для этого необходимы деньги, а он беден как церковная крыса.

— Печально, когда истинное дарование гибнет из-за отсутствия денег,— пробормотал Пуаро.— А те, у кого они есть, не хотят помочь?

— Во всяком случае, Эмили не проявила такого желания,— констатировала мисс Пибоди.— Ее завешание нас всех потрясло! Я имею в виду сумму, а не того, кому она ее оставила.

— Родственники ее тоже были потрясены этой суммой, как вы думаете?

— Трудно сказать,— ответила мисс Пибоди, даже сощурившись от удовольствия.— И да и нет. Один из них, во всяком случае, догадывался об этом.

— Кто именно?

— Чарльз. Он очень надеялся получить большой капитал. Не такой уж дурак этот Чарльз.

— Себе на уме?

— Во всяком случае, не размазня, как другие,— усмехнулась мисс Пибоди. И, помолчав, спросила: — Вы собираетесь с ним встретиться?

— Хотелось бы,— произнес Пуаро.— Вполне возможно, что у него сохранились какие-нибудь документы, касающиеся моего дела.

— Скорее всего он давно уже их сжег. Этот повеса не испытывает никакого почтения к своим предкам.

— Попытка не пытка,— нравоучительно заметил Пуаро.

— Пожалуй,— сухо согласилась мисс Пибоди.

В ее голубых глазах блеснуло нечто такое, что заставило Пуаро встать.

— Не смею дольше злоупотреблять вашим терпением,

мадам. Премного благодарен за ту информацию, которую вы мне дали.

— Я сделала все, что в моих силах,— ответила мисс Пибоди.— Правда, наша беседа имела очень малое отношение к индийскому мятежу, не так ли?

Она попрощалась с нами за руку.

— Дайте мне знать, когда книга выйдет в свет,— сказала она нам вслед.— С удовольствием прочту.

Последнее, что мы услышали, покидая комнату, был ее густой, смачный хохот.

Глава XI

ВИЗИТ К СЕСТРАМ ТРИПП

— Что же нам теперь делать? — спросил Пуаро, когда мы снова сели в машину.

Наученный опытом, я больше не решился предложить ему вернуться в Лондон. Пусть уж Пуаро развлекается посвоему, как ему хочется. Зачем мешать?

Я предложил выпить чаю.

— Чаю, Гастингс? С какой стати? В такое-то время?

— А что? — я посмотрел на часы.— Половина шестого. Самое время попить чаю.

— Вечно вы, англичане, со своим чаем! — вздохнул Пуаро. Нет, сейчас нам не до чая. В книге о правилах поведения я прочел на днях, что после шести чай уже не пьют. Это нарушение этикета. Так что у нас осталось всего полчаса на осуществление своих намерений.

— Подумать только, каким светским вы вдруг сделали, Пуаро. Так кого мы намерены сейчас посетить?

— Сестер Трипп.

— И вы им скажете, что сочиняете книгу о спиритизме? Или по-прежнему будете утверждать, что пишете о генерале Аранделле?

— На сей раз все будет гораздо проще, друг мой. Но прежде нам следует узнать, где живут эти дамы.

Нам любезно объяснили, как к ним пройти, и все же мы долго плутали по проулкам, прежде чем их нашли. Сестры Трипп обитали в старомодном живописном домике, который был таким ветхим, что, казалось, вот-вот развалится.

Нам отворила дверь девчонка лет четырнадцати, мимо которой мы с трудом протиснулись внутрь.

Гостиная, состоявшая из дубовых балок, большого от-

крытого камина и маленьких окошек, которые почти не пропускали света, была обставлена дубовой мебелью в псевдодеревенском стиле, как любят у нас в деревне. На столе красовалась деревянная плошка с фруктами, а на стенах висели фотографии, в основном двух особ в разных позах с букетами цветов, прижатыми к груди, и в широкополых соломенных шляпках.

Девочка, впустив нас, что-то пробормотала и скрылась, но ее голос тут же раздался где-то наверху:

— К вам два джентльмена, мисс.

Послышался женский голос, затем скрип половиц, шуршание юбок. По лестнице спустилась дама и направилась прямо к нам.

Она выглядела скорее лет на пятьдесят, нежели на сорок. Волосы у нее были гладко причесаны на прямой пробор, как у мадонны, глаза — карие и немного выпуклые. Платье из кисеи со множеством оборок производило странное впечатление бального.

Пуаро сделал шаг ей навстречу и заговорил, рассыпаясь в самых цветистых выражениях:

— Прошу простить за непрошеное вторжение, мадемуазель, но я в некотором роде пребываю в затруднительном положении. Меня интересует одна дама, но, к сожалению, она уехала из Маркет Бейсинга, и мне сказали, что только у вас я могу узнать ее адрес.

— Вот как? Кого вы имеете в виду?

— Мисс Лоусон.

— А, Минни Лоусон! Разумеется. Мы большие друзья. Прошу садиться, мистер...

— Паротти. А это мой друг — капитан Гастингс.

Мисс Трипп поклонилась и принялась щебетать:

— Еще раз прошу садиться, господа. Нет, пожалуйста, на стул я сяду сама. Вам удобно? Милая Минни Лоусон... А вот и моя сестра.

Снова послышались скрип половиц, шуршание юбок, и к нам присоединилась вторая дама, в платье из зеленого льна, которое больше подошло бы шестнадцатилетней девице.

— Моя сестра Изабел. Мистер Паротти... капитан Хокинс. Изабел, дорогая, эти джентльмены — друзья Минни Лоусон.

Мисс Изабел Трипп в отличие от своей пышной сестры выглядела довольно тощей. Светлые волосы у нее вились мелкими кудряшками. Она вела себя, как девчонка, и была одной из тех особ с цветами на фотографиях.

— Прелестно! — по-девичьи всплеснула она руками. — Милая Минни! Вы ее давно видели?

— Не видел уже несколько лет, — ответил Пуаро. — Мы как-то потеряли друг друга из виду. Я путешествовал. Вот почему меня так удивило и обрадовало известие о той счастливой доле, которая выпала моей старой приятельнице.

— О да! Минни того заслуживает! У нее золотое сердце! Она добрая, простая и вместе с тем очень серьезная.

— Джулия! — воскликнула Изабел.

— Да, родная?

— Как удивительно! Буква «П». Помнишь, на планшете четко выделялась буква «П» вчера вечером? Посетитель-чужестранец на букву «П»?

— И вправду, — подтвердила Джулия.

Обе дамы не сводили с Пуаро горящих восторженных глаз.

— Почти все предсказания сбываются, — мягко заметила Джулия. — Вы верите в оккультные науки, мистер Пирот?

— У меня слишком мало опыта в этом, мадемуазель, но как человек, много путешествовавший по восточным странам, я вынужден признать, что существует множество разных явлений, которые невозможно понять или объяснить с помощью естественных наук.

— Вот именно! — согласилась Джулия. — Вы видите самую суть!

— Восток, — пробормотала Изабел, — это древняя обитель мистицизма и оккультизма.

Насколько я знал, все путешествия Пуаро по Востоку сводились к поездке в Сирию, откуда ему пришлось заехать в Ирак, и занимали всего несколько недель. Судя же по тому, что он говорил сейчас, создавалось впечатление, будто он большую часть жизни провел в джунглях и на базарах, беседуя с факирами, дервишами и махатмами.

Насколько я понял, сестры Трипп были вегетарианками, поклонницами теософии, британскими израильтянками, последовательницами христианства, спиритистками и фотографами-любительницами.

— Порой кажется, — вздохнула Джулия, — что в Маркет Бейсинге невозможно жить. Люди лишены красоты души. А человек должен обладать душой, не так ли, капитан Хокинс?

— Конечно, — согласился я, слегка озадаченный. — Обязательно должен.

— Отсутствие взаимопонимания смерти подобно,— вздохнув, процитировала чьи-то слова Изабел.— Я несколько раз пыталась поговорить с нашим викарием, но он не способен широко мыслить. Вам не кажется, мистер Пирот, что религиозное кредо превращает человека в догматика?

— А кажется, чего проще,— подхватила ее сестра.— Ведь всем нам хорошо известно, что повсюду должны царить мир и благодать.

— Вы совершенно правы,— поддержал их Пуаро.— Очень жаль, когда между людьми возникает недопонимание, особенно из-за денег.

— Деньги достойны презрения,— вздохнула Джулия.

— Насколько я уловил, мисс Аранделл была одной из ваших новообращенных? — поинтересовался Пуаро.

Сестры обменялись взглядами.

— Не думаю,— сказала Изабел.

— Вряд ли,— усомнилась Джулия.— Иногда она верила, а иногда говорила нечто... совершенно непристойное. Помнишь последнее видение? Оно было весьма примечательным,— Джулия повернулась к Пуаро.— Это произошло как раз в тот вечер, когда милая мисс Аранделл заболела. После обеда мы устроили сеанс — вчетвером. И представляете, трое из нас отчетливо увидели нечто вроде нимба вокруг головы мисс Аранделл.

— Неужели?

— Эдакое светящееся облако. Правильно я его описываю, Изабел?

— Совершенно верно. Ореол слабого света постепенно окутывал голову мисс Аранделл. Теперь-то мы понимаем, что это был знак того, что ей скоро предстоит уйти в мир иной.

— Очень интересно,— заинтригованно произнес Пуаро.— А в комнате было темно?

— Да, в темноте мы всегда добиваемся более желаемых результатов. Кстати, день был довольно темный. Так что мы даже не разжигали камина.

— И с нами разговаривал прелюбопытнейший дух,— заметила Изабел.

— Ее звали Фатима. Она сказала, что умерла во время крестовых походов, и передала нам прекрасное послание.

— На словах?

— Нет, не голосом, а стуком. Любовь. Надежда. Жизнь. Что может быть прекраснее!

— Мисс Аранделл стало плохо во время сеанса?

— Нет, сразу после него. Нам подали сэндвичи, порт-

вейн, но милая мисс Аранделл ни к чему даже не притронулась, сказав, что плохо себя чувствует. Именно с того момента она и заболела. К счастью, ей не пришлось долго страдать.

— Она умерла спустя четыре дня,— пояснила Изабел.

— Мы уже получили от нее несколько посланий,— вдохновенно сообщила Джулия.— В них сообщалось, что она очень счастлива, что все прекрасно и она надеется, что между близкими ее сердцу людьми царят мир и любовь.

Пуаро кашлянул.

— К сожалению, это не так.

— Да, ее родственники ведут себя отвратительно по отношению к бедняжке Минни,— сказала Изабел. Ее лицо вспыхнуло от возмущения.

— Да, Минни — просто неземное существо,— поддакнула Джулия.

— Многие говорят про нее разные гадости. Будто она интригами добилась того, чтобы ей достались эти деньги.

— На самом же деле она сама была поражена...

— Просто ушам своим не поверила, когда адвокат прочел завещание...

— Она сама об этом говорила. «Джулия, дорогая,— сказала она мне,— я была ошарашена. Небольшие вознаграждения в пользу слуг, а «Литлгрин Хауз» и все остальное состояние — Вильгельмине Лоусон». Она была настолько ошеломлена, что лишилась дара речи. А когда совладала с собой и спросила, какова же эта сумма, полагая, что она, возможно, составляет несколько тысяч фунтов, мистер Первис, запинаясь, мямля и рассуждая о таких непонятных вещах, как движимость и недвижимость, признался, наконец, что состояние мисс Аранделл насчитывает что-то около трехсот семидесяти пяти тысяч. Бедная Минни чуть не лишилась сознания.

— Для нее это явилось полной неожиданностью,— подтвердила вторая сестра.— Кто бы мог подумать, что такое возможно?

— Она сама вам так сказала?

— О да, она не раз говорила нам об этом. Вот почему непристойно вести себя так, как семейство Аранделл: не разговаривать с Минни и относиться к ней с подозрением. В конце концов, Англия — свободная страна...

— Англичане, по-видимому, жестоко в этом заблуждаются,— пробормотал Пуаро.

— ...И я считаю, что каждый волен распоряжаться своими деньгами, как сочтет нужным! По-моему, мисс

Аранделл поступила очень разумно. Без сомнения, она не доверяла своим родственникам, и на то у нее были все основания.

— Вы так думаете? — Пуаро с интересом подался вперед.

Такое проявление внимания ободрило Изабел.

— Конечно. Мистер Чарльз Аранделл, ее племянник, отвратительный молодой человек. Это известно всем. Мне кажется, его даже разыскивает полиция какой-то страны. Очень неприятный субъект. Что касается его сестры, то я никогда не беседовала с ней, но выглядит она очень странно. Ультрамодные туалеты и сплошной грим. Когда я вижу ее напояженные губы, мне становится дурно. Как будто они измазаны кровью. Глядя на нее, диву даешься. Ведет себя, как наркоманка. Она, между прочим, помолвлена с доктором Доналдсоном. Очень славный молодой человек. По-моему, даже ему порой противно на нее смотреть. Конечно, она по-своему привлекательна, но, надеюсь, со временем он одумается и женится на какой-нибудь приятной английской девушке, которая любит жизнь в провинции и сельский воздух.

— А другие родственники?

— Другие тоже малосимпатичны. Пожалуй, исключение составляет только миссис Таниос. Она славная женщина, предельно глупа и находится полностью под пятой у своего мужа — турка, кажется. И зачем англичанке выходить замуж за турка? Проявить такую неразборчивость! Разумеется, миссис Таниос — прекрасная мать, но дети у нее довольно страшненькие, бедняжки.

— По-вашему, выходит, что мисс Лоусон заслуженно получила наследство мисс Аранделл?

— Минни Лоусон — удивительная женщина, — спокойно ответила Джулия. — Притом бессребреница. Конечно, деньги ее интересовали, но жадностью она никогда не отличалась.

— Тем не менее ей не пришлось в голову отказаться от наследства.

Изабел даже отшатнулась.

— Вряд ли кто-нибудь на это способен.

— Да, пожалуй, вы правы... — улыбнулся Пуаро.

— Видите ли, мистер Паррот, — вставила Джулия, — она отнеслась к нему как душеприказчик...

— И хотела даже выделить какую-то часть миссис Таниос или ее детям, — продолжала Изабел. — Но она боялась, как бы этими деньгами не завладел ее муж.

— Минни говорила также, что намерена установить Терезе денежную помощь.

— Это было бы крайне великодушно с ее стороны, если учесть, что Тереза всегда относилась к ней свысока.

— Ей-богу, мистер Паррот, Минни — самый великодушный человек из всех наших знакомых. Но ведь вы сами ее знаете!

— Да, — ответил Пуаро, — я ее знаю. Но зато до сих пор не знаю ее адреса.

— О боже! Как глупо с нашей стороны! Записать его вам?

— Позвольте я сам запишу.

Пуаро вынул свою вечную записную книжку.

— «Клэнройден Мэншнс», 17. Рядом с Уайтлейс. Поцелуйте ее от нашего имени. Давно уже от нее нет никакой весточки.

Пуаро встал, я последовал его примеру.

— Я крайне признателен вам обоим за исключительно интересную беседу, — пропел он, — а также за то, что вы дали мне адрес моей приятельницы.

— Странно, что вам не дали его в «Литлгрин Хаузе», — воскликнула Изабел. — Это, должно быть, Элен. Слуги очень ревнивы и довольно глупы. Они часто грубили Минни.

Джулия величественно протянула нам руку.

— Очень рады были вашему визиту, — любезно заявила она. И, вопросительно взглянув на сестру, произнесла: — Быть может...

— Быть может... — подхватила Изабел, чуть порозовев. — Быть может, вы останетесь и разделите нашу вечернюю трапезу. Очень скромную — сырые овощи, черный хлеб с маслом, фрукты?

— Крайне заманчиво, — вежливо откликнулся Пуаро. — Но, увы, мы с моим другом должны вернуться в Лондон.

Снова пожав нам руки и попросив передать самый горячий привет мисс Лоусон, дамы, наконец, распрощались с нами.

Глава XII

ПУАРО ПРОЯСНЯЕТ СИТУАЦИЮ

— Слава богу, Пуаро, — с жаром сказал я, — нам не пришлось есть сырую морковь. Какие странные женщины!

— Нам нужен хороший бифштекс с жареной картошкой и хорошая бутылка вина. Интересно, что они предложили бы нам выпить?

— Скорее всего, колодезную воду, — ответил я с содроганием. — Или безалкогольный сидр. Не дом, а кошмар какой-то. Уверен, что там нет ни ванны, ни канализации, а туалет в саду.

— Непонятно, как могут эти женщины жить в таких нецивилизованных условиях, — задумчиво проговорил Пуаро. — И дело ведь вовсе не в отсутствии денег. Даже при стесненных обстоятельствах можно найти выход из положения.

— Какой будет приказ шоферу? — спросил я, выбираясь из бесконечных проулков на дорогу, ведущую к Маркет Бейсингу. — Кого из местных знаменитостей мы посетим на сей раз? Или вернемся в «Джордж» и еще раз допросим этого астматика официанта?

— Радуйтесь, Гастингс: мы покидаем Маркет Бейсинг...

— Прекрасно!

— Но только на время. Я еще вернусь сюда.

— В поисках неведомого убийцы?

— Совершенно верно.

— Удалось ли вам что-либо выудить из бессмысленного щебетания, которым нас удостоили сестры?

— Есть кое-какие детали, заслуживающие внимания. Действующие лица нашей драмы постепенно начинают вырисовываться. Совсем как в старинном романе, не так ли? Скромная компаньонка, когда-то всеми презираемая, превращается в богатую даму и теперь играет главную роль.

— Я полагаю, что ее снисходительность должна быть очень обидна для людей, которые считают себя наследниками по праву!

— Еще бы!

Воцарилось молчание. Миновав Маркет Бейсинг, мы выехали на шоссе. Я тихо мурлыкал модную в ту пору мелодию.

— Вы довольны собой, Пуаро? — наконец спросил я.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, Гастингс, — холодно откликнулся Пуаро.

— Мне показалось, что вы с удовольствием проделали эту работу.

— По-вашему, мои действия несерьезны?

— Ни в коем случае. Просто я полагал, что вы занимаетесь этой историей ради, так сказать, умственных упраж-

нений. Разминка для мозгов. Дело-то нестоящее.

— Наоборот, очень даже стоящее.

— Вероятно, я не совсем точно выразился. Я хочу сказать, что мы собирались помочь старой даме, хотели защитить ее от чего-то. Но раз она умерла, какой смысл городить огород?

— По-вашему, мы зря расследуем убийство?

— Да нет же, вот когда налицо есть труп, в таком случае... о господи, я совсем не то говорю.

— Не стоит волноваться, друг мой. Я вас отлично понимаю. Вам кажется, что наличие трупа — это убийство, а смерть, наступившая в результате заболевания, — естественная смерть. Ну, а если предположим, внезапная смерть мисс Аранделл была насильственной, а отнюдь не следствием хронического заболевания, тогда вы не остались бы равнодушны к моим попыткам обнаружить правду?

— Конечно, нет.

— Так вот, кто-то пытался ее убить.

— Но ведь не убил. В том-то и вся разница.

— И вам нисколько не интересно выяснить, кто же предпринял такую попытку?

— Почему же? Интересно.

— У нас очень узкий круг подозреваемых, — задумчиво произнес Пуаро. — Нитка...

— Нитку вы додумали, отыскав вбитый в панель гвоздь! — перебил я. — А может, гвоздь вбили туда сто лет назад!

— Нет. Лак, которым был покрыт этот гвоздь, совсем свежий.

— Тем не менее его могли вбить туда по разным причинам!

— Назовите хотя бы одну.

Сразу мне на ум ничего не пришло. Пуаро, воспользовавшись моим молчанием, продолжал:

— Итак, узкий круг подозреваемых. Нитку могли протянуть поперек лестницы только после того, как все разошлись спать. Поэтому число подозреваемых ограничивается лишь теми, кто находился в доме. Их семеро: доктор Таниос, миссис Таниос, Тереза Аранделл, Чарльз Аранделл, мисс Лоусон, Элен и кухарка.

— Слуг, наверное, можно из этого списка исключить.

— Не забывайте, они тоже получили денежное вознаграждение, друг мой. К тому же могут быть и другие причины: обида, ссора. Кто знает?

— Маловероятно.

— Вполне с вами согласен. Но следует принимать во внимание любое обстоятельство.

— В таком случае их не семеро, а восьмеро.

— Каким образом?

— В этот список следует включить мисс Аранделл. Может, она сама протянула веревку поперек лестницы, намереваясь погубить кого-нибудь из домочадцев.

Пуаро пожал плечами.

— Не говорите чепухи, мой друг. Если бы мисс Аранделл сама устроила эту ловушку, она бы в нее не попала. А с лестницы полетела именно она.

Мне нечего было возразить.

Пуаро же задумчиво продолжал:

— Здесь явная цепь событий: мисс Аранделл падает с лестницы, пишет мне письмо, вызывает к себе адвоката. И только одно обстоятельство выпадает из этой цепи: почему она не отправила сразу адресованное мне письмо? Колебалась или просто забыла, считая, что она его отправила?

— Этого мы знать не можем.

— Верно. Но зато можем предположить. Лично я склоняюсь к тому, что она считала письмо отправленным. И наверное, удивлялась, что не получает ответа...

Меня же интересовал больше другой вопрос, который я не замедлил выяснить:

— А как вы относитесь к этой спиритической чепухе? Есть ли какой-нибудь смысл в насмешке мисс Пибоди относительно того, что на одном из сеансов мисс Аранделл получила приказ от генерала Аранделла изменить завещание и оставить все свое состояние Минни Лоусон?

— Это противоречит тому впечатлению, которое у меня сложилось о характере мисс Аранделл,— с сомнением покачал головой Пуаро.

— Сестры Трипп утверждают, что мисс Лоусон была потрясена, когда прочли завещание,— задумчиво сказал я.

— Да, но со слов самой мисс Лоусон,— быстро возразил Пуаро.

— Вы ее подозреваете?

— Вы же знаете, я могу подозревать всех, Гастингс, но никогда никого не обвиню до тех пор, пока вина не будет подтверждена фактами.

— Что верно, то верно, старина,— произнес я.— Я давно заметил, вы добрейшей души человек.

— Какое имеет значение, что «говорит он», «говорит она», «говорят они»? Никакого. Это в равной степени

может оказаться правдой, а может быть и ложью. Я же предпочитаю иметь дело только с фактами.

— А факты упрямая вещь...

— Никто не станет отрицать, что мисс Аранделл упала, что падение ее не было случайным, что оно было задумано.

— И свидетельством тому слова Эркюлю Пуаро?

— Ни в коем случае. Об этом свидетельствуют гвоздь, письмо мисс Аранделл, адресованное мне, отсутствие собаки в доме в течение всей ночи, слова мисс Аранделл о кувшине и о мячике Боба. Все это неопровержимые факты.

— И что же отсюда следует?

— Отсюда следует вопрос: кому выгодна смерть мисс Аранделл? И ответ: мисс Лоусон.

— Злой компаньонке! Но ведь остальные тоже надеялись получить кое-что после ее смерти. Стало быть, каждый из них был заинтересован в том, чтобы она упала.

— Вот именно, Гастингс. Поэтому все они подозреваются в равной мере. Не забудьте еще одну небольшую деталь: мисс Лоусон постаралась, чтобы мисс Аранделл не узнала об отсутствии в доме Боба.

— Вы считаете это тоже подозрительным?

— Ни в коем случае. Просто я обращаю на это внимание. Вполне вероятно, она не хотела волновать мисс Аранделл. Скорее всего, именно так.

Я покосился на Пуаро. Вечно он уходит от прямого ответа.

— Мисс Пибоди высказала предположение, что с завещанием не все чисто,— напомнил я.— Как вы думаете, что она имела в виду?

— По-моему, она таким образом выражает ей свое недоверие.

— Чрезмерное влияние на нее спиритических сеансов, по-видимому, тоже можно исключить,— задумчиво сказал я.— Эмили Аранделл была слишком рациональна, чтобы верить во всю эту чепуху.

— А почему вы считаете спиритизм чепухой, Гастингс?

Я с удивлением уставился на него.

— Дорогой Пуаро, эти странные женщины...

— Я полностью разделяю ваше мнение относительно сестер Трипп, но тот факт, что они фанатично верят в христианскую науку, вегетарианство, теософию и спиритизм, ничуть не умаляет ни одного из этих предметов. Если глупая женщина наплетет вам разной чепухи о поддельном скарабее, купленном у какого-нибудь мошенника, то это вовсе не значит, что дискредитируется понятие о всей египтологии.

— Вы хотите сказать, что верите в спиритизм, Пуаро?

— Я готов изучать этот феномен, ибо являюсь профаном в данной области. Но нельзя забывать, что многие ученые считают, что необычные явления существуют, но им пока не находят объяснения. Взять хотя бы, к примеру, легковерие любой из мисс Трипп.

— Неужели вы поверили их рассказам о нимбе, который возник вокруг головы мисс Аранделл?

Пуаро махнул рукой.

— Я имею в виду явление как таковое, и мне не понятен ваш безосновательный скептицизм. У меня сложилось определенное мнение о сестрах Трипп, но, тем не менее, я намерен тщательно проанализировать любое их сообщение, которое привлекло мое внимание. Глупые женщины, друг мой, всегда остаются глупыми, независимо от того, ведут ли они разговор о спиритизме, о политике, о человеческих взаимоотношениях или о тенетах буддистской веры.

— Тем не менее вы слушали их крайне внимательно.

— Сегодня у меня одна задача — слушать. Узнать как можно больше об этих семи подозреваемых, хотя, главным образом, меня интересуют пятеро. Мы уже составили определенное мнение об этих людях. Возьмем, к примеру, мисс Лоусон. Сестры Трипп утверждают, что она преданная, великодушная, честная и вообще прекрасный человек. Мисс Пибоди говорит, что она чересчур доверчива, глупа и не способна совершить преступление. Доктор Грейнджер, если не ошибаюсь, считает, что она забитая, угнетенная и напуганная. От нашего официанта мы узнаем, что мисс Лоусон «особа», а Элен и Боб ее презирают. Каждый видит по-своему. То же самое касается и остальных. Чарльза Аранделла все называют безнравственным, но, тем не менее, говорят об этом по-разному. Доктор Грейнджер называет его непочтительным молодым человеком. Мисс Пибоди утверждает, что он готов за шиллинг-другой прикончить свою бабушку, но не считает его мошенником. Мисс Трипп просто обвиняет его в том, что он совершил не одно преступление. Все их высказывания очень полезны и крайне любопытны. Они побуждают вас к действию.

— К какому же?

— Убедиться во всем самим, друг мой.

Глава XIII

ТЕРЕЗА АРАНДЕЛЛ

На следующее утро мы поехали по тому адресу, который нам дал доктор Доналдсон.

Я предложил Пуаро заехать сначала к адвокату, мистери Первису, но он категорически отказался.

— Ни в коем случае, друг мой. Под каким предлогом мы к нему явимся?

— У вас всегда есть что-нибудь на примете, Пуаро! Сгодится любая невинная ложь.

— Наоборот, друг мой. «Невинная ложь», как вы выражаетесь, здесь не подойдет. Вы забываете, что мы имеем дело с адвокатом. Нас просто-напросто вышвырнут из дома.

— Ладно, — согласился я. — Не будем рисковать.

Итак, как я уже сказал, мы отправились на поиски квартиры, занимаемой Терезой Аранделл. Квартира была расположена в Челси и выходила окнами на реку. Обставленная дорогой модной мебелью, она блистала хромированной отделкой и была устлана толстыми коврами с геометрическим рисунком. Нам пришлось подождать несколько минут, пока в комнату, вопросительно глядя на нас, не вошла Тереза.

Терезе Аранделл было лет двадцать восемь-двадцать девять. Высокая, тоненькая, она смотрелась, как причудливая картинка из белой и черной красок. Угольно-черные волосы и густо напудренное лицо, которому до ниточки выщипанные брови придавали насмешливое выражение, ярко-красные губы — единственно яркое пятно на белом лице — производили впечатление. Казалось, что она была полностью безразлична к окружающим, что в ней в два раза больше энергии, нежели в большинстве людей. С холодным любопытством она поочередно оглядела нас с Пуаро.

По-видимому, Пуаро надоело везде представляться под придуманными именами, поэтому он послал заранее свою визитную карточку. Сейчас она вертела ее в руках.

— Надо полагать, — сказала она, — Вы месье Пуаро? Пуаро галантно поклонился.

— К вашим услугам, мадемуазель. Позвольте мне отнять несколько минут вашего драгоценного времени.

Подражая манерам Пуаро, она проговорила:

— Я счастлива, месье Пуаро. Прошу вас садиться.

Довольно осторожно Пуаро сел на низкий квадратный стул. Я же выбрал себе стул с прямой спинкой в решетку, отделанный хромом. Тереза небрежно опустилась на низкую скамеечку перед камином. Она предложила нам сигареты. Мы оба отказались, а она закурила.

— Возможно, вы слышали мою фамилию, мадемуазель?

— Маленький друг Скотланд-Ярда, верно? — кивнула Тереза.

Моему приятелю эта фраза, мне показалось, удовольствия не доставила, ибо несколько напыщенно он сообщил:

— Я изучаю проблему преступлений, мадемуазель.

— Потрясающе интересно, — скучным голосом произнесла Тереза. — Подумать только, а я умудрилась потерять мою книжку с автографами знаменитых людей.

— Я позволил себе явиться к вам по несколько необычному поводу, — продолжал Пуаро. — Вчера я получил письмо от вашей тетушки.

Ее глаза — удлинненной, миндалевидной формы — чуть приоткрылись. Она выпустила облако дыма.

— От моей тетушки, месье Пуаро?

— Именно так я сказал, мадемуазель.

— Извините, если я каким-либо образом нарушаю вашу игру, но дело в том, что такой особы не существует. Все мои тетки благополучно скончались. Последняя умерла два месяца назад.

— Мисс Эмили Аранделл?

— Да, мисс Эмили Аранделл. Покойники писем не пишут, вам не кажется, месье Пуаро?

— Иногда случается и такое, мадемуазель.

— Какой ужас!

Но в ее голосе появилась новая нотка. Он стал настороженным.

— И что же моя тетушка написала вам, месье Пуаро?

— Этого, мадемуазель, я не могу вам сказать в данный момент. Речь идет, — он кашлянул, — о некоем деликатном вопросе.

Минуту-другую длилось молчание. Тереза Аранделл курила.

— Все это звучит крайне занимательно. Но при чем тут я?

— Надеюсь, мадемуазель, вы не откажетесь ответить на несколько вопросов?

— Вопросы? О чем?

— Семейного характера.

Ее глаза опять расширились.

— Это звучит весьма торжественно! О чем же именно?

— Не дадите ли вы мне нынешний адрес вашего брата Чарльза?

Глаза девушки снова сузились. Ее скрытая энергия стала менее заметной, словно она спряталась в раковину.

— Боюсь, что не смогу. Мы мало общаемся. По-моему, его нет в Англии.

— Понятно.

Пуаро помолчал.

— И это все, что вы хотели узнать?

— Нет, у меня есть и другие вопросы. Первый — вы удовлетворены тем, как ваша тетушка распорядилась своим состоянием? И второй — как давно вы помолвлены с доктором Доналдсоном?

— Смотрите-ка, как вы засуетились! — лицо Терезы покрылось красными пятнами, до этого ничего не выражающие глаза метали молнии. — Но так и быть, я отвечу вам сразу на оба вопроса: вас это все абсолютно не касается, месье Эркюль Пуаро.

Пуаро минуту-другую внимательно разглядывал девушку. Потом, ничем не проявляя своего разочарования, встал.

— Пусть будет так. Ничего удивительного в этом нет. Позвольте мне, мадемуазель, поздравить вас с прекрасным французским произношением. Пойдемте, Гастингс.

Мы уже дошли до двери, когда девушка заговорила. И опять у меня почему-то возникла ассоциация с занесенным над головой кнутом. Она не двинулась с места, но, словно щелкнув кнутом, произнесла:

— Вернитесь!

Пуаро медленно подчинился. Он сел и с любопытством уставился на нее.

— Хватит валять дурака! — сказала она. — Вполне возможно, что вы можете оказаться мне полезным, месье Эркюль Пуаро.

— С удовольствием, мадемуазель. И чем же?

Между двумя затяжками сигареты она тихо и ровно произнесла:

— Научите меня, как опротестовать это завещание.

— По-моему, любой адвокат...

— Да, если бы я знала такого, который захотел бы мне помочь. Все адвокаты, с которыми я знакома, — люди респектабельные. Они мне скажут, что завещание составлено по закону и что любая попытка его опротестовать окажется тщетной.

— И вы им не верите?

— Я верю, что всегда можно найти возможность действовать обходным маневром, если быть неразборчивой в средствах и готовой хорошо платить. Я готова платить.

— И вы заранее уверены, что я готов быть неразборчивым в средствах, если мне заплатят?

— По-моему, так действует большинство людей. Не понимаю, почему вы должны быть исключением. Люди поначалу любят отстаивать свою честность и неизбежность моральных устоев.

— Совершенно справедливо. Это — часть игры, да? Но если, предположим, я соглашусь быть неразборчивым в средствах, что я, по-вашему, должен делать?

— Не знаю. Но вы человек умный. Это известно всем. Вот и придумайте что-нибудь.

— Например?

Тереза Аранделл пожала плечами.

— Это ваше дело. Укратите завещание, заменив его поддельным... Пробежитесь к этой Лоусон и запугайте ее, убедив, что она силой заставила тетю Эмили подписать завещание в ее пользу. Предъявите еще одно завещание, составленное тетей Эмили на смертном одре.

— У меня перехватывает дыхание, мадемуазель, от широты вашего воображения.

— Так да или нет? Я была с вами достаточно откровенна. Если это отказ праведника, то можете закрыть за собой дверь.

— Это не отказ праведника, — начал Пуаро, — но тем не менее...

Тереза Аранделл засмеялась. Она посмотрела на меня.

— Ваш друг, — заметила она, — просто потрясен услышанным. Может, он пойдет прогуляться?

— Гастингс, мадемуазель, человек честный и преданный. Он полностью лоялен по отношению ко мне. Уверяю вас, что бы мы ни собирались сделать, это будет строго в пределах закона и останется в тайне.

Она чуть приподняла брови.

— Закон, — объяснил Пуаро, — имеет широкое толкование.

— Понятно, — она слегка улыбнулась. — Думается, мы поняли друг друга. Хотите обсудить сумму вашего гонорара?

— Само собой разумеется. Небольшая сумма за оказанные мной услуги не повредит.

— Договорились, — бросила Тереза.

Пуаро подался вперед.

— А теперь послушайте, мадемуазель. Обычно — в девяности девяти случаях из ста, скажем так, я на стороне закона. Но сотый случай может быть иным. Естественно, я должен иметь гарантии, что моя репутация не пострадает.

Тереза Аранделл кивнула.

— И я должен знать все факты дела, всю правду. Вы понимаете, что, когда знаешь правду, понимаешь, как лучше солгать?

— Да, это, по-моему, вполне разумно.

— Значит, все в порядке. Каким числом датировано это завещание?

— 21 апреля.

— А предыдущее?

— Тетушка Эмили составила завещание пять лет назад.

— И согласно ему...

— За исключением небольших сумм, оставленных Элен и предыдущей кухарке, все имущество делится между детьми брата Эмили и дочерью ее сестры Арабеллы.

— Деньги доверяются попечителю?

— Нет, они передаются непосредственно нам.

— Вам были известны условия завещания?

— О да. Мы с Чарльзом и Беллой все знали. Тетя Эмили не делала из этого секрета. Если кто-либо из нас просил у нее займы, она обычно говорила: «Когда меня не станет, все деньги отойдут вам. Будьте этим довольны и наберитесь терпения».

— Она бы отказалась дать займы, если бы кто-либо из вас заболел или возникла другая серьезная необходимость?

— Думаю, что нет,— задумчиво ответила Тереза.

— Но она считала, что у вас всех есть на что жить?

— Да, так она считала.

В голосе девушки звучала горечь.

— А на самом деле?

Помолчав минуту-другую, Тереза сказала:

— Мой отец оставил каждому из нас по тридцать тысяч фунтов. Проценты от этой суммы, если ее умно вложить, составляют тысячу двести в год. Разумеется, приходилось платить кое-какой подоходный налог, но оставалась вполне приличная сумма, на которую можно неплохо жить. Но я,— голос Терезы изменился, стройная фигурка еще более выпрямилась, голова гордо вскинулась: вся та скрытая энергия, которую я чувствовал в ней, проявилась,— но я хочу взять от жизни нечто большее. Я хочу иметь все

лучшее! Лучшую еду, лучшие туалеты, ездить на Средиземное море и лежать под горячим летним солнцем, сидеть за столом в игорном доме, имея при себе большую пачку банкнотов, устраивать приемы—абсурдные, экстравагантные приемы. Я хочу иметь все, что существует в этом проклятом мире, и не когда-нибудь, а сейчас.

— И вы всего этого добились?

— Да, добилась.

— И сколько же из этих тридцати тысяч осталось у вас?

Тереза расхохоталась.

— Двести двадцать один фунт, четырнадцать шиллингов и семь пенсов. Таков итог. Так что, видите, вам придется подождать оплаты до получения результатов. А не будет результата — не будет и чека.

— В таком случае,— по-деловому произнес Пуаро,— придется добиться результатов.

— Вы великий человек, Эркюль Пуаро. Я рада, что мы заодно.

— Есть несколько вопросов, которые мне необходимо прояснить,— по-деловому продолжал Пуаро.— Вы принимаете наркотики?

— Нет, никогда.

— Пьете?

— Выпиваю, как все, но особого пристрастия к алкоголю не имею.

— Очень хорошо.

Она засмеялась.

— Я не проболтаюсь, даже если выпью.

— Романы? — продолжал Пуаро.

— Множество, но в прошлом.

— А сейчас?

— Только Рекс.

— Это доктор Доналдсон?

— Да.

— Он мне представляется слишком далеким от той жизни, о которой вы рассказали.

— Верно.

— И тем не менее вы его любите. Почему?

— Кто знает? Почему Джульетта влюбилась в Ромео?

— Прежде всего, при всем моем огромном уважении к Шекспиру, потому, что он оказался первым мужчиной в ее жизни.

— У меня Рекс не был первым мужчиной,— медленно произнесла Тереза,— далеко не первым.— И почти шепотом

том завершила: — Но мне кажется, ему суждено стать последним.

— И он бедняк, мадемуазель?

Она кивнула.

— Ему нужны деньги?

— Отчаянно. Но не по тем причинам, о которых говорила я. Ему не нужна роскошь. Он готов носить один и тот же костюм, пока его не придется латать, ежедневно есть на обед холодные котлеты и мыться в потрескавшейся жестяной ванне. Будь у него деньги, он бы истратил их все на оборудование лаборатории. Он честолюбив. Его работа ему дороже всего на свете, даже дороже меня.

— Он знал, что вы должны получить деньги после кончины мисс Аранделл?

— Я говорила ему после нашей помолвки. Но он женится на мне не из-за денег, если вы к этому клоните.

— Вы до сих пор помолвлены?

— Конечно.

Пуаро помолчал, его молчание ее беспокоило.

— Конечно,— резко повторила она. А потом спросила: — Вы его видели?

— Я видел его вчера — в Маркет Бейсинге.

— Зачем? Что вы ему сказали?

— Я ничего не сказал. Я только спросил у него адрес вашего брата.

— Чарльз? — ее голос снова стал резким. — Зачем вам Чарльз?

— Чарльз? Кому нужен Чарльз?

Это был новый голос — приятный мужской голос.

Загорелый молодой человек с обаятельной улыбкой вошел в комнату.

— Кто говорит обо мне? — спросил он. — Я услышал свое имя еще в холле, но я не подслушивал. Там, где меня воспитывали, строго наказывали за подслушивание. А теперь, Тереза, девочка моя, в чем дело? Давай выкладывай.

Глава XIV

ЧАРЛЬЗ АРАНДЕЛЛ

Должен признаться, что в ту минуту, когда я впервые увидел Чарльза Аранделла, он мне очень понравился. Были в нем какие-то жизнерадостность и изящество. Глаза у него поблескивали юмором, а улыбка обезоруживала.

Он прошел через комнату и сел на ручку одного из массивных кресел.

— В чем дело, девочка? — повторил он.

— Это — месье Эркюль Пуаро, Чарльз. Он готов сделать для нас кое-какую работу за небольшое вознаграждение.

— Я протестую, — вскричал Пуаро. — Не грязную работу, а, скажем, совершить безболезненный обман, чтобы восстановить первоначальное намерение наследодателя.

— Говорите как угодно, — согласился Чарльз. — А откуда Тереза вас выкопала — вот что меня интересует?

— Никто меня не выкапывал, — ответил Пуаро. — Я явился по собственному желанию.

— Предложить свои услуги?

— Не совсем так. Я искал вас. Ваша сестра сказала мне, что вы уехали за границу.

— Тереза, — сказал Чарльз, — очень заботливая сестра. И почти никогда не делает ошибок. Нюх у нее потрясающий.

Он ласково улыбнулся ей, но она не улыбнулась в ответ. Она была чем-то встревожена.

— Что-то у нас в доме происходит не так, как хотелось бы, — сказал Чарльз. — Разве месье Пуаро известен не тем, что разыскивает преступников? И уж, конечно, не помогает им?

— Мы не преступники, — резко оборвала его Тереза.

— Но готовы ими стать, — приветливо заявил Чарльз. — Я сам подумывал, не заняться ли какой-нибудь подделкой — это вполне в моем стиле. Меня в свое время выгнали из Оксфорда из-за небольшого недоразумения с чеком. Все было по-детски просто: я добавил ноль. Потом у меня была ссора с тетушкой Эмили и тамошним банком. Глупость с моей стороны, конечно. Я должен был предвидеть, что наша старушка соображает не хуже меня. Однако все эти инциденты касались мелочи — пяти-десяти фунтов. Подделать завещание, составленное на смертном ложе, было бы куда более рискованным предприятием. Пришлось бы соблазнить эту накрахмаленную и чопорную Элен и долго уговаривать ее подтвердить, что она была свидетельницей. Боюсь, это потребовало бы немалых усилий. Может, пришлось бы даже жениться на ней, и тогда она лишилась бы права давать показания против меня.

Он посмотрел в сторону Пуаро.

— Уверен, что вы установили где-нибудь тайный микрофон и нас слушают в Скотланд-Ярде, — сказал он.

— Ваша проблема меня заинтересовала,— отозвался Пуаро с упреком в голосе.— Обычно я не иду вразрез с законом. Но бывают обстоятельства, когда...— он многозначительно умолк.

Чарльз Аранделл изыщно пожал плечами.

— Не сомневаюсь, что в законе, как и вне его, есть равное число возможностей его обойти,— согласился он.— Вам лучше знать.

— Кем было засвидетельствовано завещание? Я говорю о том, которое было составлено 21 апреля.

— Первис привез с собой клерка, а вторым свидетелем был садовник.

— Значит, оно было подписано в присутствии мистера Первиса?

— Да.

— А мистер Первис — человек безупречной репутации?

— «Первис, Первис, Чарльзуорт и Первис» — такое же уважаемое и безупречное заведение, как Английский банк,— сказал Чарльз.

— Первис не хотел составлять завещание,— вмешалась Тереза.— В своей ультракорректной манере он, моему, даже пытался уговорить тетюшку Эмили не делать этого.

— Он сам сказал тебе об этом, Тереза? — резко спросил Чарльз.

— Да. Я ездила к нему вчера.

— И зря, моя дорогая. Напрасно тратишь деньги.

Тереза пожала плечами.

— Я попрошу вас обоих как можно подробнее рассказать мне о последних неделях жизни мисс Аранделл,— сказал Пуаро.— Насколько мне известно, вы, ваш брат и доктор Таниос с женой провели Пасху в «Литлгрин Хаузе»?

— Да.

— Что-нибудь значительное произошло в доме во время вашего пребывания?

— По-моему, нет.

— Ничего? А я-то думал...

Вмешался Чарльз.

— До чего же эгоистичная ты особа, Тереза! С тобой действительно ничего серьезного не произошло. Ты вся была в мечтах о своей любви. Позвольте мне сказать вам, месье Пуаро, что у Терезы в Маркет Бейсинге есть голубоглазый жених. Один из местных коновалов. Поэтому она

путаает многие понятия. Честно говоря, моя почтенная тетушка слетела с лестницы и чуть не отдала богу душу. Жаль, что этого не случилось. Тогда бы нам не пришлось ни о чем беспокоиться.

— Она упала с лестницы?

— Да, наступив на мячик, которым играет собака. Этот негодник оставил его на площадке, и тетушка среди ночи слетела с лестницы вниз головой.

— И когда это было?

— Дайте подумать. Во вторник. Накануне нашего отъезда.

— Ваша тетя серьезно пострадала?

— К сожалению, она упала не на голову, а на бок. Ушиби она головку, мы могли бы заявить, что она страдала размягчением мозга или еще чем-нибудь. Нет, она вообще почти не ушиблась.

— Чем вы были крайне разочарованы? — сухо спросил Пуаро.

— Что? А, я понимаю, что вы имеете в виду. Да, как вы говорите, крайне разочарованы. Твердые орешки эти престарелые дамы.

— И вы уехали в среду утром?

— Совершенно верно.

— Это было в среду, пятнадцатого. Когда вы в следующий раз встретились с вашей тетушкой?

— На уик-энде почти через две недели.

— То есть, позвольте, двадцать пятого, так?

— Скорее всего, именно так.

— И ваша тетушка умерла. Когда?

— В следующую пятницу.

— Заболев в понедельник вечером?

— Да.

— Вы уехали в понедельник?

— Да.

— И не приезжали во время ее болезни?

— Нет. Мы не знали, что она так серьезно больна.

— Вы приехали в пятницу и еще застали ее в живых?

— Нет, она умерла до нашего приезда.

Пуаро посмотрел на Терезу Аранделл.

— Вы были с братом у тети в обоих случаях?

— Да.

— И ничего не было упомянуто во время второго уик-энда о том, что составлено новое завещание?

— Ни слова, — ответила Тереза.

Однако Чарльз в ту же секунду выпалил:

— О да, было.

Он произнес это с той же беззаботностью, что и обычно, но было в этой фразе что-то вынужденное.

— Было? — переспросил Пуаро.

— Чарльз! — воскликнула Тереза.

Чарльз старался не встретиться с сестрой взглядом. И заговорил, не глядя на нее:

— Ты не можешь не помнить, девочка. Я ведь тебе рассказывал. Тетя Эмили предъявила нам в некотором роде ультиматум. Она сидела, как судья на процессе. И произнесла речь. Сказала, что не одобряет поведения своих родственников, то есть моего и Терезы. Против Беллы, заявила она, она ничего не имеет, но, с другой стороны, ей не нравится муж Беллы и она ему не доверяет. Тетя Эмили была всегда настроена проанглийски. Если бы Белле довелось унаследовать значительную сумму денег, сказала она, она не сомневается, что Таниос так или иначе прибрал бы эти деньги к рукам. Еще бы — ведь он грек! «Ей лучше ничего не иметь», — заявила она. А потом добавила, что ни мне, ни Терезе нельзя доверить большие деньги. Мы их тотчас же проиграем или растратим. Поэтому, завершила она, она составила новое завещание, согласно которому все ее состояние переходит к мисс Лоусон. «Она дура, — сказала тетушка Эмили, — но существо преданное. И я верю, что она искренно меня любит. Не ее вина, что она родилась глупой. Я сочла более справедливым сказать тебе об этом, Чарльз, чтобы ты не возлагал особенных надежд на мою смерть». Довольно противно было это слушать. Тем более, что я как раз и рассчитывал получить деньги после ее кончины.

— Почему ты не сказал мне об этом, Чарльз? — со злостью спросила Тереза.

— А вы что ответили, мистер Аранделл? — поинтересовался Пуаро.

— Я? — небрежно отозвался Чарльз. — Я только рассмеялся. Какой толк противоречить? «Как вам будет угодно, тетя Эмили, — сказал я. — Конечно, это в некотором роде удар. Но, в конце концов, деньги ваши, и вы вольны поступать с ними как вам заблагорассудится».

— И какой была реакция тетушки на ваши слова?

— Все обошлось, словно спущенное на тормозах. «Я смотрю, ты умеешь держать удар, Чарльз», — сказала она. На что я ответил: «Приходится глотать не только хорошее, но и плохое. По правде говоря, я не питал больших иллюзий, так, может, сейчас вы дадите мне десятку?»

Она назвала меня наглецом, но отвалила пятерку.

— Вы очень умело скрыли свои истинные чувства.

— Честно говоря, я не принял ее слова всерьез.

— Вот как?

— Да. Я решил, что она меня разыгрывает. Хочет нас всех напугать. Я был уверен, что пройдет несколько недель, а то и месяцев, и она аннулирует это завещание. Она часто сердилась на нас. И по правде говоря, не сомневаюсь, что она обязательно так бы и поступила, не случись этой проклятой смерти.

— Интересная мысль,— заметил Пуаро.

Помолчав минуту-другую, он продолжал:

— Мог ли кто-нибудь — мисс Лоусон, например, — подслушать ваш разговор?

— Пожалуй. Мы говорили в полный голос. Честно говоря, когда я вышел, Лоусон стояла возле двери. Наверное, подслушивала.

Пуаро задумчиво посмотрел на Терезу.

— И вы об этом ничего не знали?

Она не успела ответить, как вмешался Чарльз:

— Тереза, девочка, я был уверен, что рассказал тебе об этом или намекнул.

Наступила странная пауза. Чарльз не спускал глаз с Терезы.

— Если бы ты мне рассказал, я бы не забыла. Как вы считаете, месье Пуаро? — медленно сказала Тереза.

Ее миндалевидные темные глаза смотрели на него.

Также медленно Пуаро ответил:

— Да, я не думаю, что вы бы забыли, мисс Аранделл.

И резко повернулся к Чарльзу.

— Проясните мне одну деталь. Мисс Аранделл сказала вам, что собирается составить новое завещание, или подчеркнула, что уже составила его?

— На этот счет у меня нет сомнений,— быстро ответил Чарльз.— По правде говоря, она показала мне завещание.

Пуаро подался вперед. Глаза у него расширились.

— Это очень важно. Вы говорите, что мисс Аранделл показала вам завещание?

Чарльз как-то по-школьному дернулся, словно укрываясь от удара. Серьезный тон Пуаро заставил его почувствовать себя неловко.

— Да,— ответил он.— Она мне его показала.

— Вы можете нам в этом поклясться?

— Конечно, могу,— Чарльз занервничал.— Не вижу в этом ничего значительного.

Тереза внезапно вскочила и подошла к камину. Она закурила очередную сигарету.

— А вы, мадемуазель? — неожиданно повернулся к ней Пуаро. — Вам ваша тетушка ничего серьезного не говорила в течение уик-энда?

— По-моему, нет. Она была сама любезность. То есть настолько, насколько она вообще на это была способна. Укорила меня за тот образ жизни, что я веду, и прочее. Но это она делала постоянно. Правда, мне она показалась более возбужденной, нежели обычно.

— Вы, мадемуазель, наверное, были больше увлечены своим женихом? — улыбнулся Пуаро.

— Его там не было, — резко ответила Тереза. — Он был в отъезде на каком-то медицинском конгрессе.

— Значит, вы не видели его с той пасхальной недели? Именно тогда вы в последний раз встретились с ним?

— Да. Вечером, накануне нашего отъезда, он пришел отужинать.

— Извините меня, но вы с ним не поссорились?

— Конечно, нет.

— Я только подумал, что, поскольку он был в отъезде во время вашего следующего визита...

— Дело в том, — вмешался Чарльз, — что наш второй визит был спонтанным. Мы не собирались ехать туда.

— Вот как?

— Давай скажем правду, — устало произнесла Тереза. — Белла и ее муж были там в предыдущий уик-энд — суетились вокруг тети Эмили по поводу ее падения с лестницы. Мы побоялись, что они могут нас обскакать и...

— Решили, — с усмешкой добавил Чарльз, — что нам тоже следует проявить заботу о здоровье тети Эмили. Хотя старушка была слишком умна, чтобы обольститься таким вниманием. Она хорошо знала, что чего стоит. Нет, дурочкой наша тетушка не была.

Тереза внезапно рассмеялась.

— Красивая эта история, а? Как мы все, высунув языки, мчимся за деньгами.

— Это же касается и вашей кузины с ее мужем?

— Конечно. Белле не хватало денег. Тяжко было смотреть, как она пыталась копировать мои туалеты. Таниос играл на бирже на ее деньги и все их проиграл. Они едва сводят концы с концами. У них двое детей, и они очень бы хотели, чтобы дети получили образование в Англии.

— Вы можете дать мне их адрес? — спросил Пуаро.

— Они живут в Дюрэм-отеле в Блумсберри.

— Что она представляет собой, ваша кузина?

— Белла? Невыносимо скучная женщина. Правда, Чарльз?

— О да, жутко скучная. Но преданная мать, изо всех сил ухаживает за своим потомством.

— А ее муж?

— Таниос? Вид у него несколько странный, но вообще-то он приятный малый. Умный, с юмором и умеет постоять за себя.

— Вы согласны, мадемуазель?

— Должна признаться, что предпочитаю его общество обществу его жены. По-моему, он очень способный врач. Тем не менее я ему не доверяю.

— Тереза никому не доверяет,— заметил Чарльз и обнял сестру.— Она и мне не доверяет.

— Тебе может довериться только человек умственно отсталый,— ласково улыбнулась Тереза.

Брат и сестра разошлись в стороны и смотрели на Пуаро.

Пуаро поклонился и двинулся к выходу.

— Я занят, так сказать, работой. Мне будет нелегко, но мадемуазель права. Выход всегда найдется. Между прочим, эта мисс Лоусон, она из тех, кто способен потерять голову при перекрестном допросе в суде?

Чарльз и Тереза обменялись взглядом.

— Я сказал бы,— произнес Чарльз,— что адвокат способен заставить ее назвать черное белым!

— Это может оказаться весьма полезным,— заметил Пуаро.

Он вышел из комнаты, и я последовал за ним. В холле он взял свою шляпу, подошел к парадной двери, открыл ее и захлопнул со стуком. Затем на цыпочках двинулся к двери гостиной и приложил ухо к щели. В какой бы школе Пуаро ни учился, там по-видимому, не было неписанных правил насчет подслушивания. Я был бессилен что-либо изменить. Знаками я пытался уговорить Пуаро отказаться от этой затеи, но он не обращал на меня внимания.

И тут мы услышали низкий, вибрирующий голос Терезы, которая произнесла всего два слова:

— Ты дурак!

В коридоре послышались шаги. Пуаро, быстро схватив меня под руку, открыл дверь и вышел, бесшумно закрыв ее за собой.

МИСС ЛОУСОН

— Пуаро,— спросил я,— неужто нам не стыдно подслушивать у дверей?

— Успокойтесь, мой друг. Подслушивал только я. Вы ухо к щели не прикладывали. Наоборот, вы стояли прямо, как солдат.

— Но я тоже услышал, что она сказала.

— Совершенно верно. Мадемуазель, во всяком случае, не шептала.

— Потому что думала, что мы ушли.

— Да, мы совершили небольшой обман.

— Мне такие вещи не по душе.

— У вас безупречная нравственность. Но не будем повторяться. Мы уже не раз об этом говорили. Вы считаете, что это — не игра. Я же отвечаю вам, что и убийство — не игра.

— Но в данном случае не стоит вопрос об убийстве.

— Откуда вы так уверены?

— Намерение совершить убийство — да, возможно. Но, в конце концов, убийство и попытка его совершить — две разные вещи.

— С точки зрения морали это одно и то же. Но я имел в виду совсем другое: вы уверены, что наше внимание привлекает лишь попытка совершить убийство?

Я уставился на него.

— Но ведь мисс Аранделл умерла естественной смертью.

— Я повторяю: вы уверены?

— Все так говорят!

— Все? Ха-ха!

— Во всяком случае, так утверждает доктор,— заметил я.— Доктор Грейнджер. А уж кому знать, если не ему.

— Да, ему следует знать,— в голосе Пуаро звучало сомнение.— Однако вспомните, Гастингс, как часто производят эксгумацию трупа, хотя свидетельство о смерти подписано лечащим врачом да еще с самыми честными намерениями.

— Верно, но ведь мисс Аранделл умерла в результате продолжительной болезни.

— Да, по всей видимости, это именно так.

И опять в голосе Пуаро звучало сомнение. Я взгляделся в него.

— Пуаро,— сказал я,— разрешите мне для начала спросить у вас, уверены ли вы, убеждены ли вы, что не проявляете излишнего профессионального рвения? Вам хочется, чтобы это было убийство, и поэтому вы считаете, что это — убийство.

Он нахмурился и медленно кивнул.

— Вы недурно соображаете, Гастингс, и попали как раз в мое слабое место. Я расследую убийства. Я действую как великий хирург, который специализируется, например, на удалении аппендикса, а то и на более сложных операциях. К нему приходит больной, и он смотрит на него не только исходя из предстоящей операции. В эту минуту он задумывается над тем, что, может, этот человек страдает еще чем-нибудь... И я поступаю так же. Я всегда спрашиваю себя: «Не убийство ли это?» И никогда не исключаю подобной возможности.

— В данном случае я такой возможности не вижу,— заметил я.

— Но она умерла, Гастингс. От этого факта вам не уйти. Она умерла!

— Она была больна. Ей было далеко за семьдесят. Мне ее смерть представляется вполне естественной.

— И столь же естественным вам представляется и то, что Тереза Аранделл позволила себе сказать брату, что он дурак?

— Что здесь общего?

— Все! Скажите мне, что вы думаете по поводу признания мистера Чарльза Аранделла в том, что его тетка показывала ему свое новое завещание?

Я осторожно взглянул на Пуаро.

— А что думаете по этому поводу вы? — спросил я. Почему это вопросы всегда задает Пуаро?

— Я бы назвал это весьма заслуживающим внимания. Во всяком случае, именно такой была реакция мисс Терезы Арнаделл. Их перебранка свидетельствует о многом, об очень многом.

— Гм,— только и сумел отозваться я.

— Она наводит на мысль о том, что данное расследование следует вести двумя совершенно различными путями.

— Мне они оба — и брат и сестра — представляются готовыми на все мелкими мошенниками,— заметил я.— Девица, правда, хороша хоть куда. Что касается Чарльза, то он определенно мерзавец, хотя и привлекательный на вид.

Пуаро взмахом руки остановил такси. Мы сели в машину, и Пуаро назвал шоферу адрес:

— Бейсустер, «Клэнройден Мэншнс», 17.

— Значит, мы едем к Лоусон? — спросил я. — А потом к Таниосам?

— Совершенно верно, Гастингс.

— И в какой же роли вы предстанете там? — поинтересовался я, когда шофер остановился у «Клэнройден Мэншнс». — В роли биографа генерала Аранделла, будущего владельца «Литлгрин Хауза» или кого-нибудь более занимательного?

— В данном случае я назову себя Эркюлем Пуаро.

— Как жалы! — едко усмехнулся я.

Но Пуаро лишь молча посмотрел на меня и расплатился с водителем.

Квартира № 17 оказалась на третьем этаже. Нахальная на вид горничная, отворив дверь, провела нас в комнату, которая явно не могла не вызвать у нас удивления после той, где мы только что побывали.

Квартира Терезы Аранделл была до того пустой, что казалась почти голой, а квартира мисс Лоусон, напротив, была так заставлена мебелью и всякого рода безделушками, что было страшно сделать лишний шаг из боязни что-либо опрокинуть.

Дверь открылась, и в комнату вошла довольно полная дама средних лет. Именно такой я и представлял себе мисс Лоусон. У нее было энергичное, но глуповатое лицо, неряшливая прическа из мышиного цвета волос и криво сидящее на носу пенсне. Говорила она какими-то отрывистыми фразами и, казалось, будто задыхается.

— Доброе утро! Не думаю...

— Мисс Вильгельмина Лоусон?

— Да. Так меня зовут.

— А меня — Пуаро, Эркюль Пуаро. Вчера мне довелось побывать в «Литлгрин Хаузе».

— Вот как?

Мисс Лоусон чуть приоткрыла рот и предприняла несколько неудачных попыток пригладить волосы.

— Прошу присесть, — предложила она и продолжала: — Сюда, пожалуйста. О боже, боюсь, вам будет мешать этот столик. Здесь чуть больше, чем следует, мебели. Так трудно! Эти квартиры! Но зато в центре. Я люблю жить в центре, а вы?

Задохнувшись и так и не поправив пенсне, она уселась в неудобное на вид викторианское кресло и, подавшись вперед, с интересом уставилась на Пуаро.

— Я побывал в «Литлгрин Хаузе» под видом покупателя,— начал Пуаро.— Но мне бы хотелось сразу признать-ся — строго конфиденциально...

— О да,— выдохнула мисс Лоусон, явно этим обрадованная.

— Строжайшим образом конфиденциально,— продолжал Пуаро,— что побывал я там совсем с другим намерением... Не уверен, известно ли вам, что незадолго до своей смерти мисс Аранделл написала мне...

Помолчав, он добавил:

— Я известный частный детектив.

Целая гамма выражений, сменяя одно другое, пробежала по чуть порозовевшему лицу мисс Лоусон. Интересно, какое больше других привлечет Пуаро? Тревога, волнение, удивление, озадаченность...

— О! — произнесла она, а потом, помолчав, опять: — О! И вдруг совершенно неожиданно спросила:

— В связи с деньгами?

Даже Пуаро был чуть застигнут врасплох. Но в порядке гипотезы не преминул полюбопытствовать:

— Вы имеете в виду те деньги, что...

— Да, да. Деньги, которые вытащили из ящичка.

— Мисс Аранделл не сказала вам, что написала мне по поводу тех денег?

— Нет. Я и понятия не имела... Должна признаться, что я крайне удивлена...

— По-вашему, ей не следовало об этом никому говорить?

— Нет, ни в коем случае. Видите ли, у нее была мысль...

Она снова умолкла.

— У нее была мысль о том,— подхватил Пуаро,— кто их взял. Именно это вы имели в виду, не так ли?

Мисс Лоусон кивнула и, чуть задышав, проговорила:

— Вот уж никогда бы не подумала, что она решилась... То есть, она сказала... Она, казалось, чувствовала...

Пуаро снова перебил ее бессвязную речь:

— Она считала, что деньги взял кто-то из членов семьи?

— Да.

— А я,— сказал Пуаро,— как раз специалист по семейным проблемам. Я умею держать язык за зубами.

— Тогда другое дело,— энергично закивала мисс Лоусон.— Значит, вы не из полиции?

— Нет, нет, я вовсе не из полиции. Полицейским тут не место.

— Совершенно верно. Милая мисс Аранделл была очень гордой женщиной. Конечно, с Чарльзом и раньше случались неприятности, но их всегда старательно замалчивали. Один раз, по-моему, ему даже пришлось уехать в Австралию.

— Вот именно, — подтвердил Пуаро. — А теперь перейдем к фактам. У мисс Аранделл в ящике хранилась некая сумма денег...

Он умолк. Мисс Лоусон поспешила подтвердить его слова.

— Да, взятая из банка. Для жалованья прислуге и на хозяйственные расходы.

— А сколько пропало?

— Четыре фунта. Нет, не верно. Три фунта и две купюры по десять шиллингов в каждой. В таких делах, я знаю, следует быть точной, очень точной.

В глазах мисс Лоусон, которые, казалось, вот-вот вылезут из орбит, горело искреннее желание прийти на помощь. Ее пенсне еще больше покосилось.

— Спасибо, мисс Лоусон. Я вижу, вы наделены умением мыслить по-деловому.

Чуть вздернув голову, мисс Лоусон пронзительно засмеялась.

— Значит, мисс Аранделл подозревала, и не без оснований, что эту кражу совершил ее племянник Чарльз? — продолжал Пуаро.

— Да.

— Хотя неопровержимых улик на сей счет не имелось?

— Но кто же еще мог это сделать, если не Чарльз? Миссис Таниос ни за что бы так не поступила! Что касается ее мужа, то он человек в доме новый и не мог знать, где хранятся деньги. И Тереза Аранделл, по-моему, ни в коем случае этого бы не сделала. У нее куча денег, она всегда так красиво одета.

— А не мог это сделать кто-нибудь из слуг? — предположил Пуаро.

Подобная мысль, казалось, даже напугала мисс Лоусон.

— Ни в коем случае! Ни Элен, ни Энни такое и в голову бы не пришло. Обе они очень хорошие, очень честные женщины.

Минуту-другую Пуаро молчал.

— А не могли бы вы подсказать нам, — сказал он, — ибо я уверен, что если кто-либо пользовался доверием мисс Аранделл, то уж вы, разумеется...

— Не знаю, не знаю, ничуть не уверена... — смущенно забормотала явно польщенная мисс Лоусон.

— Я чувствую, вы сумеете помочь мне.

— К вашим услугам, если только я способна...

— Строго конфиденциально... — продолжал Пуаро.

На лице мисс Лоусон появилось какое-то глуповатое выражение. Волшебные слова «строго конфиденциально» казались ей чем-то вроде «Сезам, откройся».

— Известна ли вам причина, заставившая мисс Арандел изменить свое завещание?

— Завещание?

Мисс Лоусон была явно захвачена врасплох.

— Правда ли, — продолжал Пуаро, внимательно глядя на нее, — что незадолго до своей кончины она составила новое завещание, согласно которому все ее состояние перешло к вам?

— Да, только я об этом не имела понятия. Ни малейшего, — голос мисс Лоусон стал пронзительным. — Это оказалось для меня величайшим сюрпризом! Чудесным сюрпризом, разумеется! Как это благородно со стороны милой мисс Аранделл! И она ни разу даже не намекнула мне. Ни малейшего намека! Я так растерялась, когда мистер Первис прочел завещание, что не знала, куда глядеть, не знала, смеяться мне или плакать. Я была просто потрясена, мистер Пуаро, уверяю вас. Потрясена добротой, удивительной добротой милой мисс Аранделл. Разумеется, я надеялась, что она мне что-нибудь оставит, ну, самую малость, хотя и на это, признаться, у меня не было никаких оснований. Я не так давно жила у нее. А случившееся похоже... на сказку! Я и по сей день не в силах в это поверить, если вы понимаете, о чем я говорю. Порой... порой я чувствую себя довольно неловко. Я хочу сказать... хочу сказать...

Она сбила с носа пенсне, подняла его и, вертя в руках, продолжала еще более бессвязно:

— Порой я чувствую, что... плоть и кровь есть плоть и кровь, и мне неловко, что мисс Аранделл оставила все свои деньги не родственникам, а мне, человеку постороннему. По-моему, это не очень справедливо. Все деньги! Целое состояние! Никто и понятия об этом не имел. Поэтому я и испытываю неловкость, да к тому же ходят разные слухи, вы, наверное, знаете, а я никогда не желала никому зла! Я хочу сказать, что мне и в голову не приходило каким-либо образом повлиять на мисс Аранделл. Да она меня и не послушалась бы. Честно говоря, я ее даже чуточку побаивалась. Она была такой строгой, не прощала

никаких провинностей и порой доходила до грубости. «Не будьте такой дурой!» — рывкала она. А я обижалась и часто расстраивалась... И вдруг оказалось, что на самом деле она была ко мне привязана — ну не чудо ли это? Только, конечно, есть в этом что-то такое, от чего чувствуешь себя неловко, ибо имеются и люди пострадавшие, не так ли?

— Вы хотите сказать, что предпочли бы отказаться от денег? — спросил Пуаро.

На мгновение мне показалось, что какое-то совсем иное выражение мелькнуло в когда-то светло-голубых, а теперь уже выцветших глазах мисс Лоусон. В ту же минуту мне почудилось, что перед нами сидит не просто глуповатая, хоть и приветливая женщина, а хитрая и умная.

— Разумеется, в этом есть и другая сторона... — со смешком заметила она. — Я хочу сказать, что в каждом деле есть две стороны. Мисс Аранделл хотела, чтобы ее деньги достались мне. Я хочу сказать, что если бы я не взяла эти деньги, я бы поступила против ее воли. А это было бы несправедливо, правда?

— Сложный вопрос, — покачал головой Пуаро.

— Да, конечно. Я об этом очень беспокоюсь. Миссис Таниос — Белла — такая славная женщина, и у нее такие славные малыши! Но я чувствую, что мисс Аранделл не хотела бы, чтобы она... Я чувствую, что милая мисс Аранделл рассчитывала на мое благоразумие. Она не хотела оставлять деньги прямо Белле, потому что боялась, что ими завладеет тот человек.

— Какой человек?

— Муж Беллы. Знаете, мистер Пуаро, бедная женщина во всем его слушается. Поступает так, как он велит. Осмелюсь сказать, что, распорядись он убить кого-нибудь, она это сделает. И она явно его боится. В этом я не сомневаюсь. Я раза два видела ее просто испуганной. Нет, мистер Пуаро, согласитесь, это было бы несправедливо.

Не высказав согласия, Пуаро спросил:

— А что собой представляет этот доктор Таниос?

— Видите ли, — неуверенно начала мисс Лоусон, — он очень приятный человек...

И умолкла, словно в сомнении.

— Но вы ему не доверяете?

— Да, не доверяю. Не знаю, способна ли я доверять любому мужчине, — продолжала мисс Лоусон. — Слышишь про них такие страсти, что становится просто жутко! И все это должны терпеть бедные жены! Доктор Таниос, разумеется, делает вид, что обожает свою жену, и в самом деле

ведет себя с ней превосходно. У него очаровательные манеры. Но я иностранцам не доверяю. Они все притворщики! Я совершенно уверена, что милая мисс Аранделл ни в коем случае не хотела, чтобы ее деньги попали ему в руки.

— Но ведь несправедливо и то, что мисс Тереза и мистер Чарльз Аранделл тоже оказались обделенными наследством,— заметил Пуаро.

Щеки мисс Лоусон порозовели.

— Терезе, по-моему, вполне хватает денег,— резко отозвалась она.— Она тратит сотни фунтов стерлингов только на одни туалеты. А какое у нее белье — да это просто безнравственно! Когда подумаешь, сколько славных воспитанных девушек должны собственным трудом зарабатывать себе на жизнь...

— То считаешь, что и ей не вредно немного потрудиться,— мягко закончил предложение Пуаро.

— Труд явно пошел бы Терезе Аранделл на пользу,— торжествующе взглянула на него мисс Лоусон.— И привел бы в чувство. Превратности судьбы способны многому нас научить.

Пуаро медленно кивнул. Он внимательно наблюдал за ней.

— А Чарльз?

— Чарльз не заслуживает и пенни,— решительно заявила мисс Лоусон.— Если мисс Аранделл исключила его из числа своих наследников, значит, у нее была на то причина... после его злобных угроз.

— Угроз? — поднял брови Пуаро.

— Да, угроз.

— Каких угроз? Чем он ей угрожал?

— Это было... Да, конечно, это было на Пасху. В святое воскресенье — ни больше, ни меньше.

— И что же он сказал?

— Он попросил у нее денег, но она ему отказала. И тогда он сказал ей, что она зря так поступает, что если она будет продолжать так к нему относиться, то он... Какое выражение он употребил? Очень вульгарное... Ах да, он ее прикончит, сказал он.

— Он пригрозил прикончить ее?

— Да.

— И что же ответила мисс Аранделл?

— Она ответила: «Надеюсь, ты убедишься, Чарльз, что я сумею постоять за себя».

— Вы были там же в комнате?

— Не совсем,— отозвалась мисс Лоусон после секундной паузы.

— Понятно, понятно,— поспешно заверил ее Пуаро.— И что же на это сказал Чарльз?

— Он сказал: «Не будьте чересчур самонадеянной».

— Мисс Аранделл восприняла его угрозу всерьез? — не спеша спросил Пуаро.

— Не знаю... Она мне ничего об этом не говорила... Но другого я от нее и не ожидала.

— Вам, конечно, было известно, что мисс Аранделл составляет новое завещание? — тихо спросил Пуаро.

— Нет, нет. Я уже сказала вам, что это было для меня полной неожиданностью. Я никогда и не мечтала...

— Вы не знали содержания,— перебил ее Пуаро,— но вам было известно, что составляется новое завещание?

— Я подозревала... Когда она слегла, она послала за адвокатом...

— Вот именно. И случилось это после того, как она упала?

— Да. Боб... Боб — это собака. Боб оставил свой мячик на площадке. Она поскользнулась и упала с лестницы.

— Неприятный случай!

— О да! Она вполне могла сломать ногу или руку. Так сказал доктор.

— С той же долей вероятности она вообще могла погибнуть.

— Да, конечно.

Ее ответ прозвучал вполне естественно и искренно.

— По-моему, я видел Боба в «Литлгрин Хаузе», — улыбнулся Пуаро.

— О да, вполне возможно. Очень милая собачка.

Ничто меня так не раздражает, как то, что охотничьего терьера называют милой собачкой. Не приходится удивляться, подумал я, что Боб презирал мисс Лоусон и не слушался ее.

— И он очень умный? — продолжал спрашивать Пуаро.

— О да. Очень.

— Он был бы очень расстроен, если бы знал, что чуть не убил свою хозяйку?

Мисс Лоусон ничего не ответила. Она лишь покачала головой и вздохнула.

— Не представляется ли вам возможным, что мисс Аранделл решила переделать свое завещание именно после падения?

Мы уже подошли к самому опасному месту, подумал я, но мисс Лоусон, по-видимому, сочла вопрос вполне естественным.

— Знаете, — сказала она, — я бы не удивилась, если бы вы оказались правы. После падения она была в шоке — в этом я уверена. Старые люди не любят, когда им напоминают о близкой смерти. А несчастный случай такого рода заставляет их задуматься. Вполне возможно, у нее появилось предчувствие, что смерть не за горами.

— Она была сравнительно здоровым человеком, правда? — как бы между прочим спросил Пуаро.

— О да. Она ни на что не жаловалась.

— И заболела, должно быть, неожиданно?

— О да. Ни с того, ни с сего. В тот вечер к нам пришли близкие знакомые... — мисс Лоусон замолчала.

— Сестры Трипп. Я с ними беседовал. Очень милые дамы.

Лицо мисс Лоусон вспыхнуло от удовольствия.

— Вам они понравились, правда? Такие интеллигентные женщины. Всем интересуются. И с таким спиритическим настроением! Они вам, наверное, рассказывали о наших сеансах? Вы, конечно, скептик, но я бы с удовольствием поведала вам о том невыразимом блаженстве, какое испытываешь, когда вступаешь в контакт с теми, кого уже нет с нами!

— Не сомневаюсь, мисс Лоусон, не сомневаюсь.

— Вы знаете, мистер Пуаро, моя матушка не раз разговаривала со мной. Так радостно, когда узнаешь, что твои близкие все еще думают о тебе и следят за тобой.

— Да, я это хорошо понимаю, — мягко подтвердил Пуаро. — А мисс Аранделл тоже этим занималась?

Лицо мисс Лоусон чуть омрачилось.

— Она была готова приобщиться, — несколько неуверенно отозвалась она. — Но, по-моему, ни разу всерьез об этом не задумалась. Была настроена скептически и недоверчиво, и раз-другой ее отношение вызвало появление крайне нежелательного гостя. Мы получили весьма неприличные послания, причиной чему, я убеждена, явился наш строй мисс Аранделл.

— Да, причина, вероятно, была в мисс Аранделл, — согласился Пуаро.

— Но в тот последний вечер... — продолжала мисс Лоусон, — быть может, Изабел и Джулия вам рассказывали? — имели место отчетливые явления. Началась, можно ска-

зять, материализация. Эктоплазма... Вы, наверное, знаете, что такое эктоплазма?

— Да, я знаком с характером этого феномена.

— Она возникает из рта медиума в виде ленты, которая сворачивается, обретая форму. Теперь я убеждена, мистер Пуаро, что, неведомо для нее самой, мисс Аранделл была медиумом. В тот вечер я четко видела, что из рта милой мисс Аранделл появилась светящаяся лента. А потом и голова ее окуталась светящейся дымкой.

— Очень интересно!

— И вот тут-то мисс Аранделл, к сожалению, почувствовала себя плохо, и мы были вынуждены прервать сеанс.

— И когда же вы послали за доктором?

— На следующее утро.

— Он счел состояние мисс Аранделл серьезным?

— Вечером он прислал ей сиделку, но, по-моему, надеялся, что все обойдется.

— Извините, а почему родственников не вызвали?

Мисс Лоусон вспыхнула.

— Их известили своевременно, то есть тогда, когда доктор Грейнджер сказал, что ее жизнь в опасности.

— Что же было причиной ее плохого самочувствия? Она съела что-нибудь не то?

— Нет, по-моему, никакой определенной причины выявлено не было. Доктор Грейнджер сказал, что она не следила за диетой так строго, как требовалось. Мне думается, он считал, что ее болезнь была вызвана простудой. Погода в ту пору была очень неустойчивой.

— Тереза и Чарльз Аранделл приезжали к вам на уик-энд?

— Да,— поджала губы мисс Лоусон.

— Их визит не был радостным событием? — не сводил с нее глаз Пуаро.

— Нет,— и со злостью добавила: — Мисс Аранделл знала, зачем они приезжали.

— Зачем же? — глядя на нее, спросил Пуаро.

— За деньгами,— огрызнулась мисс Лоусон.— И не получили их.

— Вот как? — удивился Пуаро.

— Да. И за тем же, мне думается, приезжал и доктор Таниос,— продолжала она.

— Доктор Таниос? Но его, по-моему, в тот уик-энд не было?

— Был. Он приехал в воскресенье. И пробыл всего с час.

— Все, кто мог, по-видимому, охотились за деньгами бедной мисс Аранделл,— рискнул предположить Пуаро.

— Я понимаю, что так говорить нехорошо, но что поделаешь?

— Да, конечно,— согласился Пуаро.— Должно быть, Чарльз и Тереза были неприятно поражены еще в тот уик-энд, когда им стало известно, что мисс Аранделл лишила их наследства?

Мисс Лоусон уставилась на него.

— Разве не так? — спросил Пуаро.— Она не поставила их в известность?

— Не могу сказать. Я ничего об этом не слышала. Чарльз с сестрой уехали, как мне показалось, в хорошем настроении.

— Значит, меня дезинформировали. Мисс Аранделл хранила завещание у себя в доме, не так ли?

Мисс Лоусон уронила свое пенсне и нагнулась, чтобы поднять его.

— Не знаю. По-моему, оно лежало у мистера Первиса.

— Кто был душеприказчиком?

— Мистер Первис.

— После ее смерти он явился, чтобы посмотреть ее бумаги?

— Да.

Пуаро посмотрел на нее внимательно и вдруг задал неожиданный вопрос:

— Вам нравится мистер Первис?

Мисс Лоусон пришла в смятение.

— Нравится ли мне мистер Первис? На такой вопрос сразу и не ответишь. То есть я не сомневаюсь, что он человек умный, опытный адвокат, хочу я сказать. Но ведет себя весьма бесцеремонно. Не очень-то приятно, хочу я сказать, когда с тобой разговаривают, будто... Мне трудно объяснить, что я имею в виду... Он держится вполне корректно и вместе с тем как-то оскорбительно, если вы понимаете, о чем я говорю.

— Трудное у вас положение,— с участием заметил Пуаро.

— Вот именно,— вздохнула мисс Лоусон.

Пуаро встал.

— Большое спасибо, мадемуазель, за ваше долготерпение и помощь.

Мисс Лоусон тоже поднялась.

— За что вы меня благодарите? Я ничего такого не сделала,— смутилась она.— Очень рада, если сумела хоть

чем-нибудь вам помочь. И если еще что-либо вам понадобится, я...

Пуаро, собравшийся уже было выйти, вернулся.

— Мне кажется, мисс Лоусон,— тихо сказал он,— что я обязан поставить вас в известность о том, что Чарльз и Тереза Аранделл собираются опротестовать завещание.

Щеки мисс Лоусон густо заалели.

— Они не сумеют этого сделать,— заявила она.— Так мне сказал мой адвокат.

— Значит, вы уже обращались к адвокату? — спросил Пуаро.

— Конечно. А почему бы и нет?

— Да нет, пожалуйста. Разумное действие. Всего хорошего, мадемуазель.

Когда мы, выйдя из «Клэнройден Мэншинс», очутились на улице, Пуаро глубоко вздохнул.

— Гастингс, эта женщина либо такая, какой она кажется, либо очень хорошая актриса.

— Она убеждена, я уверен, что мисс Аранделл умерла естественной смертью,— сказал я.

Пуаро ничего не ответил. Когда ему удобно, он почему-то становится глухим. Взмахом руки он остановил такси.

— Блумсберри, Дюрэм-отель,— сказал он шоферу.

Глава XVI

ДЖЕНТЛЬМЕН ЖЕЛАЕТ ВИДЕТЬ ВАС, МАДАМ

Женщина, которая что-то писала за одним из столиков на почте при отеле, встала и неуверенно направилась к нам.

Миссис Таниос было немного за тридцать. Высокая, худощавая, с довольно выпуклыми глазами цвета вареного крыжовника и встревоженным лицом, она была в совершенно безвкусном ситцевом платье, но зато на голове у нее сидела под немодным углом чрезвычайно модная шляпка.

— По-моему...— запнулась она.

Пуаро поклонился.

— Я только что от вашей кузины, мисс Терезы Аранделл.

— Ах, от Терезы? Да?

— Не уделите ли вы мне несколько минут для беседы?

Миссис Таниос рассеянно огляделась. Пуаро указал ей на кожаный диван в дальнем конце комнаты.

Но как только мы направились туда, раздался высокий голосок:

— Мама, ты куда?

— Я сейчас вернусь. Пиши свое письмо, родная.

Худенькая, остроносая девочка лет семи снова занялась выполнением, по-видимому, трудной задачи. От усердия она даже высунула кончик языка.

В дальнем конце комнаты никого не было. Миссис Таниос села, сели и мы. Она вопросительно взглянула на Пуаро.

— Это в связи со смертью вашей тетушки, мисс Аранделл.

Показалось ли мне или в самом деле в ее бесцветных выпуклых глазах вспыхнула тревога?

— Да?

— Незадолго до своей кончины,— сказал Пуаро,— мисс Аранделл написала новое завещание, согласно которому все свое состояние она оставила мисс Вильгельмине Лоусон. Мне хотелось бы знать, миссис Таниос, поддерживаете ли вы своих родственников — мисс Терезу Аранделл и мистера Чарльза Аранделла — в их намерении опротестовать завещание?

— Ох! — миссис Таниос глубоко вздохнула. — По-моему, это бесполезно. Мой муж консультировался с адвокатом, и тот сказал, что такой попытки не стоит предпринимать.

— Адвокаты, мадам, люди осторожные. Обычно они не советуют вступать в судебную тяжбу. И нет сомнения, почти всегда правы. Тем не менее бывают случаи, когда рискнуть стоит. Я не адвокат, и поэтому у меня иная точка зрения. Мисс Аранделл, мисс Тереза Аранделл, хочу я сказать, готова к борьбе. А как вы?

— Я... я, честно говоря, не знаю,— волнуясь, она сплела пальцы. — Я должна посоветоваться с мужем.

— Разумеется, вам следует посоветоваться с мужем, прежде чем предпринимать что-либо определенное. Но меня интересует, что лично вы думаете по этому поводу?

— Сказать по правде, не знаю,— миссис Таниос еще больше встревожилась. — Это зависит от моего мужа.

— Но вы лично что думаете, мадам?

Миссис Таниос нахмурилась, потом медленно произнесла:

— Мне эта идея не представляется достаточно привлекательной. Я считаю ее не совсем порядочной.

— Почему, мадам?

— Раз тетя Эмили решила завещать свои деньги человеку постороннему, нам ничего не остается, как смириться с этим фактом.

— Значит, вы не испытываете чувства обиды?

— Почему же? Испытываю,— она вспыхнула.— Я считаю, что тетушка поступила несправедливо. Крайне несправедливо. Это так не похоже на тетю Эмили. И так несправедливо по отношению к детям.

— Вы полагаете, что это не похоже на мисс Аранделл?

— Да, совершенно не похоже.

— В таком случае, не означает ли это, что она действовала против своей воли? Не считаете ли вы, что она находилась под чьим-то влиянием?

Миссис Таниос снова нахмурилась.

— Дело в том, что я плохо представляю себе, как кто-то мог влиять на тетю Эмили,— без особой охоты призналась она.— Она была очень решительной женщиной.

— Да, ваши слова соответствуют истине,— одобрительно кивнул Пуаро.— И наоборот, мисс Лоусон вряд ли можно назвать человеком, обладающим сильным характером.

— Она славная женщина, хотя и не очень умная... Но очень-очень добрая. Вот почему я отчасти чувствую...

— Да, мадам? — поинтересовался Пуаро, потому что она умолкла.

Миссис Таниос, нервничая, переплела пальцы.

— По-моему, было бы крайне недостойно попытаться опротестовать завещание,— сказала она.— Я совершенно уверена, что мисс Лоусон тут ни при чем. Она просто не способна на коварные замыслы и интриги...

— Снова я согласен с вами, мадам.

— Вот почему я считаю, что обращение в суд было бы занятием недостойным и злопыхательским. И кроме того, это стоит больших денег, не так ли?

— Да, расходы будут немалые.

— И вполне возможно, истраченные впустую. Но вам следует поговорить об этом с моим мужем. Он куда лучше разбирается в делах, нежели я.

Пуаро помолчал минуту-другую, прежде чем спросить:

— Как вы думаете, чем объясняется наличие нового завещания?

— Не имею ни малейшего понятия,— вспыхнув, пробормотала миссис Таниос.

— Я уже сказал вам, мадам, что я не адвокат. А вы почему-то даже не спросили меня, чем я занимаюсь.

Она подняла на него вопрошающий взгляд.

— Я детектив. И незадолго до своей кончины мисс Эмили Аранделл написала мне письмо.

Стиснув руки, миссис Таниос подалась вперед.

— Письмо? — переспросила она. — О моем муже?

Не спуская с нее глаз, Пуаро ответил не сразу:

— Боюсь, у меня нет права отвечать на этот вопрос.

— Значит, она и вправду написала вам о моем муже, — голос у нее зазвенел. — Что именно? Могу уверить вас, мистер... Извините, не знаю, как ваша фамилия.

— Пуаро. Меня зовут Эркюль Пуаро.

— Могу уверить вас, мистер Пуаро, что все в этом письме, касающееся моего мужа, неправда! Мне известно также, кто вдохновил тетушку на написание этого письма. Вот еще почему я предпочла бы не иметь ничего общего с Терезой и Чарльзом! Терезе всегда был не по душе мой муж. Она про него многое говорила! Я знаю, говорила! Тетя Эмили была против моего мужа, потому что он не англичанин, и поэтому верила всему, что говорила про него Тереза. Но все это неправда, мистер Пуаро, можете поверить мне на слово.

— Мама, я уже написала письмо.

Миссис Таниос оглянулась. Ласково улыбаясь, она взяла письмо, которое протягивала ей девочка.

— Очень хорошо, моя родная, очень хорошо. И как красиво ты нарисовала Микки Мауса!

— А что мне теперь делать, мама?

— Хочешь купить себе почтовую открытку с картинкой? Вот тебе деньги. Подойди к джентльмену в холле и выбери такую, какую ты бы хотела послать Селиму.

Девочка ушла. Я вспомнил слова Чарльза Аранделла. Миссис Таниос в самом деле была верной женой и любящей матерью.

— Это ваш единственный ребенок, мадам?

— Нет, у меня есть и сынок. Он сейчас на прогулке с отцом.

— Они не сопровождали вас в ваших посещениях «Литлгрин Хауза»?

— Иногда сопровождали. Но тетушка была уже старой, и дети доставляли ей беспокойство. Но тетя Эмили была очень доброй и всегда присылала им подарки на Рождество.

— Скажите, когда вы в последний раз видели мисс Эмили Аранделл?

— По-моему, дней за десять до ее кончины.

— Вы с мужем и двое ваших родственников были там, не так ли?

— О нет, то было неделей раньше. На Пасху.

— Но вы с мужем провели там уик-энд и на фоминой неделе?

— Да.

— И мисс Аранделл пребывала в добром здравии и приятном расположении духа?

— Да, она была такой, как всегда.

— Она не лежала в постели?

— После падения ее уложили в постель, но, пока мы были там, она спускалась вниз.

— Она ничего не говорила вам о том, что составила новое завещание?

— Ни слова.

— И ее отношение к вам было таким же, как прежде?

— Да,— на этот раз не сразу отозвалась миссис Таниос.

Я был уверен, что мы с Пуаро пришли к одинаковому заключению: миссис Таниос лжет.

— Возможно, мне следовало бы кое-что уточнить,— не сразу заговорил Пуаро,— когда я задал вопрос об отношении мисс Аранделл к вам. Я имел в виду не вас всех, а лично вас.

— Я понимаю,— быстро откликнулась миссис Таниос.— Тетя Эмили была очень мила со мной. Она подарила мне маленькую брошку с жемчугом и бриллиантами и дала по десять шиллингов каждому из детей.

Она явно расслабилась. И отвечала не задумываясь.

— А что касается вашего мужа, в ее отношении к нему тоже не было перемен?

Напряжение вернулось. Миссис Таниос не смотрела на Пуаро, когда ответила:

— Нет, разумеется, нет. С чего бы это?

— Но поскольку, по вашим собственным словам, ваша кузина Тереза Аранделл могла нашептать вашей тетушке...

— Нашептала! Уверена, что нашептала! — миссис Таниос подалась вперед.— Вы совершенно правы. Перемена была! Тетя Эмили стала гораздо к нему холоднее. И вела себя крайне странно! Он взял на себя заботу отправиться к аптекарю и заказать лекарство. Тетушка поблагодарила его, но очень сдержанно, а потом мне самой довелось видеть, как она вылила содержимое пузырька в раковину.

У Пуаро блеснули глаза.

— Действительно странно,— согласился я.

— По-моему, она поступила крайне неблагодарно,— настаивала жена доктора Таниоса.

— Как вы сами говорите, пожилые дамы порой не доверяют иностранцам,— заметил Пуаро.— Они считают, я уверен, что только английские врачи умеют лечить.

— Да, наверное,— чуть успокоилась миссис Таниос.

— Когда вы возвращаетесь в Смирну, мадам?

— Через несколько недель. Мой муж... А вот и он с Эдвардом.

Глава XVII

ДОКТОР ТАНИОС

Должен признаться, что, впервые увидев доктора Таниоса, я был порядком удивлен. Мне он все время представлялся человеком, наделенным самыми дурными качествами. Мысленно я видел перед собой темнобородого чужеземца со смуглым цветом кожи и зловещей физиономией.

Вместо этого я увидел веселого, русоголового, кареглазого толстяка. И хотя у него и в самом деле была борода, своей скромностью она делала его похожим на художника.

Говорил он по-английски превосходно. Голос у него был приятного тембра и соответствовал добродушию, разлитому по его лицу.

— А вот и мы,— улыбнулся он жене.— Эдвард был потрясен своей первой поездкой в подземке. До нынешнего дня ему доводилось ездить только на автобусах.

Эдвард внешне был похож на отца. Оба они — и он, и его сестра — чем-то явно отличались от здешних детей, и мне стало понятно, что имела в виду мисс Пибоди, причислив их к желтой расе.

Присутствие мужа, казалось, заставило миссис Таниос занервничать. Чуть заикаясь, она представила ему Пуаро. Про меня же окончательно забыла.

— Пуаро? Месье Эркюль Пуаро? — остро отреагировал доктор Таниос.— Мне известно ваше имя. Что же привело вас к нам, месье Пуаро?

— Обстоятельства смерти мисс Эмили Аранделл,— не стал скрывать Пуаро.

— Тетушки моей жены? Что же именно?

— В связи с ее кончиной возникли некоторые вопросы...— медленно ответил Пуаро.

— Касательно завещания, Якоб, — вмешалась, не сумев сдержаться, миссис Таниос. — Месье Пуаро беседовал с Терезой и Чарльзом.

Выражение лица доктора Таниоса стало менее настороженным. Он опустил в кресло.

— А, завещание! Крайне несправедливое завещание, но меня это не касается.

Пуаро коротко пересказал свой разговор с обоими Аранделлами (не могу утверждать, что совершенно искренно) и осторожно намекнул на возможность опротестовать завещание.

— Вы крайне заинтересовали меня, месье Пуаро. Должен признаться, что я разделяю ваше мнение. Кое-что может быть сделано. По правде говоря, я даже позволил себе получить по этому поводу совет у адвоката, но ничего обнадеживающего не услышал. Поэтому... — он пожал плечами.

— Адвокаты, как я уже сказал вашей супруге, люди осторожные. Они не любят рисковать. Что же касается меня, то я мыслю по-другому. А вы?

— Я чистой воды авантюрист! — беззаботно расхохотался доктор Таниос. — И охотно иду на риск, правда, Белла? — он улыбнулся ей, она тоже ответила улыбкой, но несколько странной, подумалось мне.

— Я не адвокат, — снова повернулся он к Пуаро. — Но полагаю, что завещание было составлено уже тогда, когда мисс Аранделл была не в состоянии отвечать за свои поступки. А мисс Лоусон — женщина умная и ловкая.

Миссис Таниос тревожно засуетилась. Пуаро быстро взглянул на нее.

— Вы не согласны, мадам?

— Она всегда была добра ко мне, — тихо сказала миссис Таниос. — Но я бы не назвала ее умной.

— Она была добра к тебе, — заметил доктор Таниос, — потому что ей нечего было бояться, дорогая моя Белла. Тебя нетрудно приручить.

Тон у него был добродушный, но его супруга вспыхнула.

— Со мной же все было по-другому, — продолжал он. — Я ей не нравился. И она не пыталась этого скрыть. Приведу пример. Мисс Аранделл упала с лестницы во время нашего пребывания у нее в доме. Я настоял на приезде и на следующий уик-энд, чтобы посмотреть, как она себя чувствует. Но мисс Лоусон изо всех сил старалась помешать нам. Ей, правда, не удалось этого сделать, но я видел, что

она недовольна. Причина была ясна. Она хотела быть с мисс Аранделл наедине.

— Вы согласны, мадам? — обратился Пуаро к миссис Таниос.

Ее супруг не позволил ей ответить.

— Белла слишком мягкосердечна, — сказал он. — Ее невозможно заставить обвинить кого-либо в дурных намерениях. Но я в собственной правоте не сомневаюсь. Скажу вам еще кое-что, месье Пуаро. Тайна ее влияния на мисс Аранделл заключалась в спиритизме.

— Вы так полагаете?

— Никаких сомнений. Мне довелось видеть немало подобного. Трудно поверить, но спиритизм овладевает людьми. Особенно в возрасте мисс Аранделл. Готов держать пари, что знаю, откуда взялось это наитие. Какой-то дух — скорее всего, ее покойного отца — велел ей переписать завещание и оставить все деньги этой Лоусон. Она же плохо себя чувствовала... была доверчива...

Миссис Таниос тяжело задышала. Пуаро повернулся к ней.

— По-вашему, это возможно?

— Говори, Белла, — сказал доктор Таниос. — Выскажи свою точку зрения.

Он смотрел на нее ободряюще.

— Я так мало разбираюсь в этом, — помолчав, ответила жена. — Наверное, ты прав, Якоб.

— Как по-вашему, я прав, а, месье Пуаро?

— Пожалуй, да, — кивнул Пуаро. И затем спросил: — Вы были в Маркет Бейсинге за неделю до смерти мисс Аранделл?

— Мы были там на Пасху и еще раз на фоминой неделе — да, правильно.

— Нет, нет, я говорю о следующем уик-энде, двадцать шестого. По-моему, вы были там в воскресенье?

— Ты был там, Якоб? — не поверила словам Пуаро миссис Таниос.

— Да, я ездил туда во второй половине дня. Я ведь говорил тебе.

Мы с Пуаро одновременно посмотрели на жену доктора. Нервным движением она чуть сдвинула шляпу на затылок.

— Разумеется, ты помнишь, Белла, — продолжал ее муж. — Какая у тебя плохая память!

— Конечно! — воскликнула она, и тень улыбки появилась на ее лице. — Совершенно верно, у меня отвратительная память. Кроме того, прошло больше двух месяцев.

— Насколько мне известно, там были мисс Тереза и мистер Чарльз Аранделл? — спросил Пуаро.

— Может, и были, — с облегчением откликнулся Таниос. — Только я их не видел.

— Значит, вы пробыли там недолго?

— Да, полчаса или около того.

Вопрос во взгляде Пуаро заставил его немного встревожиться.

— Должен признаться, — блеснул он глазами, — что рассчитывал одолжить денег, но ничего не получил. С самого начала я не пришел по душе тетушке моей жены. Жаль, потому что она мне нравилась. Она была забавной старушкой.

— Могу я задать вам откровенный вопрос, доктор Таниос?

— Разумеется, месье Пуаро.

— Какого вы мнения о Терезе и Чарльзе?

Доктор задумался на мгновение.

— О Терезе и Чарльзе? — он ласково улыбнулся жене. — Белла, моя дорогая, надеюсь, ты не будешь возражать, если я выскажусь о твоих родственниках с полной откровенностью?

Она покачала головой.

— Тогда я скажу, что они оба люди испорченные! Хотя Чарльз мне нравится. Он, конечно, мошенник, но симпатичный мошенник. Он лишен чувства нравственности, но это не его вина. Он таким родился.

— А Тереза?

— Не знаю, — не сразу ответил он. — Она очень привлекательная молодая женщина. Но абсолютно безжалостная, я бы сказал. Она, если бы ей понадобилось, совершенно хладнокровно прикончила бы любого. Так, по крайней мере, мне кажется. Вы, наверное, слышали, что ее мать судили за убийство?

— И оправдали, — сказал Пуаро.

— Но тем не менее это порой... заставляет задуматься.

— Вам доводилось видеть молодого человека, с которым она помолвлена?

— Доналдсона? Да, он как-то вечером пришел к ужину.

— Что вы думаете о нем?

— Очень способный малый. Думаю, пойдет далеко... если представится возможность. Чтобы специализироваться, нужны немалые деньги.

— Вы хотите сказать, что он способный в своей профессии?

— Да, именно это я имею в виду. Мыслит первоклассно, — он улыбнулся. — Но в обществе еще не заблистал. Немного чопорный и педантичный. Они с Терезой — забавная пара. Сходство противоположностей. Она — мотылек, порхающий в обществе, а он — отшельник.

Двое детей атаковали свою мать.

— Мама, когда мы пойдем обедать? Я хочу кушать. Мы опоздаем.

Пуаро посмотрел на часы.

— Ради бога, извините! — воскликнул он. — Из-за меня вы опаздываете на обед.

Взглянув на мужа, миссис Таниос нерешительно сказала:

— Быть может, вы не откажете нам...

— Вы крайне любезны, мадам, но я уже приглашен на обед, куда тоже опаздываю.

Он попрощался за руку с Таниосами и с их детьми. Я сделал то же самое.

На минуту-другую мы задержались в холле. Пуаро решил кому-то позвонить. Я ждал его возле конторки портье. Стоял там, когда увидел, что с почты вышла миссис Таниос и принялась кого-то искать. У нее был измученный, загнанный вид. Увидев меня, она быстро направилась ко мне.

— Ваш друг, месье Пуаро, наверное, ушел?

— Нет, он в телефонной будке.

— А!

— Вы хотели поговорить с ним?

Она кивнула. И еще больше занервничала.

В эту минуту из будки вышел Пуаро и, увидев нас, направился прямо к нам.

— Месье Пуаро, — быстро заговорила она тихим усталым голосом, — мне хотелось бы кое-что вам сказать... Я должна сказать вам...

— Да, мадам?

— Это важно... Это очень важно... Видите ли...

Она замолчала. В холле появился доктор Таниос с детьми. Они тоже подошли к нам.

— Несколько слов напоследок, Белла?

Тон у него был добродушный.

— Да... Я только хотела, чтобы вы передали Терезе, что мы поддержим ее в любом начинании. Я считаю, что семья должна держаться единым фронтом.

Она ласково кивнула нам на прощание и, взяв мужа под руку, двинулась в сторону ресторана.

Я схватил Пуаро за плечо.

— Она хотела сказать что-то совсем другое, правда, Пуаро?

Он покачал головой, глядя вслед удаляющейся паре.

— Она передумала? — продолжал я.

— Да, она передумала.

— Почему?

— Я бы тоже хотел это знать, — пробормотал он.

— Скажет в другой раз, — выразил надежду я.

— Не уверен. Боюсь, что не сумеет...

Глава XVIII

ПОДОЗРИТЕЛЬНОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

Мы пообедали в небольшом ресторане неподалеку. Мне не терпелось узнать мнение моего друга о членах семейства Аранделл.

— Итак, Пуаро? — начал я.

Бросив на меня укоризненный взгляд, Пуаро целиком погрузился в изучение меню и, только сделав заказ, откинулся на спинку кресла, разломав пополам поданную ему булочку, и с чуть насмешливой интонацией повторил:

— Итак, Гастингс?

— Что, по-вашему, они собой представляют, теперь, когда вы их всех повидали?

— По-моему, очень интересный народ. Это дело крайне занимательно изучать. Оно, как говорится, целый ящик сюрпризов. Обратите внимание на то, что всякий раз, как только я говорю: «Я получил письмо от мисс Аранделл, написанное перед ее кончиной», возникает нечто новое. От мисс Лоусон я узнал об украденных деньгах. Миссис Таниос тотчас откликнулась: «Про моего мужа?» Почему про ее мужа? Почему мисс Аранделл должна была написать мне, Эркюлю Пуаро, о докторе Таниосе?

— У этой женщины что-то на уме, — сказал я.

— Да, ей что-то известно. Но что? Мисс Пибоди сказала нам, что Чарльз Аранделл готов был убить свою бабушку за два пенса. Мисс Лоусон высказала предположение, что миссис Таниос способна убить любого, на кого укажет ее муж. Доктор Таниос считает, что Чарльз и Тереза прогнали насквозь, напекнул, что их мать была убийцей, и добавил, что Тереза вполне в состоянии хладнокровно совершить убийство. Одним словом, Гастингс, это —

горшок, который кипит и бурлит, и время от времени на поверхность всплывает новый важный факт. Там в глубине что-то есть! Да, есть! Клянусь собственной честью!

Я был потрясен его серьезностью.

— Возможно, вы и правы,— сказал я,— но это представляется столь неопределенным, сколь и туманным.

— Но вы согласны со мной, что что-то здесь есть?

— Да,— не очень уверенно согласился я.— Пожалуй, да.

Пуаро подался вперед. Взгляд его не отрывался от меня.

— Вы изменились. Вы перестали забавляться, посмеиваться, позволяя мне заниматься моими научными изысканиями. Но что же вас убедило? Не моя аргументация. Нет, не то. А нечто... нечто совершенно независимое... произвело на вас впечатление. Скажите мне, друг мой, что именно заставило вас начать относиться к этому делу с серьезностью?

— По-моему,— медленно начал я,— миссис Таниос. У нее был испуганный вид...

— Она испугалась меня?

— Нет, не вас. Чего-то еще. Сначала она рассуждала спокойно и разумно — естественно, она была обижена условиями завещания, однако казалась смирившейся и готовой оставить все, как есть. Вполне естественный подход воспитанной, но довольно слабовольной женщины. И вдруг эта неожиданная перемена — она не выразила протеста против точки зрения доктора Таниоса. И вышла в холл вслед за нами... почти украдкой...

Пуаро согласно кивал головой.

— И еще одна мелочь, которую вы, возможно, не заметили...

— Я замечаю все!

— Я говорю о визите ее мужа в «Литлгрин Хауз» в то последнее воскресенье. Я готов поклясться, что она ничего об этом не знала, что это было для нее неожиданностью, и тем не менее она быстро поняла намек и согласилась, что да, он говорил ей об этом, и что она, по-видимому, забыла. Мне это не понравилось, Пуаро.

— Вы совершенно правы, Гастингс, это был важный момент.

— Это произвело на меня неприятное впечатление: она чего-то боится.

Пуаро медленно наклонил голову.

— Вы почувствовали то же самое? — спросил я.

— Да, не заметить этого было довольно трудно,— по-

молчав, он продолжал: — И тем не менее, вам понравился Таниос, правда? Вам он показался приятным человеком, чистосердечным, добродушным, искренним, словом, привлекательным, нормальным существом, несмотря на вашу душевную неприязнь к аргентинцам, португальцам и грекам?

— Да, — признался я.

В последовавшем затем молчании я разглядывал Пуаро.

— О чем вы думаете, Пуаро? — наконец не выдержал я.

— Я размышляю о разных людях: о красивом молодом Нормане Гейле, о грубовато-добродушной Эвелин Хауард, приятном докторе Шеппарде, спокойном, рассудительном Найтоне.

С секунду я не мог понять, почему он вспомнил об этих людях, которые фигурировали в его прошлых расследованиях.

— В связи с чем? — спросил я.

— Они все были милые люди...

— Боже мой, Пуаро, неужели вы думаете, что Таниос...

— Нет, нет. Не делайте слишком поспешных выводов, Гастингс. Я только хочу заметить, что пристрастная оценка людей не всегда ведет к правильным выводам. Руководствоваться следует не чувствами, а фактами.

— Гм! — задумался я. — Фактов у нас не так-то много. Нет, нет, Пуаро, не нужно перечислять их вновь!

— Я буду краток, друг мой, не беспокойтесь. Прежде всего, мы имеем дело с преднамеренным убийством. Вы согласны, не так ли?

— Да, — не сразу выдавил из себя я.

До сих пор я несколько скептически относился к проделанному Пуаро, по моему мнению, нереальному воссозданию событий в ночь на вторник пасхальной недели. Теперь же был вынужден признать, что его рассуждения полностью логичны.

— Очень хорошо. Раз мы имеем дело с преднамеренным убийством, значит, есть и убийца. Один из тех людей, что присутствовали там в тот вечер, и есть убийца — по намерению хотя бы, если не фактически.

— Согласен.

— Значит, наша начальная точка — убийца. Мы проведем несколько опросов, расшевелив, так сказать, осиное гнездо, и что же получаем? Несколько очень интересных обвинений, высказанных, по-видимому, случайно в процессе беседы.

— Вы не считаете их случайными?

— В данный момент утверждать невозможно. Когда мисс Лоусон с самым невинным видом рассказала нам, что Чарльз угрожал своей тетке, она, может, сделала это от чистого сердца, а может, и нет. Замечания доктора Таниоса насчет Терезы Аранделл могли быть высказаны без всякого дурного намерения и оказаться лишь мнением врача. Мисс Пибоди, напротив, могла быть совершенно искренна, выражая свое мнение о наклонностях Чарльза Аранделла, но это, в конце концов, всего лишь ее мнение. И так далее. Но тут есть, как говорится, одно подозрительное обстоятельство — наличие убийцы.

— Мне хотелось бы знать, что вы сами думаете по этому поводу, Пуаро.

— Гастингс, Гастингс, я уже не раз вам говорил, что не позволяю себе «думать» в том смысле, в каком вы употребляете это слово. В данный момент я только рассуждаю.

— О чем?

— Например, о побудительном мотиве. Что может служить мотивом для убийства мисс Аранделл? Самое очевидное — корысть. Кто бы выгадал от смерти мисс Аранделл, умри она в пасхальный вторник?

— Все, за исключением мисс Лоусон.

— Совершенно верно.

— В таком случае один человек автоматически освобождается от подозрений.

— Да, — задумчиво согласился Пуаро. — Но вот в чем парадокс: именно этот человек, мисс Лоусон, который ничего бы не получил, случись смерть в пасхальный вторник, получает все, когда смерть имеет место две недели спустя.

— К чему вы ведете, Пуаро? — спросил я, слегка озадаченный.

— Причина и следствие, друг мой, причина и следствие.

Я смотрел на него недоумевающе.

— Рассуждайте логически, — продолжал он. — Что произошло сразу после несчастного случая?

Я недолюбливаю Пуаро в таком настроении. Что ни скажи, все равно ошибешься.

— Мисс Аранделл уложили в постель, — крайне осторожно высказался я.

— Именно. И у нее было время подумать. А что дальше?

— Она написала вам.

— Да,— кивнул Пуаро,— она написала мне. Но письмо не было отправлено. К большому сожалению.

— Вы подозреваете, что это письмо умышленно не было отправлено?

— Вот тут, Гастингс,— нахмурился Пуаро,— должен признаться, что не знаю. Думаю, а исходя из последующих событий, почти уверен, что письмо просто куда-то заделалось. По-моему,— но в этом я не очень уверен,— никто и не подозревал о существовании письма. Продолжаем — что было дальше?

— Пришел адвокат,— подумав, предположил я.

— Верно. Она послала за адвокатом, и он в положенное время явился.

— И она составила новое завещание,— продолжал я.

— Именно. Она составила новое, весьма неожиданное завещание. Имея в виду это завещание, мы должны внимательно прислушаться к заявлению Элен. Та сказала, если вы помните, что мисс Лоусон особенно беспокоилась, как бы весть о том, что Боб провел всю ночь вне дома, не достигла ушей мисс Аранделл.

— Но... Понятно... Нет, непонятно. Или я начинаю понимать, на что вы намекаете?

— Сомневаюсь,— отозвался Пуаро.— Но если начинаете, то, надеюсь, осознали огромное значение этого заявления,— и уставился на меня жестким взглядом.

— Конечно, конечно,— поспешил я его заверить.

— А затем,— продолжал Пуаро,— происходят другие события. На уик-энд приезжают Чарльз и Тереза, и мисс Аранделл показывает Чарльзу, по его словам, новое завещание.

— Вы ему не верите?

— Я верю только тем утверждениям, которые подтверждены. Мисс Аранделл не показала завещания Терезе.

— Потому что считала, что ей расскажет о нем Чарльз.

— Чего он не сделал. Почему?

— По словам Чарльза, он ей рассказал.

— Тереза же утверждает, что он этого не сделал,— очень интересное и о многом говорящее разногласие. И когда мы удаляемся, она называет его дураком.

— Я в полной прострации, Пуаро,— жалобно простонал я.

— Давайте восстановим последовательность событий. В воскресенье приезжает доктор Таниос, вполне возможно, не поставив в известность жену.

— Я уверен, что она об этом не знала.

— Скажем все-таки: возможно, не поставив. Далее, Чарльз и Тереза в понедельник уезжают. Мисс Аранделл неплохо себя чувствует и пребывает в хорошем настроении. Она ест полный обед и присутствует на спиритическом сеансе вместе с сестрами Трипп и мисс Лоусон. К концу сеанса ей становится плохо. Она ложится в постель, через четыре дня умирает, мисс Лоусон наследует все ее деньги, а капитан Гастингс утверждает, что она умерла естественной смертью.

— В то время как Эркуль Пуаро, не имея на то никаких доказательств, говорит, что за обедом ее отравили.

— Кое-какие доказательства у меня есть, Гастингс. Обдумайте нашу беседу с сестрами Трипп. Обратите внимание на утверждение, которое вырвалось у мисс Лоусон во время нашего с ней бессвязного разговора в «Клэнройден Мэншнс».

— Вы имеете в виду тот факт, что на обед она ела карри? В карри вкус яда не чувствуется? Именно это вы хотите сказать?

— Да, карри, возможно, тоже имеет значение,— медленно отозвался Пуаро.

— Но если ваше утверждение справедливо,— сказал я,— хотя оно идет вразрез со свидетельствами медицины, тогда ее могли отравить либо мисс Лоусон, либо одна из горничных.

— Не уверен.

— Либо одна из сестер Трипп? Чепуха! Я в это не верю. Все эти люди явно невиновны.

Пуаро пожал плечами.

— Запомните вот что, Гастингс. Глупость или даже простодушие могут уживаться рука об руку с немалым хитроумием. И не забывайте про первоначальную попытку убийства. Она была задумана человеком не большого и светлого ума. Это очень простое убийство, подсказанное Бобом и его привычкой оставлять мячик на площадке лестницы. Для того чтобы натянуть нитку поперек лестницы, ума особого не требуется — с этим справится и ребенок!

— Вы хотите сказать...— нахмурился я.

— Я хочу сказать, что нам следует прежде всего найти человека, у которого было желание убить. И ничего больше!

— Но яд должен быть непростой,— возразил я,— чтобы не осталось следов. А где обычный человек может раздобыть такой яд? Черт побери, Пуаро, я просто не могу

в это поверить. Вы сами ничего точно не знаете! Это всего лишь предположение.

— Вы ошибаетесь, друг мой. В результате разговоров, состоявшихся нынче утром, теперь у меня есть на что опереться. Беда только в том, что я боюсь...

— Боитесь? Чего?

— Разворошить змеиное гнездо. Так, вроде, говорят? Вот и наш убийца уютно устроился в гнездышке. Разве нам не известно, Гастингс, как часто убийца, как только его потревожат, тут же совершает второе, а то и третье убийство?

— Вы боитесь, что такое может случиться?

— Да,— кивнул он.— Если в гнезде есть убийца, а я думаю, он там, Гастингс. Да, по-моему, он там...

Глава XIX

ВИЗИТ К МИСТЕРУ ПЕРВИСУ

Пуаро попросил подать счет и оплатил его.

— Что мы будем делать дальше? — спросил я.

— Сделаем то, что вы предлагали нынче утром. Поедем в Харчестер поговорить с мистером Первисом. В связи с этим я и звонил из Дюрэм-отеля.

— Вы звонили Первису?

— Нет, Терезе Аранделл. Я попросил ее написать ему рекомендательное письмо. Чтобы обратиться к нему, надеясь на успех, мы должны быть уполномочены семьей. Тереза обещала прислать письмо мне на квартиру с посылным. Оно, наверное, уже нас ждет.

Мы застали в квартире не только письмо, но и Чарльза Аранделла, который собственноручно его доставил.

— Прекрасная у вас квартира, месье Пуаро,— заметил он, оглядывая гостиную.

В ту же секунду мой взгляд упал на неплотно прикрытый ящик письменного стола, из которого выглядывал уголок какой-то бумаги.

Пуаро ни за что не оставил бы ящик в таком состоянии. Я задумчиво посмотрел на Чарльза. Он оставался в комнате один в ожидании нашего появления. Я не сомневался, что он, не тратя время зря, рылся в бумагах Пуаро. Ну и мошенник же этот малый! Я чувствовал, что весь горю от возмущения.

Чарльз, наоборот, пребывал в весьма благодушном настроении.

— Надеюсь, что вам больше повезет со стариной Первисом, нежели нам,— широко улыбаясь, сказал он.

— Он не очень обнадежил вас, так я понимаю?

— Полностью разочаровал... По его мнению, эта птичка Лоусон все унесла в своем клювике.

— Вам с сестрой не приходило в голову воззвать к чувствам этой дамы?

— Я так и сделал,— усмехнулся Чарльз.— Но из этого ничего не получилось. Все мое красноречие оказалось напрасным. Патетическая картина лишенной наследства заблудшей овцы — в действительности вовсе не такой заблудшей, какой ее рисовали, как я осмеливался заметить,— ничуть не растрогала эту женщину! Я понял, что она и вправду меня недолюбливает. Не знаю почему,— засмеялся он.— Большинство старушек довольно быстро начинают мне симпатизировать. Они считают, что меня никогда по-настоящему не понимали и посему не давали шанса проявить себя.

— Полезная точка зрения.

— Да, до сих пор она приносила мне удачу. Но, как я уже сказал, с мисс Лоусон получилась осечка. По-моему, она не благоволит к мужчинам. Наверное, из тех, кто в добрые довоенные времена приковывал себя цепью к перилам и махал суфражистским флагом.

— Понятно,— кивнул головой Пуаро.— Значит, если простые методы себя не оправдывают...

— Следует перейти к методам преступным,— весело завершил Чарльз.

— Ага,— произнес Пуаро.— Кстати, о преступных методах, молодой человек. Правда ли, что вы угрожали своей тетке, обещали «прикончить ее» или что-то в этом духе?

Чарльз опустилсся в кресло и, вытянув ноги, уставился на Пуаро.

— Кто это вам сказал? — спросил он.

— Не имеет значения. Это правда?

— Частично.

— Расскажите-ка нам все по порядку, только чистую правду.

— Если угодно, сэр. Я решил оказать на тетюшку моральное воздействие. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Понимаю.

— Но ничего из этого не получилось. Тетюшка Эмили дала мне понять, что всякие попытки выудить у нее любую толику денег будут напрасны. Я сумел сдержаться, но решил объяснить ей ситуацию. «Послушайте, тетя Эми-

ли,— сказал я,— вы ведете себя так, что в конце концов вас прикончат!» Она довольно высокомерно спросила, что я имею в виду. «Только одно,— сказал я.— Вокруг вас крутятся в надежде что-либо получить ваши родственники и знакомые — все нищие как церковные крысы. А что делаете вы? Сидите на деньгах и отказываетесь с ними расстаться. Вот из-за этого людей и убивают. Поверьте мне, если вас прикончат, вам придется винить в этом только себя».

Она посмотрела на меня поверх очков, как обычно делала. Взгляд у нее был довольно злой. «Значит, так ты полагаешь?» — сухо спросила она. «Да,— ответил я,— советую вам выпустить кое-что из рук». «Спасибо, Чарльз,— сказала она,— за твой высказанный из лучших побуждений совет. Но думаю, и ты в этом скоро убедишься, что и я сумею постоять за себя». «Как хотите, тетя Эмили,— отозвался я, улыбаясь во весь рот, ибо мне почудилось, что она была вовсе не так рассержена, какой хотела казаться.— Потом не говорите, что я вас не предупреждал». «Постараюсь запомнить»,— бросила она.

Он помолчал.

— Вот и весь разговор.

— И тогда,— заметил Пуаро,— вы удовлетворились несколькими купюрами, найденными вами в ящике.

Чарльз вытаращил глаза, а затем расхохотался.

— Снимаю перед вами шляпу,— сказал он.— Вы великий сыщик. Откуда вам удалось это узнать?

— Значить, это правда?

— Конечно, правда. Мне до чертиков нужны были деньги. В ящике я нашел тугую пачку купюр и взял себе несколько. Я действовал крайне скромно и никак не думал, что мой поступок будет замечен. Надеялся, что подумают на слуг.

— Слуг ждали бы немалые неприятности,— сухо заметил Пуаро,— если бы кому-нибудь в голову пришла подобная мысль.

Чарльз пожал плечами.

— Всяк отвечает за себя...— пробормотал он.

— И к черту отстающих,— завершил поговорку Пуаро.— Значит, таково ваше жизненное кредо?

Чарльз смотрел на него с любопытством.

— Вот уж не думал, что старушка заметила кражу. Как вам удалось узнать про разговор, где я пообещал ее «прикончить»?

— Мне сказала мисс Лоусон.

— Пронырливая бестия! — он был, по-моему, несколько встревожен. — Нас с Терезой она явно недолюбливает. Нет ли у нее еще чего за пазухой, вы не знаете?

— А что может быть?

— Понятия не имею. После того, как она нанесла мне этот удар... — он помолчал. — Она ненавидит Терезу... — добавил он.

— Вам известно, мистер Аранделл, что доктор Таниос приезжал с визитом к вашей тетушке в воскресенье накануне ее смерти?

— Что? В то воскресенье, когда мы там были?

— Да. Вы его не видели?

— Нет. Во второй половине дня мы отправились на прогулку. Вот тогда он, наверное, и приезжал. Странно, но тетя Эмили нам ничего не сказала о его визите. Откуда вам известно?

— От мисс Лоусон.

— Опять от Лоусон? Она прямо неиссякаемый источник информации, — он помолчал, а потом добавил: — Знаете, этот Таниос и вправду неплохой малый. Мне он нравится. Всегда веселый, улыбчивый.

— Да, человек он симпатичный, — согласился Пуаро. Чарльз встал.

— Будь я на его месте, я бы давным-давно прикончил эту нудную Беллу! Не кажется ли она вам такой, какой самой судьбой уготовано стать жертвой? Честно говоря, я ничуть не буду удивлен, если ее расчлененный труп обнаружат в Маргейте, а то и еще где-нибудь!

— Не очень-то приятное дело вы предлагаете ее мужу, доктору, который вам так нравится, — сурово напомнил ему Пуаро.

— Да, — согласился Чарльз. — И, сказать по правде, Таниос вряд ли способен обидеть и муху. У него слишком доброе сердце.

— А у вас? Пошли бы вы на убийство, если бы на карту была поставлена ваша жизнь?

Чарльз звонко рассмеялся.

— Шантажируете, месье Пуаро? Ничего не выйдет. Могу заверить вас, что не я подсыпал... — он на секунду замолк, а потом продолжал: — стрихнин в суп тети Эмили.

И, беззаботно махнув на прощание рукой, удалился.

— Вы хотели напугать его, Пуаро? — спросил я. — Если да, то, по-моему, у вас ничего не получилось. Он ничуть не выглядит виновным.

— Нет?

— Нет. И ни капельки не встревожен.

— Зато он сделал любопытную паузу,— заметил Пуаро.

— Паузу?

— Да. Паузу перед словом «стрихнин». Словно соби-
рался сказать что-то другое, но предпочел умолчать.

Я пожал плечами.

— Может, вспоминал название какого-нибудь яда по-
страшнее.

— Возможно. Вполне возможно. Но нам пора ехать.
Переночуем, я думаю, в «Джордже» в Маркет Бейсинге.

В Харчестер мы прибыли в четыре часа и тотчас напра-
вились в контору «Первис, Первис, Чарльзуорт и Первис».

Мистер Первис был рослый, розовощекий, солидного
вида мужчина с седой гривой волос. Он чем-то напоминал
деревенского сквайра. Держался он с нами вежливо, но
сдержанно.

Прочитав письмо, которое мы принесли, он из-за стола
бросил на нас хитрый и пытливый взгляд.

— Я, разумеется, наслышан про вас, месье Пуаро,—
почтительно сказал он.— И, насколько понимаю, мисс
Аранделл и ее брат решили прибегнуть к вашим услугам,
но совершенно не представляю, в каком качестве вы пред-
полагаете оказаться им полезным.

— Допустим, мистер Первис, в более полном расследо-
вании всех обстоятельств случившегося.

— Что касается законности,— сухо отозвался адво-
кат,— то я уже изложил свое мнение мисс Аранделл и ее
брату. Обстоятельства совершенно ясны и не вызывают
какого-либо иного толкования.

— Разумеется, разумеется,— поспешил согласиться
Пуаро.— Но, не сомневаюсь, вы не откажетесь повторить
их еще раз, дабы я был в состоянии правильно оценить
ситуацию.

— К вашим услугам,— наклонил голову адвокат.

— Семнадцатого апреля, если я не ошибаюсь,— начал
Пуаро,— мисс Аранделл написала вам, изложив опреде-
ленные инструкции?

Мистер Первис, прежде чем ответить, просмотрел ка-
кие-то лежавшие на столе бумаги.

— Совершенно справедливо.

— Можете ли вы сказать мне, в чем они состояли?

— Она обратилась ко мне с просьбой составить завеща-
ние, в котором предусматривались отказы двум служанкам,
а также три-четыре пожертвования на благотворитель-

ность. Все остальное ее состояние переходило в полную собственность Вильгельмины Лоусон.

— Прошу извинить меня за вопрос, мистер Первис, но вас это удивило?

— Должен признать, да, я был удивлен.

— У мисс Аранделл уже имелось завещание?

— Да, пять лет назад она составила свое первое завещание.

— Согласно которому все ее состояние доставалось ее племяннику и племянницам?

— Основная часть ее состояния делилась поровну между детьми ее брата Томаса и дочерью ее сестры Арабеллы Биггс.

— Что же произошло с тем завещанием?

— По просьбе мисс Аранделл я захватил его с собой, когда двадцать первого апреля посетил ее в «Литлгрин Хаузе».

— Был бы крайне признателен вам, мистер Первис, если бы вы изложили в подробностях все, что произошло в этот день.

Адвокат помолчал минуту-другую.

— Я прибыл в «Литлгрин Хаузе» в три часа пополудни,— размеренным тоном начал он.— Меня сопровождал один из моих клерков. Мисс Аранделл приняла меня в гостиной.

— Как она выглядела?

— На мой взгляд, она была совершенно здорова, если не считать того, что при ходьбе она опиралась на трость. Это, насколько я понимаю, было результатом ее недавнего падения. А в общем-то, она, по-моему, чувствовала себя неплохо. Мне, правда, показалось, что она немного нервничает и возбуждена.

— Как вела себя мисс Лоусон?

— Когда я приехал, она была при ней. Но тотчас же удалилась.

— А затем?

— Мисс Аранделл спросила меня, выполнил ли я ее просьбу и привез ли с собой новое завещание, чтобы она могла его подписать. «Да»,— ответил я.— Я...— помолчав минуту-другую, он продолжал несколько напряженно:— Пожалуй, мне стоит признаться, что, насколько позволяли обстоятельства, я решился воздействовать на мисс Аранделл. Я заметил, что новое завещание может оказаться крайне несправедливым по отношению к ее родственникам.

— И какова же была ее реакция?

— Она спросила меня, имеет ли она полное право распоряжаться своими собственными деньгами. «Конечно»,— ответил я. «Превосходно»,— отозвалась она. Я напомнил ей, что она лишь недавно познакомилась с мисс Лоусон, и поинтересовался, уверена ли она в оправдании той несправедливости, какую причиняет своим родственникам. «Мой дорогой друг,— ответила она,— я прекрасно знаю, что делаю».

— Вы говорите, что она была возбуждена?

— По-моему, я с полным основанием могу это утверждать, но, поймите меня правильно, месье Пуаро, она была в полном разуме и имела полное право распоряжаться собственным имуществом. Я буду настаивать на этом в суде, хотя мои симпатии целиком на стороне родственников мисс Аранделл.

— Что ж, это вполне понятно. Продолжайте, прошу вас.

— Мисс Аранделл прочла свое прежнее завещание и затем протянула руку за тем, которое я составил по ее просьбе. Должен сказать, что я бы предпочел составить черновик завещания, но из ее слов по телефону я понял, что ей требуется вариант, готовый для подписи. Затруднений у меня никаких не было, поскольку условия завещания были крайне простыми. Она перечитала его и, кивнув, сказала, что хочет подписать немедленно. Я почувствовал себя обязанным еще раз выразить свой протест. Она довольно терпеливо меня выслушала, но сказала, что решение ею принято. Я позвал моего клерка, и он вместе с садовником выступили в качестве свидетелей, когда она подписывала завещание. Служанки в данном случае свидетелями быть не могли, поскольку являлись стороной заинтересованной.

— И затем она отдала завещание вам на хранение?

— Нет, она положила его в ящик бюро, который заперла на замок.

— А что она сделала с первым завещанием? Разорвала его?

— Нет, заперла вместе со вторым.

— И где нашли завещание после ее смерти?

— В том же ящике. Поскольку я был ее душеприказчиком, то мне были переданы ключи, поэтому я просмотрел все бумаги и деловые документы.

— В ящике оказались оба завещания?

— Да, именно там, куда она их положила.

— Вы не спросили ее, чем объясняется такой внезапный поворот событий?

— Спросил. Но вразумительного ответа не получил.
— Тем не менее вы были удивлены ее поступком?
— Очень. Мисс Аранделл, я бы сказал, всегда проявляла большой интерес к судьбе своих родственников.

— Помолчав секунду, Пуаро спросил:

— Вы, разумеется, не беседовали по этому поводу с мисс Лоусон?

— Конечно, нет. Такое действие было бы крайне неуместным. Даже само предположение, казалось, возмутило мистера Первиса.

— Мисс Аранделл ничем не намекнула на то, что мисс Лоусон известно содержание завещания?

— Наоборот. Когда я спросил ее, известно ли об этом мисс Лоусон, мисс Аранделл буркнула, что ни в коем случае.

Желательно, сказал я, чтобы мисс Лоусон и впредь не знала о том, что завещание составлено в ее пользу. Я лишь намекнул, и мисс Аранделл со мной вполне согласилась.

— Чем объяснялась ваша точка зрения, мистер Первис?

Старый джентльмен с достоинством встретил взгляд Пуаро.

— Я считаю, что подобные сведения не стоит разглашать преждевременно. Кроме того, это может вызвать недовольство в будущем.

— Ах! — глубоко вздохнул Пуаро. — Насколько я понимаю, вы считали возможным, что мисс Аранделл в ближайшем будущем может еще раз передумать?

— Вот именно, — кивнул адвокат. — Я решил, что у мисс Аранделл произошли существенные разногласия с ее родственниками. И подумал, что она еще пожалеет о своем необдуманном решении, как только поостынет.

— Что бы она сделала в таком случае?

— Дала бы мне распоряжение подготовить очередное завещание.

— Ей было бы проще уничтожить новое завещание, ведь в данной ситуации старое вновь бы обрело силу?

— Это несколько спорная точка зрения. Все предыдущие завещания должны быть вовремя отозваны наследодателем.

— Но мисс Аранделл могла не знать, что по закону следует действовать именно так. Она могла считать, что, уничтожив последнее завещание, она дает предыдущему возможность вступить в силу.

— Вполне возможно.

— То есть, если бы она умерла, уничтожив последнее

и не написав нового, ее состояние перешло бы к членам ее семьи?

— Да. Одна половина досталась бы миссис Таниос, другую разделили бы поровну Чарльз и Тереза Аранделл. Но ведь она не передумала! Она умерла, не изменив своего решения.

— Вот тут,— сказал Пуаро,— и наступает моя очередь действовать.

Адвокат посмотрел на него с любопытством.

Пуаро подался вперед.

— Предположим,— сказал он,— что мисс Аранделл уже на смертном одре пожелала уничтожить последнее завещание. Предположим, она считала, что уничтожила его, а в действительности уничтожила предыдущее.

— Но ведь оба завещания существуют,— возразил мистер Первис.

— Тогда предположим, она уничтожила подложное завещание, думая, что уничтожает подлинник. Вспомните, она была очень больна. Обмануть ее было совсем не трудно.

— Для подобного заявления вы должны располагать неоспоримыми доказательствами,— резко сказал адвокат.

— Несомненно... Несомненно...

— Существует ли, позвольте вас спросить, какая-либо причина полагать, что произошло нечто подобное?

Пуаро выпрямился.

— Мне бы не хотелось на этой стадии расследования брать на себя...

— Конечно, конечно,— заспешил мистер Первис, соглашаясь с хорошо знакомой мне фразой.

— Но могу сказать, строго между нами, что в этом деле существуют весьма любопытные обстоятельства!

— Вот как? Неужели?

Мистер Первис потер руки в ожидании чего-то занимательного.

— Мне нужно было услышать от вас, и я это услышал,— продолжал Пуаро,— была ли способна, по вашему мнению, мисс Аранделл изменить свое решение и смягчиться по отношению к членам своей семьи.

— Но это мое личное мнение,— заметил адвокат.

— Отлично понимаю, дорогой сэр. Вы, я надеюсь, не представляете интересы мисс Лоусон?

— Я посоветовал мисс Лоусон обратиться к другому адвокату,— сухо ответил мистер Первис.

Пуаро протянул ему руку, горячо благодаря за помощь и сведения, которые он нам дал.

ВТОРОЕ ПОСЕЩЕНИЕ «ЛИТЛГРИН ХАУЗА»

По пути из Харчестера в Маркет Бейсинг, составившие-му добрых десять миль, мы обсудили ситуацию.

— У вас были хоть какие-то основания, Пуаро, чтобы выдвинуть подобное предположение?

— О том, что мисс Аранделл могла заподозрить, что второе завещание уничтожено? Нет, если честно, нет. Но я был обязан — вы, наверное, заметили — выдвинуть такое предположение. Мистер Первис — человек проницательный. И не выдвини я подобного намека, он бы задался вопросом, какое я вообще имею отношение к этой истории.

— Знаете, кого вы мне напоминаете, Пуаро?

— Нет.

— Жонглера, работающего с разноцветными шариками! Да еще когда все они одновременно в воздухе.

— Разноцветные шарики — это разного рода ложь, которую я придумываю, да?

— Что-то в этом роде.

— И в один прекрасный день, по-вашему, они все с грохотом упадут на землю?

— Нельзя же держать их все время в воздухе, — заметил я.

— Верно. Но наступит момент, когда я поймаю их один за другим и с поклоном удалюсь со сцены.

— Под гром аплодисментов зала?

Пуаро недоверчиво посмотрел на меня.

— Может, и да.

— Мы не очень-то многое узнали от мистера Первиса, — заметил я.

— За исключением того, что он подтвердил наши основные мысли.

— И заявление мисс Лоусон, что до смерти мисс Аранделл ей ничего не было известно о завещании.

— Что касается меня, то я не слышал никакого подтверждения.

— Первис посоветовал мисс Аранделл ничего не говорить мисс Лоусон, на что мисс Аранделл ответила, что у нее и не было такого намерения.

— Да, все это, конечно, правильно. Но ведь существуют ключи, друг мой, Гастингс, которыми открывают запертые ящики.

— Неужели вы думаете, что мисс Лоусон подслушива-

ет, подсматривает и шарит по углам? — спросил я, несколько шокированный этой мыслью.

— Мисс Лоусон, — улыбнулся Пуаро, — не принадлежит к старой английской школе. Нам уже известно, что она подслушала по крайней мере один разговор, не предназначенный для ее ушей. Я говорю о том случае, когда Чарльз и его тетушка обсуждали возможность прикончить скупых родственников.

Мне ничего не оставалось, как согласиться с Пуаро.

— Поэтому, Гастингс, она с таким же успехом могла подслушать беседу между мистером Первисом и мисс Аранделл. У него звучный, богатый оттенками голос. Что же касается подсматривания и обшаривания, — продолжал Пуаро, — то этим занимается больше людей, чем вы себе представляете. Робкие и легко пугающиеся люди, вроде мисс Лоусон, часто обретают довольно постыдные привычки, которые служат им утешением и развлечением.

— Бросьте, Пуаро! — запротестовал я.

Он часто-часто закивал головой.

— Да, да, это именно так.

Мы приехали в «Джордж», где сняли два номера. И уже пешком направились к «Литлгрин Хаузу».

Только мы нажали пуговку звонка, как раздался отчаянный лай Боба. Собака пронесся по холлу и бросился на парадную дверь.

— Ишь как разлазялся, мальчик! Помолчи, мой хороший! Иди-ка сюда.

Боба, явно против его воли, схватили за ошейник и оттащили от дверей.

Элен, отодвинув щеколду, открыла парадную дверь.

— А, это вы, сэр! — воскликнула она. На лице женщины сияла улыбка. — Входите, сэр, прошу вас.

Мы вышли в холл. Из-под двери слева раздавалось громкое сопение, перемежавшееся рычанием. Боб отчаянно пытался понять, кто мы такие.

— Можете выпустить его, — предложил я.

— Сейчас, сэр. Он и в самом деле никогда не кусается, но так лает и бросается, что люди его боятся. Он у нас замечательный сторож.

Она открыла дверь из комнаты, и Боб пулей вылетел оттуда.

— Привет, старина! — сказал я. — Как поживаешь?

Боб энергично завилял хвостом.

Пока мы здоровались с Бобом, Элен стала открывать ставни, чтобы свет проник в комнаты.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь,— сказал Пуаро, входя в комнату и усаживаясь.

Я собрался было последовать его примеру, но тут откуда-то возник Боб с мячом во рту. Он взлетел вверх по лестнице и распластался на верхней ступеньке, держа мяч лапами и виляя хвостом.

«Давай! — звал он.— Давай поиграем!»

Мой интерес к следствию моментально испарился. Некоторое время я забавлялся с Бобом, кидая ему мяч, а затем, испытав угрызения совести, поспешил обратно в комнату.

Пуаро и Элен, по-видимому, были увлечены разговором о болезнях и лекарствах.

— Маленькие белые пилюли — вот и все, что она обычно принимала, сэр. Два или три раза после еды. Так велел доктор Грейнджер. Они ей очень нравились. Крошечные пилюльки. А потом появилось лекарство, рекомендованное мисс Лоусон. В капсулах. Капсулы доктора Лофбэрроу, когда болит печенька. На всех досках с объявлениями вы можете видеть их рекламу.

— И она их тоже стала принимать?

— Да. Сначала по совету мисс Лоусон, но потом сама убедилась, что они ей на пользу.

— А доктору Грейнджеру было об этом известно?

— Он не возражал, сэр. «Принимайте, если полагаете, что они вам на пользу»,— обычно говорил он. А хозяйка отвечала: «Вы можете смеяться, но они на самом деле мне помогают. Гораздо больше, чем ваши средства». Доктор Грейнджер смеялся и говорил, что вера стоит всех изобретенных на сей день лекарств.

— Больше она ничего не принимала?

— Нет. Муж миссис Беллы как-то раз принес ей какую-то микстуру, но она, хотя и очень вежливо его поблагодарила, вылила это лекарство в раковину, я сама видела. И была, по-моему, права. Этим заграничным лекарствам нельзя доверять.

— Миссис Таниос тоже видела, как она его вылила?

— Да, и, боюсь, ей было очень обидно. Мне тоже было неприятно, потому что доктор, без сомнения, действовал из лучших побуждений.

— Несомненно. Несомненно. Наверное, все лекарства, которые оставались в доме, после смерти мисс Аранделл выкинули?

Элен чуть удивилась вопросу.

— О да, сэр. Сначала сиделка выбросила все, что

оставалось, а потом и мисс Лоусон опорожнила весь медицинский шкафчик, что висит в ванной.

— Там и хранились капсулы, рекомендованные доктором Лофбэрроу?

— Нет, они находились в угловом шкафу в столовой, чтобы быть под рукой и чтобы мисс Аранделл принимала их после еды, как следовало.

— Какая сиделка ухаживала за мисс Аранделл? Можете вы мне ее назвать и дать адрес?

Элен тотчас сообщила ему все, что он просил.

Пуаро продолжал расспрашивать женщину о последней болезни мисс Аранделл.

Элен энергично излагала подробности, описывая течение болезни, боли, разлитие желчи, начало бредового состояния. Не знаю, доставляло ли Пуаро удовольствие перечисление всех этих частностей, но слушал он терпеливо, время от времени вставляя уместный вопрос, чаще про мисс Лоусон и про то, сколько времени она проводила в спальне больной. Его также чрезвычайно интересовала диета больной, которую он сравнивал с диетой кого-нибудь из своих покойных родственников, впрочем, никогда не существовавших.

Видя, что они увлеклись своей беседой, я осторожно вышел в холл. Боб спал на площадке, положив подбородок на мяч.

Я свистнул, и он тут же вскочил — сна как не бывало. На этот раз, несомненно из-за уязвленного достоинства, он не сразу толкнул мяч ко мне, несколько раз останавливая его в самую последнюю секунду.

Когда я снова вошел в комнату, Пуаро расспрашивал Элен о неожиданном приезде доктора Таниоса в последнее перед смертью мисс Аранделл воскресенье.

— Да, сэр, мистер Чарльз и мисс Тереза отправились погулять. Доктора Таниоса, насколько мне известно, не ждали. Хозяйка лежала и очень удивилась, когда я сказала, кто приехал. «Доктор Таниос? — переспросила она. — А миссис Таниос тоже с ним?» «Нет, — сказала я, — джентльмен приехал один». Она велела мне передать ему, что через минуту спустится.

— Он долго здесь пробыл?

— Не больше часа, сэр. И вид у него был кислый, когда он уезжал.

— Вы не знаете, зачем он приезжал?

— Нет, сэр.

— Вам, случайно, не довелось что-либо услышать?

Элен вдруг вспыхнула.

— Нет, сэр! Я никогда не подслушиваю у дверей, как это делают другие люди, кому, между прочим, следовало бы знать, как себя вести!

— Вы неправильно меня поняли, — изо всех сил стараясь загладить свою ошибку Пуаро. — Просто мне пришло в голову, что, может быть, вы внесли чай, пока там был этот джентльмен, и если так, то не могли не слышать, о чем он говорил с вашей хозяйкой.

Элен смягчилась.

— Извините, сэр, я и вправду неправильно вас поняла. Нет, доктор Таниос не остался к чаю.

Пуаро посмотрел на нее, и глаза его блеснули.

— Быть может, мисс Лоусон в состоянии ответить на вопрос, зачем он приезжал сюда, как вы думаете?

— Если и она не знает, то никто не сумеет вам помочь, — усмехнулась Элен.

— Скажите, — нахмурил брови Пуаро, словно пытаюсь припомнить что-то, — комната мисс Лоусон находится рядом со спальней мисс Аранделл?

— Нет, сэр. Комната мисс Лоусон выходит прямо на площадку лестницы. Я могу показать ее вам, сэр.

Пуаро принял предложение. Поднимаясь по лестнице, он держался той стороны, что шла вдоль стены, и, когда добрался до площадки, вдруг, издав какое-то восклицание, нагнулся посмотреть свои брюки.

— Ах! Я за что-то зацепился. Тут гвоздь в панели.

— Да, сэр. Наверное, ослаб и вылез. Я уже раза два цеплялась за него.

— Давно он тут?

— Порядочное время, сэр. Впервые я заметила гвоздь, когда хозяйка слегла после того несчастного случая. Я хотела его вытащить, но не сумела.

— К нему была привязана, по-моему, нитка.

— Совершенно верно, сэр, я помню, тут была петля из нитки. Для чего, я просто не представляю.

Голос Элен оставался безмятежным. Для нее это была одна из мелочей, которые случаются в доме и не требуют никакого объяснения.

Пуаро вошел в комнату, которая выходила прямо на площадку. Средних размеров, с двумя окнами на противоположной от двери стене, она вмещала в себя стоявший в углу туалетный столик, между окнами — гардероб и трельяж, а справа за дверью, лицом к окнам — большую кровать.

У левой стены были большой красного дерева комод и умывальник с мраморной раковиной.

Задумчиво оглядевшись, Пуаро снова вышел на площадку. Он двинулся вперед по коридору и, миновав две двери, очутился в большой спальне, которая принадлежала Эмили Аранделл.

— Сиделка спала в маленькой комнате по соседству, — объяснила Элен.

Пуаро рассеянно кивнул.

Когда мы спускались вниз, он спросил, можно ли пройти по саду.

— Конечно, сэр. Там сейчас очень красиво.

— Садовник еще не уволен?

— Энгес? О нет, он по-прежнему здесь. Мисс Лоусон хочет, чтобы все было в порядке, потому что считает, что так будет легче продать дом.

— По-моему, она права. Когда дом в запущенном состоянии, на него и смотреть не хотят.

Сад был прекрасен и безмолвен. Цвели люпины, дельфиниумы и огромные алые маки. Пионы еще не распустились. Блуждая по саду, мы наконец очутились у теплицы, где работал рослый хмурый старик. Он уважительно с нами поздоровался, и Пуаро тотчас вовлек его в беседу.

Упоминание о том, что мы нынче видели мистера Чарльза, заставило старика оттаять, и он сделался крайне словоохотливым.

— Всегда был таким проказливым, каких мало! Помню, как он прибежал сюда, утащив половину пирога с крыжовником, а кухарка металась по саду в поисках его! А потом возвращался в дом с таким невинным лицом, что оставалось только сказать, что пирог, должно быть, съела кошка, хотя я сроду не видел, чтобы кошка польстилась на пирог с крыжовником. Да, мистер Чарльз был всегда таким, каких мало!

— Он приезжал сюда в апреле?

— Да, два раза подряд. Как раз перед смертью хозяйки.

— Вы с ним часто разговаривали?

— Подходил несколько раз. Расспрашивал меня про одно, про другое.

— Насчет цветов?

— И про цветы, и про сорняки тоже, — усмехнулся старик.

— Про сорняки?

В голосе Пуаро вдруг зазвучала заинтересованная нотка. Он опустил голову и огляделся. Его внимание привлекла жестяная банка.

— А не спрашивал ли он, как вы избавляетесь от сорняков?

— Спрашивал.

— Вы, наверное, пользуетесь вот этой штукой?

Пуаро осторожно повернул банку в руках и прочел название.

— Именно,— подтвердил Энгес.— Очень сподручное средство.

— Опасное?

— Нет, если пользоваться им разумно. В нем, конечно, есть мышьяк. Мы с мистером Чарльзом даже пошутили на этот счет. Он сказал, что когда женится и жена ему надоест, то придет ко мне и возьмет щепотку этого зелья, чтобы покончить с ней. А может, сказал я, не вы, а она захочет прикончить вас. Ну и хохотал же он тогда!

Мы тоже сочли своим долгом посмеяться. Пуаро приоткрыл банку.

— Почти пустая,— пробормотал он.

Старик тоже заглянул внутрь.

— Смотри-ка, ушло куда больше, чем я думал. Вот уж не представлял себе, что столько использовал. Придется заказать еще.

— Да,— улыбнулся Пуаро.— Боюсь, здесь не хватило бы и на щепотку для моей жены.

Мы все еще раз посмеялись.

— Вы, мистер, насколько я понимаю, не женаты?

— Нет.

— Только люди не женатые могут позволить себе над этим шутить, ибо не знают, какая беда их ждет!

— Надеюсь, ваша жена...— осторожно начал Пуаро.

— Жива и здорова.

Энгес, по-моему, этому не очень радовался.

Похвалив его за отличное состояние сада, мы попрощались.

Глава XXI

АПТЕКАРЬ, СИДЕЛКА, ДОКТОР

Баночка с гербицидом вызвала у меня новый поток мыслей. Это был первый встреченный мною предмет, который вызывал определенное подозрение. Интерес к нему Чарльза, явное удивление садовника, когда он увидел, что

баночка почти пуста,— все это давало новую пищу для размышлений.

— Даже если часть гербицида исчезла, Гастингс, это еще не доказательство того, что его взял Чарльз,— начал Пуаро.

— Но он чересчур уж настойчиво расспрашивал садовника об этом.

— Значит, не слишком умно поступал, если решил отсыпать оттуда значительную часть яда.

И продолжал:

— Какой яд первым приходит вам в голову, если просят назвать таковой?

— Мышьяк.

— Правильно. Теперь вы понимаете, почему Чарльз сделал такую заметную паузу перед словом «стрихнин», когда разговаривал с нами сегодня?

— Вы хотите сказать...

— Что он собирался сказать «мышьяк в супе», но вовремя остановился.

— А почему он остановился? — спросил я.

— Вот именно — почему? Могу признаться, Гастингс, что именно это «почему» и заставило меня пройти в сад.

— И вы нашли то, что хотели?

— Нашел.

Я покачал головой.

— Молодой Чарльз начинает вырисовываться не в очень-то розовом свете. Вы долго разговаривали с Элен о болезни старой мисс Аранделл. Симптомы этой болезни напоминают отравление мышьяком?

Пуаро потер нос.

— Трудно сказать. У нее болел живот, была рвота.

— Конечно, так оно и есть!

— Гм, я не настолько уверен.

— А какой яд это напоминает?

— На мой взгляд, это свидетельствует не столько об отравлении ядом, сколько о заболевании печени, которое может привести человека к смерти.

— О, Пуаро,— вскричал я,— это не может быть естественной смертью. Это должно быть убийство!

— Да, мне кажется, что сейчас вы и я поменялись местами.

Он повернулся и вошел в аптеку. После долгого разговора о его собственных недугах Пуаро купил маленькую коробку лепешек, помогающих при несварении желудка. Затем, когда покупку завернули и он уже было собрался

выйти из аптеки, его внимание привлекли капсулы доктора Лофбэрроу, применяемые при болезни печени.

— Да, да, это отличное средство, — аптекарь был средних лет и большой любитель поговорить. — Исключительно эффективное.

— Мисс Аранделл, я помню, обычно ими пользовалась. Мисс Эмили Аранделл.

— Совершенно верно, сэр. Мисс Аранделл из «Литл-грин Хауза». Замечательная дама старой школы. Я лично ее обслуживал.

— Она покупала много патентованных средств?

— Как правило, нет, сэр. Не столько, сколько другие пожилые дамы. Например, мисс Лоусон, ее компаньонка, которая унаследовала все ее деньги...

Пуаро кивнул.

— Та покупала все, что под руку попадется. Пилули, лепешки, таблетки от расстройства пищеварения, микстуры от несварения желудка, микстуры для улучшения формулы крови. Ей прямо доставляли удовольствие все эти бутылочки, — он хмуро улыбнулся. — Хорошо бы таких покупателей было побольше. В наши дни люди куда менее охотно покупают лекарства, нежели прежде. Зато мы продаем гораздо больше туалетных принадлежностей.

— Мисс Аранделл регулярно покупала эти капсулы?

— Да, она пользовалась ими в течение трех месяцев, пока не умерла.

— К вам как-то заходил ее родственник, некий доктор Таниос, чтобы заказать лекарство?

— Да, конечно, тот грек, что женился на племяннице мисс Аранделл. Очень занимательный состав был у этого лекарства. Я ни разу в жизни такого не встречал.

Аптекарь говорил об этом с таким увлечением, с каким ботаник рассказывает о впервые увиденном растении.

— Очень интересно, сэр, когда тебе предстоит приготовить что-то новое. Я помню, что это было странное сочетание компонентов. Разумеется, джентльмен этот — доктор. Очень славный человек, приятно было иметь с ним дело.

— А его жена у вас что-нибудь покупала?

— Его жена? Не помню. О да, как-то раз приходила за снотворным. Это был хлорал. Рецепт был выписан на двойную дозу. У нас всегда бывают затруднения с этими успокаивающими средствами. Большинство врачей предпочитают не выписывать большую дозу.

— А кто выписал ей этот рецепт?

— По-моему, ее муж. Рецепт был выписан по всем

правилам, но, знаете, в наши дни следует быть очень осторожным. Возможно, вам известен такой факт, что если доктор, выписывая рецепт, допускает ошибку, а мы ему доверяем, то, если что-нибудь случается, ответственность несем мы, а не доктор.

— Но это же несправедливо!

— Это нас крайне беспокоит. Но я не жалуюсь. Пока беда обходила нас стороной — стучу по дереву.

И твердо постучал по прилавку костяшками пальцев.

Пуаро решил купить пакет капсул доктора Лофбэрроу.

— Спасибо, сэр. В какой расфасовке: 25, 50, 100?

— По-моему, чем больше упаковка, тем выгоднее ее покупать, и тем не менее...

— Возьмите 50 штук, сэр. Мисс Аранделл всегда брала такую упаковку. С вас восемь шиллингов и шесть пенсов.

Пуаро расплатился, и мы вышли из аптеки.

— Итак, миссис Таниос купила снотворное, — воскликнул я, когда мы очутились на улице. — Да еще такую дозу, которая способна убить любого, не так ли?

— И без всяких затруднений.

— Вы считаете, что старая мисс Аранделл...

Мне припомнились слова мисс Лоусон: «Не сомневаюсь, что она прикончит любого, кого он ей прикажет».

Пуаро покачал головой.

— Хлорал — одновременно и наркотик и снотворное. Обычно снимает боли и вызывает сон. Но влечет за собой привыкание.

— Вы считаете, что миссис Таниос обрела привычку?

Пуаро озадаченно покачал головой.

— Нет, не считаю. Но это любопытно. Одно объяснение этому я могу найти. Но оно бы означало...

Он умолк и посмотрел на часы.

— Поехали. Посмотрим, сумеем ли мы разыскать эту сестру Каррузерс, которая ухаживала за мисс Аранделл во время ее последней болезни.

Сестра Каррузерс оказалась женщиной средних лет.

На этот раз Пуаро предстал перед ней любящим сыном престарелой матери, которая нуждалась в симпатичной сиделке с медицинским образованием.

— Я буду говорить с вами совершенно откровенно. Моя мать — человек трудный. У нас было несколько превосходных сиделок, молодых женщин, весьма компетентных, но ее раздражала их молодость. Моя мать не любит молодых женщин, оскорбляет их, грубит и капризничает, не желает открывать окна и настроена против современной гигие-

ны. Все это крайне затруднительно,— грустно вздохнул он.

— Я понимаю,— участливо отозвалась сестра Каррузерс.— Порой капризы больных и в самом деле невыносимы. Но нужно уметь сдерживаться. Больного ни в коем случае нельзя огорчать. Лучше по мере возможности идти на уступки. И как только они почувствуют, что вы на них не давите, они расслабляются и становятся тихими.

— Насколько я понимаю, вы были бы идеальны для моей матушки. Вы понимаете старых людей.

— В свое время мне довелось работать с такими. Терпение и юмор творят чудеса.

— Очень мудрое замечание. Вы, по-моему, ухаживали за мисс Аранделл? Она, мне думается, тоже была не ангел.

— Не знаю, не знаю. Она обладала сильной волей, но мне она не показалась трудной. Правда, я пробыла у нее недолго. На четвертый день она умерла.

— Я только вчера разговаривал с ее племянницей мисс Терезой Аранделл.

— Правда? Подумать только, как тесен мир!

— Значит, вы ее знаете?

— Ну конечно, она приезжала после смерти своей тетушки и потом присутствовала на похоронах. И еще я видела ее мельком, когда она приезжала в дом. Очень интересная девица.

— Да, в самом деле, только слишком уж худенькая, чересчур худенькая.

Сестра Каррузерс, вспомнив о собственных округлостях, прихорошилась.

— Да, конечно,— сказала она,— чересчур худой тоже быть негоже.

— Бедняжка,— продолжал Пуаро,— мне ее просто жаль. Между нами,— он доверительно подался вперед,— завещание тетушки было для нее большим ударом.

— Наверное,— согласилась сестра Каррузерс.— Во всяком случае, оно вызвало много разговоров.

— Не могу понять, что заставило мисс Аранделл лишиться наследства всю свою семью.

— Из ряда вон выходящее событие, я с вами согласна. И люди, конечно, утверждают, что за этим что-то кроется.

— Вам когда-нибудь приходила в голову причина этого? Мисс Аранделл ничего такого не говорила?

— Нет. Мне — ничего.

— А другим?

— Мне кажется, что она говорила что-то такое мисс Лоусон, потому что я слышала, как мисс Лоусон ответила:

«Да, дорогая, но это находится у адвоката». А мисс Аранделл возразила: «Я уверена, что оно в нижнем ящике». Мисс Лоусон сказала: «Нет, вы отправили его мистеру Первису, разве вы не помните?» Затем у больной опять началась рвота, и мисс Лоусон, пока я ухаживала за мисс Аранделл, вышла, но я часто вспоминала, что они говорили, должно быть, о завещании.

— Вполне возможно.

— Если да,— продолжала сестра Каррузерс,— я думаю, что мисс Аранделл беспокоилась и хотела его переделать, но она была слишком больна, бедняжка, чтобы все время помнить о нем.

— А мисс Лоусон помогала вам ухаживать за ней? — спросил Пуаро.

— Нет, конечно, у нее не было для этого навыков. Только суежилась и этим раздражала больную.

— Значит, только вы ухаживали за ней?

— Мне помогала служанка Элен. Она была умелой сиделкой. Мы с Элен очень ладили. По правде говоря, доктор Грейнджер прислал нам в пятницу ночную сиделку, но мисс Аранделл скончалась еще до ее прибытия.

— Быть может, мисс Лоусон помогала готовить еду для больной?

— Нет, она вообще ничего не делала. Да, собственно, и готовить-то было нечего. У меня были все лекарства, а мисс Лоусон оставалось только бродить по дому и плакать.

Сестра Каррузерс явно осуждала поведение мисс Лоусон.

— Я вижу,— улыбнулся Пуаро,— что вы не слишком высокого мнения о достоинствах мисс Лоусон.

— От компаньенок, на мой взгляд, всегда мало толку. Они ничему не обучены. Действовать профессионально не способны. Обычно это женщины, которые ни в чем другом не могут найти себе применение.

— Как, по-вашему, мисс Лоусон была очень привязана к мисс Аранделл?

— По-видимому, да. Страшно расстроилась, на мой взгляд, узнав, что старая леди умерла. Во всяком случае, куда больше, чем родственники,— фыркнула сестра Каррузерс.

— Тогда, значит,— сказал Пуаро, с умным видом кивая головой,— мисс Аранделл знала, что делает, когда оставила все деньги мисс Лоусон.

— Она была очень проницательной женщиной,— со-

гласилась сестра.— Все замечала и обо всем знала, должна я сказать!

— Она хоть раз вспомнила о Бобе, своей собаке?

— Интересно, что вы об этом спросили! Она много о нем говорила, в особенности когда бредила. Что-то про его мячик и про то, как она упала. Славная собачка этот Боб — я сама очень люблю собак. Бедняга, он был таким несчастным, когда она умерла. Удивительно, правда? Со всем, как человек.

И на этой ноте о человечности собак мы расстались.

— Наконец-то нам попался человек, который полностью лишен всяческой подозрительности,— заметил Пуаро, когда мы вышли из дома сестры Каррузерс. Он явно был чем-то обескуражен.

Мы пообедали в «Джордже». Обед был плохим.

— А ведь так легко, Гастингс, приготовить вкусный суп,— жаловался Пуаро.

Я с трудом избежал подробного обсуждения приготовления различных яств.

После обеда нас ожидал сюрприз.

Мы сидели в гостиной, где кроме нас никого не было. Я просматривал материал «Сток-Бридера газеты», когда вдруг услышал, что кто-то произнес фамилию Пуаро.

— Где он? Здесь? Хорошо, я сам его найду.

Дверь распахнулась и в комнату ворвался доктор Грейнджер. Лицо его было багровым, брови ходили ходуном. Он задержался, лишь чтобы прикрыть дверь, и затем решительным шагом двинулся к нам.

— Вот вы где! А теперь, месье Эркюль Пуаро, позвольте узнать, зачем вы явились сюда, чтобы сообщить мне кучу лживых утверждений?

— Один из шариков жонглера? — с усмешкой пробормотал я.

— Дорогой доктор,— начал Пуаро самым масляным голосом,— быть может, вы позволите мне объяснить вам...

— Позволить вам? Позволить вам? Черт побери, да я заставлю вас объясниться! Вы — сыщик, вот вы кто! Лезущий не в свои дела детектив! Явился ко мне и с помощью лжи убедил меня, что пишет биографию старого генерала Аранделла. И я, дурак, поверил в эту насквозь лживую историю.

— Кто сказал вам о том, кто я такой? — спросил Пуаро.

— Кто мне сказал? Мне сказала мисс Пибоди. Она сразу разгадала вас.

— Мисс Пибоди? — задумался Пуаро.— А я-то думал...

— Я жду ваших объяснений, сэр,— гневно перебил его доктор Грейнджер.

— Пожалуйста. У меня простое объяснение. Я раскрываю преднамеренное убийство.

— Что? Что такое?

— Мисс Аранделл упала, верно? — тихо сказал Пуаро.— Упала с лестницы незадолго до своей кончины?

— Да. Ну и что из этого? Она наступила на мячик своей собаки.

— Нет, доктор,— покачал головой Пуаро.— Поперек лестницы была протянута нитка, зацепившись о которую она и упала.

Доктор Грейнджер смотрел во все глаза.

— Тогда почему она мне об этом не сказала? — спросил он.— Я ни единого слова от нее не слышал...

— Это вполне понятно, если нитку натянул кто-то из членов ее семьи.

— Гм... Понятно,— доктор Грейнджер бросил острый взгляд на Пуаро и затем опустил в кресло.— А как вы очутились замешанным в это дело?

— Мне написала об этом мисс Аранделл, настаивая на полной секретности. К сожалению, ее письмо попало в мои руки слишком поздно.

Пуаро объяснил, как нашел гвоздь в панели, другие подробности дела.

Доктор слушал с мрачным лицом. Гнев его стих.

— Вы, разумеется, понимаете, что у меня было довольно трудное положение,— заключил Пуаро.— Меня наняла, так сказать, мертвая женщина. Но я счел это обстоятельство не менее важным, чем другие.

Доктор Грейнджер задумался, наморщив лоб.

— И вы понятия не имеете, кто натянул нитку поперек лестницы? — спросил он.

— Доказательств у меня нет. Но кое-какое представление имеется.

— Отвратительная история,— с тем же мрачным лицом констатировал доктор Грейнджер.

— Да. И вы, несомненно, понимаете, что поначалу я не был уверен, будет ли у этой истории продолжение.

— Почему?

— По всей видимости, мисс Аранделл умерла естественной смертью, но можно ли быть в этом уверенным? Одно покушение на ее жизнь состоялось. Могло состояться и второе. На этот раз успешное.

Грейнджер задумчиво кивнул.

— Надеюсь, вы уверены, доктор Грейнджер, что мисс Аранделл умерла естественной смертью? А что вы скажете относительно того, что...

И Пуаро пересказал свой разговор с Энгесом.

Грейнджер слушал с напряженным вниманием. Когда Пуаро завершил свой рассказ, он тихо сказал:

— Дело здесь действительно запутанное. Поставить диагноз отравления мышьяком очень трудно, ибо ему сопутствует слишком много различных симптомов. Отравление может быть острым, нервным или хроническим. У одних возникает рвота и боль в области живота, а у других эти симптомы могут полностью отсутствовать. Человек может внезапно упасть и тотчас умереть, а бывает, что появляется болезненная сонливость и паралич. Симптомы самые различные.

— Принимая все факты во внимание, каково же ваше мнение? — спросил Пуаро.

Минуту-другую доктор Грейнджер молчал.

— Учитывая все обстоятельства, — медленно заговорил он, — и будучи полностью беспристрастным, я считаю, что ни одна форма отравления мышьяком не может быть объяснена симптомами болезни мисс Аранделл. Она умерла, я совершенно убежден, от гепатита. Я, как вам известно, много лет лечил мисс Аранделл. Она довольно часто страдала приступами, похожими на те, которые оказались причиной ее смерти. Таково мое мнение, месье Пуаро.

На этом разговор волей-неволей должен был завершиться, как вдруг в качестве разрядки Пуаро с несколько виноватым видом вынул сверток с капсулами доктора Лофбэрроу, которые он купил в аптеке.

— По-моему, мисс Аранделл принимала это лекарство? — спросил он. — Надеюсь, оно не могло ухудшить ее состояния?

— Это? Ни в коем случае. Алоэ, подофилл — все это очень мягкие средства и вреда принести не могут, — ответил Грейнджер. — Ей нравилось принимать это лекарство. Я не возражал.

Он встал.

— Вы сами прописывали ей некоторые лекарства? — спросил Пуаро.

— Да, пилюли для печени, которые следовало принимать после еды, — у него блеснули глаза. — И даже если бы она выпила их сразу целую коробочку, то тоже не причинила бы себе никакого вреда. Я не из тех, кто травит своих пациентов, месье Пуаро.

И, с улыбкой пожав нам руки, он ушел.

Пуаро развернул сверток, купленный в аптеке. Лекарство представляло собой прозрачные капсулы, на три четверти наполненные темно-коричневым порошком.

— Они похожи на средство от морской болезни, которое я когда-то принимал, — заметил я.

Пуаро открыл капсулу, потрогал содержимое, попробовал его на язык. И сделал гримасу.

— Итак, — сказал я, откидываясь на спинку кресла и зевая, — все выглядит вполне безобидно. И патентованные средства доктора Лофбэрроу, и пилюли доктора Грейнджера. И доктор Грейнджер категорически отвергает теорию с использованием мышьяка. Вы наконец убеждены, Пуаро?

— На этот раз логика ваша железная, — Пуаро постукал костяшками пальцев о стол.

— Значит, несмотря на утверждение аптекаря, сиделки и доктора, вы по-прежнему считаете, что мисс Аранделл убили? — наступал я.

— Да, я так считаю, — тихо ответил Пуаро. — Более того, я уверен в этом, Гастингс.

— Доказать это можно только одним способом, — медленно сказал я. — С помощью эксгумации.

Пуаро кивнул.

— Значит, таков наш следующий шаг?

— Я должен быть осторожен, мой друг.

— Почему?

— Потому что, — его голос упал до шепота, — я опасюсь второй трагедии.

— Вы хотите сказать...

— Я боюсь, Гастингс. Боюсь. И на этом сегодня остановимся.

Глава XXII

ЖЕНЩИНА НА ЛЕСТНИЦЕ

На следующее утро нам принесли записку. Почерк был неуверенным, строки явно ползли вверх.

«Дорогой мистер Пуаро!

Элен сказала мне, что вы вчера побывали в «Литлгрин Хаузе». Была бы крайне обязана, если бы вы сумели навестить меня в любое удобное для вас время сегодня.

Искренне ваша,
Вильгельмина Лоусон».

— Значит, она тоже здесь, — заметил я.

— Да.

— Интересно, зачем она явилась?

— Не думаю, что по какой-то недоброй причине, — улыбнулся Пуаро. — Не забывайте, дом-то все-таки принадлежит ей.

— Да, конечно. Вы знаете, Пуаро, самое страшное в нашей игре то, что любой поступок всегда трактуется с самой плохой точки зрения.

— Я и сам, по правде говоря, присоединился к вашему лозунгу: «Подозревай каждого».

— И сейчас мыслите таким образом?

— Нет, сейчас уgomонился. Подозреваю одно определенное лицо.

— Кого именно?

— Поскольку пока это только подозрение и твердых доказательств не существует, я должен предоставить вам возможность сделать собственные заключения, Гастингс. И не забудьте про психологию — это очень важный аспект. Характер убийства всегда отражает темперамент убийцы и потому является основной уликой преступления.

— Я не могу принимать во внимание характер преступника, если не знаю, кто он.

— Нет, нет, вы не обратили внимания на сказанное мною. Если вы как следует поразмышляете над характером, именно над характером убийства, тогда вы поймете, кто убийца!

— А вы и вправду знаете, Пуаро? — с любопытством спросил я.

— Пока у меня нет доказательств, поэтому не о чем и говорить. Но я совершенно уверен, друг мой, мысленно я совершенно уверен.

— В таком случае, — засмеялся я, — берегитесь, чтобы убийца не расправился с вами!

Пуаро чуть съезжился. Он не любил шутить на эту тему.

— Вы правы. Я должен быть осторожен, чрезвычайно осторожен, — пробормотал он.

— Вам следует надеть на себя кольчугу, — дразнил его я. — Иметь при себе дегустатора, который пробовал бы вашу еду. А кроме того хорошо бы окружить себя целым отрядом телохранителей!

— Спасибо, Гастингс, но я, пожалуй, положусь на собственный разум.

Затем он написал записку мисс Лоусон, пообещав зайти в «Литлгрин Хауз» в одиннадцать часов.

Позавтракав, мы вышли на площадь. Было четверть одиннадцатого. Стояло жаркое сонное утро.

Я засмотрелся на витрину лавки антиквариата, где был выставлен очень красивый набор хеппельвайтских стульев. Вдруг кто-то больно ткнул меня под ребро и визгливым голосом произнес: «Привет!»

Я возмущенно обернулся и оказался лицом к лицу с мисс Пибоди. В руке у нее был огромный остроконечный зонт, которым она и нанесла мне укол.

По-видимому, не подозревая о причиненной мне боли, она с удовлетворением заметила:

— Ха! Я так и думала, что это вы. Я не часто ошибаюсь.

— Доброе утро! — довольно холодно поздоровался с нею я. — Могу я быть чем-нибудь вам полезным?

— Расскажите мне, как идут дела у вашего приятеля с его книгой о жизни генерала Аранделла.

— Он еще не начал ее писать, — сказал я.

Мисс Пибоди засмеялась неслышным, но явно довольным смехом. Она тряслась, как желе. Закончив смеяться, женщина заметила:

— А я никогда и не думала, что он начнет ее писать.

— Значит, вы нас разгадали? — улыбнулся я.

— За кого вы меня принимаете? За дуру? — спросила мисс Пибоди. — Я сразу поняла, зачем явился ваш приятель. Он хотел, чтобы я разговорилась. Что ж, я не возражаю. Я люблю поговорить. В наше время трудно отыскать слушателя. Я получила большое удовольствие от той беседы.

И, прищутив глаз, спросила:

— К чему, собственно, был весь этот разговор? О чем он хотел узнать?

Не успел я еще решить, что ответить, как к нам подошел Пуаро. Он с почтительностью поклонился мисс Пибоди.

— Доброе утро, мадемуазель. Очень рад нашей встрече.

— Доброе утро, — откликнулась мисс Пибоди. — Сегодня вы в какой роли выступаете?

— Быстро же вы разгадали меня, — улыбнулся Пуаро.

— А что тут было сложного? Не так уж много в наших краях таких, как вы. Только не знаю, хорошо это или плохо. Трудно сказать.

— Я предпочитаю быть уникальным, мадемуазель.

— Так оно и есть, сказала бы я, — сухо заметила мисс

Пибоди.— А теперь, мистер Пуаро, поскольку на днях я выдала вам все слухи, коими вы интересовались, наступила моя очередь задавать вопросы. В чем дело? Чем вы занимаетесь?

— Разве вы не задаете вопрос, на который уже знаете ответ?

— Не знаю,— она бросила на него пронизательный взгляд.— Что-то подозрительное в истории с завещанием? Или что-то еще? Собираетесь выкопать труп Эмили?

Пуаро ничего не ответил.

Мисс Пибоди медленно и задумчиво кивнула головой, словно услышала ответ.

— Часто думала...— сама с собой рассуждала она,— какие чувства испытывает... Читая газеты, думаешь, а не доведется ли выкапывать кого-либо в Маркет Бейсинге... Вот уж в голову не приходило, что этим кем-либо может быть Эмили Аранделл...

Она впилась взглядом в Пуаро.

— Вряд ли ей это понравилось бы. Вы ведь, наверное, уже об этом думали?

— Да, думал.

— Я так и знала — вы ведь не дурак. И не особенно назойливы тоже.

— Благодарю вас, мадемуазель,— поклонился Пуаро.

— Хотя большинство людей, глядя на ваши усы, этого бы не сказали. Для чего вам такие усы? Вам они нравятся? Я отвернулся, содрогаясь от смеха.

— В Англии культ усов прискорбно забыт,— отозвался Пуаро, любовно разглаживая свои модные усы.

— Смешно! — заявила мисс Пибоди.— Я однажды знала женщину, у которой был зоб, и она им страшно гордилась. Трудно поверить, но это — чистая правда. Счастлив тот, говорю я, кто доволен тем, чем его наградил господь. Обычно бывает наоборот.

Покачивая головой, она вздохнула.

— Вот уж никогда не думала, что в этом забытом мире уголке может произойти убийство,— и снова впилась взглядом в Пуаро.— Кто из них это сделал, а?

— Я должен прокричать это имя прямо здесь, на улице?

— Скорее всего, вы не знаете. Или знаете? Что ж, дурная кровь — тоже вариант.

— Вы верите в наследственность?

— Хорошо бы это был Таниос,— вдруг неожиданно заявила мисс Пибоди.— Пусть будет посторонний! Хотя

хорошо бы или нет, чего уж тут рассуждать! Ладно, я ухажу. Вижу, вы не собираетесь рассказывать мне что-нибудь интересное... На кого вы работаете, кстати?

— Я работаю на покойницу, мадемуазель,— мрачно отозвался Пуаро.

Мисс Пибоди, не могу понять почему, выслушав этот ответ, вдруг расхохоталась. Но быстро спохватившись, сказала:

— Извините меня. Это было так похоже на Изабел Трипп — вот и все. До чего противная женщина! Но Джулия, по-моему, еще хуже. Все строит из себя девочку. Мне никогда не нравились эти платья с оборочками, которые делают ее похожей на овечку. Всего хорошего. Видели доктора Грейнджера?

— Мадемуазель, мне придется свести с вами счеты. Вы выдали мой секрет.

Мисс Пибоди не отказала себе в удовольствии еще раз расхохотаться.

— До чего же все мужчины простодушны! Он безропотно проглотил всю ту ложь, которую вы ему выдали. А уж как разозлился, когда я сказала ему правду! Так и ушел, фыркая от ярости. Он вас ищет.

— Уже нашел, еще вчера вечером.

— Ой, как жаль, что меня там не было!

— Очень жаль, мадемуазель,— галантно подтвердил Пуаро.

Мисс Пибоди рассмеялась и приготовилась идти дальше.

— До свидания, молодой человек,— небрежно бросила она мне через плечо.— Не вздумайте покупать эти стулья. Это — подделка.

И пошла, посмеиваясь, своей дорогой.

— Очень умная старуха,— заметил Пуаро.

— Несмотря на то, что не отдала должного вашим усам?

— Вкус — это одно,— холодно заметил Пуаро,— а мозги — другое.

Мы вошли в лавку и провели там несколько приятных минут, разглядывая выставленные на продажу вещи. Скоро мы зашагали в направлении «Литлгрин Хауза».

Нас впустила и провела в гостиную Элен, у которой щеки на этот раз пылали ярче обычного. Наверху раздались шаги, и в комнату вошла мисс Лоусон. Она часто дышала и, казалось, была возбуждена. На голове у нее был шелковый платок.

— Надеюсь, вы извините мой вид, месье Пуаро. Я про-

смастривала шкафы — столько вещей! Люди склонны на-
капливать всякую мелочь к старости, боюсь, что и дорогая
наша мисс Аранделл не была исключением. Просто удиви-
тельно, сколько люди собирают, — можете мне поверить,
две дюжины игольников, целых две дюжины.

— Вы хотите сказать, что мисс Аранделл купила две
дюжины игольников?

— Да, сложила и позабыла про них, и, разумеется, все
иголки заржавели — такая жалость. Она имела привычку
дарить их горничным на Рождество.

— Она была такой забывчивой?

— Очень. Никогда не помнила, куда что клала. Я ей
всегда говорила, что нужно сказать: «Черт, черт, поиграй
и отдай!»

Она засмеялась и, вытащив из кармана маленький
носовой платочек, вдруг принялась шмыгать носом.

— О господи, — слезливо сказала она. — Так стыдно
смеяться здесь.

— Вы слишком чувствительны, — заметил Пуаро. —
Чересчур близко принимаете все к сердцу.

— Именно то же самое мне говорила моя матушка,
месье Пуаро. «Ты чересчур близко принимаешь все к
сердцу, Мина», — обычно слышала от нее я. Большой недо-
статок, месье Пуаро, быть такой чувствительной. Осoben-
но, когда самой приходится зарабатывать себе на жизнь.

— Совершенно верно. Но теперь все это уже в про-
шлом. Вы сейчас сами себе хозяйка. Можете наслаждаться
жизнью, путешествовать, теперь вам не о чем беспокоить-
ся, не о чем тревожиться.

— Так оно и есть, — с сомнением в голосе откликну-
лась мисс Лоусон.

— Уверю вас, что это именно так. Но вернемся к за-
бывчивости мисс Аранделл. Теперь я понимаю, почему так
поздно получил ее письмо.

Он объяснил обстоятельства обнаружения письма. На
щеках у мисс Вильгельмины Лоусон запрылало по красному
пятну.

— Элен должна была сказать мне. Отправить вам пись-
мо, не предупредив меня, — это большая дерзость. Ей сле-
довало сначала проконсультироваться со мной. Ведь я ни-
чего об этом не знала.

— Дорогая моя леди, я уверен, что Элен действовала из
лучших побуждений.

— И тем не менее, все это представляется мне крайне
странным! Крайне странным! Слуги совершают самые не-

вероятные поступки. Элен следовало бы помнить, что теперь хозяйка дома я!

Она величаво выпрямилась.

— Элен была очень предана своей хозяйке, не так ли? — спросил Пуаро.

— Да, пожалуй, но это не меняет положения вещей. Она обязана была поставить меня в известность!

— Главное — что письмо дошло до меня, — заметил Пуаро.

— О, я согласна, что после драки кулаками не машут, но, тем не менее, по-моему, Элен следует знать, что прежде всего нужно спросить меня.

Она умолкла, пятна на щеках разгорелись еще ярче.

Помолчав минуту, Пуаро спросил:

— Вы хотели видеть меня сегодня? Чем могу быть вам полезным?

Мисс Лоусон снова взъерошилась и стала говорить так же бессвязно, как прежде:

— Видите ли, я просто никак не могу понять... Честно говоря, месье Пуаро, я приехала сюда вчера, и, конечно, Элен рассказала мне, что вы были здесь, и я просто не могу понять... почему вы не сказали мне, что приедете... Это довольно странно... и не понятно...

— Вам не понятно, зачем я приезжал сюда? — закончил за нее вопрос Пуаро.

— Я... Нет, не совсем так. Да, мне не понятно...

Она не сводила с него вопрошающего взгляда.

— Я должен кое в чем признаться вам, — продолжал Пуаро. — Вы решили, что письмо, полученное мною от мисс Аранделл, касалось некоторой суммы денег, похищенной скорее всего мистером Чарльзом Аранделлом.

Мисс Лоусон кивнула.

— Но это было не совсем так... Честно говоря, о похищении денег я впервые услышал от вас... Мисс Аранделл написала мне по поводу происшедшего с ней несчастного случая.

— Несчастного случая?

— Да, ее падения с лестницы, насколько я понимаю.

— О, но это... это... — мисс Лоусон выглядела окончательно сбитой с толку. Она смотрела на Пуаро пустыми глазами. — Извините... Я уверена, что говорю глупости, но зачем ей было писать об этом вам? Насколько я понимаю... Вы ведь сами сказали... что вы детектив. Может, вы доктор? Или экстрасенс?

— Нет, я не врач и не экстрасенс. Но порой занимаюсь

случаями, где смерть бывает, так сказать, скоропостижной.

— Скоропостижной?

— Именно,— подтвердил Пуаро.— Ведь вполне возможно, что мисс Аранделл не просто умерла, а умерла скоропостижно?

— О господи боже, да. Именно так сказал доктор. Но я не понимаю...

Мисс Лоусон окончательно запуталась.

— Причиной несчастного случая был мячик Боба, не так ли?

— Да, да. Именно. Это был мячик Боба.

— О нет, это вовсе не был мячик Боба.

— Но, извините меня, мистер Пуаро, я сама видела мячик... когда мы все сбежали вниз.

— Вы видели мячик — вполне возможно. Но не он был причиной несчастного случая. Причиной несчастного случая, мисс Лоусон, была темного цвета нитка, натянутая в футе от пола на площадке лестницы.

— Но... Но собака не могла...

— Вот именно,— подхватил Пуаро.— Собака этого сделать не могла. Для этого она недостаточно умна или, если хотите, недостаточно сообразительна. Зато человек вполне мог натянуть эту нитку...

Лицо мисс Лоусон стало мертвенно-бледным. Она дотронулась до него дрожащей рукой.

— О, мистер Пуаро... Я не могу в это поверить. Вы хотите сказать... Но это ужасно... ужасно. Вы хотите сказать, что это было сделано с умыслом?

— Да, это было сделано с умыслом.

— Но это же страшно. Это все равно... что убить человека.

— Если бы удалось, то это было бы убийство или, точнее, преднамеренное убийство!

Мисс Лоусон вскрикнула.

Тем же мрачным тоном Пуаро продолжал:

— В панель забили гвоздь, чтобы протянуть поперек лестницы нитку. Гвоздь был покрыт лаком, чтобы его не заметили. Скажите мне, не помните ли вы запах лака, причину появления которого не могли объяснить.

— Удивительно! — воскликнула мисс Лоусон.— Подумать только! Конечно! А мне и в голову не пришло, с чего, собственно, бы это? И тем не менее в ту минуту я подумала: «Как это странно!»

Пуаро подался вперед.

— Значит, вы сумеете помочь нам, мадемуазель?

— Подумать только! О да, все совпадает.

— Скажите мне, прошу вас. Вы почувствовали запах лака, да?

— Да. Конечно, тогда я не знала, что это такое. Я подумала — не краска ли это? — нет, это больше было похоже на жидкость, которой покрывают пол, а потом мне подумалось, что все это я лишь придумала.

— Когда это было?

— Дайте подумать.

— На пасхальной неделе, когда в доме было полно гостей?

— Да, именно в то время. Только я стараюсь вспомнить, какой это был день... Подождите, не воскресенье. Нет, и не вторник — вечером во вторник к ужину пришел доктор Доналдсон. А в среду они все уехали. Да, конечно, это было в понедельник, когда закрыты все банки. Я еще не встала, лежала и беспокоилась. Я всегда беспокоюсь по понедельникам, когда закрыты банки. На ужин нам могло не хватить холодной телятины, и я боялась, что мисс Аранделл рассердится. Я еще в субботу заказала лопатку. Обычно заказывала семь фунтов, а на этот раз решила, что и пяти будет достаточно, но мисс Аранделл всегда так беспокоилась, когда не хватало... Она была такой гостеприимной...

Мисс Лоусон остановилась, чтобы набрать воздуха, и продолжала:

— И вот я лежала, как мне казалось, не спала, думая о том, что она скажет завтра, и размышляя то об одном, то о другом, и не заметила, как вдруг что-то меня разбудило — какой-то стук. Я села в постели, прислушалась. Признаюсь, я ужасно боюсь пожара — порой два-три раза за ночь принюхиваюсь, не горит ли где-нибудь (такой страх, если, не дай бог, когда-нибудь это случится). Во всяком случае, чем-то пахло, и я еще раз принюхалась: больше было похоже на краску или на жидкость для пола, но с чего бы это такой запах в ночи? Запах был довольно сильный, я сидела и нюхала, пока наконец не увидела ее в зеркале...

— Увидели ее? Кого?

— Я всегда оставляю мою дверь немного приоткрытой, чтобы слышать мисс Аранделл, когда она позовет, или видеть, если она будет спускаться или подниматься по лестнице. В коридоре мы всегда оставляем включенной на ночь одну лампочку. Вот я и увидела, что на лестнице на коленях стоит Тереза. «Ей что, плохо?» — подумала я, но

она поднялась и ушла, и я решила, что она поскользнулась. Или, наоборот, наклонилась, чтобы что-то поднять. Но, конечно, больше я об этом ни разу не вспомнила.

— Стук, который вас разбудил,— это стучали молотком по гвоздю,— размышлял Пуаро.

— Вполне возможно. Но, мистер Пуаро, какой это ужас, какой ужас! Я всегда считала Терезу сумасбродкой, но сделать нечто подобное...

— Вы уверены, что это была Тереза?

— О господи, конечно, да.

— Это не могла быть миссис Таниос или, например, одна из горничных?

— О нет. Это была Тереза.

Мисс Лоусон покачала головой несколько раз и пробормотала:

— О господи, господи.

Пуаро не спускал с нее взгляда, который мне было трудно объяснить.

— Позвольте мне провести эксперимент,— вдруг сказал он.— Давайте поднимемся наверх и попытаемся этот небольшой эпизод восстановить.

— Восстановить? О, я не знаю... Я хочу сказать, что я не четко видела...

— Я вам помогу,— сказал Пуаро, властным тоном отвергнув все ее сомнения.

Слегка возбужденная, мисс Лоусон повела нас наверх.

— Надеюсь, в комнате прибрано... У меня столько дел... То одно, то другое...— бормотала она.

В комнате в самом деле царил хаос — очевидно, результат чистки шкафа. Как всегда бессвязно мисс Лоусон удалось объяснить нам, где она лежала в ту ночь, и Пуаро собственными глазами сумел убедиться, что в зеркале действительно отражается часть лестницы.

— А теперь, мадемуазель,— продолжил он,— будьте любезны выйти и воспроизвести действия, которые вы тогда видели.

Мисс Лоусон, все еще бормоча: «О господи», бросилась выполнять свою роль. Пуаро на этот раз был в роли зрителя.

Когда представление было завершено, он вышел на площадку и спросил, какая лампочка в ту ночь оставалась включенной.

— Вот эта. Как раз перед дверью мисс Аранделл.

Пуаро подошел, вывинтил лампочку и осмотрел ее.

— Сорокаваттная лампочка. Довольно тусклая.

— Да, ее включали только для того, чтобы в коридоре не было совсем темно.

Пуаро вернулся на площадку лестницы.

— Извините меня, мадемуазель, но свет был настолько тусклым, да еще если принять во внимание, куда падала тень, то вряд ли вы были способны разглядеть, кто был на лестнице. Вы уверены, что это была мисс Тереза Аранделл, а не просто какая-то женская фигура в халате?

— О чем вы говорите, месье Пуаро? — возмутилась мисс Лоусон. — У меня нет никаких сомнений. Я достаточно хорошо знаю Терезу. Это была она. Ее темный халат и большая блестящая брошь с ее же инициалами — я отчетливо их видела.

— Значит, сомнения отпадают. Вы видели инициалы?

— Да, Т. А. Я знаю брошь. Тереза часто ее носила. О да, я могу поклясться, что это была Тереза, и поклянусь в случае необходимости.

В ее голосе была такая решительность и твердость, каких нам ни разу не доводилось от нее слышать.

Пуаро смотрел на нее, и снова в его взгляде были какое-то отчуждение, сомнение и вместе с тем завершенность.

— Значит, вы готовы поклясться, да? — спросил он.

— Если... Если в том есть необходимость. Но разве в этом есть необходимость?

Снова Пуаро окинул ее оценивающим взглядом.

— Это будет зависеть от результатов эксгумации, — сказал он.

— Экс... Эксгумации?

Пуаро пришлось вытянуть руку, чтобы поддержать мисс Лоусон, ибо она пришла в такое волнение, что чуть не скатилась с лестницы.

— О господи, как это неприятно! Но я не сомневаюсь, что родственники решительно этому воспротивятся.

— Возможно.

— Я совершенно уверена, что они не захотят даже слышать об этом.

— Да, но может прийти приказ из Скотланд-Ярда.

— Но почему, месье Пуаро, почему? Не то, что... Не то, что...

— Не то что, мадемуазель?

— Неужели случилось нечто плохое?

— А вы полагаете, что нет?

— Конечно, нет. И не могло. Я хочу сказать, что доктор, и сиделка, и все прочее...

— Не расстраивайтесь,— пытался утешить ее Пуаро.

— Но я не могу не расстраиваться. Бедная мисс Аранделл! Ведь Терезы даже не было здесь в доме, когда она умерла.

— Да, Тереза уехала в понедельник, за неделю до того, как мисс Аранделл заболела, не так ли?

— Рано утром. Поэтому, как вы понимаете, она не могла иметь никакого отношения к смерти мисс Аранделл.

— Будем надеяться, что нет,— отозвался Пуаро.

— О господи! — мисс Лоусон стиснула руки.— Мне никогда не доводилось испытывать такой страх! Ей-богу, мне кажется, что я стою вверх ногами.

Пуаро посмотрел на часы.

— Нам пора. Мы возвращаемся в Лондон. А вы, мадемуазель, еще некоторое время побудете здесь?

— Нет... Нет. Я еще не решила. Я тоже сегодня вернусь в город. Я приехала всего лишь на день... Привести вещи в порядок.

— Понятно. Всего хорошего, мадемуазель, и простите меня, если я чем-нибудь вас огорчил.

— О, мистер Пуаро! Огорчили меня? Я чувствую себя совершенно разбитой! О господи! Какой злой мир! Какой ужасно злой мир!

Пуаро остановил ее сетования словами:

— Так вы готовы поклясться, что видели Терезу Аранделл, стоявшую на коленях на лестнице в ночь на понедельник, когда по поводу Пасхи закрыты все банки?

— О да, готова.

— И вы также готовы поклясться, что видели ореол вокруг головы мисс Аранделл во время сеанса?

У мисс Лоусон отпала нижняя челюсть.

— О, месье Пуаро, не надо шутить над такими вещами.

— Я не шучу и настроен абсолютно серьезно.

— Это было не совсем сияние,— с достоинством объяснила мисс Лоусон.— Это было скорее похоже на начало материализации. Появилась лента из какого-то светящегося материала. По-моему, она начала превращаться в чье-то лицо.

— Исключительно интересно. До свидания, мадемуазель, и, пожалуйста, никому ни слова об этом.

— Конечно... Конечно... У меня даже в мыслях не было...

Последнее, что мне запомнилось, это похожее на овечье лицо мисс Лоусон, которая, стоя на крыльце, смотрела нам вслед.

ДОКТОР ТАНИОС НАНОСИТ НАМ ВИЗИТ

Не успели мы выйти из дома, как настроение у Пуаро переменялось. Лицо стало мрачным и решительным.

— Поспешим, Гастингс,— сказал он.— Мы должны вернуться в Лондон как можно скорее.

Я ускорил шаг, стараясь не отставать от него. И еще раз посмотрел на мрачное лицо друга.

— Что у вас в мыслях, Пуаро? — спросил я.— Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали. Вы верите, что на лестнице была Тереза Аранделл, или нет?

Пуаро не ответил на мой вопрос. Вместо этого спросил:

— Вам не кажется,— подумайте прежде, чем ответить,— что в рассказе мисс Лоусон было что-то странное?

— Что значит «странное»?

— Если бы я знал, я бы вас не спрашивал.

— Да, но в каком смысле «странное»?

— Вот в этом-то и все дело. Я не могу уточнить. Но когда она говорила, я испытывал какое-то чувство нереальности... словно в ее словах была какая-то ошибка — да, именно такое чувство я испытывал,— что-то было не так...

— Она, по-видимому, не сомневалась, что видела Терезу?

— Да, да.

— Но ведь свет был очень тусклым. Я не могу понять, откуда у нее такая уверенность.

— Нет, нет, Гастингс, вы мне не помогаете. Это была какая-то мелочь, нечто, связанное с...— да, я в этом уверен — со спальней.

— Со спальней? — удивился я, стараясь припомнить все находящиеся в комнате предметы.— Нет,— сказал я,— я вам не помощник.

Пуаро с досадой покачал головой.

— Зачем вы снова заговорили об этом спиритизме? — спросил я.

— Потому что это имеет значение.

— Какое значение? Как раскручивается, по мнению мисс Лоусон, светящаяся лента?

— Вы помните, как сестры Трипп описывали сеанс?

— По их словам, вокруг головы мисс Аранделл они видели ореол,— засмеялся я, хотя мне было вовсе не до смеха.— Я никак не могу причислить ее к лику святых! Мисс Лоусон, по всей видимости, ее боялась. Мне было

жаль бедняжку, когда она рассказывала, как лежала без сна, беспокоясь, что попадет в беду из-за того, что заказала слишком маленький кусок телятины.

— Да, это был интересный момент.

— Что мы будем делать по приезду в Лондон? — спросил я, когда мы перекусили в «Джордже» и Пуаро попросил подать ему счет.

— Мы должны немедленно повидаться с Терезой Аранделл.

— И обнаружить истину? А что если она от всего откажется?

— Мне думается, что ничего преступного в том, что человек преклоняет колени на лестнице, нет. Может, она нашла шпильку, которая должна была принести ей счастье, или что-то другое в этом духе.

— А запах лака?

Больше мы ничего друг другу сказать не успели, потому что нам принесли счет.

По дороге в Лондон мы больше молчали. Я не люблю разговаривать, сидя за рулем, а Пуаро был так занят защитой своих усов от ветра и пыли, при помощи кашне, что его речь все равно была неразборчива.

Мы прибыли на квартиру без двадцати два.

Джордж, камердинер Пуаро, открыл нам дверь.

— Вас ждет доктор Таниос, сэр. Он здесь уже с полчаса.

— Доктор Таниос? Где он?

— В гостиной, сэр. Заходила также какая-то дама, сэр, которая хотела с вами повидаться. Она, мне показалось, была очень расстроена, узнав, что вас нет дома. Это было еще до того, как вы позвонили мне, сэр, поэтому я не мог сказать ей, когда вы вернетесь в Лондон.

— Опишите даму.

— Пять футов семь дюймов ростом, темноволосая, со светло-голубыми глазами. В сером костюме и шляпе, сдвинутой на затылок вместо того, чтобы быть надвинутой на правый глаз.

— Миссис Таниос, — еле слышно произнес я.

— Она, по-моему, была в крайне возбужденном состоянии, сэр. Сказала, что ей совершенно необходимо разыскать вас.

— Когда это было?

— Около половины одиннадцатого, сэр.

Направляясь к гостиной, Пуаро огорченно покачал головой:

— Вот уже второй раз я не могу услышать, что хочет сказать мне миссис Таниос. Что скажете, Гастингс? Судьба?

— Повезет на третий раз,— утешил его я.

Пуаро с сомнением покачал головой.

— Будет ли этот третий раз? Пойдемте, послушаем хотя бы, что скажет нам ее муж.

Доктор Таниос сидел в кресле и читал одну из книг по психологии из библиотеки Пуаро. Увидев нас, он вскочил.

— Прошу извинить, что явился без приглашения. Надеюсь, вы не возражаете, что я решился войти и ждать вас до победного конца.

— Разумеется. Прошу садиться. Позвольте предложить вам стаканчик шерри.

— Спасибо. По правде говоря, у меня есть повод. Месье Пуаро, я обеспокоен, крайне обеспокоен состоянием моей жены.

— Вашей жены? Очень жаль. А в чем дело?

— Вы ее давно видели? — спросил Таниос.

Вопрос казался вполне естественным, но взгляд исподтишка, которым он сопровождался, показался мне странным.

— В последний раз я видел ее вместе с вами в отеле вчера,— самым обычным тоном ответил Пуаро.

— А! А я-то думал, что она зайдет к вам.

Пуаро был занят тем, что наливал три стаканчика шерри.

— Нет,— рассеянно отозвался он.— А что, у нее была причина навестить меня?

— Нет, нет,— доктор Таниос взял свой стакан.— Спасибо. Большое спасибо. Нет, особой причины не было, но, откровенно говоря, я очень озабочен состоянием здоровья моей жены.

— Она плохо себя чувствует?

— Физически она совершенно здорова,— медленно отозвался Таниос.— Но, к сожалению, я не могу сказать того же о ее рассудке.

— Вот как?

— Боюсь, месье Пуаро, что она на грани нервного срыва.

— Дорогой доктор Таниос, мне очень жаль слышать это.

— Это состояние уже некоторое время нарастает. В последние два месяца ее отношение ко мне совершенно изменилось. Она возбуждена, пугается, ее одолевают странные

фантазии, даже более чем фантазии — я бы назвал это бредом.

— Вот как?

— Да. Она страдает тем, что обычно называется «манией преследования».

Пуаро участливо щелкнул языком.

— Вы понимаете мою озабоченность?

— Естественно, естественно. Но только я не понимаю, почему вы пришли ко мне. Чем я могу вам помочь?

Доктор Таниос, мне показалось, смутился.

— Мне пришло в голову, что моя жена приходила или еще придет к вам с невероятным рассказом. Она вполне может сказать, что ей грозит опасность с моей стороны или что-то в этом роде.

— Но почему она должна прийти ко мне?

Доктор Таниос улыбнулся — это была очаровательная улыбка, приветливая и вместе с тем тоскливая.

— Вы знаменитый детектив, месье Пуаро. Я заметил сразу же, что встреча с вами вчера произвела на мою жену большое впечатление. Сам факт встречи с детективом в ее нынешнем состоянии показался ей судьбоносным. Поэтому мне подумалось, что она будет искать встречи с вами, чтобы, так сказать, довериться вам. Таким образом обычно дает себе выход нервное напряжение. Обида обращается против самых близких и дорогих больному людей.

— Очень печально.

— Да, конечно. Я очень привязан к моей жене, — в его голосе послышалась глубокая нежность. — Я всегда считал, что она поступила отважно, выйдя замуж за меня, иностранца, оставив родную страну, своих друзей и привычный мир. Но последние несколько дней я пребываю в полном смятении... Я вижу из этого только один выход...

— Да?

— Полный отдых и покой — и соответствующее психиатрическое лечение. Я знаю превосходную лечебницу, которой руководит первоклассный врач. Хочу увезти ее туда — это в Норфолке — немедленно. Полный отдых и изоляция от внешней среды — вот что ей необходимо. Я совершенно уверен, что, если она пробудет там месяц или два и ее будут умело лечить, у нее сразу наметятся перемены к лучшему.

— Понятно, — отозвался Пуаро таким равнодушным тоном, что трудно было понять, какие чувства в действительности владеют им.

Таниос снова бросил на него быстрый взгляд.

— Поэтому, если она придет к вам, я был бы очень обязан, если бы вы тотчас дали мне знать.

— Обязательно. Я вам позвоню. Вы по-прежнему в Дюрем-отеле?

— Да. Я сейчас же возвращаюсь туда.

— А вашей жены там нет?

— Она ушла сразу после завтрака.

— Не сказав вам куда?

— Не проронив ни слова, что на нее крайне не похоже.

— А дети?

— Она их взяла с собой.

— Понятно.

Таниос поднялся.

— Большое спасибо, месье Пуаро. Мне, наверное, не нужно предупреждать вас, что если она начнет рассказывать вам страшные истории о том, как ее запугивают и преследуют, не обращайтесь на них внимания. К сожалению, это симптомы ее болезни.

— Очень жаль,— с участием повторил Пуаро.

— Да. Хотя медикам известно, что это признаки известного психиатрического заболевания, тем не менее невозможно преодолеть обиду, когда близкий и дорогой тебе человек оборачивается против тебя, а любовь превращается в ненависть.

— Примите мое глубочайшее сожаление,— сказал Пуаро, пожимая руку своему гостю.

— Между прочим...— раздался голос Пуаро, когда Таниос уже был возле двери.

— Да?

— Вы когда-нибудь выписывали свое жене хлорал?

Таниос вздрогнул.

— Я... Нет... А может, и выписывал. Но последнее время — нет. Она, по-моему, стала испытывать отвращение к любому снотворному.

— А может, потому что перестала вам доверять?

— Месье Пуаро!

Таниос сердито сделал шаг вперед.

— Это ведь тоже можно объяснить ее болезнью,— мягко заметил Пуаро.

Таниос остановился.

— Да, да, конечно.

— Она может крайне подозрительно относиться ко всему, что вы ей предлагаете съесть или выпить. Возможно, боится, что вы решите ее отравить.

— Боже мой, месье Пуаро, вы совершенно правы. Значит, вам известны подобные случаи?

— В своей профессии я, естественно, время от времени сталкиваюсь с подобными вещами. Но не буду вас задерживать. Возможно, она ждет вас в отеле.

— Верно. Надеюсь. Я крайне обеспокоен.

И поспешно вышел из комнаты.

Пуаро быстро схватился за телефон.

— Алло! Алло! Дюрэм-отель? Будьте любезны сказать, у себя ли миссис Таниос? Что? Таниос. Да, правильно. Да? Понятно.

Он положил трубку.

— Миссис Таниос рано утром вышла из отеля. Она вернулась в одиннадцать, не выходя из такси, подождала, пока вынесут ее багаж, и уехала.

— А доктор Таниос знает, что она забрала багаж?

— Наверное, нет.

— И куда она уехала?

— Никто не знает.

— Вы думаете, она вернется?

— Возможно. Не могу сказать.

— Быть может, напишет?

— Может быть.

— Что нам делать?

Пуаро покачал головой. Он выглядел взволнованным и расстроенным.

— В данный момент ничего. Давайте побыстрее пообедаем и отправимся к Терезе Аранделл.

— Вы верите, что на лестнице была она?

— Не могу сказать. В одном уверен — мисс Лоусон не видела ее лица. Она видела высокую женщину в темном халате — вот и все.

— А брошь?

— Мой дорогой друг, брошь — не часть тела человека. Ее можно снять с платья, потерять, взять взаймы и даже украсть.

— Другими словами, вы не хотите поверить, что она может сказать в свою защиту.

— А если миссис Таниос вернется?

— Я постараюсь ее не упустить.

Джордж принес омлет.

— Послушайте, Джордж, — сказал Пуаро, — если эта дама, что приходила сегодня, вернется, попросите ее подождать. Если, пока она будет здесь, придет доктор Таниос, ни в коем случае не впускайте его. Если он спросит, здесь ли его жена, скажите ему, что ее здесь нет. Понятно?

— Да, сэр.

Пуаро набросился на омлет.

— Это дело само по себе очень сложное, — сказал он. — Мы должны действовать крайне осторожно. Если нет, убийца нанесет новый удар.

— Если он это сделает, вы сумеете его поймать.

— Вполне возможно. И все же мы должны действовать очень осторожно.

Глава XXIV

ТЕРЕЗА ОТРИЦАЕТ

Когда мы пришли, Тереза Аранделл собиралась уходить.

Она выглядела очень привлекательной. Маленькая шляпка самого шикарного фасона была лихо сдвинута на правый глаз. Я отметил про себя, что на Белле Таниос вчера была дешевая имитация такой же шляпки, только носила она ее, как заметил Джордж, на затылке вместо того, чтобы сдвинуть на правый глаз. Я хорошо помнил, как она все дальше и дальше сдвигала ее на своих взлохмаченных волосах.

— Могу ли я, мадемуазель, — вежливо обратился к ней Пуаро, — рассчитывать на минуту-другую вашего времени или это слишком задержит вас?

— Не имеет значения, — засмеялась Тереза. — Я всегда опаздываю минут на сорок пять по крайней мере. А в этот раз опоздаю на час.

Она провела нас в гостиную. К моему удивлению, из кресла возле окна поднялся доктор Доналдсон.

— Ты ведь уже встречал месье Пуаро, правда, Рекс?

— Мы виделись в Маркет Бейсинге, — сухо отозвался Доналдсон.

— Вы делали вид, будто заняты жизнеописанием моего деда-алкоголика, насколько я понимаю, — сказала Тереза. — Рекс, мой ангел, не оставишь ли ты нас одних?

— Спасибо, Тереза, но мне представляется предпочтительнее со всех точек зрения, если я буду присутствовать при разговоре.

Состоялась короткая дуэль глаз, глаза Терезы приказывали, Доналдсона — не уступали.

— Ладно, оставайся, если тебе так уж хочется, — вспыхнула она.

Доктор Доналдсон выглядел невозмутимым.

Он уселся обратно, положив на ручку кресла книгу. Тереза уселась на свою любимую низенькую скамеечку и нетерпеливо взглянула на Пуаро.

— Ну что, видели Первиса? Что он говорит?

— Имеются различные возможности, мадемуазель, — неопределенно отозвался Пуаро.

Она задумчиво смотрела на него. Затем украдкой глянула на доктора. Мне показалось, что этим она предупреждала Пуаро.

— Но я предпочел бы доложить вам о них позже, — продолжал Пуаро, — когда мои действия будут более оправданы.

Слабая улыбка мелькнула на губах Терезы.

— Я сегодня вернулся из Маркет Бейсинга, где встретился и поговорил с мисс Лоусон. Скажите мне, мадемуазель, в ночь на 13 апреля (это была ночь накануне того дня, когда закрыты все банки) вы стояли на коленях на лестнице после того, как все легли спать?

— Мой дорогой Эркюль Пуаро, что за странный вопрос? Для чего мне там стоять?

— Вопрос, мадемуазель, состоит не в том, для чего, а стояли или нет?

— Не знаю. Думаю, что вряд ли.

— Как вы понимаете, мадемуазель, мисс Лоусон утверждает, что стояли.

Тереза пожала изящными плечами.

— Это имеет значение?

— Очень большое.

Она не сводила с него глаз, дружелюбно улыбаясь. Пуаро смотрел на нее.

— Какое-то идиотство! — вдруг выпалила Тереза.

— Извините?

— Определенно идиотство! — повторила Тереза. —

А как по-твоему, Рекс?

Доктор Доналдсон кашлянул.

— Извините меня, месье Пуаро, но в чем состоял вопрос?

Мой приятель развел руками.

— Вопрос был самый простой. Кто-то забил гвоздь в панель лестничной площадки. Гвоздь покрыли коричневым лаком, чтобы он не отличался по цвету от панели.

— Это что, новый вид черной магии? — спросила Тереза.

— Нет, мадемуазель, все это гораздо скромнее и проще, нежели вы полагаете. На следующий вечер, во втор-

ник, кто-то протянул нитку или бечевку от гвоздя к балюстраде, в результате, чего, когда мисс Аранделл вышла из комнаты, она задела ногой эту нитку и рухнула с лестницы.

Тереза шумно втянула в себя воздух.

— Это был мячик Боба!

— Извините, нет.

Наступило молчание, которое нарушил Доналдсон.

— Извините меня, — тем же тихим, педантичным тоном спросил он, — но какое доказательство у вас имеется в подтверждение этого заявления?

— Гвоздь, письмо, написанное рукой мисс Аранделл, и, наконец, то, что мисс Лоусон видела собственными глазами, — также тихо ответил Пуаро.

— Она говорит, что это сделала я, да? — обрела голос Тереза.

Пуаро ничего не ответил. Он только наклонил голову.

— Это — ложь! Я ничего подобного не делала.

— Вы стояли на коленях на лестнице по другой причине?

— Я вообще не стояла на коленях на лестнице!

— Будьте осторожны, мадемуазель!

— Меня там не было! Я вообще не выхожу из своей комнаты после того, как ложусь в постель.

— Мисс Лоусон узнала вас.

— Она, наверное, спутала меня с Беллой Таниос или с одной из горничных.

— Она утверждает, что это были вы.

— Она лжет!

— Она узнала ваш халат и брошь, которую вы носите.

— Брошь? Какую брошь?

— Брошь с вашими инициалами.

— О, я знаю, какую! Какая же она мелочная лгунья!

— Вы отрицаете, что она видела вас?

— Если она говорит «да», а я говорю «нет»...

— Значит, вы умеете лгать лучше, чем она, да?

— Возможно, и так, — спокойно сказала Тереза, — но в данном случае я говорю правду. Я не придумывала ловушки, не читала молитвы, не собирала золото или серебро — словом, на лестнице меня не было.

— У вас сохранилась брошь, о которой идет речь?

— Вероятно. Хотите ее посмотреть?

— Если можно, мадемуазель.

Тереза встала и вышла из комнаты. Наступило неловкое молчание. Доктор Доналдсон смотрел на Пуаро с таким

бесстрастием, с каким, по-моему, он мог бы разглядывать анатомический экземпляр.

Тереза вернулась.

— Пожалуйста.

Она чуть ли не швырнула украшение Пуаро. Это была большая, довольно броская брошь с буквами «Т» и «А», сделанными из хрома и стали. Я вынужден был признать, что размером она была такова, что мисс Лоусон могла без труда разглядеть ее в зеркале.

— Я ее давно уже не ношу. Мне она надоела, — сказала Тереза. — Лондон завален ими. На каждой служанке наде-та такая брошь.

— Но когда вы ее купили, она стоила дорого?

— О да. Поначалу их было крайне мало.

— А когда это было?

— В прошлое Рождество, по-моему. Да, примерно в то время.

— Вы кому-нибудь ее одалживали?

— Нет.

— А вы привозили ее в «Литлгрин Хауз»?

— Наверное. Да, привозила.

— Вы оставляли ее где-нибудь, кроме своей комнаты?

— Нет. Помню, что носила ее на зеленом свитере. Я ежедневно была в этом свитере.

— А ночью?

— Я не откалывала ее от свитера.

— А сам свитер?

— Свитер лежал на стуле.

— Вы уверены, что никто не снимал брошь со свитера и не прикалывал ее на следующий день?

— Оставим это утверждение до суда, если вам будет угодно и если вы считаете, что я лгу. В действительности же я совершенно уверена, что ничего подобного не было! Кому-то пришла в голову неплохая идея обвинить меня, но только это неправда!

Пуаро нахмурился. Потом он встал, приложил брошь к лацкану своего пиджака и подошел к зеркалу, которое стояло на столе в другом конце комнаты. Он постоял перед ним, затем медленно отступил, чтобы посмотреть, как она выглядит на расстоянии.

— До чего же я глуп! — простонал он. — Ну, конечно!

Он подошел к Терезе и с поклоном отдал ей брошь.

— Вы совершенно правы, мадемуазель. Брошь все время находилась при вас. Я горько ошибся.

— Я высоко ценю вашу скромность, — усмехнулась Те-

реза, небрежно прикалывая брошь к своему костюму.— И посмотрела на него.

— Что-нибудь еще? А то мне пора.

— Остальное мы можем обсудить позже.

Тереза двинулась к двери. Пуаро тихо сказал ей вдогонку:

— Правда, есть еще вопрос об эксгумации...

Тереза замерла. Брошь упала на пол.

— Что такое?

— Возможно, придется эксгумировать труп мисс Эмили Аранделл,— отчетливо произнес Пуаро.

Тереза стояла неподвижно, сжав руки в кулаки.

— Это ваших рук дело? — злым шепотом вдруг сказала она.— Эксгумацию можно произвести только с согласия всех членов семьи.

— Вы ошибаетесь, мадемуазель. Эксгумация может быть произведена и по приказу Скотланд-Ярда.

— Боже мой! — отозвалась Тереза.

Она повернулась и быстро прошла взад и вперед по комнате.

— Я не совсем понимаю,— спокойно сказал Доналдсон,— чем ты так расстроена, Тереза. Я, конечно, понимаю, что для постороннего эта идея может быть не очень приятной, но...

— Не говори глупости, Рекс,— перебила его она.

— Эта мысль неприятна вам, мадемуазель? — спросил Пуаро.

— Конечно! Это неприлично. Бедная тетя Эмили! Какого черта ее требуется эксгумировать?

— Наверное,— сказал Доналдсон,— у месье Пуаро есть какие-то основания для сомнений в причине ее смерти? — он вопросительно посмотрел на Пуаро. И продолжал: — Признаюсь, я удивлен. По-моему, нет сомнений в том, что мисс Аранделл умерла естественной смертью, последовавшей после продолжительной болезни.

— Помнишь, ты как-то рассказывал мне про кролика с болезнью печени,— сказала Тереза.— Я сейчас уже плохо помню, но ты ввел кролику кровь больного, страдающего острой атрофией печени, потом ввел кровь этого кролика в другого кролика, а затем его кровь в человека, и этот человек тоже получил такое же заболевание. Что-то вроде этого.

— Это просто иллюстрация сывороточной терапии,— терпеливо разъяснил Доналдсон.

— Жаль, что в этой истории участвует так много

кроликов,— усмехнулась Тереза.— Никто из нас не держит кроликов,— она повернулась к Пуаро, и голос ее стал другим.— Месье Пуаро, это правда? — спросила она.

— Правда, но есть способы избежать такого рода неприятностей, мадемуазель.

— В таком случае, попытайтесь это сделать! — ее голос ~~стл~~ до шепота. Она требовала, настаивала.— Необходимо этого избежать, чего бы это ни стоило!

Пуаро встал.

— Таковы ваши желания? — официальным тоном спросил он.

— Да.

— Но, Тереза... — вмешался Доналдсон.

Она резко повернулась к своему жениху.

— Замолчи! Это моя тетьа, понятно? Почему это мою тетушку должны выкапывать? Как ты не понимаешь, что все это попадет в газеты, начнутся сплетни и прочие неприятности? — она снова повернулась к Пуаро.— Вы должны это предотвратить! Я даю вам свободу действий. Делайте что хотите, но эксгумации быть не должно!

Пуаро церемонно поклонился.

— Я сделаю все, что смогу. До свидания, мадемуазель, до свидания, доктор.

— Уходите! — закричала Тереза.— И возьмите с собой своего святого Леонарда. Хорошо бы мне больше никого из вас не видеть.

Мы вышли из комнаты. На этот раз Пуаро не приложил ухо к двери, но и уходить он не спешил.

И не ошибся. Раздался громкий голос Терезы:

— Не смотри на меня такими глазами, Рекс,— и вдруг ее голос сломался: — Дорогой.

Ей ответил отчетливый, но педантичный голос доктора Доналдсона.

— Этот человек затеял интригу.

Пуаро внезапно усмехнулся. Он потянул меня за собой к выходу.

— Пойдемте, святой Леонард,— сказал он.— Смешно, да?

Лично я решил, что шутка была крайне глупой.

ОТКИНУВШИСЬ НА СПИНКУ КРЕСЛА,
Я РАЗМЫШЛЯЮ

Нет, думал я, спеша вслед за Пуаро, сомневаться не приходится. Мисс Аранделл была убита. Терезе это известно. Но сама ли она совершила это преступление или ему есть другое объяснение?

Да, она боится. Но за себя или за кого-то другого? За спокойного, педантичного молодого доктора, умеющего держаться с достоинством и отчуждением?

И действительно ли старая дама умерла от настоящей болезни, привитой ей искусственным способом?

До сих пор все совпадало — амбиции Доналдсона, его надежда на то, что Тереза унаследует деньги после смерти тетки. Даже тот факт, что он присутствовал на ужине в тот вечер, когда имел место несчастный случай. Как легко оставить открытым подходящее окно и влезть в глухую полночь в дом, чтобы привязать смертоносную нить поперек лестницы. Но тогда чем объяснить необходимость забить гвоздь в панель?

Нет, это сделала Тереза. Тереза, его невеста и сообщница. Если они задумали это преступление сообща, тогда все становится ясно. Тогда, значит, Тереза привязала нитку. Первое преступление, преступление, которое не удалось, было делом ее рук. Второе преступление, преступление, которое удалось, было научным шедевром Доналдсона.

Да, все совпадает.

Тем не менее кое-что остается непонятным. Для чего Тереза сболтнула о фактах, каким образом заболевание печени может быть передано человеку? Словно не соображала, что говорит... Но в этом случае... Я почувствовал, что все больше и больше запутываюсь, и решил прервать свои размышления вопросом:

— Куда мы идем, Пуаро?

— Домой. Возможно, мы застанем там миссис Таниос.

Миссис Таниос. Еще одна тайна. Если Доналдсон и Тереза преступники, то какое отношение ко всему этому делу имеют миссис Таниос и ее улыбчивый супруг? Что хотела рассказать эта женщина Пуаро и почему Таниос так озабочен тем, чтобы помешать ей это сделать?

— Пуаро, — робко сказал я, — я что-то совсем перестал соображать. Они что, все замешаны в этом деле?

— Коллективное убийство? Семейное убийство? Нет,

на этот раз нет. Оно задумано и выполнено одним человеком.

— Вы хотите сказать, что это сделали либо Тереза, либо Доналдсон, но не оба вместе? Значит, он заставил ее вбить этот гвоздь под каким-то совершенно невинным предлогом?

— Мой друг, с тех пор, как я выслушал историю, рассказанную мисс Лоусон, я осознал, что существуют три возможности: 1) что мисс Лоусон говорит чистую правду, 2) что мисс Лоусон придумала эту историю из каких-то своих собственных соображений, 3) что мисс Лоусон искренно верит в свою собственную историю, но что ее доказательство целиком основано на броши, а брошь, как я уже сказал вам, может быть легко снята с костюма ее владельца.

— Да, но Тереза настаивает, что она никому не отдавала своей броши.

— И она говорит правду. Я упустил небольшой, но крайне важный факт.

— Что никак не похоже на вас, Пуаро.

— Что ж, человеку свойственно ошибаться. Не так ли?

— С возрастом?

— Возраст не имеет к этому никакого отношения,— сухо ответил Пуаро.

— Так в чем же состоит этот важный факт? — спросил я, когда мы уже свернули в подъезд дома.

— Я вам покажу.

Мы как раз дошли до дверей квартиры.

Дверь открыл Джордж. В ответ на настойчивые расспросы Пуаро он лишь покачал головой.

— Нет, сэр. Миссис Таниос не приходила. И не звонила.

Пуаро прошел в гостиную. Несколько минут он ходил взад и вперед по комнате. Потом снял телефонную трубку и позвонил в Дюрэм-отель.

— Да, да, пожалуйста. Доктор Таниос? Это говорит Эркуль Пуаро. Ваша жена вернулась? Не вернулась? Боже мой... И увезла свой багаж, говорите вы? А дети?.. И вы понятия не имеете, куда она делась... Да, именно... Превосходно... Если вам понадобятся мои услуги... У меня есть определенный опыт в делах такого рода... Подобное расследование может быть проведено вполне конфиденциально... Нет, конечно, нет... Да, это правда... Конечно, конечно. Я с искренним уважением отношусь к вашим желаниям в этом деле.

— Он не знает, где она, — повесив трубку, задумчиво сказал Пуаро. — И я верю, что он говорит искренно. В его голосе слышится волнение. Он не хочет обращаться в полицию — это понятно. Да, я его понимаю. И от моей помощи отказывается. Это, правда, не совсем понятно. Он хочет ее найти, но не хочет, чтобы это сделал я... Да, он определенно не хочет, чтобы ее нашел я... Он, по-видимому, уверен, что сумеет все сделать сам, считает, что долго скрываться она не может, потому что у нее с собой мало денег. И при ней дети. Но, по-моему, Гастингс, мы сможем действовать быстрее, чем он. А это очень важно.

— Как, по-вашему, она и вправду немного не в себе? — спросил я.

— По-моему, она крайне возбуждена и пребывает в весьма нервном состоянии.

— Но не в таком, что ее следует поместить в психиатрическую больницу?

— Нет, ни в коем случае.

— Знаете, Пуаро, я просто перестаю в этом деле что-либо понимать.

— Извините меня, Гастингс, но вы ничего не понимали с самого начала.

— Тут слишком много каких-то побочных явлений.

— Естественно, тут есть побочные явления. Отделить основное явление от побочных — это и есть главная задача здравого рассудка.

— Скажите мне, Пуаро, вы с самого начала заметили, что в этом деле есть восемь подозреваемых, а не семь?

— Я принял этот факт к сведению с того момента, — сухо ответил Пуаро, — когда Тереза Аранделл упомянула, что последний раз видела доктора Доналдсона за ужином в «Литлгрин Хаузе» 14 апреля.

— Я не совсем понимаю... — начал было я и умолк.

— Чего именно вы не понимаете?

— Если Доналдсон решил расправиться с мисс Аранделл с помощью инокуляции, так сказать, тогда я не понимаю, зачем он прибегнул к такому избитому приему, как натягивание нитки поперек лестницы.

— Поверьте, Гастингс, бывают минуты, когда у меня от ваших вопросов готово лопнуть терпение. Давайте порассуждаем логически. Один способ высоконаучный, требующий специальных знаний, так?

— Да.

— А второй — простой домашний способ, «какой способна придумать даже дама», как говорится в рекламах. Верно?

— Да, конечно.

— Теперь думайте, Гастингс, думайте. Откиньтесь на спинку кресла, закройте глаза и заставьте работать ваше серое вещество.

Я откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и попытался выполнить третью часть инструкции, предложенной мне Пуаро. Однако результат моих усилий был равен нулю.

Открыв глаза, я увидел, что Пуаро рассматривает меня с добродушным вниманием, какое няня проявляет к ребенку, вверенному ее попечению.

— Ну и что вам приснилось?

Я предпринял отчаянную попытку не ударить в грязь лицом.

— Мне кажется,— начал я,— что тот, кто придумал первоначальную ловушку, не может быть тем же человеком, который задумал убийство, основанное на науке.

— Именно.

— И я сомневаюсь, что разум, разгадывающий сложности в науке, придумал бы нечто столь примитивное, как несчастный случай: это означало бы положиться на игру судьбы.

— Очень разумно.

Осмелев, я продолжал:

— Поэтому единственное логическое решение состоит, по-видимому, в следующем: две попытки были предприняты двумя разными людьми. Мы имеем дело с убийством, задуманным двумя совершенно разными людьми.

— Вам не кажется, что это уж слишком большое совпадение?

— Вы сами как-то сказали, что почти всегда в деле об убийстве встречается хоть одно совпадение.

— Да, это правда. Я вынужден это подтвердить.

— Вот видите.

— И кого же вы считаете преступниками?

— Доналдсона и Терезу Аранделл. Доктор очень соответствует образу второго и окончательного убийцы. С другой стороны, нам известно, что Тереза принимала участие в первой попытке. Мне думается, что они могли действовать совершенно независимо друг от друга.

— Вы так любите выражение «нам известно», Гастингс. Могу заверить вас, что, несмотря на то, что известно вам, мне, например, не известно, принимала ли Тереза участие в эпизоде на лестнице.

— Но мисс Лоусон сказала...

— То, что мисс Лоусон сказала, это лишь ее слова, но никак не доказательство.

— Но она говорит...

— Говорит... Говорит... И вы всегда готовы считать то, что говорят, доказанным и признанным фактом. А теперь послушайте. Я вам уже сказал, не так ли, что меня кое-что смущает в поведенной нам мисс Лоусон истории?

— Да, я помню, как вы это говорили. Но не могли вспомнить, что именно.

— А вот теперь вспомнил. Одну секунду, и я покажу вам то, что я, недотепа, должен был сообразить гораздо раньше.

Он подошел к письменному столу и, открыв ящик, вынул оттуда кусок картона. Потом взял ножницы и принялся что-то вырезать, стараясь не показывать мне, что делает.

— Терпение, Гастингс. Через минуту мы приступим к нашему эксперименту.

Я покорно отвел взгляд.

Через минуту-другую Пуаро с удовольствием прищелкнул языком. Он отложил ножницы, бросил остатки картона в корзинку и подошел ко мне.

— Не смотрите. Закройте глаза, пока я буду прикалывать кое-что к лацкану вашего пиджака.

Я выполнил его указания. Пуаро сделал все, что хотел, потом помог мне встать и провел в соседнюю с гостиной спальню.

— А теперь, Гастингс, посмотрите на себя в зеркало. На вас модная брошь с вашими инициалами — правда? — только, конечно, брошь эта сделана не из хрома и стали, не из золота с платиной, а всего лишь из картона.

Я посмотрел на себя и улыбнулся. Пуаро необыкновенно ловко смастерил эту брошь. На мне было нечто, похожее на брошь Терезы Аранделл, — круг из картона, а в нем мои инициалы «А. Г.».

— Ну и как? — спросил Пуаро. — Довольны? На вас очень красивая брошь с вашими инициалами, верно?

— Настоящее произведение искусства, — согласился я.

— Правда, она не блестит и не отражает свет, но, тем не менее, вы готовы подтвердить, что такую брошь можно разглядеть и с порядочного расстояния?

— Не сомневаюсь.

— А теперь, Гастингс, будьте добры снять свой пиджак.

Не понимая зачем, я выполнил его просьбу. Пуаро снял с себя свой собственный пиджак и, чуть отвернувшись, надел мой.

— А теперь,— провозгласил он,— обратите внимание на брошь. Брошь с вашими инициалами — идет она мне? Он повернулся. Я недоверчиво уставился на него. И затем понял разгадку.

— Ну и идиот же я! Конечно. В круге Г. А., а вовсе не А. Г.

Пуаро сиял улыбкой, пока надевал свой собственный пиджак и отдавал мне мой.

— Именно, теперь вы понимаете, что мне не понравилось в истории, рассказанной мисс Лоусон. Она утверждала, что четко видела инициалы Терезы в надетой на ней броши. Но раз она видела Терезу в зеркале, значит, должна была видеть инициалы в обратном порядке.

— Подождите,— усомнился я,— может, и она поняла, что они были в обратном порядке?

— Скажите, почему тогда вам это не пришло в голову? Почему вы не воскликнули: «Пуаро, инициалы тут неправильные. Тут Г. А., а должно быть А. Г.» Хотя вы гораздо умнее, сказал бы я, чем мисс Лоусон. Не рассказывайте мне, что бестолковая женщина, вроде нее, вдруг проснувшись и еще наполовину сонная, способна сообразить, что А. Т. в действительности должно быть Т. А. Нет, все это не по силам той ментальности, какой обладает мисс Лоусон.

— Она была уверена, что это Тереза,— медленно сказал я.

— Вот теперь вы приближаетесь к истине, друг мой. Помните, я намекнул ей, что она не была способна различить лицо женщины, склонившейся над ступеньками, и что она сделала немедленно?

— Вспомнила брошь Терезы и приплела ее к этой истории, забыв, что сам факт отражения броши в зеркале превращает рассказ в ложь.

Резко зазвонил телефон. Пуаро подошел к нему.

Он произнес всего несколько слов.

— Да? Да... Конечно. Да, очень удобно. Во второй половине дня, мне кажется. Да, в два вполне меня устраивает.

Он повесил трубку и с улыбкой повернулся ко мне.

— Доктор Доналдсон жаждет поговорить со мной. Он придет сюда завтра в два дня. Мы делаем успехи...

МИССИС ТАНИОС
ОТКАЗЫВАЕТСЯ ГОВОРИТЬ

Проснувшись на следующее утро, я застал Пуаро за письменным столом.

Он поднял руку, приветствуя меня, и снова принялся писать. Наконец, собрав страницы, сложил их в конверт и аккуратно его заклеил.

— Что поделяваете, старина? — шутливо спросил его я. — Пишете отчет о деле, чтобы спрятать его в сейф на случай, если кто-нибудь в течение дня посягнет на вашу жизнь?

— Знаете, Гастингс, вы не так далеки от истины.

Тон у него был вполне серьезным.

— А что, наш убийца и вправду становится опасным?

— Убийца всегда опасен, — мрачно отозвался Пуаро. — Удивительно, как часто этим фактом пренебрегают.

— Какие новости?

— Звонил доктор Таниос.

— По-прежнему никаких слухов о его жене?

— Нет.

— Значит, все в порядке.

— Сомневаюсь.

— Да бросьте, Пуаро, неужто вы думаете, что ее нет в живых?

Пуаро с сомнением покачал головой.

— Признаюсь, — пробормотал он, — что хотел бы знать, где она сейчас пребывает.

— Появится, — усмехнулся я.

— Ваш оптимизм не перестает меня удивлять, Гастингс!

— Господи боже, Пуаро, не думаете же вы, что она действительно мертва?

— Я так не думаю. Тревога доктора Таниоса представляется мне несколько преувеличенной, но не более того. Первое, что нам следует сделать, это поговорить с мисс Лоусон.

— Вы хотите указать ей на ее ошибку в отношении броши?

— Разумеется, нет. Этот маленький факт останется при мне до тех пор, пока не наступит подходящий момент.

— Тогда о чем же вы собираетесь с ней говорить?

— Об этом вы узнаете в свое время.

- Собираетесь снова шантажировать ее?
- Вы довольно часто становитесь агрессивным, Гастингс. Можно подумать, что мне нравится лгать.
- Честно говоря, я в этом уверен.
- Сказать по правде, я даже порой хвалю себя за умение фантазировать,— по-детски наивно согласился Пуаро.

Я не сумел удержаться от смеха. Пуаро посмотрел на меня с упреком, и мы отправились в «Клэнройден Мэншнс».

Нас провели в ту же самую заставленную вещами гостиную, куда тотчас ворвалась мисс Лоусон. Ее речь стала еще более сумбурной, нежели прежде.

— О, дорогой месье Пуаро, доброе утро. Столько дел, у меня не убрано. Но утром температура была не очень высокая. С тех пор, как Белла приехала...

— Что вы сказали? Белла?

— Да, Белла Таниос. Она приехала полчаса назад с детьми — такая усталая, душечка. Ей-богу, я просто не знала, что с ними делать. Знаете, она ушла от своего мужа.

— Бросила его?

— По ее словам. Конечно, я ничуть не сомневаюсь, что она, бедняжка, совершенно права.

— Она сама вам все рассказала?

— Не совсем так. По правде говоря, она вообще ничего не сказала. Просто повторяет, что ушла от него и ничто не заставит ее вернуться к нему обратно.

— Она предприняла очень серьезный шаг.

— Конечно! Честно говоря, будь он англичанин, я бы посоветовала ей... Но ведь он не англичанин... И у нее такой странный вид, у бедняжки... Она так напугана. Что он мог натворить? Турки, насколько мне известно, порой бывают крайне жестоки...

— Доктор Таниос — грек.

— Да, конечно, все как раз наоборот. Я хочу сказать, что это на них нападают турки... Или я говорю про армян? Но все равно, я не хочу об этом думать. По-моему, ей не стоит возвращаться к нему, а как по-вашему, месье Пуаро? Тем не менее я хочу сказать, она говорит, что не... Она даже не хочет, чтобы он знал, где она.

— Вот как?

— Да, из-за детей. Она так боится, что он увезет их обратно в Смирну. Бедняжка! Она в ужасном состоянии. У нее нет денег — ни пенни. Она не знает, куда поехать и что делать. Она хочет попытаться сама зарабатывать себе

на жизнь, но вы ведь знаете, месье Пуаро, это совсем не так легко. Я это знаю. Другое дело, если бы ее специально учили какому-нибудь ремеслу.

— Когда она ушла от мужа?

— Вчера. Провела ночь в небольшом отеле возле Пэдингтона. А потом приехала ко мне, потому что не могла придумать, к кому еще можно обратиться.

— И вы намерены ей помочь? Очень благородно с вашей стороны.

— Видите ли, месье Пуаро, я в самом деле считаю это своим долгом. Но, конечно, все не так просто. У меня очень маленькая квартира, и в ней мало места... словом, одно цепляется за другое...

— Вы могли бы отправить ее в «Литлгрин Хауз»?

— Наверное, но, видите ли, ее муж тоже может подумать об этом. Сейчас я сняла ей комнату в «Уеллингтоне» на Куинз Роуд. Она остановилась там как миссис Питерс.

— Понятно,— отозвался Пуаро.

Помолчав немного, он сказал:

— Я бы хотел повидать миссис Таниос. Она вчера приходила ко мне, но меня не было дома.

— Вот как? Она мне об этом ничего не сказала. Я ей скажу, ладно?

— Будьте так любезны.

Мисс Лоусон выбежала из комнаты. Нам был слышен ее голос:

— Белла... Белла, моя дорогая, хочешь повидаться с месье Пуаро?

Мы не слышали, что ответила миссис Таниос, но через минуту-другую она вошла в комнату.

Я был просто потрясен ее видом. Под глазами у нее были синяки, на щеках ни кровинки, но больше всего меня поразил ее страх. При малейшем шорохе она вздрагивала и все время к чему-то, казалось, прислушивалась.

Пуаро пошел ей навстречу, пожал руку, подвинул для нее кресло и положил в него подушку. Он обращался с этой бледной, испуганной женщиной, как с королевой.

— А теперь, мадам, давайте побеседуем. Вы вчера заходили ко мне?

Она кивнула.

— Очень сожалею, что меня в это время не было дома.

— Да, да, мне тоже хотелось бы, чтобы вы были там.

— Вы приходили, потому что хотели что-то сказать?

— Да. Я хотела сказать...

— Я к вашим услугам.

Миссис Таниос не откликнулась. Она сидела неподвижно, вертя обручальное кольцо на пальце.

— Итак, мадам?

Медленно, как бы нехотя, она покачала головой.

— Нет,— сказала она.— Я не осмеливаюсь.

— Не осмеливаетесь, мадам?

— Нет. Я... Если он узнает, он... Нас ждут неприятности!

— Говорите, говорите, мадам! Молчать глупо.

— О нет, вы его не знаете...

— Под словом «его» вы имеете в виду своего мужа, мадам?

— Да, конечно.

Пуаро минуту-другую молчал.

— Ваш муж приходил ко мне вчера, мадам,— сказал он.

На ее лице вспыхнула тревога.

— О нет! Вы не сказали ему... Конечно, не сказали! Вы не могли. Вы не знали, где я. Он говорил... Он говорил, что я сумасшедшая?

— Он сказал, что вы в крайне возбужденном состоянии,— осторожно ответил Пуаро.

Но она недоверчиво затрясла головой.

— Нет, он сказал, что я либо сумасшедшая, либо схожу с ума. Он хочет запрятать меня туда, откуда я не смогу ничего сказать.

— Сказать что?

Но она лишь покачала головой. Хрустя пальцами, она пробормотала:

— Я боюсь...

— Но, мадам, однажды вы сказали мне, что вы в безопасности! Тайны больше нет!

Но она ничего не ответила. Только продолжала крутить свое кольцо.

— Вы должны сами это осознать,— мягко сказал Пуаро.

Женщина всхлипнула.

— Откуда мне знать?.. О боже, это ужасно. Он так умеет внушать доверие! Он ведь врач! Люди поверят ему, а не мне. Я знаю, знаю. Я знаю, они поверят ему. Я бы сама поверила. А мне никто не поверит. С чего?

— Вы даже не предоставили мне такой возможности.

Она бросила на Пуаро тревожный взгляд.

— Откуда мне знать? Может, и вы на его стороне.

— Я ни на чьей стороне, мадам. Я всегда на стороне правды.

— Не знаю,— безнадежно отозвалась миссис Таниос.— Не знаю.

Она продолжала говорить, ее слова набирали силу, налезая друг на друга.

— Это было ужасно — уже долгие годы. Я видела, как развиваются события. И не могла что-либо сказать или сделать. У нас ведь были дети. Это был непрерывный кошмар. А теперь... Но я не вернусь к нему. И не позволю ему забрать детей. Я уеду туда, где он не сумеет меня разыскать. Мне поможет мисс Лоусон. Она такая добрая, такая удивительно добрая. На свете нет человека добрее.

Она умолкла, затем, бросив на Пуаро взгляд, спросила:

— Что он говорил про меня? Сказал, что у меня мания преследования?

— Он сказал, мадам, что вы изменились по отношению к нему.

Она кивнула.

— И сказал, что у меня мания преследования, верно?

— Да, мадам, честно говоря, сказал.

— Вот видите! Вот что он будет утверждать. И у меня нет никаких доказательств.

Пуаро откинулся на спинку кресла. И когда заговорил, тон у него был совершенно другой — сухой, деловой, лишенный эмоций.

— Вы подозреваете своего мужа в убийстве мисс Эмили Аранделл?

Она ответила не задумываясь, будто ждала этого вопроса.

— Я не подозреваю, я знаю.

— Тогда, мадам, вы не имеете права молчать.

— Да, но это нелегко, нет, это не так легко.

— Как он ее убил?

— Точно я не знаю, но он ее убил.

— Но вам не известно, каким образом?

— Нет. Он что-то сделал в то последнее воскресенье.

— В то воскресенье, когда приезжал к ней с визитом?

— Да.

— Но вы не знаете, как это было?

— Нет.

— Тогда откуда же, извините меня, мадам, у вас такая уверенность?

— Потому что он... — помолчав, она сказала: — Я уверена!

— Извините, мадам, но вы что-то скрываете. Что-то такое, о чем еще не поведали мне?

— Да.

— В таком случае, расскажите.

— Нет. Я не могу этого сделать. Дети. Их отец. Не могу. Просто не в силах...

— Но, мадам...

— Не могу, говорю я вам.

Эти слова она почти выкрикнула. Дверь отворилась, и вошла мисс Лоусон со склоненной набок головой. Вильгельмина Лоусон была возбуждена и одновременно чем-то обрадована.

— Разрешите войти? Вы уже поговорили? Белла, моя дорогая, не выпьешь ли чашку чая, или чашечку супа, или, наконец, рюмочку бренди?

Миссис Таниос покачала головой.

— Спасибо, я чувствую себя хорошо, — она чуть улыбнулась. — Я должна вернуться к детям. Я оставила их распаковывать вещи.

— Милые малыши, — отозвалась мисс Лоусон. — Я так люблю детей.

Миссис Таниос внезапно обернулась к ней.

— Не знаю, что я бы делала без вас, — сказала она. — Вы... Вы так удивительно добры, Минни.

— Успокойтесь, успокойтесь, моя родная, не нужно плакать. Все будет хорошо. Вы приедете и поговорите с моим адвокатом — он такой славный человек, такой участливый. Он посоветует вам, как наилучшим способом добиться развода. В наши дни развестись нетрудно, не так ли? Все так говорят. О господи, звонок. Интересно, кто это?

Она выбежала из комнаты. В холле послышались голоса. Снова появилась мисс Лоусон. Она шла на цыпочках и осторожно прикрыла за собой дверь.

— О, дорогая моя Белла, — с жаром зашептала она, отчетливо выделяя каждое слово, — это ваш муж! Я не уверена, что должна...

Миссис Таниос одним прыжком очутилась у двери в другом конце комнаты. Мисс Лоусон энергично закивала головой.

— Правильно, родная, идите туда, а затем сумеете выскользнуть, когда я приведу его сюда.

— Не говорите ему, что я здесь, — прошептала миссис Таниос. — Не говорите, что видели меня.

— Нет, нет, конечно, нет.

Миссис Таниос выскользнула за дверь. Мы с Пуаро

поспешно вышли вслед за ней. И очутились в небольшой столовой.

Пуаро подошел к двери, ведущей в холл, чуть приоткрыл ее и прислушался. Затем помахал нам рукой.

— Путь свободен. Мисс Лоусон провела его в гостиную.

Мы бесшумно миновали холл и вышли в парадную дверь. Пуаро беззвучно открыл и потом закрыл ее за нами.

Миссис Таниос пустилась бежать по лестнице, спотыкаясь и хватаясь за перила. Пуаро поддерживал ее под руку.

— Вы не оставите меня одну, правда? — повторяла миссис Таниос.

— Тише, тише. Все в порядке.

Мы добрались до вестибюля.

— Пойдемте со мной, — у нее был такой вид, будто она вот-вот упадет в обморок.

— С удовольствием, — заверил ее Пуаро.

Мы перешли на другую сторону улицы, завернули за угол и очутились на Куинз Роуд. «Уеллингтон» оказался маленьким, неприметным отелем, больше похожим на меблированные комнаты со столом.

Как только мы вошли, миссис Таниос рухнула на плюшевый диван, держась за сердце.

Пуаро успокаивающе погладил ее по плечу.

— А теперь, мадам, послушайте меня внимательно.

— Больше я ничего не могу сказать вам, месье Пуаро. Это было бы неправильно. Вы... Вы знаете мое мнение... знаете, во что я верю. По-моему, этого вам достаточно.

— Я попросил бы вас выслушать меня, мадам. Предположим — а это всего лишь предположение, и не более того, — что мне уже известны все факты свершившегося. Предположим, что то, что вы могли бы сказать мне, я уже знаю — это ведь несколько разные вещи, не так ли?

Она взглянула на него с недоверием.

— О, поверьте мне, мадам, я не пытаюсь загнать вас в ловушку, заставив сказать то, что вы не хотите говорить. Но ведь это разные вещи, да?

— Пожалуй, да.

— Хорошо. Тогда позвольте мне сказать вот что. Я, Эркюль Пуаро, знаю правду. Я не прошу вас принять мои слова на веру. Возьмите вот это, — он сунул ей в руки толстый конверт, который, как я помнил, заклеивал утром. — Факты находятся здесь. После того, как вы их прочитаете, если они вас удовлетворят, позвоните мне. Мой номер на почтовой бумаге.

Как-то неохотно она взяла конверт.

— А сейчас вы должны немедленно покинуть этот отель.

— Почему?

— Переберитесь в Конистон-отель возле Юстона. И не говорите никому, куда вы переезжаете.

— Но ведь Минни Лоусон не скажет моему мужу, где я.

— Вы так думаете?

— О да, она целиком на моей стороне.

— Верно, но ваш муж, мадам, человек очень умный. Ему не составит большого труда вывернуть пожилую даму наизнанку. Важно, вы понимаете, важно, чтобы ваш муж не знал, где вы находитесь.

Она кивнула.

Пуаро протянул ей листок бумаги.

— Вот адрес. Соберите вещи и вместе с детьми уезжайте туда как можно скорее. Понятно?

Она кивнула.

— Я понимаю.

— Вы должны думать о детях. Вы ведь их любите?

На щеках у женщины появилась краска. Теперь она казалась не загнанной лошастью, а высокомерной, красивой женщиной.

— Значит, договорились, — подытожил Пуаро.

Он попрощался с ней за руку, и мы с ним ушли. Но не далеко. У окна уютного кафе мы пили кофе и следили за подъездом отеля. Минут через пять мы увидели шагающего по улице доктора Таниоса. Он даже не взглянул на «Уеллингтон», прошел мимо, опустив голову, и скоро скрылся в подземке.

А еще через десять минут миссис Таниос с детьми села в такси, где уже находился их багаж, и уехала.

— Ну вот, — сказал Пуаро, вставая. — Мы свое дело сделали. Теперь все в руках божьих.

Глава XXVII

ВИЗИТ ДОКТОРА ДОНАЛДСОНА

Доналдсон появился ровно в два. Как всегда, он был спокоен и аккуратен.

Меня заинтриговала личность доктора. Сначала он казался мне невзрачным молодым человеком. Я не мог понять, что нашла в нем такая жизнелюбивая, энергичная особа, как Тереза. Но теперь я начал понимать, что До-

налдсон вовсе не был ничтожеством. За его педантизмом скрывалась сила.

После обмена приличествующими моменту любезностями Доналдсон сказал:

— Причина моего визита состоит в том, мистер Пуаро, что я совершенно не понимаю, какое участие в этом деле принимаете вы.

— Вы, вероятно, знаете, чем я занимаюсь? — осторожно спросил Пуаро.

— Конечно. Могу добавить, что я взял на себя смелость навести о вас справки.

— Вы осмотнительный человек, доктор.

— Я предпочитаю быть уверенным в известных мне фактах, — сухо заметил Доналдсон.

— У вас научный склад мышления!

— Должен признаться, что все полученные о вас сведения совпадают. Вы, по-видимому, весьма высоко котируетесь среди людей вашей профессии. У вас также репутация порядочного и честного человека.

— Вы мне льстите, — пробормотал Пуаро.

— Вот почему я совершенно не могу понять вашего участия в этом деле.

— И тем не менее, это объясняется очень просто.

— Вряд ли, — возразил Доналдсон. — Сначала вы представились автором биографий.

— Простительный обман, не правда ли? Нельзя же явиться в дом, сказав, что ты детектив, хотя порой и такое бывает полезно.

— Так я и понимаю, — тон Доналдсона снова стал сухим. — Следующим вашим шагом, — продолжал он, — было появление у мисс Аранделл, где вы сказали ей, что завещание, составленное ее теткой, по всей вероятности, может быть аннулировано.

Пуаро наклонил голову в знак согласия.

— Это, разумеется, было актом возмутительным, — тон Доналдсона сделался резким. — Вы знали, что завещание имеет законную силу и что таковым оно остается.

— Вы так полагаете?

— Я не дурак, месье Пуаро...

— Конечно, доктор, вы, разумеется, не дурак!

— Я кое-что понимаю в правоведении. Это завещание не может быть опротестовано. Для чего вы делаете вид, что может? Очевидно, из ваших собственных корыстных интересов — интересов, которые мисс Тереза Аранделл не сразу распознала.

— Продолжайте, продолжайте.

— Мне известно о Терезе гораздо больше, чем она подозревает, — неожиданно заявил он. — У меня нет сомнений, что она и Чарльз считают, что заручились вашей помощью в весьма спорном деле. Чарльз — человек безнравственный. У Терезы дурная наследственность, и ее воспитание было крайне неудачным.

— Вы отзываетесь о вашей невесте таким образом, будто она подопытная морская свинка?

Доналдсон, прищурившись, смотрел на Пуаро из-за стекла своего пенсне.

— Не вижу оснований закрывать глаза на истину. Я люблю Терезу. Люблю такой, какая она есть, а не за придуманные для нее качества.

— А вы понимаете, что Тереза предана вам и что деньги ей нужны только для того, чтобы удовлетворить ваши амбиции?

— Конечно, понимаю. Я уже сказал вам, что я не дурак. Но у меня нет намерений позволить Терезе вовлечь себя в сомнительные авантюры ради меня. Во многих отношениях Тереза еще ребенок. Я вполне способен содействовать продвижению своей карьеры собственными усилиями. Естественно, значительная сумма денег не была бы помехой, наоборот. Но я и без денег своего добьюсь.

— Вы так уверены в собственных способностях?

— Возможно, это звучит несколько самоуверенно, но да, — спокойно отозвался Доналдсон.

— В таком случае, продолжим. Я признаю, что завоевал доверие мисс Терезы обманом, позволил ей думать, что я, скажем так, готов заработать деньги не совсем честным путем. Она поверила этому без малейшего затруднения.

— Тереза считает, что любой готов на все, что угодно, ради денег, — сказал доктор скучным голосом, каким обычно произносят неподлежащую сомнению истину.

— Верно. Точно так же рассуждает и ее брат.

— Чарльз сам, вероятно, готов на что угодно ради денег.

— Вы, я вижу, не питаете никаких иллюзий по отношению к вашему будущему шурину?

— Нет. Я нахожу его довольно интересным субъектом для изучения. Ему присущи ярко выраженные невротические симптомы — но это больше в разговорах. Однако вернемся к предмету нашего обсуждения. Я спросил себя, зачем вы поступаете таким образом, и нашел только один ответ. Совершенно ясно, что вы подозреваете либо Терезу,

либо Чарльза в убийстве мисс Аранделл. Нет, пожалуйста, не пытайтесь мне противоречить. Вы упомянули об эксгумации, по-моему, специально, чтобы убедиться в нашей реакции. Вы действительно предприняли какие-нибудь шаги к получению ордера на эксгумацию?

— Буду совершенно откровенен с вами. Пока нет. Доналдсон кивнул.

— Так я и думал. Надеюсь, вы не исключаете возможность, что смерть мисс Аранделл могла быть вызвана естественными причинами?

— Я принял во внимание тот факт, что именно так может получиться.

— И тем не менее решились?

— Определенно. Если бы перед вами был случай, скажем, туберкулеза, который имеет внешние признаки этой болезни, проявляет себя как туберкулез, и в котором кровь дает положительную реакцию, но здесь совсем не то...

— Вы смотрите на это таким образом? Тогда чего же вы ждете?

— Мне не хватает последнего штриха в найденных мною доказательствах.

Зазвонил телефон. Пуаро глазами приказал мне поднять трубку и ответить. Я так и сделал.

— Капитан Гастингс? Говорит миссис Таниос. Будьте добры передать месье Пуаро, что он совершенно прав. Если он придет завтра в десять утра, он получит то, что ему требуется.

— Завтра в десять утра?

— Да.

— Хорошо, я ему передам.

В глазах Пуаро был вопрос. Я кивнул.

Детектив повернулся к Доналдсону. Теперь поведение его резко изменилось. Он оживился, обрел уверенность.

— Позвольте мне объясниться, — сказал он. — Я констатировал этот случай как убийство. Он имел симптомы убийства, давал все характерные реакции убийства — короче, это было убийство! В этом нет ни малейшего сомнения.

— В чем же тогда состоят сомнения?

— Сомнение состояло в опознании личности убийцы, но теперь оно исчезло!

— Вот как? Значит, вам известно?

— Скажем так: окончательное доказательство будет у меня в руках завтра.

Доктор Доналдсон пренебрежительно усмехнулся.

— Завтра? — спросил он. — Иногда, месье Пуаро, завтра можно и не дожидаться.

— Наоборот, — парировал Пуаро, — я всегда считаю, что оно с монотонным однообразием приходит на смену сегодняшнему дню.

Доналдсон улыбнулся и встал.

— Боюсь, я впустую потратил ваше время, месье Пуаро.

— Ни в коем случае. Всегда полезно понять друг друга. Чуть поклонившись, Доналдсон вышел из комнаты.

Глава XXVIII

ЕЩЕ ОДНА ЖЕРТВА

— Умный он человек, — задумчиво сказал Пуаро.

— Довольно трудно сообразить, к чему он клонит.

— Да. Он безжалостен, но исключительно проницательный.

— Звонила миссис Таниос.

— Я так и понял.

Я повторил, что она просила передать. Пуаро одобрительно кивнул.

— Отлично. Все идет хорошо. Еще двадцать четыре часа, Гастингс, и мы будем почти у цели.

— Я все еще что-то плохо соображаю. Кого именно мы подозреваем?

— Кого вы подозреваете, Гастингс, я сказать не могу. Всех по очереди, вероятно!

— Порой мне думается, что вам нравится дразнить меня!

— Нет, нет. Я не позволяю себе забавляться таким образом.

— Я вас и не обвиняю.

Пуаро рассеянно покачал головой.

— Что случилось? — спросил я.

— Друг мой, я всегда нервничаю к концу дела. Если что-нибудь получится не так...

— А разве бывает, что получается не так?

— Думаю, что нет, — он помолчал, жмурясь. — Я предусмотрел все непредвиденные обстоятельства.

— Тогда, может, нам на время забыть преступление и пойти в театр?

— В самом деле, Гастингс, отличная идея!

Мы провели очень приятный вечер, хотя я допустил небольшую бестактность, пригласив Пуаро на детектив. Я хочу дать совет всем моим читателям. Никогда не водите солдата на военную пьесу, моряка — на морскую, шотландца — на шотландскую, сыщика — на детектив, а актера вообще незачем водить в театр. Поток деструктивной критики в каждом случае будет разрушительным. Пуаро не переставал жаловаться на вседопсихологию, а отсутствие у героя-сыщика научного метода ведения розыска все время выводило его из себя. В тот вечер мы расстались на том, что Пуаро все еще объяснял, как весь спектакль можно было бы закончить еще в первой половине первого акта.

— Но в таком случае, Пуаро, не было бы и спектакля, — заметил я.

Пуаро был вынужден с этим согласиться.

Когда я вошел в гостиную на следующее утро, Пуаро сидел за неубранным после завтрака столом, аккуратно, как обычно, вскрывая пришедшие ему письма.

Зазвонил телефон, и я взял трубку.

Задышающийся женский голос произнес:

— Это мистер Пуаро? О, это вы, капитан Гастингс? На том конце провода всхлипнули и зарыдали.

— Это мисс Лоусон? — спросил я.

— Да, да, случилась такая страшная вещь!

Я сжал трубку.

— В чем дело?

— Она уехала из «Уеллингтона», Белла, хочу я сказать. Я пошла туда к вечеру, и мне сказали, что она уехала. Не сказав мне ни слова! Просто удивительно! Я подумала, что, быть может, доктор Таниос был недалек от истины. Он так хорошо говорил о ней и казался таким расстроенным, а теперь я вижу, что он в конце концов был прав.

— Но что случилось, мисс Лоусон? Вся беда в том, что миссис Таниос уехала из отеля, не предупредив вас?

— О нет! Не в этом дело! О боже мой, нет! Если бы только это, тогда все было бы в порядке. Хотя, признаться, это было странно, знаете ли. Доктор Таниос сказал, что она не в себе... Не в себе... Ну, в общем, вы понимаете, о чем я говорю. Он назвал это манией преследования.

— Да.— Черт бы побрал эту женщину! — Но что случилось?

— О господи, какой ужас! Она умерла во сне. Приняла слишком много снотворного. И эти бедные малыши! Это все так страшно! Я плачу, не переставая, с тех пор как узнала об этом.

— Откуда вы узнали? Скажите мне.

Краем глаза я заметил, что Пуаро перестал вскрывать свои письма и прислушивается к тому, что я говорю. Мне не хотелось отдавать ему трубку. Если бы я это сделал, мисс Лоусон, весьма вероятно, стала бы излагать свои причитания с самого начала.

— Мне позвонили. Из отеля. Он называется «Кони-стон». Они, по-видимому, нашли мое имя и мой адрес у нее в сумке. О, милый месье Пуаро... капитан Гастингс, хочу я сказать, ну не ужас ли это? Эти бедные детки остались без матери.

— Послушайте,— сказал я.— Вы уверены, что это несчастный случай? Они не считают, что это самоубийство?

— О, что за страшная мысль, капитан Гастингс? О боже, я не знаю. Не уверена. Вы думаете, это может быть самоубийством? Это было бы ужасно! Конечно, она была очень подавлена случившимся. Но из-за чего? Я хочу сказать, что никаких сложностей из-за денег не было бы. Я была готова поделиться с ней, честное слово! Милая мисс Аранделл, не сомневаюсь, одобрила бы мое намерение. Я уверена. Так не хочется думать, что она покончила с собой, но, быть может, она не... Здесь в отеле считают, что это всего лишь несчастный случай.

— Что она приняла?

— Что-то из этих снотворных. По-моему, веронал. Нет, хлорал. Да, именно хлорал. О боже, капитан Гастингс, вы думаете...

Я бесцеремонно повесил трубку. И повернулся к Пуаро.

— Миссис Таниос...

Он поднял руку.

— Да, да, я знаю, что вы хотите мне сказать. Она умерла, верно?

— Да. От чересчур большой дозы снотворного. Хлорала.

Пуаро встал.

— Поехали, Гастингс, нам необходимо попасть туда как можно скорее.

— Этого вы боялись вчера вечером? Когда сказали, что всегда нервничаете к концу дела?

Лицо Пуаро было суровым и окаменевшим. Почти всю дорогу до Юстона мы молчали. Раз-другой Пуаро покачал головой.

— Вы не думаете? — робко спросил я. — Может, это и вправду несчастный случай?

— Нет, Гастингс, нет. Это не несчастный случай.

— Откуда, черт побери, он сумел узнать, куда она переехала?

Но Пуаро, не ответив, лишь покачал головой.

«Конистон» был сомнительного вида заведением возле Юстона. Пуаро при помощи своей визитной карточки пробился в офис администратора. Скоро мы узнали следующее. Миссис Питерс, как она назвала себя, и ее двое детей прибыли примерно в половине первого. В час они пообедали. В четыре часа пришел человек с запиской для миссис Питерс. Записку переслали ей наверх. Через несколько минут она спустилась с детьми и одним чемоданом. Дети уехали вместе с посетителем. Миссис Питерс зашла в офис и объяснила, что теперь ей нужна всего одна комната.

Она не выглядела очень расстроенной или огорченной. Наоборот, казалась успокоившейся и собранной. В половине восьмого она поужинала и вскоре после этого ушла к себе.

Утром, зайдя к ней, горничная нашла ее мертвой.

Послали за доктором, который сказал, что она умерла несколько часов назад. На тумбочке возле кровати стоял пустой стакан. Было совершенно очевидно, что она приняла снотворное, и по ошибке лишнюю дозу. Хлоралгидрат, объяснил доктор, лекарство ненадежное. Никаких признаков самоубийства. Не было и письма. В ходе поисков адреса ее родственников нашли имя и адрес мисс Лоусон и позволили ей.

Пуаро спросил, не нашли ли у покойной каких-либо писем или бумаг. Например, ту записку, которую принес человек, с которым потом уехали дети.

Ему ответили, что никаких бумаг не было найдено, но в камине оставалась кучка бумажного пепла.

Пуаро задумчиво кивнул.

По словам прислуги, в отель к миссис Питерс никто не приходил и в ее комнату не входил, за исключением человека, который увез детей.

Я спросил у швейцара, как он выглядел, но тот ничего не мог толком объяснить. Человек был среднего роста, светловолосый, похожий на военного. Больше никаких подробностей. Нет, бороды у него не было, это точно.

— Это был не Таниос,— прошептал я Пуаро.

— Дорогой мой Гастингс! Неужели вы считаете, что миссис Таниос после всех усилий, которые она предприняла, чтобы увезти детей от отца, покорно передала бы ему их из рук в руки, не устроив, по крайней мере, сцены? Конечно, нет!

— В таком случае, кто же был этот человек?

— Вероятно, тот, в ком миссис Таниос была уверена или, скорее, кто-то, кого послало третье лицо, кому миссис Таниос доверяла.

— Человек, среднего роста, — задумался я.

— Незачем задумываться по поводу его внешности, Гастингс. Я совершенно уверен, что человек, которого прислали за детьми, не имел к этому делу никакого отношения. А человек, по-настоящему заинтересованный, держался поодаль.

— И записка была от третьего лица?

— Да.

— От того, кому миссис Таниос доверяла?

— Очевидно.

— И записка теперь сожжена?

— Да, ей велели ее сжечь.

— А что по поводу того письма, которое вы ей дали?

Лицо Пуаро приняло необычно мрачное выражение.

— Оно тоже сгорело. Но это не имеет значения.

— Не имеет?

— Нет.

Он взял меня под руку.

— Пойдемте, Гастингс, нам здесь больше нечего делать. Мы должны позаботиться не о мертвых, а о живых. С ними у меня предстоит разговор.

Глава XXIX

РАЗГОВОР В «ЛИТЛГРИН ХАУЗЕ»

Было одиннадцать следующего утра. Семь человек собрались в «Литлгрин Хаузе». Эркюль Пуаро стоял возле камина. Чарльз и Тереза Аранделл устроились на диване — Чарльз сидел на валике, положив руку на плечо сестры. Доктор Таниос утонул в кресле с высокой спинкой. Глаза у него были красные, а на рукаве пиджака виднелась черная лента.

На стуле с прямой спинкой возле круглого стола сидела хозяйка дома мисс Лоусон. Глаза у нее тоже были воспалены, а прическа более растрепанная, чем обычно. Напротив нее лицом к Пуаро сидел доктор Доналдсон. Лицо его было совершенно бесстрастным.

Мой интерес рос по мере того, как я переводил взгляд с одного лица на другое.

За время знакомства с Пуаро я неоднократно участвовал в подобного рода сценах. Небольшая компания людей, все внешне спокойны, на лицах маски учтивости. Я видел, как Пуаро снимал маску с одного из них, и перед нами предстал убийца.

Да, сомневаться не приходилось. Один из присутствующих был убийца! Но кто?

Пуаро откашлялся и заговорил:

— Мы собрались здесь, леди и джентльмены, чтобы разобраться в смерти Эмили Аранделл, имевшей место 1 мая этого года. Налицо четыре предположения: что она умерла естественной смертью, что она умерла в результате несчастного случая, что она покончила с собой и, наконец, что она погибла от руки человека, известного нам или неизвестного.

После ее смерти не было проведено никакого расследования, поскольку все считали, что она умерла естественной смертью, о чем свидетельствовал и сертификат, подписанный доктором Грейнджером.

В случае подозрения в насильственной смерти обычно производится эксгумация трупа. Есть причины, на основании которых я не настаивал на эксгумации. Главная из них состоит в том, что моему клиенту это бы не понравилось.

— Вашему клиенту? — удивленно перебил его доктор Доналдсон.

Пуаро повернулся к нему.

— Мой клиент — сама мисс Эмили Аранделл. Я действую от ее имени. Основное ее желание состояло в том, чтобы избежать каких-либо сплетен.

Пуаро рассказал о письме, которое он получил, и даже зачитал его вслух. Затем рассказал о шагах, предпринятых им по приезде в Маркет Бейсинг, и сообщил об обнаружении средств, при помощи которых был подстроен несчастный случай.

Затем он продолжал:

— Сейчас проведу вас тем путем, которым прошел сам, чтобы добраться до истины. Прежде всего необходимо уяснить, о чем думала мисс Аранделл. Это, я считаю, сделать нетрудно. Она упала, предполагалось, наступив на мячик Боба. Когда она лежала в постели, ее активный и хитрый разум перебирал обстоятельства падения, и она пришла к весьма определенному заключению: кто-то умышленно попытался навредить ее здоровью, а может, и убить ее.

Кто это мог быть? В доме находились семь человек — четверо гостей, ее компаньонка и две служанки. Из этих

семерых лишь один мог быть невиновным, поскольку этот человек ничего не приобретал после смерти мисс Эмили Аранделл. Двух служанок она всерьез в расчет не принимала, ибо обе они жили у нее уже давно и были преданы ей всей душой. Таким образом, остаются четыре человека, трое из которых были ее близкими родственниками, а четвертый стал членом семьи после женитьбы на ее племяннице. Все четверо извлекали из смерти выгоду — трое непосредственно, один — опосредованно.

Оказавшись в трудном положении, мисс Аранделл принимает решение обратиться ко мне за советом. Она делает еще один шаг, побудительный характер которого исходит, насколько я понимаю, из двух мотивов. Один, по-моему, является чувством злости против всей ее семьи! Она подозревает их всех одинаково и решает всеми силами поставить их на место! Второй и более разумный мотив состоял в желании защитить себя. Как вам известно, она написала своему адвокату, мистеру Первису, и велела ему составить завещание в пользу единственного человека в доме, который, она была уверена, не имел никакого отношения к несчастному случаю.

Теперь я могу сказать — это следует из ее письма ко мне и из ее последующих действий, — что мисс Аранделл перестала подозревать четырех людей, а стала подозревать только одного из них, на мой взгляд, речь идет о человеке, носящем ее фамилию и, скорее всего, о мужчине.

Чарльз Аранделл носил фамилию ее семьи. Ее основания подозревать его были совершенно ясны. Во-первых, она не питала никаких иллюзий по отношению к Чарльзу. Он уже один раз чуть не опозорил семью, подделав ее подпись на чеке.

Кроме того, за два дня до несчастного случая у нее состоялась с ним наводящая на размышление беседа. Он попросил у нее денег и, получив отказ, сказал тете, что она сама добивается того, чтобы ее прикончили. На что та ответила, что постарается позаботиться о себе и своей безопасности. Племянник возразил: «Не будьте так уверены». А через два дня произошел несчастный случай.

Едва ли приходится удивляться, что, лежа в постели и размышляя о событиях, мисс Аранделл определенно приходит к выводу, что покушение на ее жизнь предпринял не кто другой, как Чарльз Аранделл.

Последовательность событий совершенно логична. Разговор с Чарльзом. Несчастный случай. Письмо, написанное мне под влиянием душевных страданий. Письмо адвокату.

В очередной вторник, двадцать первого, мистер Первис привозит новое завещание, и она его подписывает.

Чарльз и Тереза приезжают на следующий уик-энд, и мисс Аранделл тотчас предпринимает необходимые шаги, чтобы защитить себя. Она говорит Чарльзу о новом завещании. Более того, она демонстрирует его! Этим самым она ясно дает понять предполагаемому убийце, что после ее смерти он ничего не получит.

Она, по-видимому, рассчитывала на то, что Чарльз расскажет об этом своей сестре. Однако он этого не делает. Почему? По-моему, по одной причине: он чувствует себя виноватым, считает, что его поведение послужило причиной составления нового завещания. Но почему он считает себя виноватым? Потому, что он в самом деле хотел убить свою тетушку? Или просто потому, что украл у нее из стола небольшую сумму денег? Во всяком случае, его нежелание поделиться новостью с сестрой можно объяснить и так и этак. Он промолчал в надежде, что тетушка разжалобится и сменит гнев на милость.

Что касается размышлений мисс Аранделл, я чувствую, что воспроизвел их с достаточной точностью. Далее мне предстояло решить, насколько оправданы были ее подозрения.

Так же, как она, я понял, что мои подозрения падают на узкий круг людей — на тех же семь человек. Чарльза и Терезу Аранделл, доктора и миссис Таниос, двух служанок и мисс Лоусон. Был еще восьмой человек, которого тоже следовало принять во внимание, а именно доктор Доналдсон, который ужинал в тот же вечер, но о его присутствии я узнал гораздо позже.

Эти семь человек, о которых я веду речь, легко делятся на две категории. Шестерым из них предстояло в большей или меньшей степени извлечь выгоду из смерти мисс Аранделл. Если бы кто-либо из этих шестерых совершил преступление, причина была бы совершенно ясна: корысть. Вторая категория состояла только из одного человека — мисс Лоусон. Мисс Лоусон ничего не могла унаследовать после смерти мисс Аранделл, но оказалось наоборот: падение мисс Аранделл принесло ей значительную выгоду!

Это означало, что если бы мисс Лоусон задумала этот несчастный случай, она сделала бы это совсем по-другому, подстроив так, чтобы мисс Аранделл заподозрила своих родственников и попыталась бы отдалиться от них. Для этого была возможность. Я поискал этому доказательства и раскопал один весьма существенный факт. Пожелай мисс

Лоусон, чтобы мисс Аранделл заподозрила членов своей семьи, она бы сделала акцент на событии с собакой Бобом, который всю ночь провел вне дома. Мисс Лоусон же, наоборот, сделала все, что было в ее силах, чтобы мисс Аранделл об этом не узнала. Поэтому, на мой взгляд, мисс Лоусон ни в чем не виновна.

— Так оно и есть в действительности, — не удержалась мисс Лоусон.

— Затем я перехожу к проблеме смерти мисс Аранделл. Если имеет место одно покушение на жизнь человека, то за ним неизбежно следует второе. Я понял, что в течение двух недель, последовавших за первым покушением, мисс Аранделл предстояло умереть. И начал наводить справки.

У доктора Грейнджера смерть его пациентки не вызвала никаких подозрений, что несколько сбilo меня с толку. Но, интересуясь событиями того вечера, после которого она заболела, я выяснил довольно важное обстоятельство. Мисс Джулия Трипп упомянула ореол, появившийся вокруг головы мисс Аранделл. Ее сестра подтвердила наличие ореола.

Они могли, разумеется, выдумать этот факт, ибо им обоим присущ дух романтизма, но я решил, что вряд ли этот инцидент мог возникнуть на пустом месте. Разговаривая с мисс Лоусон, я также узнал кое-что интересное. Она упомянула о светящейся ленте, которая будто бы возникла изо рта мисс Аранделл и образовала светящуюся дымку вокруг ее головы.

Очевидно, что, хотя и обрисованный свидетелями несколько по-разному, факт имел место. А объяснить это, если отбросить всю спиритическую шелуху, следовало так: в этот вечер дыхание мисс Аранделл было фосфоресцирующим.

Доктор Доналдсон задвигался в своем кресле.

— Да, — кивнул ему Пуаро, — вы тоже начинаете понимать, о чем идет речь. Имеется не так уж много фосфоресцирующих субстанций. Первая и самая простая дала мне то, что я искал. Я прочту вам короткую выдержку из статьи об отравлении фосфором:

«Дыхание человека может быть фосфоресцирующим еще до того, как он почувствует физическое воздействие яда». Именно это увидели мисс Лоусон и сестры Трипп в темноте: светящееся дыхание и светящуюся дымку. А вот еще: «Поскольку наблюдается разлитие желчи, то желтуха, которая ярко выражена, может быть принята не только за влияние токсического воздействия фосфора, но и за бо-

лезненный случай в желчевыводящей системе, что порой не дает возможности различить отравление фосфором и поражение печени, как, например, острая атрофия».

Вы понимаете теперь, как все разумно было подстроено? Мисс Аранделл уже долгие годы страдала дисфункцией печени. Симптомы отравления фосфором были похожи на очередной приступ болей.

Да, это было задумано отлично! Те странные спички — вот вам и фосфор. Кстати, для убийства требуется совсем небольшая доза, всего одна сотая грамма.

После бесед с мисс Лоусон и сестрами Трипп я уже не сомневался, что было совершено убийство. Но оставался вопрос: кем? Я исключил из списка служанок — им не хватило бы сообразительности, чтобы совершить такого рода преступление. Исключил и мисс Лоусон, поскольку в противном случае она вряд ли стала бы уделять столько внимания светящейся октоплазме. Исключил и Чарльза Аранделла, поскольку он, увидев завещание, понял, что ничего не получит после смерти своей тетки.

Оставались его сестра Тереза, миссис Таниос, ее муж доктор и доктор Доналдсон, который, как мне стало известно, ужинал в доме накануне происшествия с мячиком собаки. Люди разные, но оба преступления были выполнены одним почерком.

Сначала я стал подозревать мужчин. Любому из них могла прийти в голову мысль применить фосфор для отравления жертвы, но случай с мячиком Боба чем-то противоречил мужской психологии. Случай с мячом казался мне продуктом женского мышления.

Более пристально я стал присматриваться к Терезе Аранделл. Она безрассудная, безжалостная, эгоистка. Она всегда имела то, что хотела, и сейчас ей отчаянно нужны были деньги, как для себя, так и для человека, которого она любила. Из ее поведения я также сделал вывод, что ей известно о том, что ее тетушка убита.

Я заметил одно важное обстоятельство. Чарльз проявил отвращение к слову «мышьяк». Позже я выяснил, что он расспрашивал у старика садовника о силе действия различных гербицидов. Было ясно, о чем он думал.

Чарльз Аранделл задвигался в своем кресле.

— Я думал об этом, — признался он, — но, слава богу, у меня не хватило для этого решительности.

Пуаро кивнул.

— Именно, потому что это не соответствует вашей психологии. Ваши преступления будут всегда преступлени-

ями человека слабого. Украсть, подделать чек, — да, потому что это легко, но убить — нет. Чтобы убить, нужно иметь такой образ мышления, который одержим только одной идеей.

Тереза Аранделл, я решил, обладала достаточной силой ума, чтобы совершить задуманное, но тут следует принять во внимание несколько других обстоятельств. Исполнению ее желаний никто никогда не перечил, она жила свободно и только для себя. Этот тип людей обычно не решается на убийство, разве что в порыве внезапного гнева. И тем не менее я был уверен, что гербицид из банки украла именно Тереза Аранделл.

— Я скажу вам правду, — вдруг заговорила Тереза. — Я думала об этом. Я и вправду отсыпала немного гербицида в «Литлгрин Хаузе». Но подсыпать его тете не стала. Я слишком люблю жизнь, и поэтому не могу и других лишить возможности ею наслаждаться. Может, я и плохая, и эгоистка, но есть вещи, через которые я не в силах переступить! Я не способна убить живое человеческое существо!

— Верно, — кивнул Пуаро.

И продолжил:

— Остается миссис Таниос. Как только я увидел ее, то понял, что эта женщина чего-то боится. Она сообразила, что я это заметил, и тотчас начала наживать себе на этом капитал. Она очень убедительно стала играть роль женщины, которая боится за своего мужа. А позже резко изменила тактику. Причем проделала это крайне ловко — но меня она обмануть не сумела. Женщина может бояться за своего мужа или она может бояться своего мужа, но не того и другого одновременно. Миссис Таниос остановилась на второй роли, играя ее очень умело. Выбежав вслед за мной в холл отеля, она сделала вид, что хочет мне что-то сказать. Когда ее муж вышел вслед за ней, чего она, собственно, и ждала, миссис Таниос сделала вид, что не может говорить в его присутствии.

Я сразу же понял, что она не боится своего мужа, а испытывает к нему неприязнь. И вот тут, подытожив все свои наблюдения, я понял, что передо мной именно тот человек, которого я ищу. Она была из тех, кто не потакает своим желаниям, а, наоборот, идет вразрез с ними. Непривлекательная на вид девица, ведущая скучное существование, неспособная привлечь мужчин, которые ей нравились, она была вынуждена выйти замуж за человека, который ей был не по душе, только потому, что не хотела остаться старой

девой. Я мог бы проследить растущее в ней отвращение к жизни, ее существованию в Смирне, вдали от всего, что она ценила в жизни. Затем рождение детей и страстную к ним привязанность.

Только одна вещь скрашивала ее монотонную жизнь — ожидание смерти тети Эмили. Тогда у нее будут деньги, независимость, средства для обучения детей, как ей хотелось, — не забудьте, образование означало для нее очень многое, ведь она была профессорской дочкой.

Возможно, она задумала преступление или размышляла о нем еще до приезда в Англию. Она немного разбиралась в химии, помогая отцу в лаборатории, знала о природе жалоб мисс Аранделл и была отлично осведомлена о том, что фосфор является идеальным веществом для осуществления поставленной ею цели.

Приехав в «Литлгрин Хауз», она осознала возможность использования более простого метода. Мячик Боба, нитка или струна поперек ступенек лестницы — простая, бесхитростная женская идея.

Она предприняла попытку, которая не принесла ожидаемого результата. Вряд ли она догадалась о том, что мисс Аранделл поняла, что произошло. Подозрения последней были направлены только на Чарльза. Сомневаюсь, что ее отношение к Белле в чем-то изменилось. И вот тихо и решительно эта сдержанная, несчастливая, честолубивая женщина начала претворять в жизнь свой первоначальный план. Она нашла отличное средство для хранения яда, патентованные капсулы, которые мисс Аранделл имела обыкновение принимать после еды. Открыть капсулу, поместить в нее фосфор и снова закрыть было детской игрой. Капсулу она положила среди других. Раньше или позже мисс Аранделл проглотит ее. Вряд ли кто решит, что в капсуле был яд. Даже если невероятное случится, она сама в это время будет вдали от Маркет Бейсинга.

Тем не менее она предприняла одну предосторожность. В аптеке раздобыла двойной запас хлоралгидрата, подделав подпись своего мужа на рецепте: на тот случай, если ее план не сработает.

Как я уже сказал, с того момента, как я впервые увидел ее, я был убежден, что миссис Таниос — человек, которого я ищу, но доказательств у меня никаких не было. Я должен был действовать крайне осторожно. Если миссис Таниос заметит, что я ее подозреваю, она может решиться на очередное преступление. Более того, я считал, что она уже думает об этом. Ее единственным желанием в жизни было избавиться от своего мужа.

Ее первоначальный план обернулся горьким разочарованием. Деньги целиком достались мисс Лоусон. Это был удар, но его она решила парировать самым интеллигентным способом — начала прибираться к рукам простоватую мисс Лоусон.

При этих словах мисс Лоусон зарыдала.

— Это было ужасно! — всхлипывала она. — Какая я злая! Очень злая! Знаете, меня разбирало любопытство насчет завещания — почему мисс Аранделл решила составить новое завещание, хочу я сказать. И вот однажды, когда мисс Аранделл отдыхала, мне удалось отпереть ящик стола. И тогда я узнала, что она все оставила мне! Конечно, я и мечтать не смела, что денег было столько. А потом я подумала: почему бы нет? В конце концов, ее родственники на самом деле не любили ее. Но затем, когда она была уже очень больна, она попросила принести ей ее завещание. Я понимала, я была уверена, что она его разорвет... Вот почему я считаю себя плохим человеком. Я сказала ей, что она отправила его обратно мистеру Первису. Бедняжка, она была такой забывчивой, никогда не помнила, что и куда клала. Она поверила мне. Сказала, что я должна написать ему, что я и сделала.

О боже, боже, ей становилось все хуже и хуже, и она уже перестала соображать. А потом умерла. И когда завещание было прочитано и все деньги достались мне, я испытала ужас. Триста семьдесят пять тысяч фунтов. Я никогда и не думала, что у нее столько денег, иначе ни за что так не поступила бы.

Я чувствовала себя так, будто присвоила чужие деньги, и не знала, что делать. Позавчера, когда Белла приехала ко мне, я сказала ей, что она может взять половину этих денег. Я была уверена, что сразу стану гораздо счастливее.

— Вот видите? — спросил Пуаро. — Миссис Таниос продолжала добиваться намеченной цели. Вот почему она ни в коем случае не хотела опротестовывать завещания. У нее были свои планы, и меньше всего ей хотелось вызвать вражду у мисс Лоусон. Она, конечно, сделала вид, что должна спросить разрешения у мужа, но совершенно ясно дала понять, каковы были ее собственные чувства.

В тот момент у нее были две цели: уйти вместе с детьми от доктора Таниоса и получить свою долю наследства. Тогда у нее будет то, что она захочет — богатая, полная удовольствий жизнь в Англии вместе с детьми.

Шло время, и она больше не могла скрывать свою неприязнь к мужу. По правде говоря, она и не пыталась

этого делать. Он, бедняга, был серьезно обеспокоен и огорчен. Ее действия, должно быть, казались ему непостижимыми. Он рассуждал логически. Она играла роль насмерть перепуганной женщины. Будь у меня подозрения — а она была совершенна уверена, что они у меня есть, ведь она дала мне понять, что убийство совершил ее муж, — и в любой момент произошло бы второе убийство, которое, я не сомневался, уже созрело в ее мозгу. Я знал, что в ее распоряжении находится летальная доза хлорала, которую мог принять ее муж. Чем не повод для признания его вины?

И тем не менее у меня не было против нее никаких доказательств. Когда я уже было совсем пришел в отчаяние, я наконец получил то, что мне было нужно. Мисс Лоусон сказала мне, что видела, как Тереза Аранделл в ночь на понедельник стояла на коленях на лестнице. Я пришел к мысли, что мисс Лоусон не могла так хорошо разглядеть Терезу — во всяком случае, она не могла разглядеть ее лица. Однако мисс Лоусон утверждала, что видела именно Терезу, и упомянула о брошке с инициалами Терезы — «Т. А.»

По моей просьбе мисс Тереза Аранделл показала мне эту брошь. И в то же время она категорически отрицала, что в указанное время была на лестнице. Сначала я было решил, что кто-то другой взял ее брошь, но, когда посмотрел на брошь в зеркало, меня озарила истина. Мисс Лоусон, проснувшись, видела смутную фигуру с инициалами «Т. А.», сверкающими в отблеске лампочки. Она и пришла к заключению, что это была Тереза.

Но если в зеркале она видела инициалы «Т. А.», значит, в действительности, это были буквы «А. Т.», потому что зеркало, естественно, отражает буквы наоборот.

Конечно! Мать миссис Таниос звали Арабелла Аранделл. Белла — это сокращение от Арабеллы. А. Т. означало Арабелла Таниос. Ничего странного в том, что у миссис Таниос была такая же брошь. На Рождество они были очень дорогими, но к весне их стали носить все, а я уже заметил, что миссис Таниос подражала своей кузине в туалетах насколько могла, потому что средства у нее были весьма ограниченные. Для меня расследование было завершено!

Что же мне теперь предстояло делать? Получить в Скотланд-Ярде ордер на эксгумацию трупа? Это, разумеется, сделать было нетрудно. Я мог бы доказать, что мисс Аранделл отравили фосфором, хотя кое-какие сомнения еще оставались. Похороны состоялись два месяца назад,

а я знаю, что были случаи отравления фосфором, где повреждения ткани уже нельзя было отыскать и где аутопсия была не полностью убедительной. Кроме того, каким образом мог я доказать, что миссис Таниос купила или имела в наличии фосфор? Весьма сомнительно, потому что, скорее всего, она приобрела его за границей.

И вот тут миссис Таниос предпринимает решительные действия. Она уходит от мужа, рассчитывая на жалость мисс Лоусон. И обвиняет своего мужа в убийстве.

Если не буду действовать, решил я, следующей жертвой будет он. Я предпринял меры, чтобы изолировать их друг от друга под предлогом того, что это необходимо для ее безопасности. Спорить со мной она не осмелилась. А в действительности я беспокоился о его безопасности. А затем... затем...

Он умолк и долго молчал. Он даже побледнел.

— Но это была лишь временная мера. Я должен был убедиться, что убийца больше никого не убьет. Я был обязан обеспечить безопасность невиновных. Поэтому и написал письмо миссис Таниос, в котором изложил все, что рассказал вам сейчас, и передал его ей.

Наступило долгое молчание.

— О боже, так вот из-за чего она покончила с собой! — воскликнул доктор Таниос.

— Она сама приняла решение. Следовало, как вы понимаете, подумать и о детях.

Доктор Таниос закрыл лицо руками.

Пуаро подошел к нему и положил ему на плечо руку.

— Так должно было случиться, поверьте мне. Иначе были бы другие убийства. Сначала вы, затем, возможно, при определенных обстоятельствах, мисс Лоусон. И так далее.

Он умолк.

— Однажды вечером она хотела, — разбитым голосом сказал доктор Таниос, — чтобы я принял снотворное... На ее лице было что-то такое, что я не послушался и выбросил таблетку... Вот тогда я и начал считать, что она сходит с ума...

— Можете думать так. Отчасти это правда. Но только не в правовом понимании этого термина. Она знала, что делает...

Доктор Таниос сказал задумчиво:

— Она всегда была слишком хороша для меня, всегда.

Странная эпитафия сознавшей в убийстве женщине.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Осталось добавить очень немного.

Тереза вскоре после этого вышла замуж за своего доктора. Я теперь знаю их довольно хорошо и начал ценить Доналдсона — его ясность ума и глубокую внутреннюю силу и человечность, хотя он остался таким же, как и прежде: сухим и педантичным. Тереза часто поддразнивает его. Она, по-моему, исключительно счастлива и с головой ушла в карьеру своего мужа. Он уже сделал себе имя и является авторитетом в области желез внутренней секреции.

Мисс Лоусон, когда совесть ее окончательно замучила, еле уговорили отказаться от намерения лишить себя последнего пенни. Под руководством мистера Первиса было выработано соглашение с участием всех заинтересованных сторон, согласно которому состояние мисс Аранделл было разделено поровну между мисс Лоусон, двумя Аранделлами и детьми доктора Таниоса.

Чарльз через год с лишним истратил все, что ему досталось, и сейчас, по-моему, обитает где-то в Британской Колумбии.

Еще два эпизода.

— Ну и хитрец же вы! — сказала мисс Пибоди, остановив нас, когда мы в один прекрасный день вышли из ворот «Литлгрин Хауза». — Сумели все так тихо обделать! Без эксгумации. И приличия все соблюдены.

— А по-моему, нет никаких сомнений в том, что мисс Аранделл умерла от острой атрофии печени, — мягко возразил Пуаро.

— И очень хорошо, — согласилась мисс Пибоди. — А Белла Таниос, я слышала, приняла слишком большую дозу снотворного.

— Да, очень жаль.

— Несчастной она была женщиной — всегда хотела того, чего не могла иметь. Люди в наши дни от этого становятся немного тронутыми. У меня была как-то помощница при кухарке, некрасивая. Чувствовала это и начала писать анонимные письма. Такие странности в них были. Ладно, как я всегда говорю, все, что ни делается, все к лучшему.

— Будем надеяться, мадам. Будем надеяться.

— Хочу еще раз сказать, — уже удаляясь, бросила мисс Пибоди, — отлично вы все это замаяли. Отлично, по-другому и не скажешь.

И она пошла дальше.

Кто-то жалобно взвизгнул у меня за спиной.

Я повернулся и открыл калитку.

— Пошли, старина.

Боб с удовольствием выпрыгнул на дорожку. В зубах у него был мячик.

— Мячик оставь дома. Мы идем гулять.

Боб вздохнул, повернулся и медленно бросил мячик за ворота. Он посмотрел на него с жалостью, затем прошел мимо. И поглядел на меня.

«Если ты так считаешь, хозяин, значит, это правильно».

Я глубоко вздохнул.

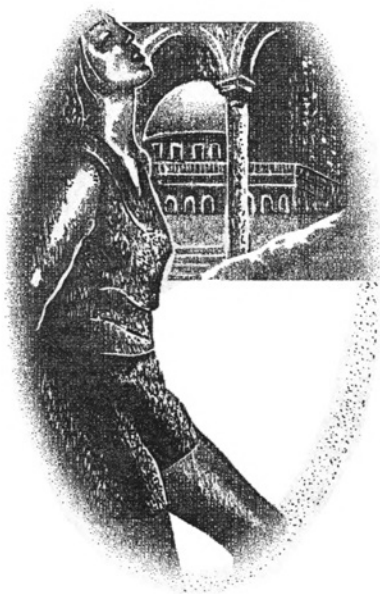
— Поверьте, Пуаро, до чего же хорошо снова иметь собаку.

— Военный трофей, — усмехнулся Пуаро. — Но должен напомнить вам, друг мой, что мисс Лоусон подарила Боба мне, а не вам.

— Возможно, — сказал я. — Но вы не умеете ладить с собаками, Пуаро. Вы не понимаете собачью психологию! А вот мы с Бобом понимаем друг друга с полуслова, правда, Боб?

— Гав! — энергично отозвалась собака.

СВИДАНИЕ СО СМЕРТЬЮ

Глава I

— Ведь ты понимаешь, что ее нужно убить?

Вопрос как бы повис на мгновение в спокойном воздухе ночи, чтобы затем улететь сквозь темноту в сторону Мертвого моря.

Эркюль Пуаро, положивший руку на оконную задвижку, застыл в неподвижности. Потом, сердито наморщив лоб, он решительным жестом прикрыл оконные створки. Он придерживался мнения, что самое подходящее место для свежего воздуха — это открытые просторы, а воздух ночной вообще таит в себе угрозу для здоровья.

С педантичной аккуратностью он затворил окно и, направляясь к кровати, добродушно усмехнулся.

«Ведь ты понимаешь, что ее нужно убить?» Любопытная фраза. Как раз для слуха знаменитого детектива — и это в первый же вечер в Иерусалиме!

— Неужели всюду, куда я ни приеду, что-нибудь обязательно должно напоминать мне о преступлениях? — буркнул он, а потом вдруг улыбнулся: ему пришел в голову известный анекдот.

В свое время Энтони Троллоп, английский беллетрист, совершал путешествие через Атлантику и невольно подслушал разговор двух пассажиров, беседовавших о его последней книге. «Она хороша, — изрек один из них, — но парень должен был убить эту мерзкую старую бабу!» Троллоп обратился к ним с доброжелательной усмешкой: «Господа! Я вам бесконечно признателен. Незамедлительно пойду и убью старую негодяйку!»

Невольно Пуаро начал размышлять над значением услышанной фразы. «Может, и здесь какие-нибудь соавторы работают над повестью или пьесой? — думал он, продолжая улыбаться. — А может быть, когда-нибудь понадобится припомнить эти слова, придав им смысл куда более мрачный...»

Звуки голоса — голоса мужчины или повзрослевшего юноши. Да, у кого-то разошлись нервы...

Маленький бельгиец выключил лампу на прикроватном столике, подумав: «Сдается мне, что этот голос я уже слышал...»

Реймонд и Кэрол Бойнтоны стояли бок о бок, опираясь локтями о подоконник и всматриваясь в синюю глубину ночи.

— Ведь ты понимаешь, что ее нужно убить? — нервно повторил Реймонд.

Кэрол слегка вздрогнула.

— Это ужасно...— начала она взволнованным шепотом.

— Но не страшнее того, что есть теперь,— прервал ее брат.

— Что ж... Вероятно, ты прав.

— Так дальше продолжаться не может! — воскликнул он.— Мы должны что-то сделать... Должны! А другого выхода...

— А если нам куда-нибудь сбежать?.. Как-нибудь...— В голосе говорившей не было уверенности.

— Не удастся нам это,— возразил ей брат безнадежным тоном.— Ты сама знаешь, что это не удастся.

Девушка нервно повела плечами.

— Знаю, Рей... Знаю...

Ее брат горько рассмеялся.

— А ведь потом каждый сказал бы, что это безумие. Почему мы просто не ушли?

— А может, мы и есть безумцы? — вздохнула она.

— Может быть... Да что там говорить, даже сейчас любой имеет право признать нас за пару сумасшедших. Ведь мы так спокойно, хладнокровно разговариваем об убийстве собственной матери!

— Это не наша мать! — обрушилась Кэрол на брата.

— Верно. Это не наша мать,— согласился Реймонд, а через несколько секунд спросил другим, деловым тоном: — Но ты согласна со мной, правда?

— Согласна, что она должна умереть. Она помешанная. Если бы она была нормальной, то никогда не стала бы так мучить нас всех. Годами повторяем мы, что так дальше продолжаться не может, и годами это длится. Повторяем, что когда-то она должна умереть, а она все живет и живет. Наверное, она никогда не умрет, если...

— Если мы ей не поможем,— закончил за нее брат.

— Да! — Кэрол стиснула пальцы.

Наступило молчание. Через минуту Реймонд продолжил холодным деловым тоном, только легкая дрожь в голосе выдавала его взволнованность:

— Ты, разумеется, понимаешь, почему это должен сделать один из нас? Правда, понимаешь? Леннокс имеет обязанности перед Нейдин. А Джинни невозможно втягивать в такие дела.

Она нервно вздрогнула.

— Бедная Джинни! Боюсь, что...

— Да! С каждым разом ей становится все хуже. Именно поэтому нужно поторопиться что-то сделать, пока для Джинни не стало поздно.

Девушка внезапно выпрямилась. Отбросила со лба пышные каштановые волосы.

— Рей! Считаешь ли ты, что мы сделаем нечто в самом деле дурное?

— Нет,— ответил он убежденно.— Убить бешеную собаку... Убрать сеятеля зла... Кэрол, кто сеет зло, должен быть устранен. А в этом случае я не вижу другого пути...

— Но и так...— прошептала Кэрол.— И так нас пошлют на электрический стул. Видишь ли, мы не сумеем объяснить, какой она была на самом деле... Подумают, это наше воображение. Понимаешь? И каким способом?

— Это не выйдет наружу. У меня есть план. Обдуманнейшим образом. Нам ничего не грозит.

Она взглянула ему в лицо.

— Рей! Ты какой-то другой. Случилось с тобой что-нибудь? Что? Откуда взялись в твоей голове такие мысли?

— Почему со мной должно было что-то случиться? — спросил он, отводя взгляд в сторону.

— Но ведь это же видно, Рей! Или эта девушка с позеда...

— Что за мысли! Успокойся, Кэрол. Займемся лучше...

— Твоим планом? Хорошо... Но ты уверен, что этот план безошибочен?

— Да. Разумеется, мы подождем благоприятного случая, а потом, если все пойдет как надо, мы станем свободными. Все!

— Свободными? — Она вздохнула. Потом посмотрела на звезды и вдруг захлебнулась в безудержном плаче.

— Кэрол, что с тобой?

— Как здесь прекрасно! — рыдала она.— Ночь и синевы неба, и звезды... Почему все это не для нас? Почему мы

не можем быть такими, как другие люди? Почему мы такие странные, искаженные, злые?

— Все будет хорошо... после ее смерти.

— Правда? Ты уверен в этом? Уверен, что еще не поздно?

— Нет, конечно, нет!

— Подумай...

— Кэрл, если ты не хочешь...

Она отстранила руку, протянутую к ее плечу.

— Хочу! Я с тобой... Только ради других. И прежде всего из-за Джинни... Нужно спасти Джинни!

— Итак, начнем действовать? — спросил Реймонд через минуту.

— Да.

— Хорошо, расскажу тебе, какой план я придумал, — сказал он, приблизив губы к ее уху.

Глава 2

Мисс Сара Кинг стояла возле стола в читальном зале отеля «Соломон» и машинально листала журнал. Однако ее наморщенный лоб и сдвинутые брови свидетельствовали, что ее мысли заняты другим.

Высокий француз, вошедший в читальный зал из холла, с минуту смотрел на нее, прежде чем приблизиться и задержаться у противоположной стороны стола. Она взглянула на него и с улыбкой склонила голову. Интересный мужчина средних лет с живыми проницательными глазами. Сара вспомнила, что во время поездки из Каира этот господин помог ей переносить чемодан.

— Я хотел бы заказать кофе, — сказал он. — Может быть, вы выпьете со мной?

— Охотно... Меня зовут Кинг. Сара Кинг.

— А я... Вот, пожалуйста. — Он протянул ей визитную карточку, на которую она взглянула с искренним интересом.

— Доктор Теодор Жерар! Мне очень приятно с вами познакомиться. Значит, это ваши очень интересные работы о некоторых формах шизофрении я читала? Конечно же!

— Неужели? — удивился француз.

— Видите ли... — объяснила она с легким смущением. — Я тоже врач. В этом году закончила обучение.

— Ага... понимаю.

Они устроились в тихом уголке, и доктор заказал кофе. Видимо, вопросы, связанные с обучением Сары на меди-

цинском факультете, интересовали его значительно меньше, чем ее волнистые черные волосы и алые, прекрасно очерченные губы. Кроме того, его явно забавляло то чуть ли не молитвенное почитание, с каким она теперь относилась к нему.

— Долго намерены здесь развлекаться? — спросил он.

— Всего несколько дней. Потом отправлюсь в Петру.

— Так... Я тоже подумываю о такой экскурсии, если она не отнимет у меня слишком много времени. Четырнадцатого я уже должен быть в Париже.

— Экскурсия длится приблизительно неделю, — охотно объяснила она. — Два дня туда, два дня на месте и еще два дня на возвращение.

— Сейчас схожу в бюро путешествий и выясню, можно ли это устроить.

Группа из нескольких человек вошла в читальный зал и расположилась за одним из столов. Сара с интересом присматривалась к ним. Доктор Жерар тоже взглянул в ту сторону.

— Американцы?

— Да, — подтвердила она. — Семейство из Штатов. Но мне кажется, что есть здесь что-то странное, необычное.

— Необычное? Почему?

— А вы приглядитесь к ним, особенно к старшей женщине.

Доктор последовал этому совету.

Прежде всего его внимание привлек высокий, худощавый мужчина лет тридцати, приятное лицо которого казалось как бы угасшим, а поведение исключительно апатичным. Далее сидела красивая молодая пара — юноша с головой, как бы изваянной греческим скульптуром, и очень похожая на него привлекательная девушка, явно его сестра. «Что-то у него не в порядке, — подумал врач. — Да... Он в состоянии сильнейшего нервного напряжения. Она тоже производит впечатление человека возбужденного». Вторая сидевшая за столом девушка была еще моложе; ее золотистые волосы ореолом обрамляли нежное личико, а беспокойные руки пребывали в неустанном движении, мяти и скручивали носовой платок. Среди них была еще одна молодая женщина — темноволосая, хорошо владеющая собой. Она немного напоминала мадонну Луиньего молочной белизной кожи и сосредоточенным выражением лица. Врач отметил, что она не выглядит такой нервной, как остальные, и бросил взгляд на центральную фигуру группы. Боже! Что за ужасная женщина! Старая, толстая,

с опухшим лицом! Сидит, словно карикатурное изображение Будды или огромный мерзкий паук посреди своей паутины.

— Маман красой не блещет,— заметил Жерар, поводя плечами,— не так ли?

— В ней есть что-то устрашающее... Вы не находите? — спросила мисс Кинг.

Он еще раз взглянул на старую американку — не в плане эстетики, а профессионально.

— Водянка... Перерождение сердечной мышцы... — поставил он диагноз, прибавив несколько медицинских терминов на латыни.

— Да. Но дело не в этом,— подхватила Сара.— Не кажется ли вам, что остальные относятся к ней как-то необычно?

— Что это за люди? Вы их знаете?

— Немножко. Их фамилия Бойнтоны. Мать, сын с женой, второй сын, младший, две дочери.

— Ага... Ля фамиль Бойнтон познает мир,— усмехнулся француз.

— Именно так. Но познает его престранным способом. Никто из них не обращается ни к кому из чужих. И ничего не может сделать, пока старуха не соизволит разрешить.

— Пережитки матриархата?

— Нет. По моему мнению, это чистой воды тирания, без жалости и сострадания.

Француз пожал плечами и напомнил, что Америкой, как это всем известно, правит женщина.

— Да, но тут мы имеем нечто большее,— стояла на своем Сара.— Она... Она держит всю семью в таком страхе, так загнала их под каблук, что... что... Это даже непристойно!

— Так. Слишком большая власть не есть благо, особенно, если она в руках женщины,— согласился доктор Жерар неожиданно серьезно.

Искоса он взглянул на Сару, которая не отрывала взгляда от Бойнтонов или, точнее, от одного из членов этого семейства. Потом улыбнулся с чисто галльским пониманием.

— Вы уже разговаривали с ними? — попытался он прозондировать почву.

— Да... То есть с одним из них.

— И это был младший сын, не так ли?

— Да... Когда мы ехали из Кантары, он стоял в вагоне в коридоре. И я обратилась к нему.

— Зачем?

— Так, без видимого повода. Я часто вступаю в разговоры с сотоварищами по путешествию. — Она повела плечами. — Меня интересуют люди и все, что они делают, думают, чувствуют.

— Можно сказать, вы исследуете их под микроскопом?

— Что-то в этом роде, — призналась она без колебаний.

— И какое впечатление оставил у вас этот случай?

— Я бы сказала... довольно странное. Прежде всего парень покраснел до ушей.

— Симптом, заслуживающий внимания, правда?

Сара засмеялась.

— Вы полагаете, он испугался, что имеет дело с женщиной легкого поведения, делающей ему авансы? О нет, не думаю. Мужчина легко ориентируется в подобных вопросах. Не так ли, мсье доктор? — Она вопросительно взглянула ему в глаза, и француз кивнул в знак подтверждения. — У меня создалось впечатление, что... Как бы это сформулировать?.. Что он взвинчен, страшно взвинчен и одновременно полон страха. Это удивило меня, так как американцы обычно очень самоуверенны, хорошо владеют собой. Средний американец двадцатилетнего возраста куда лучше подготовлен к жизни, чем английский юноша того же возраста. Но я не уверена, что он старше двадцати...

— Я сказал бы, что ему двадцать три или двадцать четыре, — вставил доктор.

— Неужели?

— Так мне кажется.

— Наверное, вы правы, но... Но мне он показался еще моложе.

— Видите ли, здесь налицо некоторая инфантильность. Видимо, юноша долго пребывал в соответствующих условиях. Поэтому он и кажется моложе своих лет.

— Вот! Именно так я его и оценила! — оживленно заявила она. — И я склоняюсь к тому, что в нем есть что-то ненормальное. Правда?

Француза, видимо, позабавила ее горячая заинтересованность.

— Дорогая мадемуазель, — сказал он. — Ну кто же из нас совершенно нормален? Однако в данном случае я уверен, что здесь налицо невроз и довольно серьезный.

— А причина его в этой ужасной женщине. Уверена в этом!

— Эта ужасная женщина вам очень не нравится, не так ли?

— Очень! Она... у нее такие злые глаза.

— О, у матерей нередко глаза становятся злыми, когда их сыновья начинают интересоваться молодыми красивыми девушками,— заметил он с усмешкой.

Мисс Кинг нетерпеливо передернула плечами. Француз всегда остается французом. У них у всех пунктик в отношении секса. Но как добросовестный психолог она все же не могла не признать, что именно секс следует искать в основе большинства людских деяний. Сара задумалась, а через минуту внезапно вздрогнула.

Реймонд Бойнтон прошел мимо нее в направлении соседнего стола и взял с него какой-то журнал. Когда он возвращался, Сара взглянула на него и вполголоса сказала:

— Вы сегодня были очень заняты осмотром достопримечательностей?

Она произнесла первые слова, которые пришли ей в голову. Ее больше интересовала реакция юноши, нежели его ответ.

Реймонд резко остановился, словно норовистый конь перед неожиданно возникшим препятствием. Он покраснел и искомно бросил взгляд на центральную фигуру в семейной группе.

— Что?.. Я?.. Ах, да...

Голос его прервался. Он повернулся и, как пришпороженный, устремился к своим.

Гротескная карикатура Будды освободила толстую опухшую руку и, протягивая ее за журналом, как заметил доктор Жерар, быстро взглянула на сына. Буркнула что-то — возможно, слова благодарности. Затем медленно повернула голову и окинула Сару злым, напряженным взглядом. Лицо ее казалось лишенным всякого выражения.

Мисс Кинг взглянула на часы.

— Вот так штука! — заметила она. — Время-то более позднее, чем мне казалось! — Она встала из-за столика. — Благодарю вас, доктор Жерар, за кофе. Пора идти. Мне нужно написать несколько писем.

— Надеюсь, я еще встречу вас?

— О, да! Может, вы все-таки решитесь совершить экскурсию в Петру.

— Во всяком случае, постараюсь.

Она улыбнулась доктору и повернулась, намереваясь пройти к двери мимо семейства Бойнтонов. Доктор Жерар проследил за ней взглядом и увидел, что старая женщина неотрывно смотрит на сына. Тот опустил глаза и отвернул-

ся от Сары. Движение это было очень медленным, будто юноша сопротивлялся чему-то, действующему на него извне. У доктора создалось впечатление, что «ля маман» потянула за какой-то невидимый шнурок.

Сара Кинг тоже заметила это движение. Хотя она и считала себя неплохим психологом, но тут ей почему-то сделалось очень досадно. Они так мило болтали в коридоре раскачивающегося спального вагона. Обменялись впечатлениями о Египте и от всего сердца смеялись, вспоминая кошмарный жаргон погонщиков ослов и уличных торговцев. Молодой Бойнтон производил впечатление разошедшегося ученика, способного растрогать своим наивным интересом ко всему на свете. А сейчас по неведомой причине он казался оробевшим и неприятно грубым.

«Не трудно вскружить такому голову», — подумала Сара, которая, не будучи излишне самонадеянной, не была склонна к самоуничижению. Она не сомневалась в том, что привлекает к себе мужчин, и не принадлежала к девушкам, позволяющим смотреть на себя свысока.

Может, она отнеслась к этому парню излишне снисходительно, так как тогда по неведомой причине он пробудил ее сочувствие? И кто же? Сегодня стало ясно, что он всего лишь типичный молодой американец — робкий, неотесанный, ординарный!

В своем номере она не принялась за письма. Села за туалетный столик, поправила волосы, увидела в зеркале свои встревоженные карие глаза и приступила к анализу собственных жизненных обстоятельств.

Недавно Сара пережила потрясение. Месяц назад она порвала со своим женихом, начинающим врачом, который был старше ее на четыре года. Они чувствовали сильное влечение друг к другу, но были слишком разные. Излишняя требовательность друг к другу порождала непонимание и ожесточенные споры. Сара была очень энергична и слишком независима, чтобы подчиниться чьей-либо власти. Как и многие женщины с решительным складом характера, она не раз говорила, что хочет, чтобы кто-то управлял ею. Однако, когда она встретила мужчину, который и вправду попытался подчинить ее себе, она убедилась, что это вовсе ее не устраивает. Разрыв дорого стоил ей, но она была человеком, мыслящим достаточно трезво, чтобы понять, что одного взаимного влечения для семейной жизни слишком мало. Поэтому решила позволить себе длительный отпуск, чтобы за время заграничного путешествия выбро-

силье из головы все, что того заслуживает, а потом серьезно взяться за работу.

Мысли Сары вновь вернулись к действительности. Ей искренне хотелось, чтобы доктор Жерар поговорил с ней серьезно, пожелал бы познакомиться ее со своими работами, которые она внимательно изучала и высоко ценила. Потом она снова вернулась к этому странному молодому человеку. Несомненно, он поступил с ней так странно потому, что находился под наблюдением остальных членов семьи. «Ну и что с того? — подумала она с пренебрежительной гримасой. — Глупо так сидеть под каблуком домашних. Особенно для мужчины».

И все-таки ей казалось, что за всем этим кроется нечто весьма незаурядное.

— Парень ищет помощи, — сказала она вслух неожиданно для самой себя. — Ну, что ж. Я этим займусь!

Глава 3

После ухода Сары доктор Жерар еще несколько минут сидел на своем месте. Потом подошел к столу с журналами и газетами, взял свежий номер «Матен» и расположился в кожаном кресле на расстоянии нескольких шагов от Бойнтонов. Они неожиданно пробудили у него любопытство.

Вначале его забавляла молодая англичанка и ее забота о судьбе американской семьи, возникшая, как не без лукавства подозревал он, в связи с запоминающейся внешностью одного из представителей этого семейства. Позже нечто необычное в этих людях побудило в нем что-то более глубокое, чем обычная заинтересованность ученого.

Урывками, под прикрытием газеты, наблюдал он за Бойнтонами. Прежде всего он обратил внимание на юношу, которым столь живо заинтересовалась Сара. Действительно, подумал он, именно такой тип мужчин должен привлекать ее. Она — сильная натура, темпераментная, умеет владеть собой. А этот парень — красивый, нервный, робкий, с резкой сменой настроений. Он взглянул на него глазами профессионала и убедился, что молодой Бойнтон явно пребывает в состоянии сильного нервного напряжения. Это удивило его. Действительно, почему молодой мужчина, здоровый, по-видимому, физически, совершающий интересное путешествие для собственного удовольствия, близок к нервному срыву?

Француз продолжал наблюдать. Девушка с каштановы-

ми волосами, несомненно, сестра Реймонда. Оба они относятся к одному и тому же антропологическому типу — тонкие кости, красивое телосложение, прямо аристократы с картинки... Кисти рук у нее удлиненные и худощавые, великолепный овал лица, красивая головка на длинной шее. Однако девушка тоже нервничает: эти непривычные, совершаемые помимо воли некоординированные легкие движения, неестественный блеск в глазах, а когда она отвечала, то говорила слишком быстро, как будто несколько запыхавшись. Она насторожена, возбуждена, не может дать себе разрядку. «И к тому же боится чего-то», — продолжал размышлять врач.

Его ухо уловило обрывки разговора — очень обычного и банального.

— ...Не слишком ли это мучительно для мамы?

— А к Стене Плача?..

— Так это же действительно церковь. Ее называют также Мечетью Омара. Интересно, почему?

— Очевидно, потому, что ее перестроили из мусульманской мечети. Это же так просто, Леннокс...

Самая обыденная, самая тривиальная на свете болтовня заурядных туристов средней руки! И... И, тем не менее, создается впечатление, что подслушанные обрывки разговора должны маскировать, прятать что-то другое, неопределенное, действующее на заднем плане, что-то слишком путаное и непонятное, чтобы его можно было выразить словами. Украдкой он вновь выглянул из-за страницы «Матен».

Леннокс? Это, по-видимому, старший брат, заметно определенное семейное сходство, но проявляются и отличия. Он менее возбужден. Возможно, характер у него более уравновешенный, но и здесь ощущается нечто необычное. Доктору показалось, что Леннокс Бойнтон пребывает в таком же напряжении, что и те двое. Он тяжело опирается на стол, инертен, малоподвижен... Вдруг ему вспомнилась палата и пациент, сидевший в подобной позе. «Этот человек, — подумал он, — полностью опустошен. Да! Он полностью опустошен в результате длительных страданий. В его глазах застыло выражение, какое можно увидеть в глазах раненой собаки или больной лошади, — выражение терпеливой звериной выдержки. Это странно. Очень странно. Все указывает на то, что в настоящее время он не испытывает никаких физических страданий. Но, несомненно, в последнее время ему пришлось много, очень много страдать... Страдания моральные, психологического плана?.. Уже при-

вычные муки... С тупой настороженностью ожидает он чего-то, что может спасти его. Какие удары перенес он? А может, я только вообразил себе все это?.. Нет! Этот человек явно ждет чего-то, что придет и положит конец чему-то другому».

Леннокс встал, чтобы поднять клубок шерсти, который уронила старая женщина.

— Пожалуйста, мама.

— Благодарю.

Что это вяжет на спицах монументальная старая женщина с каменным лицом? Шерсть грубая, жесткая... Это будут, наверное, рукавицы для каких-нибудь нищих из приюта, решил француз и усмехнулся игре своего воображения. Он взглянул на самую младшую из сидящих за столом. Девушка с золотистыми волосами... Ей лет семнадцать, лицо безупречно чистое, того оттенка, какой нередко встречается у рыжеволосых женщин. Черты лица красивы, хотя сама она, пожалуй, слишком худошава. Девушка улыбалась сама себе, а еще вернее — просто в пространство, улыбалась странной, загадочной улыбкой, явно находясь в мыслях где-то очень, очень далеко от отеля «Соломон» и Иерусалима. Доктор Жерар никак не мог припомнить, какие воспоминания будит в нем эта улыбка. Потом внезапно его озарило. Такое выражение он видел на лице статуи девушки в Акрополе в Афинах, выражение отрешенности, полное в то же время невыразимого обаяния, манящее и одновременно чуть-чуть нечеловеческое...

Он взглянул на руки девушки и ощутил чувство ужаса. Ее кисти, надежно защищенные столом от взоров остальных членов семьи, были хорошо видны с того места, которое занимал доктор. Сложенные на коленях, они судорожно мяти и рвали носовой платок, рвали на мелкие кусочки...

Эта картина потрясла его: устремленная вдаль загадочная улыбка, неподвижно застывшее тело и эти худые кисти рук, охваченные желанием уничтожить...

Глава 4

Послышался звук сухого отрывистого кашля; на него откликнулась женщина, вязавшая на спицах:

— Ты устала, Джиневра. Лучше всего будет, если ты отправишься в постель.

Девушка вздрогнула, ее нервно движущиеся пальцы замерли.

— Я не устала, мама.

Жерару понравился этот голос, мелодичный и красивый, придающий обаяние даже самым обычным словам.

— Нет, устала. Я лучше знаю. И чтобы утром и речи не было о каких-то там осмотрах.

— Почему? Ведь я чувствую себя вполне хорошо.

— Ничего подобного. Уверена, что ты заболеешь.

— Нет, не заболею! — запротестовала девушка; врач видел, что она не может сдержать нервной дрожи.

— Я пойду с тобой наверх, Джиневра, — прозвучал голос спокойный и сдержанный.

Из кресла поднялась спокойная молодая женщина с большими серьезными серыми глазами и аккуратно уложенными серыми волосами.

— Нет! — заявила старая миссис Бойнтон. — Она пойдет наверх одна.

— Но я хочу, чтобы Нейдин побыла со мной!

— Конечно, я побуду с тобой.

Но только Нейдин сделала шаг вперед, как снова заговорила старуха:

— Она хочет побыть одна. Я права, Джинни, правда?

После колебания — очень непродолжительного колебания — Джиневра Бойнтон ответила глухо и безразлично:

— Да. Я хочу побыть одна... Благодарю тебя, Нейдин. — И ушла.

Доктор Жерар опустил газету, чтобы как следует приглядеться к миссис Бойнтон. Та смотрела вслед удалявшейся дочери со странной улыбкой, выглядевшей карикатурой на ту неземную, полную очарования улыбку, которую так недавно излучало лицо молодой девушки. Затем старуха обратила взор на Нейдин, которая собиралась уйти, но теперь смело встретила зловещий взгляд свекрови. Лицо Нейдин выглядело невозмутимо спокойным.

«Что за тиран получился из этой нелепой бабы!» — подумал француз, но в тот же миг заметил, что старуха смотрит ему в лицо настойчивым, тяжелым взглядом. У него перехватило дыхание. В маленьких, черных, заплывших жиром глазах он заметил нечто особенное — они излучали силу, неумную жажду власти, неприкрытое зло. Жерар знал людей, знал те черты характера, которые они стремятся скрыть. Поэтому он тут же осознал, что видит перед собой отнюдь не больную, избалованную, привыкшую к выполнению ее мельчайших капризов особу. Он увидел воплощение злой силы, существо со взглядом, обладающим гипнотическим свойством глаз кобры. Миссис Бойнтон могла быть старой, неповоротливой, болезненной, но она не

была беспомощной. Это была женщина, знавшая вкус власти, властвовавшая всю жизнь и никогда не сомневающаяся в собственной исключительности. Жерар видел как-то цирковую артистку, выступавшую с группой дрессированных тигриц. Огромные хищницы покорно отправлялись на указанные им места и выполняли глупые, унижительные трюки. Выражение их глаз, утробное ворчание, нервные движения полосатых хвостов свидетельствовали о ненависти, безумной, переполненной яростью ненависти, но тигрицы пресмыкались перед дрессировщицей, демонстрируя полную покорность во всем. Та женщина, смуглая и черноволосая, была молода и вызывающе красива, однако глаза ее сверкали тем же злым, давящим блеском.

— Укротительница! — прошептал он и в тот же момент понял, что составляло подтекст подслушанной им банальнейшей беседы в семейном кругу.

Это была ненависть — угрюмая, глубоко спрятанная ненависть.

«Наверное, — подумал он, — я не в меру расфантазировался. Смотрю на обычную американскую семью, наслаждающуюся путешествием по Палестине, и строю бредни на мотивы черной магии».

Теперь он начал присматриваться к молодой спокойной женщине по имени Нейдин. Он заметил обручальное кольцо на ее руке и испуганный взгляд, брошенный ею украдкой на светловолосого, флегматичного Леннокса. Видно было, что эти двое — супружеская чета, однако во взгляде ее ощущалось скорее материнское беспокойство. Кроме того, он сделал еще один вывод: он убедился, что из всей семейной группы только Нейдин не подчиняется власти миссис Бойнтон. Видимо, она чувствует к свекрови отвращение, но не боится ее. Насилие еще не сломило Нейдин. Несчастливая, глубоко обеспокоенная судьбой своего мужа, она тем не менее свободна.

— Все это очень интересно, — буркнул он себе под нос, и в эту минуту довольно обыденное событие внесло животворную струю в атмосферу его мрачных размышлений.

Очень типичный, уравновешенный американец вошел в салон и, увидев Бойнтонов, поспешил к ним.

Он был безукоризненно одет, его продолговатое лицо было чисто выбрито, голос у него был приятный, хотя и несколько монотонный.

— А я с утра вас высматриваю, — сказал он, обмениваясь со всеми рукопожатиями. — Как ваше здоровье, миссис Бойнтон? — обратился он к старухе. — Путешествие вас не утомило?

— Нет... Ведь я, как вам известно, все равно никогда не чувствую себя вполне здоровой...— пропыхтела она едва ли не доброжелательно, обращаясь к вновь прибывшему, которого, как оказалось, звали мистер Коуп.

— Да, да, к сожалению...— вставил мистер Коуп.

— Но здесь я не чувствую себя хуже,— продолжала миссис Бойнтон с ехидной усмешкой.— Нейдин идеально заботится обо мне. Правда, моя дорогая? — обратилась она к невестке.

— Я делаю то, что в моих силах,— ответила та безразличным тоном.

— Это можно понять! Естественно! — поддакнул с энтузиазмом мистер Коуп.— Ну, а как вы, Леннокс? Как вам понравился град Давида?

— Ну... я...— откликнулся тот, не обнаружив ни малейшего интереса к затронутому вопросу.

— Вы немного разочарованы, не так ли? У меня было точно такое же первое впечатление. Но ведь вы еще так мало видели, правда?

— Учитывая состояние мамы, мы не так уж много можем передвигаться,— вступила в разговор Кэрол.

— Два часа в день на посещение достопримечательностей — это все, что мы можем себе позволить,— объявила старая женщина.

— Это просто чудо, что вы можете позволить себе хоть это, дорогая миссис Бойнтон! — подхватил с воодушевлением мистер Коуп.

Миссис Бойнтон хрипло фыркнула.

— Я не привыкла покоряться телесным слабостям,— сказала она.— Ведь только дух может нас исцелить. Только дух!

Жерар заметил, что Реймонд нервно вздрогнул.

— Скажите, пожалуйста, вы уже были у Стены Плача?

— Конечно. Туда я отправился прежде всего. В течение ближайших двух дней я хотел бы как следует осмотреть Иерусалим, а затем совершить поездку, организуемую конторой Кука. Мне хотелось бы познакомиться со Святой Землей, так сказать, систематически: Вифлием, Назарет, Тибериада... Это ужасно интересно. Ну, и еще Джераш, там такие любопытные развалины, древние руины. Римские, как вы, конечно, понимаете! Охотно повидал бы и розово-пурпурный город Петру... Настоящий феномен природы! Но Петра лежит в стороне, а дорога туда и обратно плюс основательный, без поспешности, осмотр займут около недели.

— Все это так захватывает,— вступила в разговор Кэрол.— Я охотно съездила бы в Петру.

— О, я с уверенностью могу сказать, что там действительно есть на что посмотреть! — с жаром начал мистер Коуп, потом понизил голос, взглянув искоса на миссис Бойнтон и продолжал тоном, который подслушивающему французу показался не слишком уверенным: — А может, я сумел бы уговорить кого-нибудь из присутствующих принять участие в этой поездке? Естественно, такая нагрузка не для вас, дорогая миссис Бойнтон,— обратился он к старухе,— и я знаю, что часть ваших близких пожелает остаться с вами. Но если бы вы, господа, согласились, так сказать, нарушить монолитность своего строя...— Он умолк как-то беспомощно.

С минуту Жерар слышал только мерное пощелкивание спиц в руках миссис Бойнтон. Потом до него донесся ее голос:

— Я не думаю, что нам следует разлучаться. Ведь мы исключительно сжившаяся семья.— Она окинула взглядом присутствующих.— Ну как, дети? Что вы на это скажете.

Ответы не заставили себя ждать.

— Конечно, мама.

— Разумеется.

— О расставании и речи быть не может.

На лице миссис Бойнтон появилась ее обычная усмешка.

— Ну вот, вы слышите? Дети не хотят расставаться со мной. Ну, а твое мнение, Нейдин? Ты ведь ничего не сказала.

— Я не поеду. Разве что этого захочет Леннокс.

Старуха бросила взгляд на сына.

— Что ты на это скажешь, Леннокс? Ты мог бы съездить с Нейдин в Петру. Она охотно согласилась бы на эту поездку.

Леннокс беспокойно заерзал, пряча взгляд.

— Я... Нет... Спасибо, мама. Лучше мы останемся все вместе.

— О, я знаю, что у вас очень любящая семья,— восхитился мистер Коуп, однако несколько сдавленным голосом.

— Мы привыкли держаться все вместе,— сказала старуха и начала собирать клубки шерсти.— Реймонд! Кто эта молодая особа, заговорившая с тобой только что?

Юноша снова нервно вздрогнул. Он покраснел, потом побледнел.

— Не знаю... Понятия не имею, как ее зовут. Она

приехала сюда вместе с нами... Ночным поездом.

— Полагаю, что мы больше не будем иметь с ней дела, — заявила миссис Бойнтон и начала медленно подниматься с кресла.

Нейдин встала и поспешила помочь свекрови; ее профессиональная сноровка не укрылась от внимания доктора Жерара.

— Время в постель, дети, — объявила миссис Бойнтон. — Доброй ночи, — повернулась она к Джефферсону Коупу.

— Доброй ночи, дорогая миссис Бойнтон. Доброй ночи, Нейдин.

Маленькая семейная процессия тронулась с места, и, по-видимому, никому из молодых не пришло в голову попытаться нарушить строй. Оставшийся в салоне мистер Коуп проводил Бойнтонов взглядом. Выражение его лица было довольно кислым.

Доктор из опыта знал, что американцы — люди компанийские и во время путешествий отнюдь не проявляют той подозрительности, которая так характерна для жителей Британских островов. Завязать знакомство с американцем — одиноким и благожелательно настроенным к людям — не представляло ни малейших трудностей и для человека, менее предприимчивого, чем доктор Жерар. Его визитная карточка еще раз произвела эффект.

Мистер Джефферсон Коуп перечитал фамилию и восхитился:

— Доктор Жерар! Неужели? Ведь вы недавно были в Штатах? Правда?

— Да. Прошлой осенью. Преподавал в Гавардском университете.

— Разумеется! Ваша фамилия известна повсюду. Среди своих коллег вы настоящая знаменитость!

— Вы слишком любезны. Я могу запротестовать.

— Ничего подобного! Такая неожиданная встреча с вами — честь для меня, великая честь. Кстати говоря, сейчас в Иерусалиме проводят время многие выдающиеся личности. И вы, мистер доктор, и лорд Уэлдон, и сэр Габриель Стейнбаум, известный финансист. Здесь также Нестор британской археологии, сэр Мендерс Стоун... И еще леди Вестхолм, известная в Англии политическая деятельница, и знаменитый бельгийский детектив Эркюль Пуаро.

— Эркюль Пуаро? Неужели?

— Да, да! Я обнаружил его фамилию в местной газете среди вновь прибывших лиц. Кажется, он тоже проживает

здесь, в отеле «Соломон». Кстати, отель наш действительно на уровне, не так ли?

Мистер Коуп был чрезвычайно доволен знакомством, а Теодор Жерар относился к людям, которые, если того требуют обстоятельства, умеют очаровывать. Вскоре новые знакомые перекочевали в бар, где после второй порции виски француз затронул интересующую его тему.

— Скажите,— начал он,— та американская семья, с которой вы разговаривали только что, может считаться типичной?

Мистер Коуп отхлебнул глоток из высокого бокала и придал лицу серьезное выражение.

— Нет,— ответил он после непродолжительного молчания.— Я не решился бы на такое определение.

— Неужели? А у меня сложилось впечатление, что это любящая, спаянная приятельная семья.

— Вы хотите сказать, что все они непрерывно вращаются вокруг этой старой миссис? Действительно, эта особа — личность незаурядная.

— Вы так считаете?

Мистера Коупа отнюдь не потребовалось тянуть за язык.

— Не буду скрывать, доктор,— начал он с воодушевлением,— что в последнее время я немало размышляю об этом семействе. Как знать, может, беседа на эту тему и разрешит мои сомнения? Если, конечно, тема эта не покажется вам скучной.

Доктор Жерар немедленно запротестовал, уверяя, что он отнюдь не ощущает скуки, и мистер Коуп продолжил свой рассказ. Говорил он медленно, а на его симпатичном, тщательно выбритом лице была заметна искренняя озабоченность.

— Признаюсь откровенно, что я несколько огорчен и обеспокоен. Миссис Бойнтон, видите ли, моя давняя знакомая... Я имею в виду молодую миссис Бойнтон, а не старую.

— Ага... Это та темноволосая, красивая молодая женщина?

— Согласен с вашим мнением, доктор. Нейдин Бойнтон, действительно, достойнейшая женщина. Я знал ее еще до замужества. Она работала тогда в больнице. Обучалась на сиделку. Потом по приглашению Бойнтонов поехала к ним отдохнуть и там вышла замуж за Леннокса.

— Любопытная история...

Американец отпил еще глоток виски.

— Я хотел бы рассказать вам в общих чертах историю этой семьи.

— Выслушаю вас с огромным интересом.

— Спасибо. Так вот, ныне покойный Элмер Бойнтон, человек довольно известный и всеми уважаемый, был женат дважды. Его первая жена умерла, когда Кэрл и Реймонд едва лишь вышли из пеленок. Потом он женился вторично на особе не первой молодости, но выглядевшей в то время, как я слышал, вполне пристойно. Повторяю, обо всем этом я знаю из вполне достоверных источников. Во всяком случае, муж был о ней хорошего мнения и во всем слепо ей подчинялся. В течение нескольких последних лет перед смертью он тяжело болел, вследствие чего миссис Бойнтон управляла делами, как хотела. Она вообще особа энергичная и деловая. Голова у нее хорошо варит. В делах она честна и добросовестна. Когда Элмер умер, она без остатка посвятила себя детям. Один ребенок ее собственный — это та рыженькая девушка, Джиневра. Славная, только немного болезненная. Как я говорил, миссис Бойнтон целиком посвятила себя детям и как бы самоизолировалась и изолировала детей от их сверстников.

— Изоляция должна была плохо повлиять и на их интеллект, и на формирование характеров.

— В том-то все и дело! Миссис Бойнтон ревниво стерегла своих детей, не позволяла им никаких контактов с окружающими. В результате они выросли людьми... как бы это сказать... нервными, болезненно впечатлительными. Они недоверчивы, не умеют заводить знакомства. Это очень плохо, не так ли?

— Очень нехорошо.

— Я уверен, что миссис Бойнтон действовала и действует с наилучшими намерениями. Это то, что называют излишним усердием.

— Они живут все вместе? — спросил Жерар.

— Да.

— И сыновья не работают?

— Нет. Элмер был богат. Он оставил солидное состояние. Вдова имеет немалую ренту, предназначенную, понятно, на содержание семьи.

— Так... Дети, стало быть, в финансовом отношении зависят от матери?

— Да. И она желает, чтобы все жили вместе, не искали себе занятий вне дома. Может, это и имеет смысл. Ведь наличные деньги — они как вода. Но пока никто из Бойнтонов не имеет необходимости трудиться, хотя, по моему

мнению, труд пошел бы им только на пользу, особенно лицам мужского пола. И еще одно. Ни у кого из молодежи нет никакого хобби. Они не играют в гольф, не танцуют, не встречаются со сверстниками. Все они живут вместе в большом унылом доме, часть окон которого забита досками. Все это вызывает кривотолки у соседей.

— И никто из членов семьи не помышляет о бунте?

— Вроде бы нет... Ни о чем таком я не слышал.

— Как вы считаете: в обстановке, которая сложилась, виноваты дети или миссис Бойнтон?

Лицо Джефферсона Коупа приняло озабоченное выражение.

— Я полагаю, — сказал он, — что в большей или меньшей степени ответственность ложится на нее. Она использовала недопустимые, совершенно недопустимые методы воспитания. Но, с другой стороны, подрастающий юноша должен хотя бы стремиться к независимости. Вы меня понимаете? Должен стараться сам разорвать свои оковы.

— Это может оказаться невыполнимым, — задумчиво произнес Жерар.

— Невыполнимым? Почему?

— Есть разные приемы сдерживания роста дерева.

Американец слегка удивился.

— Но ведь они сильные, здоровые люди, — заверил он.

— Разум можно подавлять с тем же успехом, что и тело.

— В умственном отношении они тоже в порядке.

Врач тихо вздохнул, а Коуп продолжал:

— Нет, дорогой доктор! Уж вы поверьте мне: мужчина должен сам управлять своей судьбой. Настоящий мужчина сам распоряжается собой и тем, что дает ему жизнь, а не сидит, сложа руки, и не хлопает ушами. Такого не станет уважать ни одна женщина!

Француз искоса взглянул на разошедшегося американца.

— Это, наверное, относится к Ленноксу Бойнтону? — спросил он.

— Конечно! Я, действительно, имел в виду Леннокса, так как Реймонд еще совсем молод. Но Леннокс приближается к тридцати годам. Должен же он подумать о себе?

— Вероятно, его жене не очень сладко с ним приходится?

— Это можно понять. Ей дьявольски трудно. Это необыкновенная женщина. В самом деле, она достойна уважения. Никогда не жалуется, хотя отнюдь не выглядит сча-

стливой. Я бы сказал даже, что она очень несчастна.

— Похоже на то,— подтвердил Жерар.

— Не знаю, какого вы мнения об этом, но мне кажется, что поведение Леннокса не укладывается в границы допустимого. На месте Нейдин я бы искренне поговорил бы с ним. Или он должен что-то изменить, или...

— Или,— закончил француз,— молодой миссис Бойнтон следует разойтись со своим мужем. Вы так считаете?

— У каждого одна жизнь, доктор. Если Леннокс не способен по достоинству оценить Нейдин, найдется кто-нибудь другой...

— Например, вы, мистер Коуп,— вставил доктор.

Американец залился краской. Потом поглядел Жерару в глаза и ответил просто и с достоинством:

— Да. И я не стыжусь тех чувств, которые питаю к Нейдин. Я очень уважаю ее и очень к ней привязан. И желаю ей только счастья. Если бы ей было хорошо с Ленноксом, я бы постарался забыть ее или, по крайней мере, исчез бы из ее поля зрения.

— А при существующем положении?

— Держусь поблизости от нее. Если я ей понадобится, она всегда меня найдет.

— Вы настоящий странствующий рыцарь.

— Простите, не понял.

— Дорогой мистер Коуп! В наши времена рыцарский дух живет еще только среди ваших земляков. Вам достаточно служить своей избраннице без каких-либо перспектив и собственных интересов. Поступок, заслуживающий искреннего восхищения! Ну, а как в реальности? Чем вы надеетесь помочь молодой миссис Бойнтон?

— Я готов откликнуться на любой ее зов.

— А можно ли спросить, как относится к вам старшая миссис Бойнтон?

— Относительно нее никогда нет полной ясности,— медленно ответил Коуп.— Как я говорил, она избегает всяких внешних контактов. А вот ее отношение ко мне является исключением. Она со мной приветлива, любезна, как если бы я принадлежал к ее семье.

— Иными словами, она одобряет вашу привязанность к невестке?

— Именно так! Одобряет.

— И это удивительно, правда?

Американец несколько растерялся.

— Заверяю вас, доктор,— сказал он,— что в этой абсо-

лютно платонической привязанности нет ничего... неуместного!

— Мой дорогой мистер Коуп! В этом у меня нет ни малейших сомнений. Я думаю только о том, что ее доброжелательное отношение к чувствам, которые вы питаете к ее невестке, является удивительным именно в плане особенностей характера самой миссис Бойнтон. Эта женщина интересует меня... Очень интересует.

— Послушайте, доктор! Это незаурядная личность, яркая индивидуальность. Элмер был высокого мнения об ее уме.

— Настолько высокого,— подхватил француз,— что полностью отдал своих детей на ее милость в финансовом отношении. В нашей стране закон не позволил бы совершиться такому.

— Мы, американцы,— изрек мистер Коуп, вставая с места,— почитаем абсолютную свободу.

Доктор тоже поднялся с кресла. Последнее замечание не произвело на него особого впечатления. Он и раньше не раз слышал подобное от людей различных национальностей, однако знал, что ни одну страну, ни один народ, ни одну личность нельзя назвать абсолютно свободными. Дело лишь в том, что разновидности и оттенки способов ограничения свободы могут быть очень уж разнообразными.

Он отправился в свой номер и лег в постель, сильно заинтригованный тем, что узнал за этот день.

Глава 5

Сара Кинг стояла во внутреннем дворике мечети Харам-эш-Шериф. Позади нее высился купол храмовой школы. Тихо шептались фонтаны, маленькие группки туристов перемещались, не нарушая общего спокойствия.

«Это удивительно,— думала Сара,— что некогда Джебусиды превратили эту школу в гумно для молотьбы, а Давид купил ее за шестьсот шекелей золота и превратил в святое место... А ныне... Ныне здесь слышится многоязычный говор посетителей из всех стран света».

Она обернулась, чтобы взглянуть на мечеть, прикрывающую храмовую школу, и спросила себя, мог ли Храм Соломона быть хотя бы наполовину таким же прекрасным.

В отдалении послышались звуки шагов, и из мечети вышла небольшая группа людей. Это были Бойнтоны в сопровождении болтливого драгомана. Старую миссис Бойнтон поддерживали Леннокс и Реймонд. За ними шла

Нейдин в сопровождении Джефферсона Коупа, а Кэрл замыкала процессию.

Когда они прошли мимо Сары, Кэрл бросила взгляд в ее сторону, приостановилась и, как будто под влиянием внезапного импульса, на цыпочках бросилась к ней через внутренний дворик.

— Простите меня... — начала она дрожащим голосом. — Но я... Я должна поговорить с вами.

— Я вас слушаю, — несколько смутилась Сара.

Девушка была страшно взволнована, ее трясло, лицо стало мертвенно бледным.

— Дело... дело в моем брате. Вы вчера заговорили с ним, и... он, наверное, показался вам ужасным грубияном. Но он не хотел этого... Не хотел, но не мог иначе... Это правда!.. Поверьте мне, прошу вас!

Мисс Кинг ощутила неловкость, вызванную этой нелепой сценой. На каком основании эта бесцеремонная молодая особа атакует ее, пытаясь оправдать своего странного брата? С ее губ была готова сорваться резкая отповедь, как вдруг все неожиданно изменилось. Сара почувствовала, что Кэрл Бойнтон действительно принимает случившееся близко к сердцу.

Тот самый склад характера, который побудил ее избрать профессию врача, заставил теперь выслушать девушку.

— Так что вы собирались мне рассказать? — одобряюще обратилась она к Кэрл.

— Он разговаривал с вами в поезде, не правда ли?

— Да... Хотя скорее это я с ним разговаривала.

— Разумеется... Так могло быть и дальше... Но вчера вечером... Вчера вечером Рей был... видите ли... — Голос ее прервался.

— Был что?

На бледных щеках и шее девушки проступили пятна румянца.

— Это, конечно, глупо и мерзко... Это идиотизм... Но, видите ли, наша мать... она тяжело больна и не одобряет новых знакомств. Но... Но я знаю, что Рей очень хотел бы познакомиться с вами поближе.

Сара чувствовала, что разговор все сильнее интересует ее, но прежде чем она успела что-нибудь сказать, девушка заговорила снова:

— Я знаю... то, что я говорю, может показаться вам ужасно глупым, но... — Она со страхом огляделась по сторонам. — Я не могу оставаться здесь дольше.

— Почему? — Сара уже решила, как она должна вести себя с этой странной девушкой. — Почему вы не можете задержаться со мной? А если бы мы вместе вернулись в отель?

— Нет! — Девушка испуганно попятилась. — Это невозможно!

— Но почему же? — настаивала Сара.

— Невозможно... В самом деле... Мать была бы... была бы... — Она беспомощно замолчала.

Сара сказала спокойно и решительно:

— Я знаю, что некоторым родителям бывает ужасно трудно осознать, что их дети уже взрослые. Они хотят и дальше управлять ими, руководить их жизнью. Но — вы простите меня — безоговорочно поддаваться этому не следует. Каждый должен оберегать свои права.

— Вы не понимаете... Ничего не понимаете... — прошептала Кэрл, нервно заламывая руки.

— Чаше всего уступают только потому, что человек боится скандала, — продолжала Сара. — Скандалы и ссоры — вещь очень неприятная. И я с этим согласна. Но свобода, моя дорогая, это такая вещь, за которую следует бороться.

— Свобода? — Кэрл взглянула на нее с недоумением. — Никто из нас не был свободным и никогда не будет.

— Чепуха!

Кэрл осторожно коснулась пальцами плеча Сары.

— Послушайте меня, пожалуйста. Я хочу... Я должна объяснить вам все это. До брака моя мать... На самом деле она мне мачеха... Так вот, до замужества она была надзирательницей в тюрьме. А мой отец там был начальником. Он женился на ней. Тут все и началось. Она не изменилась и с самого начала была для нас надсмотрщицей. Вот почему и жизнь у нас такая. Мы живем в тюрьме, в клетке! — Она снова боязливо огляделась вокруг. — Она заметит, что меня нет. Я должна идти. Должна!

Она попятилась, но Сара успела схватить ее за руку.

— Одну минутку! Мы должны встретиться еще раз, поговорить обо всем.

— Это невозможно... Я не смогу...

— Вы сможете, — решительно заявила Сара Кинг. — Пожалуйста, придите ко мне ночью. Комната триста девятнадцать.

Она отпустила руку девушки и, когда та со всех ног пустилась вдогонку за своим семейством, еще некоторое время стояла в глубокой задумчивости. Когда Сара нако-

нец очнулась, то увидела, что рядом с ней стоит доктор Жерар.

— Добрый день, коллега,— сказал он.— Ну и как? Побеседовали с Кэрол Бойнтон?

— Да, и думаю, что должна рассказать вам об услышанном.— Она быстро передала ему содержание разговора.

Особое внимание Жерара привлек один момент.

— Ага! Она была тюремной надзирательницей! Вот где зарыта собака!

— Вы думаете, именно в этом кроется причина ее склонности к тирании? Навыки и привычки прежней профессии, не так ли?

— Нет. Здесь вы подошли к вопросу не с той стороны. Миссис Бойнтон тиранствует не потому, что была тюремной надзирательницей. Ничего подобного! Она избрала эту профессию потому, что она позволяла ей тиранствовать, удовлетворяла ее жажду власти. О, в нашем подсознании кроются такие штуки...— заметил он очень серьезно.— Жажда власти, садизм, неукротимое желание ранить в разных смыслах этого слова. Все это хранится внутри нас, коллега. Мы подавляем эти склонности, стараемся их не выказывать. Но временами они становятся сильнее нас.

— Я знаю об этом...— мисс Кинг нервно вздрогнула.

— Мы постоянно наблюдаем проявления этого в решении политических проблем, в поведении целых народов. Как часто видим мы отказ от гуманности, милосердия, братской доброй воли. О, наши лозунги временами звучат прекрасно, но каковы бывают последствия?

Он умолк. Через минуту Сара спросила:

— Вы подозреваете, что миссис Бойнтон является своего рода садисткой?

— Я почти уверен в этом. Мне кажется, что эта женщина испытывает наслаждение, причиняя своим близким моральные страдания. Отнюдь не физические, как вы понимаете. Эта разновидность садизма встречается редко, и с ней значительно труднее справиться. Миссис Бойнтон жаждет власти над другими потому, что эта власть позволяет ей мучить их и получать от этого удовольствие.

— Ужас! — Сара Кинг повела плечами, а когда Жерар передал ей содержание своего разговора с Коупом, спросила: — Этот мистер Коуп не отдает себе отчета в том, что происходит, правда?

— Да. Для него это слишком сложно. Ведь он не психолог.

— Понимаю. И излишняя проницательность не омрачает ему жизнь?

— Именно так! Это порядочный, прямолинейный, сентиментальный человек. Типичный для американца характер. Он склонен верить скорее в добро, чем в зло. Он понимает, что в семействе Бойнтонов царит неестественная атмосфера, однако приписывает ее чрезмерной заботливости старой женщины, а не определенной, сознательно проводимой ею линии.

— А ее это должно особо забавлять.

— Уверен в этом, — согласился доктор.

— Но почему же вся эта молодежь не восстанет? Ведь они могли бы...

— Нет. В этом вы ошибаетесь. Не могут. Вы когда-нибудь видели старый психологический эксперимент с петухом? На полу мелом чертят линию и прикасаются к ней клювом петуха. Бедняга воображает, что он привязан и не может поднять голову. Нечто подобное происходит с молодыми Бойнтонами, которые, напоминая вам, с детских лет находятся во власти старой миссис Бойнтон, под ее постоянным моральным воздействием. Она загипнотизировала их, воспитала в их сознании несокрушимую веру в то, что послушаться ее невозможно. Они находятся в заключении так давно, что если бы даже ворота их тюрьмы распахнулись, они бы не заметили этого. Один из них, Леннокс, уже и не хочет быть свободным, а остальных мысль о свободе пугает.

— А что будет, если она умрет? — деловито спросила Сара.

Жерар пожал плечами.

— Это зависит от того, когда она умрет. Если бы это случилось теперь, возможно, еще не было бы слишком поздно. Кэрол и Реймонд еще молоды, они должны легко поддаться влиянию окружающей среды. Скорее всего, они стали бы нормальными людьми. Иное дело с Ленноксом. Мне кажется, что он уже отказался от всех надежд. Покорно, словно домашнее животное, терпит неволю.

— Ну так его жена должна что-то сделать! — воскликнула раздраженно Сара. — Вырвать его из этого окружения, освободить!

— Не знаю... Может, она и пыталась, но без успеха.

— Вы думаете, что и ее загипнотизировали тоже?

— Нет. По моему мнению, эта старуха не имеет над ней власти и поэтому ненавидит невестку всем сердцем. Советую обратить внимание на ее глаза, когда она смотрит на Нейдин.

— Не могу ее понять... то есть молодую миссис Бойнтон,— сказала мисс Кинг.— Разве она не видит, что здесь происходит?

— Полагаю, что и видит, и обдумывает.

— Эту старуху не грех было бы прикончить! — гневно воскликнула молодая девушка.— Лично я рекомендовала бы мышьяк в утренней чашке чая...— Она вдруг замолчала, подумав, что ведет себя слишком бесцеремонно, особенно для начинающего врача.— А что вы думаете о самой младшей из этого семейства, об этой рыженькой?

Доктор нахмурился.

— Не знаю, что вам ответить. Именно в отношении нее дело выглядит особенно странно. Ведь она родная дочь миссис Бойнтон.

— Конечно! И отношение к ней должно быть иным.

— Не обязательно,— не согласился француз.— Тот, кто хоть раз поддался жажде власти, не пощадит в дальнейшем никого, даже самых близких, самых родных людей.— Он умолк на минуту, а потом заговорил снова: — Я врач, психиатрия — моя профессия. Я знаю, что подавляющее большинство психических заболеваний ведет свое начало от гипертрофированного самолюбия, непомерной жажды успеха, могущества, власти. Удовлетворение подобных претензий ведет к формированию безграничной самоуверенности, веры в собственную непогрешимость, к развитию склонности к тирании, мучительству и, как конечный результат, к пресыщению. А в тех случаях, когда упомянутые желания не могут быть удовлетворены... Что тогда? Ответ надлежит искать в заведениях для душевнобольных. В них немало тех, кто не в состоянии был вынести собственную посредственность, отсутствие значимости, ограничение свободы действий, а в результате ушел из реального мира, раз и навсегда захлопнув за собой дверь в действительность.

— Остается пожалеть, что эта старуха не попала в сумасшедший дом,— вздохнула Сара.

— Да, дорогая мисс Кинг. Этой женщине выпало счастье. Миссис Бойнтон осуществила свою мечту.

— Таким вещам не должно быть места на свете! — воскликнула Сара.

Глава 6

Сара с глубоким интересом ждала, явится ли Кэрл Бойнтон на ночное свидание. Она сильно сомневалась

в этом, так как предчувствовала, что после сделанных признаний у девушки должна последовать бурная реакция. Тем не менее она сделала соответствующие приготовления: надела халатик из голубого атласа, поставила воду на спиртовку.

Уже после часа ночи, когда Сара намеревалась сдаться и отправиться в постель, она услышала легкий стук в дверь. Сара быстро распахнула дверь, чтобы впустить ожидаемую гостью.

— Я боялась, что вы спите,— начала та.— Но...

Сара имела время хорошенько поразмыслить. Она благовременно решила, что будет лучше всего, если она примет спокойный, подчеркнуто деловой тон.

— Отнюдь нет,— возразила она.— Ведь я же ждала вас. Не хотите ли чаю? — Она потянулась за чашкой.

Вошедшая в комнату Кэрол казалась безмерно взволнованной и напуганной; приняв чашку чая и пирожное из рук хозяйки, она, казалось, несколько успокоилась.

— Забавное приключение, не так ли? — заговорила Сара.

— Да... Так мне кажется...— пролепетала гостья с заметной ноткой сомнения в голосе.

— Что-то из рода полуночных бесед, какие мы устраивали в школьных интернатах,— продолжала Сара.— Или вы не учились в такой школе?

— Нет... Мы никогда не расставались с домом. У нас были гувернантки... Разные гувернантки.

— И вы никогда никуда не выезжали?

— Нет. Мы всегда были дома... От самого рождения в одном и том же доме. Это мое первое путешествие.

— И, несомненно, множество разных впечатлений,— непринужденно поддержала разговор Сара.

— О да! Мне все время кажется, что это только сказочный сон.

— А что склонило вашу... вашу мачеху к этой поездке?

При упоминании о миссис Бойнтон девушка недоверчиво насторожилась, и мисс Кинг поспешила продолжить разговор.

— Я должна сказать вам, что сама по профессии врач. В этом году закончила обучение. Миссис Бойнтон очень интересуется меня в профессиональном плане: по моему мнению, мы здесь сталкиваемся с явной патологией.

Кэрол широко открыла глаза. Такой аспект дела был для нее, по-видимому, совершенно неожиданным. Сара, понимая это, старалась говорить уверенно и убедительно.

Она не сомневалась, что старуха господствует в семье, возвышаясь над всеми, как исполин, грозная статуя божества. Сара намеревалась сокрушить это божество, выявив его наиболее страшные и омерзительные черты.

— Да, моя дорогая,— продолжала она,— существует очень неприятная болезнь, которая, к сожалению, встречается относительно часто. Я имею в виду манию величия. Больной при этом становится деспотом, требует, чтобы все совершалось так, как он приказывает. Конечно, подобные люди очень тяготят окружающих.

Кэрол отодвинула чашку.

— Я так рада,— сказала она,— что могу поговорить с вами, мисс. Видите ли, мне кажется, что в последнее время Рей и я... мы становимся какими-то необычными... все больше и больше. Все происходящее мучит нас, выводит из равновесия.

— Разговоры с новыми людьми благотворно действуют на человека. В семейном кругу люди легко поддаются тому или иному настроению,— заметила Сара.— Мне кажется, что вы не особенно счастливы? — спросила она как бы невзначай.— Вы никогда не думали о том, чтобы покинуть свой дом?

На лице девушки появилось недоумение.

— Нет! Никогда! Никто из нас не может покинуть дом. Она никогда не позволила бы этого.

— Но она не могла бы и удержать вас,— перебила ее Сара, стараясь вложить в свои слова всю силу убеждения.— Вы ведь совершеннолетняя? Так?

— Мне двадцать три года.

— Вот именно!

— Но все равно это невозможно...— неуверенно проговорила Кэрол.— Ведь я не знала бы, куда мне ехать и что делать. Дело в том, мисс, что у нас совершенно нет денег.

— И у вас нет друзей, к которым вы могли бы обратиться?

— Друзья? Откуда? Мы ведь ни с кем не знакомы.

— И никто из ваших родственников никогда не задумывался о том, чтобы покинуть дом?

— Вероятно, нет... Не думаю... Ведь это невозможно.

Сара, исполненная сочувствия к несчастной девушке, резко сменила тему.

— Вы очень привязаны к мачехе?

Кэрол протестующе затрясла головой и шепнула сдавленным, полным страха голосом:

— Ненавижу, ненавижу ее... И Рэй тоже. Часто мы вдвоем желаем ей смерти.

Сара снова поспешила сменить тему.

— Может быть, вы расскажете мне что-нибудь о вашем старшем брате?

— О Ленноксе? Я не могу понять, что с ним делается в последнее время. Он почти ничего не говорит и выглядит каким-то сонным. Нейдин очень беспокоится.

— Вы любите жену брата?

— О да! Нейдин совершенно другая, она совсем не похожа на нас. Она добрая, всегда такая жизнерадостная... Но очень переживает.

— По поводу вашего брата?

— Да.

— Они давно поженились?

— Уже четыре года.

— И все время живут с вами?

— Да.

— Это устраивает Нейдин?

— Нет.

Последовала короткая пауза.

— Однажды, — снова заговорила Кэрол, — это было четыре года назад, произошел ужасный скандал. Как я уже говорила, никто из нас никогда не выходит из дома... То есть мы доходим до ограды, но не дальше. Так вот, однажды Леннокс нарушил это. Как-то вечером он удрал в Фаунтин Спрингс на танцы. Мама узнала об этом и ужасно разгневалась. Что творилось в доме!.. Потом пригласила к нам Нейдин; она дальняя родственница нашего отца. Та приехала к нам на месяц и... Леннокс полюбил Нейдин, а она его, и мать сказала, что они должны обвенчаться и жить с нами.

— Нейдин охотно согласилась на это?

— Да разве я знаю?.. Вроде бы особого желания у нее не было, но она и не противилась. Позднее она хотела переехать на другую квартиру... С Ленноксом, разумеется.

— И тем не менее они остались, не так ли?

— Да. Мама и слушать не хотела об их отделении. — Кэрол немного помолчала. — Я думаю, с тех пор она и не любит Нейдин. А Нейдин... Никто не знает, что на самом деле думает Нейдин. Она старается помочь Джинни, а маме это не нравится.

— Джинни — это ваша младшая сестра?

— Да. Ее полное имя Джиневра.

— И она тоже несчастлива?

Кэрол горестно всплеснула руками.

— А я знаю?.. В последнее время она ведет себя очень... очень необычно. Мы ничего понять не можем. Она всегда была хрупкой, нежной, мать тряслась над ней, а ей это не помогало. Напротив! А сейчас с ней случилось что-то совсем странное. Временами я боюсь Джинни, потому что она сама не знает, что делает.

— Ее показывали врачу?

— Нет. Нейдин несколько раз пыталась настоять на этом, но мама сказала: «Нет!» Да и сама Джинни устроила тогда страшную истерику, стала плакать, кричать, что ни к какому доктору она не пойдет. Я очень беспокоюсь за нее,— вздохнула Кэрол и неожиданно встала.— Я не могу дольше вас задерживать. Вы были добры, что позволили мне прийти и поговорить с вами. Наверное, мы кажемся вам очень странной семьей?

— В конечном счете все мы немножко странные с той или с другой стороны,— непринужденно сказала Сара.— Я попросила бы вас заглянуть ко мне еще и привести с собой брата.

— Правда? Вы позволите?

— Конечно. Это будет что-то вроде тайного заговора. Я хотела бы также познакомить вас с одним из моих друзей, с доктором Жераром.

— Это очень хорошо... очень интересно,— оживилась девушка.— Только бы мать не заметила.

— Не заметит! Доброй ночи, Кэрол. Итак, договорились? Завтра в то же самое время?

— Да. Только утром нас здесь может уже и не быть,— сказала Кэрол и беззвучно выскользнула в коридор.

Этажом выше она тихонько отворила дверь своей комнаты и окаменела. Миссис Бойнтон, одетая в пурпурный халат, сидела в кресле у камина.

— Ох!..— тихо вскрикнула девушка, когда взгляд неподвижных темных глаз уперся ей в лицо.

— Куда ты ходила, Кэрол?

— Но я... я только...

— Где ты была? — Голос старухи казался тихим и в то же время пронзительным. От звука его у Кэрол, как всегда, перехватило дыхание.

— У мисс Кинг...

— У той, которая вчера сунулась к Реймонду?

— Да, мама.

— И ты собиралась посетить ее еще раз? Тебе хочется этого?

Девушка беззвучно шевельнула губами в знак подтверждения.

— Когда?

— Завтра, в это же время.

— Ты никуда не пойдешь. Понятно?

— Да, мама.

Старуха начала подниматься с кресла. Девушка непроизвольно поспешила помочь ей.

Миссис Бойнтон, опираясь на палку, сделала несколько медленных шагов. В дверях она оглянулась и поглядела на перепуганную падчерицу.

— Ты не будешь иметь ничего общего с этой Кинг. Понятно?

— Да, мама.

— Повтори это отчетливо.

— Я не буду иметь с ней ничего общего.

— Запомни,— бросила старуха и вышла.

Кэрл согнулась, как от удара. Она бросилась на постель и разрыдалась. Девушке казалось, что на какой-то миг ей открылся чудесный вид, полный солнечных бликов, деревьев и цветов, а теперь вокруг нее снова сомкнулись черные стены.

Глава 7

— Простите, я не могла бы поговорить с вами?

Нейдин Бойнтон оглянулась и не без удивления окинула взглядом лицо незнакомой молодой женщины.

— Конечно,— ответила она сдержанно.

— Меня зовут Сара Кинг.

— Да... Слушаю вас.

— Извините меня, но то, что я намереваюсь вам сказать, может показаться очень странным. Позавчера у меня был долгий разговор с сестрой вашего мужа.

— Вы говорили с Джиневрой? — спросила Нейдин, и тень беспокойства появилась на ее всегда сдержанном, сосредоточенном лице.

— Нет. Это была Кэрл.

Тень беспокойства исчезла.

— А-а, Кэрл... И как вам это удалось?

— Она пришла в мой номер... Поздно ночью,— пояснила Сара.— Вам это может показаться странным...

— Нет. Я рада, искренне рада, что Кэрл нашла себе приятельницу и теперь ей есть с кем поговорить.

— Мы очень легко нашли общий язык,— продолжала

мисс Кинг, тщательно подбирая слова, — и, скажу вам правду, условились встретиться снова на следующий вечер.

— И что же?

— Она не пришла.

— А... Не пришла?

В голосе Нейдин нельзя было прочесть ничего, кроме холодной заинтересованности. Ее лицо сохраняло то же спокойное выражение.

— Да. А потом мы столкнулись с ней в холле. Я обратилась к ней, но не получила никакого ответа. Она только взглянула на меня и отошла.

— Понятно.

Наступила неловкая пауза. Сара не знала, что говорить дальше.

— О, это очень досадно, — заговорила наконец Нейдин, — но Кэрл временами ведет себя необычно. Она очень нервная.

И снова разговор прервался. Мисс Кинг, собрав все мужество, сказала:

— Извините меня, но я врач. Мне кажется, было бы лучше, если бы вашу родственницу не изолировали так от людей.

Нейдин быстро взглянула на нее.

— А... так вы врач! Это меняет положение вещей.

— Вы, конечно, понимаете, к чему я веду? — продолжала наступать Сара.

Нейдин, спокойная и сдержанная, подтверждающе кивнула головой.

— Да. И вы, естественно, совершенно правы. Но существуют известные затруднения. Моя свекровь тяжело больна. Среди всего прочего она испытывает патологическое отвращение ко всем людям, пытающимся проникнуть в ее семейный круг.

— Но ведь Кэрл взрослая, совершеннолетняя! — возразила мисс Кинг.

— Ничего подобного. Взрослой она является только физически, но не умственно. Вы должны были заметить это во время беседы с ней. Я уверена, что в затруднительной ситуации она вела бы себя как испуганный ребенок.

— Вы подозреваете, что нечто такое произошло и Кэрл ведет себя как перепуганное дитя?

— Я подозреваю, что моя свекровь потребовала, чтобы она больше не разговаривала с вами.

— И Кэрл подчинилась?

— А вы полагаете, что она смогла бы поступить иначе?

Они поглядели друг другу в глаза, и мисс Кинг ощутила, что, прикрываясь банальными фразами, они великолепно понимают друг друга. Ей показалось, что Нейдин сумела оценить ситуацию, однако не была подготовлена к этому разговору.

Сара была обескуражена, раздосадована, разочарована. После того ночного разговора с Кэрол она полагала, что наполовину выиграла сражение. Тайные встречи помогут ей вдохнуть в душу Кэрол бунтарский дух... и в душу ее брата тоже. Но уже в следующем раунде она была позорно побеждена этой жирной тушей, глядящей на мир алчными и злыми глазами. Кэрол покорила без сопротивления.

— Это очень плохо! — воскликнула девушка.

Нейдин ничего не ответила, но Сара ощутила в этом молчании как бы пожатие ледяных рук. Она подумала: «Наверное Нейдин лучше, чем я, понимает безнадежность положения в сложившихся условиях. Сколько лет живет она в этой обстановке!»

Во внезапно распахнувшихся дверях лифта появилась старшая миссис Бойнтон, опирающаяся на трость и одновременно на плечо Реймонда. Сара невольно вздрогнула, когда взгляд темных, злых глаз смерил ее с головы до ног, перебежал на Нейдин и снова на нее. Она была готова к тому, чтобы увидеть в этих глазах глубокую неприязнь, даже ненависть, но совершенно не ожидала заметить в них совсем иное выражение — выражение зловещего триумфа. Сара быстро повернула голову в другую сторону. Так же быстро Нейдин присоединилась к свекрови и ее сыну.

— А... Нейдин, — бесстрастно проговорила старуха. — Хочу посидеть здесь минутку, отдохнуть, прежде чем выйти из отеля.

Она устроилась в кресле с прямой высокой спинкой. Нейдин заняла место рядом.

— С кем ты разговаривала, Нейдин?

— С мисс Кинг.

— А... Это та самая, которая вчера пробовала приставать к Реймонду. Рей! Ты мог бы сейчас поговорить с ней. Смотри! Она сидит одна-одинешенька за столиком в уголке, — бросила миссис Бойнтон, поглядывая на сына с ядовитой усмешкой.

Юноша залился краской, что-то бормоча себе под нос.

— Так что ты скажешь, сынок?

— Я не хочу с ней говорить.

— Этого я и ожидала. Но если бы ты даже и захотел, то не очень-то преуспел бы в этом деле.— Она хрипло закашлялась.— Светские развлечения и Реймонд, это довольно забавно, не так ли, Нейдин?

— Неужели? — сказала Нейдин бесцветным голосом.

— Рей!

— Слушаю, мама.

— Принеси мне листок бумаги со стола в том углу.

Юноша послушно встал и пошел через холл, а Нейдин повернула голову так, чтобы следить не за ним, а за лицом свекрови. Миссис Бойнтон проводила сына насмешливым взглядом, полным издевки и зловещего веселья. Рей почти коснулся Сары, которая взглянула на него, казалось, с надеждой, а потом потупилась снова, когда он поспешно схватил несколько листков бумаги и так же быстро вернулся на прежнее место. Он был смертельно бледен, крупные капли пота покрывали его лоб.

— А-а...— тихо вздохнула старуха и вдруг заметила, что в обращенных к ней глазах невестки опять появилось то самое выражение, которое всегда особенно раздражало ее.

— И куда это задевался мистер Коуп? — спросила она. Нейдин опустила глаза.

— Не знаю. Я его сегодня не видела,— ответила она с обычной сдержанностью.

— Мне он нравится, очень нравится,— продолжала свекровь.— Мы должны почаще с ним видаться. Тебя это устраивает, Нейдин? Не так ли?

— Да. Мне он тоже очень нравится.

— Что это в последнее время происходит с твоим мужем? Он стал таким апатичным, молчаливым. Или между вами возникли какие-нибудь недоразумения?

— Почему бы им быть?

— О, причины могут быть самыми разными. В супружестве далеко не всегда все складывается гладко. Может, вам было бы лучше любить друг друга дома?

Нейдин молчала.

— Так что же? Как ты относишься к этой мысли?

— Вас действительно интересует мое мнение? — чуть заметно улыбнулась Нейдин.

Миссис Бойнтон прищурилась.

— Ты всегда была против меня, Нейдин,— сказала она неприязненно.

— Я очень сожалею, что вы такого мнения обо мне, мама,— прозвучал спокойный ответ.

Старуха поднялась, тяжело опираясь на трость. Ее лицо потемнело сильнее обычного.

— Я забыла взять капли,— сказала она совсем другим тоном.— Ты не сходишь за ними, Нейдин?

Молодая женщина встала и направилась в сторону лифта. Старуха проводила ее тяжелым взглядом. Реймонд неподвижно сидел в кресле, в его глазах застыло страдание.

Нейдин поднялась наверх и вошла в номер, снимаемый Бойнтонами. Леннокс сидел в гостиной у окна. В руках у него была книга, но он не читал.

— О... Нейдин...— сказал он, словно проснувшись.

— Мать забыла взять капли,— объяснила она.— Прислала меня за ними.

Она прошла в спальню свекрови, отмерила предписанную дозу лекарства и долила стаканчик водой. Возвращаясь через гостиную, она остановилась.

— Леннокс...

Он ответил не сразу, как будто бы слову пришлось проделать длинный путь, прежде чем оно достигло его слуха.

— А?... Что скажешь? — спросил он наконец.

Она осторожно поставила на стол стаканчик с лекарством, подошла к мужу и стала рядом с ним.

— Взгляни в окно, Леннокс. Взгляни на светлое солнце, на жизнь. Как все это прекрасно, правда? И мы могли бы быть там, не пожелай ты торчать здесь и смотреть на мир через стекло.

— А...— И на этот раз он ответил не сразу.— Ты хочешь пойти туда?

— Да! — живо откликнулась она.— Я хочу пойти с тобой в мир, в жизнь, к солнцу! Я хочу быть только с тобой!

Он тяжело опустился в кресло.

— Нейдин, моя дорогая... Следует ли еще раз обсуждать все это?

— Да. Следует. Леннокс, давай уедем! Начнем где-нибудь новую жизнь...

— Как? Где? Ведь у нас нет денег.

— Деньги можно заработать.

— Каким образом? Где? Что мы умеем делать? Я ничего не умею, а вокруг столько безработных и среди них множество специалистов. Нет, не справиться мне со всем этим.

— Я заработаю на нас двоих.

— Милая девочка! Ты же не закончила даже курсы для

сиделок. Все это дело безнадежное, игра проиграна...

— Ничего подобного. Безнадежное дело — это наша теперешняя жизнь.

— Ты сама не знаешь, что говоришь, Нейдин. Мать очень добра к нам. Она обеспечивает нашу жизнь, дает нам все...

— Все, за исключением свободы! — прервала его Нейдин. — Надо решиться, Леннокс. Уйдем вместе сегодня... Сейчас!

— Ты с ума сошла, Нейдин. Похоже на это...

— Нет, я здорова, и голова у меня в порядке. Но я хочу, чтобы у меня была моя, собственная, личная жизнь. С тобой... Для тебя... Среди солнечного света, а не под опекой старой бабы, которая тиранит тебя, наслаждается твоими муками.

— Мама, возможно, излишне строга, но...

— Она помешанная! Душевнобольная!

— Нет, Нейдин, — мягко возразил он. — Она прекрасно справляется с финансовыми делами.

— Возможно. Не возражаю.

— Послушай, Нейдин. Она же не может жить вечно. Ей шестьдесят, и она слаба здоровьем. После ее смерти наследство будет поделено между нами, каждый получит равную долю. Ты же помнишь, как она читала нам завещание отца?

— После смерти, Леннокс, возможно, будет уже поздно.

— Поздно?

— Да! Поздно стать счастливым!

— Поздно стать счастливым... — повторил он шепотом и нервно вздрогнул.

Нейдин придвинулась ближе, положила ладонь на плечо мужа.

— Послушай, — сказала она снова. — Я тебя люблю. Между мной и твоей мачехой продолжается борьба. На чьей ты стороне?

— Всегда на твоей.

— Тогда поступи так, как я говорю.

— Это невозможно.

— Ничего подобного! Подумай, мы могли бы иметь детей.

— Но мать тоже желает, чтобы у нас были дети. Она не раз повторяла это.

— Знаю. Зато я никогда не произведу на свет существо, которое было бы обречено жить в том затхлом мире, в ка-

ком воспитывался ты. Твоя мать может оказывать влияние на тебя, но надо мной она власти не имеет.

— Ты часто дразнишь ее, Нейдин,— пробормотал Леннокс.— Поступаешь так безрассудно.

— Нет, это не я дразню ее, Леннокс. Она часто злится на меня, однако прежде всего из-за того, что не в состоянии подчинить меня своей воле.

— Действительно... Ты чудесная, Нейдин. Ты слишком хорошая для меня. Ты всегда была такой. Когда ты сказала, что согласна выйти за меня, я думал, что это какой-то фантастический сон.

— Я сделала ошибку, выйдя за тебя замуж,— сказала она спокойно.

— Да... Сделала ошибку...— беспомощно согласился он.

— Ничего ты не понимаешь. Речь идет о том, что если бы я тогда уехала и потребовала, чтобы и ты уехал со мной, то ты, несомненно, послушался бы. Да! Я абсолютно уверена, что послушался бы... Но в то время я не была достаточно умудренной, чтобы понять твою мать, разобраться в том, чего она действительно желает.— Нейдин немного помолчала.— Ты не хочешь уехать? Отвергаешь мои предложения? Тебе трудно! Ну что ж, не буду принуждать тебя, да я и не сумею это сделать. Но я свободна и могу... могу уехать сама. И уеду!

Он взглянул на нее с недоверием и в первый раз за весь разговор ответил быстро, как будто вялое течение его мыслей неожиданно ускорилося.

— Как же это? Это исключено. Мать ни за что не позволит...

— Она не может удержать меня.

— Но у тебя же нет денег.

— Деньги можно одолжить, выпросить, украсть! Пойми же, наконец, Леннокс, что твоя мать не имеет никакой власти надо мной! Я могу уйти или остаться, поступить так, как решу сама. Но я считаю, что и так достаточно долго сносила такую жизнь.

— Не оставляй меня, Нейдин... Не бросай...— пробормотал он беспомощно, как ребенок.

Нейдин взглянула на него и на миг отвернулась, чтобы он не заметил боли в ее глазах. Потом опустилась на колени рядом с мужем.

— Так уедем вместе! Уедем! Ты же со всем справишься, все сможешь, если на самом деле захочешь!

Он отстранился от нее.

— Нет! Не смогу я, Нейдин... Мне не хватит... Бог мой!.. Мне не хватит смелости...

Глава 8

Доктор Жерар зашел в туристическое агентство и застал там Сару Кинг.

— О! Добрый день,— приветствовала она его.— Мы как раз обсуждаем поездку в Петру, и я узнала, что вы тоже согласились участвовать.

— Да. Как оказалось, времени у меня на это хватит.

— Как хорошо!

— Сколько человек едет?

— Пока только две дамы, вы и я. Так что поместимся в одном автомобиле.

— Это великолепно,— ответил француз с галантным поклоном, после чего занялся улаживанием собственных дел. На это потребовалось немного времени, и, когда он через несколько минут вышел из конторы с почтой в руках, его молодая коллега еще спускалась по лестнице. День был свежий, солнечный, дул легкий прохладный ветерок.

Француз легко догнал девушку.

— Ну, что нового у наших друзей Бойнтонов? — спросил он.— Я был на трехдневной экскурсии. Вифлием, Назарет и другие места.

Неохотно, с колебаниями сообщила Сара о своих напрасных стараниях наладить контакт с молодыми Бойнтонами.

— Как видите, мне не повезло,— закончила она.— А сегодня они уезжают.

— Куда?

— Не имею понятия! — ответила она с раздражением.— Вы, конечно, считаете, что я наделала немало глупостей?

— Немало глупостей?

— Да. Глупо совать свой нос в чужие дела.

— Это зависит от точки зрения.

— Вы полагаете, что вмешательство в чужие дела допустимо?

— Да.

— Серьезно?

Вопрос позабавил француза.

— Если вы спросите, имею ли я обыкновение так поступать, я вам отвечу без обиняков: нет!

— Следовательно, и мои усилия вы считаете нелепыми? Ведь так?

— Ничего подобного! Вы меня плохо поняли,— запротестовал Жерар.— Это спорная проблема. Следует ли вмешиваться или нет, если видишь, что где-то поступают плохо? Тот, кто вмешивается, может, конечно, помочь, но может и наделать много вреда. Здесь невозможно сформулировать твердые правила. Некоторые проявляют настоящий талант в разрешении чужих конфликтных ситуаций, другие только усугубляют конфликты. Им, ясное дело, лучше держаться в стороне. В игру входит также фактор возраста. Молодые люди обычно открыто и смело провозглашают свои идеалы и взгляды и отважно их защищают, а ко многим моментам подходят скорее с теоретических, нежели с практических позиций. Они еще не располагают достаточным собственным опытом, чтобы знать, что факты часто приходят в противоречие с теорией. Если кто-то глубоко верит в себя и в правильность своего поведения, то он может в одном случае сделать много хорошего, а в другом причинить страшный вред. Напротив, лицо среднего возраста, имеющее опыт, знает и понимает, что вмешательство в чужие дела скорее может повредить, чем помочь, а потому предусмотрительно держится в отдалении. Результаты соответственно уравниваются. Молодые в равной мере могут и помочь и навредить. Более опытный не навредит, но и не поможет.

— Не слишком все это помогает,— вздохнула Сара.

— А разве один человек может во всем помочь другому? — усмехнулся француз.— В конце концов, это ваша проблема, а не моя.

— Иными словами, вы не намерены ничего предпринимать в отношении семьи Бойнтонов?

— Нет, так как не вижу шансов на успех.

— Значит, по вашему мнению, у меня тоже нет никаких шансов?

— У вас они могут быть.

— Почему?

— Потому что вы обладаете двумя немаловажными качествами, которыми я не могу похвастаться: молодостью и сексуальной привлекательностью.

— Причем здесь секс?.. А, понимаю...

— В конечном счете с сексом мы сталкиваемся везде и повсюду. Вы признаете мою правоту, не так ли? Если вам не повезло с сестрой, то это ни в какой мере не означает, что вам не повезет и с братом. Кстати, то, что вы сообщили

мне несколько минут назад относительно вашего разговора с Кэрл, определенно свидетельствует, что абсолютному владычеству миссис Бойнтон явно что-то угрожает. Леннокс взбунтовался под влиянием пробуждающихся мужских инстинктов. Он сбежал из дома и отправился на какие-то танцульки. Желание найти себе подружку оказалось сильнее гипнотических чар. Миссис Бойнтон в полной мере отдавала себе отчет относительно могущества секса, накопив, видимо, соответствующий опыт за прежнюю жизнь. И поступила она удивительно хитро. В дом была приглашена девушка, бедная, как церковная мышь, сын клюнул на эту приманку незамедлительно, а мать охотно согласилась на этот брак, благодаря которому приобрела еще одну рабыню.

Сара наклонила голову.

— Но мне не кажется, чтобы молодая миссис Бойнтон примирилась с участью рабыни.

— Очень может быть, — согласился Жерар. — Похоже на то, что мать семейства недооценила силу воли и характер невестки, полагая, что будет иметь дело с тихой, скромной девушкой. Нейдин же была тогда слишком молода и неопытна, чтобы правильно оценить ситуацию. Теперь-то она знает все. Но поздно!

— Вы думаете, что она потеряла всякую надежду? Жерар развел руками.

— Если у нее и есть какие-либо планы, то никто не сумеет их разгадать. Однако присутствие Коупа может повлиять на положение дел. Мужчины ревнивы по своей природе, а ревность, дорогая коллега, могучая сила. Леннокс еще может пробудиться.

— Вы предполагаете, — спросила она холодно и деловито, — что я могла бы помочь Реймонду?

— Да, пожалуй.

— Что ж, я могла бы попробовать, — вздохнула она. — Но, боюсь, уже поздно что-либо сделать... И вообще сама мысль мне не нравится.

— Это потому, что вы англичанка, — усмехнулся Жерар, — у англичан есть пунктик касательно секса.

Мисс Кинг решительно запротестовала, что, впрочем, не произвело впечатления на француза.

— Да, дорогая коллега, — сказал он. — Я знаю, что вы вполне современная женщина. Гласность и свобода — это для вас самые обычные выражения, какие только можно найти в словаре. Вы ничем не связаны, вы свободны в своих поступках. Но, однако... Я могу решительно утверждать,

что у вас сохранились многие национальные черты, свойственные вашей матери и бабушке. Ну, скажем, вы сохранили склонность краснеть, как это положено всякой английской мисс, хотя, возможно, охотно расстались бы с этой привычкой.

— Сколько живу, не слыхала подобных... подобных...

Доктор Жерар не без удовольствия взглянул на нее и добавил с полным спокойствием:

— И именно благодаря этому вы особенно очаровательны.

На этот раз Сара сразу не нашла ответа, а доктор приподнял шляпу со словами:

— А теперь, дорогая мисс, позвольте попрощаться с вами, прежде чем вы выскажете мне все, что обо мне думаете.

Он направился в сторону отеля. Сара, помедлив минуту, отправилась туда же, но значительно медленнее.

Перед отелем царило оживление, несколько автомобилей, нагруженных багажом, стояли, готовые принять пассажиров. Около самого большого стояли Нейдин и Леннокс, а рядом с ними мистер Коуп. Они, видимо, о чем-то советовались. Тучный драгоман что-то объяснял Кэрол, причем так быстро, что та едва могла понять его объяснения.

Молодая англичанка вошла в холл, где миссис Бойнтон, закутанная в теплый плащ, восседала в кресле, ожидая отъезда. При виде ее странное озарение осенило Сару.

До этой минуты она считала ее жуткой особой, так сказать, воплощением зла. И вдруг она осознала, что это трагически смешная фигура, смешная и жалкая. Черт возьми! Родиться с такой необузданной жадой власти, с желанием господствовать надо всем и всеми, а достигнуть всего лишь положения домашнего тирана! Ах, если бы ее дети сумели увидеть в миссис Бойнтон то, что видит теперь Сара! Они поняли бы, что перед ними глупая, напыщенная, злобная старая баба!

Под влиянием внезапного импульса она подошла к миссис Бойнтон.

— Разрешите с вами попрощаться и выразить надежду, что вам предстоит приятное путешествие.

Старуха бросила на нее взгляд — надменный, осуждающий.

— Вы старались относиться ко мне очень недружественно, — продолжала девушка, одновременно думая про себя: «Что со мной? Или я сошла с ума? Что заставляет меня говорить подобные вещи?» — Вы делали все, чтобы воспрепятствовать своему сыну и своей дочери завести

знакомство со мной. Но разве вы не отдаете себе отчета в том, что подобное поведение смешно? Это же не маленькие детки. Вы рисуетесь перед домашними, изображая такого демона, а на самом деле вы просто смешная претенциозная женщина. На вашем месте я прекратила бы всю эту комедию. Вы, конечно, возненавидите меня за эти слова. Знаю! Но я надеюсь, что, может быть, вы хоть что-нибудь поймете. Ведь вы могли бы найти в жизни радость. Могли бы, если бы действительно захотели. Насколько приятнее быть человеком добрым и благожелательным к окружающим.

Старуха сидела как окаменевшая; она провела языком по сухим губам, но не произнесла ни слова.

— Так смелее же! — продолжала Сара. — Вы можете сказать мне все, что захотите. Это неважно. Но прошу вас поразмыслить над тем, что я вам только что сказала.

Прошла долгая минута тяжелого молчания, прежде чем миссис Бойнтон наконец ответила. Голос ее был тих, приглушен и полон злобы. Ее глаза, глаза василиска, были обращены не на Сару, а куда-то в сторону, как будто она обращалась к видимому только ей призраку.

— Я ничего не забываю, — сказала она. — И об этом следует помнить. Я никогда ничего не забываю: ситуацию, имя, лицо.

В словах этих вроде бы не было ничего плохого, но выражение, с которым они были брошены, заставило Сару Кинг отступить на шаг. И тут миссис Бойнтон разразилась хохотом, громким, хриплым смехом, к которому в полной мере подошел бы эпитет «сатанинский».

Сара пожала плечами.

— Неумно и мерзко, — сказала она, поворачиваясь к ней спиной.

В дверях лифта она почти столкнулась с Реймондом и обратилась к нему — тоже под воздействием неожиданного импульса.

— До свидания. Надеюсь, вам предстоит отличное путешествие. И... Мы еще встретимся, быть может.

Она улыбнулась ему тепло и дружелюбно и быстро ушла. Реймонд, задумавшись, замер в неподвижности, так что невысокий пожилой господин с пышными усами, пытавшийся выйти из лифта, был вынужден дважды повторить:

— Пардон...

— А... Извините, пожалуйста... Я зазевался.

Он освободил проход, и как раз в этот момент к нему подошла Кэрл.

— Рей! Приведи скорее Джинни,— скомандовала она.— Она вернулась в свою комнату, а мы уезжаем.

— Иду за ней! — ответил он и вошел в кабину.

Эркюль Пуаро задержался на минуту, наблюдая за ними. Его брови сдвинулись, голова склонилась набок. Казалось, он внимательно прислушивается. Затем утвердительно кивнул головой, словно соглашаясь с самим собой, и засеменил через холл, бросая взгляды на Кэрл, которая тем временем подошла к мачехе.

Пуаро подозвал администратора.

— Вы не можете сказать, кто эти женщины? — спросил он.

— Это Бойнтоны, мсье, мать и дочь. Они американцы.

На третьем этаже доктор Жерар прошел мимо Реймонда и Джинни, направлявшихся к лифту. Уже в открытых дверях Джиневра обратилась к брату:

— Минутку, Рей. Обожди меня.

Она побежала обратно и за поворотом коридора догнала француза.

— Простите меня... Я должна поговорить с вами.

Врач с удивлением взглянул на нее; она, схватив его за плечо, неожиданно прижалась к нему:

— Меня хотят забрать отсюда... Увезти куда-то. Может быть, убить... Я не принадлежу к ним. Моя фамилия вовсе не Бойнтон...— Она говорила так быстро, что отдельные слова сливались.— Я раскрою вам тайну. Я особа королевской крови. Да, да, это правда! Я должна унаследовать трон! Поэтому меня окружают враги. Хотят меня отравить, извести... Вы можете мне бежать? Правда, можете?

Из глубины коридора донесся звук шагов.

— Джинни!

Рыжеволосая девушка прижала палец к губам, подарила Жерару благодарный взгляд и повернулась на каблучках.

— Иду, иду, Рей!

Жерар пошел дальше. Брови его были нахмурены, он непроизвольно покачивал головой.

Глава 9

В день отъезда в Петру Сара, выйдя из отеля, увидела возле него представительную даму с властными манерами и довольно длинным носом. Она и раньше видела ее в отеле. В настоящий момент дама шумно выражала свое возмущение, утверждая, что предоставленный им автомобиль слишком мал.

— Он безусловно мал! Ведь будет четверо пассажиров, не так ли? И еще драгоман? Я попрошу немедленно убрать эту машину и подать другую, более вместительную.

Она перевела дыхание, а представитель агентства, воспользовавшись паузой, попытался объяснить, что для такой поездки они всегда используют автомобили этого типа, потому что они идеально удобны, а более крупные и тяжелые машины не пригодны для езды по пустыне.

Агент не скупился на объяснения и живописные метафоры, но тем не менее, как показалось Саре, ему приходилось туго. Тут дама обратила внимание на Сару.

— Мисс Кинг, если не ошибаюсь? Я леди Вестхолм. Я уверена, вы согласитесь со мной, что этот автомобиль слишком мал?

— Действительно, в машине побольше нам, вероятно, было бы удобнее,— осторожно согласилась Сара.

Молодой человек неуверенно пролепетал, что замена машины на более крупную будет связана с увеличением оплаты сверх установленной.

— Все уже оплачено! Мы полностью оплатили все виды услуг! — прервала его леди Вестхолм. — И я не собираюсь подвергаться каким-либо неудобствам. Мне вспоминается фраза вашего проспекта об «автомобилях, обеспечивающих полный комфорт четырем пассажирам». Условий соглашения следует придерживаться!

Молодой человек пробормотал, что посмотрит, можно ли что-нибудь сделать, после чего ретировался.

Энергичная дама взглянула на Сару, и на ее загорелом лице, украшенном длинным носом, появилась улыбка триумфатора.

Леди Вестхолм была особой, широко известной в английских политических кругах. Когда лорд Вестхолм, глуповатый член палаты лордов, мужчина средних лет, интересующийся только охотой и рыбной ловлей, возвращался однажды из поездки в Соединенные Штаты, одной из его попутчиц была никому не известная мисс Ванситтерт. В рекордно короткий срок мисс Ванситтерт стала леди Вестхолм. Сей брачный союз нередко приводили в качестве красноречивого примера грозных опасностей, подстерегающих путника в морских просторах. Обычным нарядом новоявленной леди Вестхолм стали твидовый спортивный костюм и брюки для верховой езды. Она разводила собак, тиранила арендаторов и без всякого милосердия склоняла своего супруга к участию в политической жизни Англии. Потом, когда окончательно поняла, что таланта к полити-

ческой деятельности у него нет и никогда не будет, великодушно позволила ему заниматься спортом, сама же выставила свою кандидатуру в палату общин. Она была избрана значительным большинством голосов и сразу начала играть там заметную роль. Вскоре карикатуры на нее начали появляться в прессе, что всегда было доказательством успеха на любом поприще. В своих выступлениях она представляла поборницей защиты прав женщин, но не менее охотно высказывала свои взгляды на сельское хозяйство, градостроительство, настаивала на постепенной ликвидации трущоб. В общем пользовалась уважением и почти не имела врагов. В случае прихода к власти ее партии она имела солидные шансы быть назначенной государственным подсекретарем.

Итак, леди Вестхолм победоносно взирала вслед отъезжавшему автомобилю.

— Мужчинам всегда кажется, что они имеют право навязывать женщинам свою волю,— резюмировала она.

Сара подумала, что мужчина, рискнувший попытаться навязать свою волю этой женщине, должен обладать исключительной отвагой. Затем она представила энергичной леди доктора Жерара, который как раз подошел.

— Я, конечно, знаю вашу фамилию, доктор,— заявила леди Вестхолм.— Несколько дней назад разговаривала с профессором Клемансо, так как в последнее время меня живо занимают вопросы лечения душевнобольных бедняков. Может, нам будет лучше подождать автомобиль в холле?

Женщина средних лет, робкая, с прядями седоватых волос, падающими на лоб, которая прогуливалась поблизости, оказалась четвертой участницей поездки. Звали ее мисс Амабель Пирс. Леди Вестхолм отправила в холл и ее.

— Вы имеете специальное образование? — обратилась леди Вестхолм к мисс Кинг.

— Да. В этом году закончила обучение на медицинском факультете.

— Это хорошо,— благожелательно заверила леди Вестхолм.— Советую запомнить мои слова: если на этом свете что-нибудь может быть достигнуто, то оно будет достигнуто женщиной.

Впервые в жизни Сара пожалела, что принадлежит к прекрасному полу. Однако она ничего не сказала и смиренно проводила достопочтенную даму к выбранному ею креслу. Расположившись в нем, леди Вестхолм любезно проинформировала своих товарищей по путешествию о

том, что отказала послу Великобритании, который просил, чтобы она на время пребывания в Иерусалиме расположилась у него.

— Мне не хотелось выступать в качестве официального лица, — объяснила она. — Я всегда предпочитаю наблюдать известные стороны жизни приватно.

— Какие стороны жизни? — спросила Сара удивленно.

Леди Вестхолм ответила, что проживание в отеле «Соломон», где она чувствует себя вполне свободно, позволило ей дать дирекции отеля немало советов относительно реорганизации и совершенствования работы гостиницы.

— Ибо совершенствование и энергия, господа, — назидательно закончила она, — это мой девиз.

Никто не усомнился в этом, ибо не прошло и четверти часа, как перед отелем остановился другой автомобиль, действительно более просторный и удобный. Леди Вестхолм обстоятельно проинструктировала присутствующих, как должен быть размещен багаж, и путешествие в Петру началось.

Первая остановка была у Мертвого моря.

После второго завтрака в Иерихоне леди Вестхолм, мисс Пирс и доктор Жерар, предводительствуемые толстым драгоманом, отправились осматривать древний город, а Сара осталась в отеле.

У нее немного болела голова, и ей хотелось побыть одной, главным образом потому, что она ощущала какую-то странную подавленность, причина которой не была ясна ей самой. Отчуждение и равнодушие... Девушка совершенно не имела охоты что-либо осматривать: даже вид товарищей по путешествию немного раздражал ее. Теперь она жалела, что решила совершить эту поездку. Слишком дорогую и, как предвещало начало, неудачную. Трубный глас леди Вестхолм и неустанное щебетание мисс Пирс ужасно действовали ей на нервы. Не меньше раздражали ее иронические усмешки доктора Жерара — усмешки, красноречиво свидетельствующие о том, что француз догадывается о причинах ее дурного настроения.

Она задумалась над тем, где сейчас могут находиться Бойнтоны. Может, они поехали в Сирию? Возможно, теперь уже в Баальбеке или в Дамаске. А Реймонд? Что делает сейчас Реймонд? И сама удивилась: с такой фотографической точностью предстало перед ее глазами полное нервного напряжения лицо юноши.

К черту! Зачем ей думать о людях, которых она наверняка не увидит до конца дней своих? — тянулась дальше

нить размышлений. Что же еще произошло неприятное? Ах да, эта вчерашняя сцена со старухой! Что ее заставило подойти к ней вчера и наболтать глупостей? Ведь этот разговор могли слышать и посторонние.

Припомнилось, что тогда в холле неподалеку от них пребывала леди Вестхолм. Только этого и не хватало! Сара постаралась припомнить подробнее, что она тогда говорила... Вздор какой-то, истерический бред! К черту! Отличную идиотку она из себя разыграла! Но не она в этом виновата, а старая миссис Бойнтон. В этой бабе определенно есть что-то выводящее из равновесия, заставляющее нарушать нормальную линию поведения.

Подошел доктор Жерар, тяжело опустился в кресло, утирая пот со лба.

— Уфф! — выдохнул он. — Кому-нибудь следовало бы отравить эту женщину!

— Миссис Бойнтон? — удивилась девушка.

— Нет! Я имею в виду леди Вестхолм. Поверить не могу! Столько лет замужем, а муж до сих пор не удосужился сделать это! Кто он такой, вы не знаете?

— В основном охотник и рыболов, — усмехнулась она.

— Что ж, ситуация вполне может быть обоснована с позиций психологии. Парень удовлетворяет тяготение к убийству, впрочем, вполне оправданное, за счет тварей, как принято говорить, низших.

— Полагаю, — сказала Сара, — что он счастлив и горд политической деятельностью своей супруги.

— Так эта деятельность удерживает ее достаточно далеко от дома? Неудивительно! — засмеялся доктор. — А! Вы только что вспомнили старушку Бойнтон, не так ли? Согласен, что мысль о ее отравлении тоже превосходна! Без сомнения, это наипростейший метод разрешения семейных проблем. По правде говоря, многие женщины стоят того, чтобы их отравили. Особенно те, которые успели стать такими противными и старыми.

Сара рассмеялась.

— Ох, уж эти французы! Вы признаете только молодых и красивых женщин!

— Весь секрет в том, что мы просто более искренни. Англичане тоже не увлекаются многолетними страшилками. Уверен, что не увлекаются, дорогая коллега.

— Жизнь грустна, — вздохнула она.

— Но, мадемуазель, у вас-то нет поводов для жалоб.

— Но я почему-то чувствую себя очень подавленно.

— Это понятно.

— Понятно? Почему?

— Вы легко ответите на этот вопрос, если внимательно и искренне исследуете свое душевное состояние.

— Думаю, что мне надоели наши товарищи по путешествию. Стыдно сказать, но я действительно не терплю женщин, доктор. Пассивные идиотки типа мисс Пирс приводят меня в ярость, а активные, например леди Вестхолм,— и того хуже.

— Можно было предвидеть, что обе только что названные особы будут вас раздражать. Леди Вестхолм идеально соответствует образу жизни, типичному для политических деятелей, и шествует от успеха к успеху. Мисс Пирс много лет ухаживала за младенцами. Потом получила небольшое наследство и благодаря этому обрела материальную независимость. В настоящее время она имеет возможность путешествовать, и, по всем признакам, забава эта ей пока еще не осточертела. Вполне естественно, что женщина, которой в последнее время не везло, будет ощущать неприязнь к лицам, всецело удовлетворенным собой и своей жизнью. Это абсолютно в порядке вещей.

— Пожалуй, вы правы,— согласилась с ним Сара довольно мрачно.— Вы обладаете талантом читать чужие мысли, это просто гениально! Я пыталась обмануть себя, а вы не позволили мне это сделать!

В эту минуту подошли остальные путешественники и драгоман. Казалось, что последний утомился куда сильнее своих подопечных. До самого Аммана он почти не раскрывал рта.

Дорога шла вверх по Иордану скалистым ущельем; тут и там виднелись группки цветущих розовых олеандров. В Амман прибыли к концу дня и после короткой прогулки к развалинам римского амфитеатра отправились спать. На следующее утро они должны были отправиться в путь пораньше, так как дорога занимала целый день.

Они выехали сразу после восьми, задумчивые, неразговорчивые. День был жаркий и душный, а в полдень, когда они остановились на импровизированный второй завтрак, зной стал просто невыносимым. Совместное заточение в тесном, горячем чреве автомобиля действовало всем на нервы.

Леди Вестхолм и доктор Жерар вступили в ожесточенный спор относительно методов борьбы с торговлей наркотиками. До Сары доносились только отдельные слова, однако мисс Пирс своим щебетанием старалась компенсировать эту утрату.

— О, путешествовать в обществе леди Вестхолм необычайно, необычайно интересно!

— Неужели? — кисло проговорила Сара, однако мисс Пирс, не обращая внимания на ее холодноватый тон, продолжала:

— Мне бесчисленное множество раз попадалась в газетах ее фамилия. Как чудесно, что в наше время женщина может участвовать в общественной жизни, влиять на нее и дать миру знать о себе. Я всегда радуюсь, когда женщины достигают таких высот.

— А почему? — спросила мисс Кинг с заметным раздражением.

Мисс Пирс широко открыла рот. Потом залепетала:

— Но... Простите, но это так приятно, когда женщине удается достичь... и вообще...

— А я с вами не согласна, — резко прервала ее Сара. — Я радуюсь, когда человек совершает поступок, заслуживающий уважения. А кто это будет, мужчина или женщина, право же не имеет значения.

— Да... Конечно... Если встать на такую точку зрения, то можно понять...

— Я прошу прощения за мою вспышку, — снова прервала ее Сара, на этот раз более мягким тоном, — но меня всегда раздражает противопоставление одного пола другому. Говорят: «Современная девушка деловита и серьезна». Ерунда, вот что это такое! Девушки бывают всякие — и такие, и иные. Есть мужчины сентиментальные и наивные, но есть также энергичные и рассудительные. Речь может идти только об отличиях интеллектов, а пол играет роль только в половой жизни.

Мисс Пирс слегка покраснела при упоминании о половой жизни и поспешила сменить тему беседы.

— Я не отказалась бы, пожалуй, от капельки тени, но все же, по моему мнению, пустыня великолепна. А вам нравится?

Мисс Кинг кивнула в знак согласия.

«А ведь пустыня действительно великолепна!» — подумала она. Величественная, исполненная покоя, она избавлена от суетливых человеческих существ и заботящих их проблем. В этот миг она вдруг ощутила, что снова свободна, что ей вовсе не обязательно забивать себе голову заботами о судьбе Бойнтонов, думать о людях, чей жизненный путь на короткое время соприкоснулся с ее путем, чтобы затем...

Здесь одиночество, пустота, безмерные просторы — од-

ним словом, покой!.. Но человек не был бы самим собой, если бы он мог просто наслаждаться покоем. Леди Вестхолм и доктор Жерар, покончив с вопросом о наркотиках, теперь беседовали о наивных девицах, изрядное число которых недавно было вывезено, как установил Интерпол, в аргентинские публичные дома. В своих тирадах француз не жалел острот и двусмысленностей, что страшно раздражало леди Вестхолм, которая, как и всякий маститый политик, была начисто лишена чувства юмора.

За час до захода солнца туристы наконец прибыли в Маан, где автомобиль немедленно был окружен мужчинами странного вида. После короткой остановки туристы тронулись дальше, и Сара, окидывая взглядом плоский горизонт пустыни, старалась угадать, где тут может быть горная крепость Петра. На протяжении многих миль не было видно ни одного холмика. Неужели цель их путешествия еще так далека?

Однако вскоре в деревушке Аин Муса они оставили машину, чтобы пересесть на ожидавших их довольно жалких кляч. Непромокаемый плащ стеснял свободу движений мисс Пирс. В противоположность ей леди Вестхолм предусмотрительно облачилась в брюки для верховой езды.

Проводники вывели всадников за пределы деревни и повели их по круто уходившей вниз тропинке, усеянной крупными булыжниками. Спуск был так крут, что двигаться приходилось зигзагами. Приближался закат.

После долгой и утомительной езды на автомобиле Сара была несколько ошеломлена, и эта конная поездка казалась ей чем-то нереальным, как будто все происходило во сне. Ей казалось, что они сходят в адскую бездну, спускаются в недра земли. Узкая тропа была проложена среди лабиринта пурпурных скал самой причудливой формы.

Зажгли фонари. Всадники с трудом протиснулись сквозь узкую горловину, и вдруг... Вдруг утесы расступились, и путешественники увидели перед собой широкий простор. Вдали мигали огоньки.

— Это лагерь, — объяснил один из проводников.

Лошади несколько оживились, насколько это было возможно для таких кляч, и прибавили шаг. Дорога шла теперь вдоль русла высохшего ручья, покрытого гравием. Стали видны два ряда палаток — один на дне котловины, другой выше, на скальном отвесе. Еще выше виднелись отверстия пещер.

Бедуины, обслуживающие лагерь, выбежали навстречу прибывшим туристам.

Сара изумленно вздрогнула. У входа в одну из пещер она увидела сидящую фигуру. Что это? Гигантское изваяние? Изображение какого-то божества? Нет!.. Это колеблющийся свет сообщал фигуре сверхъестественные размеры. Однако сама она, неподвижная, погруженная в самосозерцание, скорее всего действительно изображала неведомое недоброе божество.

Внезапно Сара узнала загадочную фигуру, и сердце в ее груди мучительно сжалось. Исчезло порожденное пустыней ощущение отрешенности, пустоты, блаженного покоя. Значит, петляющая тропинка привела ее сюда, в эту бездну, только для того, чтобы она увидела в мрачной впадине сидящую у входа в пещеру в позе первосвященника забытого культа... Чтобы увидеть миссис Бойнтон!

Глава 10

Миссис Бойнтон здесь, в Петре!

Сара механически ответила на заданный ей кем-то вопрос: хочет ли она ужинать немедленно — ужин уже готов — или предпочтет сперва умыться? И где она пожелает спать — в палатке или в пещере?

Она без колебаний выбрала палатку. Ее охватывала дрожь при одной только мысли о призрачной фигуре, стерегущей у входа в одну из пещер. Действительно, в этой женщине есть что-то нечеловеческое!

Она пошла за бедуином, состоящим, по-видимому, на службе у компании, одетым в штаны для верховой езды с большими заплатами и грязную старую куртку, решительно непригодную для использования. Голову его покрывал кефи с длинными фалдами, спадавшими на плечи, и черным шелковым шнуром на лбу. Сара обратила внимание на его легкие свободные движения, гордый независимый вид. Только европейская часть одежды бедуина была грязна и неряшлива. «Как зла и губительна наша цивилизация, — подумала Сара. — Если бы не она, то миссис Бойнтон и ей подобные не могли бы существовать. В обществе первобытных людей она, несомненно, была бы убита, а может, даже съедена...»

С присущим ей врожденным чувством самокритичности Сара отдавала себе отчет в том, что она просто утомлена и расстроена. Умывшись и попудрив лицо, девушка снова стала сама собой, сдержанной и уравновешенной, стыдя-

щейся мысли о том, что совсем недавно ее постигло поражение. Она пригладила гребнем свои непокорные черные волосы, искоса поглядывая на себя в маленькое мутное зеркало, насколько это позволял колеблющийся свет масляной лампы. Затем откинула брезент, закрывающий вход в палатку, намереваясь спуститься вниз, где была натянута большая полотняная маркиза.

— Мисс?.. Здесь?..— долетел до нее чей-то возглас, полный изумления и недоверия.

При звуке этого негромкого приглушенного голоса сердце Сары забилось сильнее. Она вдруг ощутила растерянность, даже испуг, одновременно отдавая себе отчет в том, что чувствует себя безмерно счастливой.

— Здесь? Вы здесь?..— повторил Реймонд Бойнтон.

Она обернулась и посмотрела ему в глаза. В них было выражение глубокого изумления. Это так... Но было в них также нечто другое, что вновь заставило ее оробеть и ощутить легкость во всем теле — безмерная радость. Могло показаться, что перед юношей возникло райское видение. Сара поняла, что не забудет этого взгляда до конца своих дней.

— Да, это я,— ответила она просто.

Он сделал шаг вперед, ошеломленный, еще не веря своим глазам. Потом схватил ее за руку.

— Да,— заговорил он.— Это вы. Действительно. В первый момент мне показалось, что я увидел призрак. Я так много думал о вас! — Несколько секунд он молчал.— Я вас люблю. Люблю с того момента, когда увидел вас в поезде. Я знаю и хочу, чтобы вы знали тоже, что это не я... Это нечто независящее от меня заставило меня так вести себя с вами... вести так грубо, так отвратительно. Видите ли, я не ответствен за себя в полной мере. Не отвечаю за себя даже теперь. Могу пройти мимо вас с равнодушным видом... Могу притвориться, что не узнаю вас. Но я хочу, чтобы вы знали, что не я... не я виновен в этом. Это нервы... Нервы, на которые я не могу положиться... Она говорит, чтобы я сделал то или другое, а я слепо слушаюсь. Это нервы... Я надеюсь, вы поймете меня. Вы можете презирать меня, но...

Она прервала его тихим, неожиданно ласковым голосом:

— Я не буду презирать вас.

— Но я заслуживаю презрения,— сказал он.— Я должен был как-то мобилизоваться и поступить как мужчина.

В ушах молодого врача прозвучало как бы эхо слов

доктора Жерара, но ответ ей продиктовали собственные чувства, которые придали ее голосу не только теплоту, но в равной мере и решимость:

— Теперь вы будете поступать именно так. Как мужчина.

— Вы так считаете?.. Правда?

— Вы будете отважны. Я уверена в этом.

Он выпрямился, поднял голову.

— Я буду отважен? Да! Именно этого мне не хватало. Храбрости!

Он вдруг наклонился, прижал к губам руку Сары и поспешно убежал.

Сара Кинг зашла под маркизу и обнаружила там своих товарищей по путешествию. Они сидели за столиком и ели, а драгоман объяснял, что сейчас в Петре кроме них находится еще одна экскурсия. Эти туристы приехали два дня назад и должны оставаться здесь до послезавтра. Они американцы. Старшая миссис — трудная женщина. Нелегко было ее сюда доставить. Пришлось нести на носилках. Носильщики говорили, что она очень тяжелая. Они здорово вспотели.

Сара расхохоталась. Действительно, вся эта история, если посмотреть на нее под определенным углом, выглядит в самом деле комично!

Толстый драгоман взглянул на нее с признательностью. Да, работу его легкой не назовешь... В течение дня леди Вестхолм трижды причиняла ему неприятности. В последний раз выразила протест по поводу предложенной ей постели, найдя ее неудобной. Очень хорошо, что хоть у одной туристки приятный, милый характер.

— А-а! — зазвучал глас леди Вестхолм. — Это те самые люди, которые жили в отеле «Соломон». Когда мы приехали сюда, я узнала мать. — Она обернулась к Саре. — Мне кажется, что вы разговаривали с ней в Иерусалиме?

Сара Кинг невольно покраснела. Как досадно! Но все же оставалась надежда, что леди Вестхолм не подслушала разговор полностью. «И что это тогда на меня накатило?» — снова подумала недовольная собой Сара.

Тем временем леди Вестхолм продолжала назидательно:

— В целом абсолютно неинтересное семейство. Надо полагать, из глубокой провинции.

Мисс Пирс причмокнула в знак подтверждения и согласия, а почтенная дама перешла к перечислению выдающихся американцев, с которыми она имела удовольствие познакомиться за последнее время.

Как всегда в здешних местах, в это время года стояла изнуряющая жара. Путешественникам было объявлено, что на завтрашнюю экскурсию придется отправиться очень рано.

Четверка туристов встретилась за завтраком. Никого из Бойнтонов под маркизой не было. Леди Вестхолм высказала очередное порицание в адрес компании по поводу отсутствия овощей: на завтрак пришлось довольствоваться чаем, консервированным молоком и яйцами, поджаренными на очень соленом беконе.

Когда после завтрака они двинулись в путь, леди Вестхолм с превеликим энтузиазмом принялась объяснять доктору Жерару, что такое витамины и какую роль они призваны сыграть соответственно ее собственной теории в деле возрождения рабочего класса. Потом со стороны лагеря кто-то окликнул их, пришлось остановиться, чтобы подождать пятого участника экскурсии. Мистер Джефферсон Коуп, слегка задыхающийся, с лицом, покрасневшим от напряжения, поднимался в гору, приближаясь к ним.

— Если вы позволите, господа, я хотел бы присоединиться к вашему обществу, — начал он. — Доброе утро, мисс, — приветствовал он Сару. — Я очень рад снова встретиться с вами, доктор Жерар. Так что вы, господа, скажете относительно всего этого? — Его рука описала широкий круг, охватывающий амфитеатр красных скал фантастических очертаний.

— Здесь чудесно и немного страшно, — отозвалась Сара. — Пейзаж какой-то сверхъестественный. Я всегда представляла себе этот пурпурно-розовый город как романтическое сновидение. Но Петра гораздо реальнее. А цвет скорее напоминает цвет свежей говядины.

— Именно так! — согласился мистер Коуп. — Именно тот цвет!

— И все равно здесь чудесно, — закончила девушка.

В сопровождении двух бедуинов они начали подниматься в гору. Проводники — высокие, смуглые — шли в своих подкованных сапогах уверенно и свободно, как будто не замечая скользких, осыпающихся камней. Незамедлительно возникли новые заботы. Мисс Кинг и доктор Жерар не испытывали страха высоты. Однако леди Вестхолм и мистер Коуп чувствовали себя не лучшим образом; что же касается мисс Пирс, то ее приходилось буквально на руках нести над обрывами. Глаза у бедняги были закрыты, лицо — сине-зеленое. Она непрерывно повторяла писклявым, плачущим голосом:

— Я никогда не могла смотреть вниз... Никогда не могла!..

Раз она даже заявила, что хочет вернуться, но когда взглянула сверху на спуск, то позеленела еще больше и сказала, что предпочитает идти вперед.

Жерар доброжелательно опекал ее. Теперь он шел за ней, держа свою трость горизонтально и тем символически ограждая ее от пропасти. Это неожиданно помогло, и бедняжка вскоре сказала, что импровизированные перила помогают ей преодолеть страх высоты.

Немного запыхавшаяся, Сара обратилась к драгоману Махмуду, который вопреки своей тучности не проявлял признаков усталости:

— Скажите, не возникают ли здесь затруднения, связанные с преодолением туристами этого подъема? Особенно для пожилых людей.

— Трудности бывают всегда, — с достоинством ответил Махмуд.

— И вы все равно берете всех на эту экскурсию?

Драгоман пожал плечами.

— Все хотят лезть на гору. Они же заплатили за то, чтобы посмотреть на это великолепие. Как же не дать им возможности это сделать? Бедуины хорошо знают свою работу...

Наконец путь стал легче. Сара глубоко вздохнула. Рассыпанные внизу скалы, кроваво-красные, причудливые по форме, создавали неповторимый пейзаж, единственный в своем роде. В чистом, словно хрусталь, утреннем воздухе они вздымались ввысь и словно исполинские идолы глядели на мир, распростертый у их стоп.

— Жертвенный алтарь... — произнес драгоман, указывая на место перед узкой расщелиной в скалах.

Сара отошла немного в сторону. Ей хотелось быть подальше от красивых фраз, легко слетавших с красноречивых уст Махмуда. Она села на большой камень, прижала ладонями непослушные черные волосы и бросила взгляд на чудесный мир, лежащий у ее ног. Через некоторое время она осознала, что кто-то обращается к ней, и услышала голос доктора:

— Да, здесь по-новому осознаешь смысл искушения, о котором говорится в Новом завете. Неудивительно, что Сатана водил Христа на гору, чтобы там предложить ему власть над миром за поклонение себе — власть над миром, расстилающимся внизу. «Если ты падешь к моим ногам и поклонись мне, все будет твоим...» — процитировал

он.— Мир может вызвать куда более сильное искушение овладеть им, если созерцать его с высоты.

Сара кивнула довольно равнодушно, и француз понял, что мысли ее бродят где-то в ином месте.

— Вы глубоко задумались над чем-то,— заметил он.

— Да...— Она повернула к нему лицо.— Я думала о том, что размещение здесь жертвенного алтаря было выражением глубочайшей идеи. Временами жертва бывает нужна, не правда ли? И, вообще, мы придаем жизни слишком большое значение. Смерть не является чем-то таким уж значительным, как мы полагаем.

— Если вы придерживаетесь такого мнения, то напрасно избрали нашу профессию. Для медика смерть всегда должна быть врагом номер один.

— Вероятно, вы правы... Да... Но иногда смерть позволяет разрешить проблему... Может даже явиться началом лучшей, более полной и полезной жизни.

— «И лучше будет для нас, если один человек умрет за народ, нежели весь народ сгинет»,— вновь процитировал француз.

Сара взглянула на него с удивлением.

— Я не имела в виду...— и умолкла, так как увидела приближающегося к ним Джефферсона Коупа.

— Это действительно великолепное зрелище! Клянусь! — заявил он воодушевленно.— Я очень рад, что не пропустил его. Миссис Бойнтон необычная женщина, в самом деле необычная,— продолжал он.— Удивляюсь, как она решилась на подобную поездку. Вот где сила характера, ничего не скажешь. Но должен признаться, что совместное путешествие с ней связано со многими сложностями. Здоровье у нее слабое, поэтому она не считается с другими людьми, что, впрочем, довольно естественно. Ей даже в голову не приходит, что ее дети могли бы пожелать иногда совершить какую-нибудь экскурсию или поездку без ее участия. Она так привыкла быть окруженной детьми, что даже не понимает...— Мистер Коуп не закончил фразы. На его приятном, добродушном лице появилось выражение озабоченности и тревоги.— Представьте себе,— сказал он негромко,— недавно я услышал о ней кое-что, заставившее меня задуматься.

Сара была погружена в собственные мысли. Голос американца звучал успокаивающе, словно звук отдаленного ручья.

— Что же вы услышали? — спросил Жерар.

— Сведения эти я получил от одной женщины, с кото-

рой познакомился в отеле в Тибериаде. Речь шла о молодой девушке, служившей некогда у миссис Бойнтон. Эта девушка была... ну... — Коуп запнулся, искоса бросил взгляд на Сару и продолжал, понизив голос: — Словом, она ждала ребенка. Миссис Бойнтон стало известно о ее состоянии. Она отнеслась к девушке очень доброжелательно. А потом, когда до родов оставалось несколько недель, внезапно вышвырнула ее за дверь. Выгнала из дома, как нашкодившую кошку.

Француз нахмурил брови.

— И это было... — начал он задумчиво.

— Да, да. Моя собеседница привела точные факты. Не знаю, какого мнения придерживаетесь вы, доктор, но я считаю, что это был поступок зверский и безжалостный. Не могу понять...

— А вы попытайтесь, — прервал его француз. — Без сомнения инцидент с молоденькой служанкой доставил миссис Бойнтон немало тайных наслаждений.

Коуп широко раскрыл глаза:

— Нет, доктор! Это невозможно, в это нельзя поверить, — заявил он с глубоким убеждением.

— Дорогой мистер Коуп, — сказал Жерар, — я посвятил годы изучению процессов, протекающих в человеческом мозгу, и многие из них могут показаться странными и невозможными. Не очень-то правильно замечать только светлые, добрые стороны человеческой жизни. Под внешней оболочкой банальнейших, избитых привычек повседневной жизни подчас можно обнаружить вещи странные, а иногда и страшные. Например, пристрастие к мучительству, вошедшее в обыкновение. Но и такими открытиями дело не кончается. Чаще всего затем выходишь на нечто большее, на неумное, заслуживающее сочувствия желание как-то выразить себя, привлечь к себе внимание. Тот, кто не сумеет удовлетворить эти желания, готов на все. Он изыскивает самые неожиданные пути и методы, чтобы достичь желаемого. Старается, чтобы другие признали его исключительность, считались с ним, а это ведет к извращениям в самых разнообразных проявлениях. Склонность к мучительству, равно как и иные подобные склонности, могут быть усилены так, что всецело завладеют данным лицом и...

Мистер Коуп сдержанно поморщился.

— А вы не преувеличиваете, доктор? — спросил он и ловко переменял тему разговора. — Какой здесь чудесный воздух, правда?

Француз усмехнулся и посмотрел на задумавшуюся Сару. Он подумал, что девушка сейчас очень похожа на молодого судью, который через минуту должен огласить приговор. Увидев плетущуюся к ним мисс Пирс, он поспешил отвернуться.

— Пожалуй, нам уже пора спускаться, — зашебетала она. — Бог мой! Я думала, что никогда не одолею этого спуска, но проводник сказал, что мы пойдем другой дорогой, которая несравненно легче... О, я хочу надеяться, что он не солгал...

Дорога, ведущая вдоль ручья, вообще-то тоже была усеяна скользкими, качающимися камнями, из-за которых каждый неосторожный шаг грозил переломом ноги, но по краю пропасти она не проходила. Компания вернулась в лагерь усталая, но с превосходным аппетитом, как раз к ленчу. Шел уже второй час дня.

Бойнтоны сидели за большим столом под маркизой и заканчивали трапезу. Леди Вестхолм вежливо обратилась к ним:

— Сегодня у нас было действительно интересное утро. Все-таки Петра — чудесное место.

— О да... Это так, — согласилась Кэрол, искоса поглядывая в сторону матери.

Снова воцарилось молчание. Леди Вестхолм, видимо, сочла, что выполнила свой долг перед обществом, и занялась едой. Новоприбывшие начали обсуждать планы на вторую половину дня.

— Может быть, отдохнем до вечера? — начала мисс Пирс. — Я думаю, что не стоит перегружать себя впечатлениями.

— Лучше еще немного погулять, — сказала Сара, обращаясь в основном к Жерару, — посмотреть окрестности. А как считаете вы, доктор?

— С удовольствием составлю вам компанию.

Миссис Бойнтон опустила ложку, и этот звук услышали все присутствующие.

— Я последую вашему примеру, — сказала леди Вестхолм, обращаясь к мисс Пирс. — Немного почитаю, вздремну часок. А попозже, может быть, совершу небольшую прогулку.

Медленно, при помощи Леннокса старшая миссис Бойнтон поднялась с кресла. С минуту она стояла неподвижно, потом обвела взглядом свое семейство.

— Вы должны собираться на прогулку.

— Без вас, мама?

Изумленные лица молодых Бойнтонов выглядели комично.

— Я не считаю свое участие необходимым. Посижу одна с книгой. Джинни, а ты ложись.

— Я не устала, мама. Я хотела бы пойти с ними.

— Нет, ты утомлена! И голова у тебя болит. Ляжешь спать! Я лучше знаю, что для тебя будет полезней.

— Но, мама, я...— Первые слова девушка произнесла вызывающе, с поднятой головой, но вдруг запнулась и опустила глаза.

— Глупости,— заявила мать.— Иди в свою палатку.

Опираясь на трость, старуха побрела из-под навеса, а молодые Бойнтоны поспешили за ней.

— Бог мой... Какие-то странные люди...— пролепетала мисс Пирс.— А что за цвет лица! Я имею в виду мать... Сине-багровый... У нее, должно быть, больное сердце, и такая поездка, наверное, для нее слишком утомительна.

Мысли замесались в голове Сары. «Она отпустила их на вторую половину дня... А ведь знает, что Реймонд хотел бы встретиться со мной. Почему она так поступает? Или это ловушка?»

Она размышляла об этом, направляясь к своей палатке, чтобы надеть свежий полотняный костюм. По сравнению со вчерашним вечером ее чувства к Реймонду несколько изменились, переросли в заботливую нежность. Неужели это любовь? Так страдать из-за кого-то, желать изменить его, вывести из состояния духовного оцепенения... Любой ценой! Да! Она любит Реймонда, и все происходит как в легенде о святом Георгии, только на этот раз роли поменялись. Она должна явиться избавителем опутанной цепями жертвы. А старуха Бойнтон — это дракон, дракон, неожиданная доброжелательность которого пробуждает самые худшие подозрения.

В начале четвертого мисс Кинг снова подошла к маркизе. Леди Вестхолм, одетая, несмотря на жару, в практичные брюки из твида, отдыхала в шезлонге. На ее коленях был разложен какой-то отчет. Доктор Жерар беседовал с мисс Пирс, которая стояла перед своей палаткой, держа в руках книгу с интригующим названием «В поисках любви», «трогательно повествующую о людских страстях и взаимных недоразумениях», как следовало из рекламки на обложке.

— Я полагаю, что ложиться спать сразу же после приема пищи не очень-то полезно,— говорила мисс Пирс.— Даже небезопасно, пожалуй. Пищеварение, как вы понимаете, это очень серьезное дело. Здесь, в тени марки-

зы, прохладно и приятно... О, мой бог! Как безрассудна эта старая женщина! Сидеть на солнце в такую жару!

Все взглянули вверх на склон скалы, где миссис Бойнтон, подобно неподвижной статуе Будды, сидела, как и в предыдущий вечер, у входа в свою пещеру. Кроме нее, поблизости не было видно ни одной живой души. Вся лагерная обслуга спала.

— Наконец-то добрая мамочка позволила детишкам повеселиться без нее,— сказал Жерар.— Или это один из ее новых сатанинских замыслов?

— Именно об этом я и размышляю,— сказала Сара.

— Вы ужасно осторожны,— усмехнулся доктор.— Ну, пойдете. Догоним ушедших.

Они отошли, оставив мисс Пирс наедине с ее захватывающим повествованием. За первым поворотом они догнали стайку молодых Бойнтонов, которые на этот раз производили впечатление людей спокойных и раскованных.

Вскоре они перестали дичиться, завязался непринужденный разговор, в котором приняли участие все — Леннокс с Нейдин, Кэрол и Реймонд, Джефферсон Коуп с сияющим от удовольствия лицом, а также Сара Кинг и доктор Жерар, присоединившиеся к обществу. Неожиданно всеми овладела веселость. Сара не искала уединения с Реймондом; она шла рядом с Кэрол и Ленноксом, который совсем по-мальчишески болтал с доктором. В некотором отдалении за остальными следовали Нейдин и мистер Коуп.

Общую гармонию нарушил француз, который уже через несколько минут начал запинаться; чувствовалось, что разговор он поддерживает с заметным напряжением. Наконец он остановился совсем.

— Прошу тысячу извинений, но, к сожалению, мне придется вернуться.

Сара внимательно посмотрела на него.

— Вас что-нибудь беспокоит?

— Да, меня лихорадит, поднялась температура. Я уже перед ленчем почувствовал, что меня начинает разбирать... — Малярия?

— Вы угадали. Память о Конго. Я возвращусь в лагерь, приму хинин. Надеюсь, что приступ не будет слишком сильным.

— Может, мне пойти с вами?

— Нет, нет! В палатке у меня дорожная аптечка... Грустная история! Только не принимайте это близко к сердцу, прошу вас.

Он повернулся и быстро зашагал по направлению к ла-

герю. Сара с минуту смотрела ему вслед, колеблясь, как ей лучше поступить, однако, когда ее глаза встретились с глазами Реймонда, она улыбнулась ему и забыла о французе.

Сначала все они держались вместе. Потом Сара и Реймонд несколько отстали от остальной компании. Теперь они шли вдвоем потом вскарабкались на склоны ущелья и наконец присели отдохнуть в тени причудливой скалы.

Некоторое время они молчали, потом Реймонд заговорил:

— Как ваше имя? Фамилию я знаю — Кинг. А имя?

— Сара.

— Сара... — повторил он. — Можно я буду так вас называть?

— Разумеется.

— Мисс Сара, расскажите мне что-нибудь о себе.

Прислонившись к выступу скалы, она начала рассказывать ему о своей жизни в графстве Йорк, о тете, которая воспитывала ее, о собаках, которые всегда жили в их доме... Потом он рассказывал о себе — неуверенно, отрывистыми фразами.

И снова наступила тишина. Рука Реймонда неуверенно скользнула к ее руке, и пальцы их переплелись. Они были счастливы.

Наконец, когда солнце уже начало клониться к закату, Реймонд тревожно вздрогнул.

— Мне пора возвращаться, — сказал он. — Но без вас... Мне нужно взглянуть на кое-что и кое-что сделать. Когда это будет позади и я докажу самому себе, что я не трусливая тварь, тогда... Тогда мне не стыдно будет обратиться к вам и попросить помощи. Она мне будет очень нужна. Думаю, что мне придется попросить у вас займы.

— Мне нравится, что вы настроены так решительно, — улыбнулась она. — Можете полностью на меня рассчитывать.

— Но прежде всего я должен покончить с этим... Сам.

— С чем?

Юношеское лицо Реймонда приобрело необычайно серьезное выражение.

— Я должен доказать свою храбрость. Теперь или никогда! — с жаром выпалил он и поспешно ушел.

Сара Кинг проводила его взглядом, несколько обеспокоенная смыслом его последних слов и тоном, каким они были произнесены. Да и весь он в последнюю минуту как-то напрягся, ушел в себя... Почти сразу же она пожалела, что не пошла с ним. Но ведь он со всей определенностью

сказал, что хочет быть один и сам должен совершить нечто, что позволит ему испытать обретенную отвагу. Что ж, он имеет на это право! Сара вздохнула: дай бог, чтобы он смог оправдать свои надежды...

Солнце уже заходило, когда лагерь снова появился перед ее глазами. Однако света еще было достаточно, чтобы Сара рассмотрела мрачную неподвижную фигуру, восседающую поодаль у входа в пещеру. Она невольно вздрогнула и поспешила пробежать по нижней тропинке к маркизе, где горел яркий свет.

Леди Вестхолм сосредоточенно вязала на спицах свитер из небесно-голубой шерсти. Мисс Пирс вышивала на скатерке узор из нежных незабудок, попутно выслушивая поучения касательно новейших конституционных реформ и судопроизводства в бракоразводных процессах. Обслуживающий персонал хлопотал, накрывая столы к обеду. В отдаленном углу расположились молодые Бойнтоны, занятые чтением.

Появился надутый толстый Махмуд и начал жаловаться. Во второй половине дня планировалась великолепнейшая экскурсия, но в лагере никого не было... Поломали ему всю программу...

Сара ответила ему, что все и так отлично провели время, а затем направилась к своей палатке, чтобы помыть руки перед едой. Возвращаясь обратно, она задержалась возле палатки Жерара и тихо позвала:

— Доктор!..

Не получив ответа, она заглянула внутрь и увидела, что француз лежит неподвижно. «Наверное, уснул!» — подумала Сара и бесшумно отступила.

Один из слугителей широким жестом указал на маркизу, давая понять, что обед готов. Она зашла под навес и обнаружила там все общество, за исключением доктора и миссис Бойнтон. За старухой тут же послали слугу. Не прошло и несколько минут, как под навес ворвались два бедуина и быстро заговорили по-арабски с Махмудом. Тот тревожно огляделся и поспешно выбежал из-под навеса. Под влиянием внезапного импульса Сара бросилась за ним.

— Что случилось? — спросила она.

— Абдул сказал, что старая госпожа заболела. Она не может двигаться.

Девушка ускорила шаг.

— Пойдемте туда. Проверим.

Вслед за Махмудом она вскарабкалась по крутой тропинке к пещере, перед входом в которую сидела непо-

движная фигура. Нагнувшись, Сара прикоснулась к распухшей руке, пытаясь отыскать пульс.

Когда она выпрямилась, бледность покрывала ее лицо. Поспешно возвратилась она к навесу и, задержавшись у входа, бросила взгляд на Бойнтонов. Потом заговорила, и голос ее звучал неестественно резко:

— С прискорбием должна уведомить вас, — сказала она, обращаясь к Ленноксу, старшему в семье, — что ваша мать скончалась.

Со странным, даже болезненным любопытством пробежала она взглядом по лицам пяти человек, которым это известие приносило освобождение.

Глава 11

Полковник Карбери улыбнулся через стол сидевшему напротив гостю и поднял бокал:

— Да здравствует преступление!

Глаза Эркюля Пуаро весело блеснули. Тост явно понравился ему. Он приехал в Амман с рекомендательным письмом от полковника Рейса. Полковнику Карбери было очень любопытно познакомиться со всемирно известным детективом, которого полковник Рейс, давний коллега Карбери по Интеллиженс Сервис, превозносил до небес. «Психологическая дедукция ультрачистой воды!» — так Рейс писал о расследовании маленьким бельгийцем загадочного убийства Шайтаны.

— О, я постараюсь показать вам все, что в этой стране стоит посмотреть, — продолжал полковник, теребя свои не слишком ухоженные усы.

Полковник Карбери был коренастым лысеющим мужчиной с мутноватыми светло-голубыми глазами. Одет он был довольно небрежно и совсем не производил впечатления кадрового военного. Он даже не был похож на сколько-нибудь пронизательного человека, однако все знали, что в Трансиордании это очень влиятельная фигура, а Пуаро, как никто другой, знал, сколь обманчивой может быть внешность.

— Вот, например, Джераш, — предложил Карбери. — Вас интересуют подобные вещи?

— Меня интересует все!

— Это отличная жизненная формула, — сказал Карбери и на минуту умолк. — Но скажите, пожалуйста, случается ли временами, что ваша профессия тяготит вас?

— Пардон?

— Иными словами, не случилось ли так, что вы приехали куда-нибудь отдохнуть, забыть о преступлениях, но вдруг там на вашей дороге оказывался труп?

— Да... Такое случилось. И не раз.

Полковник снова помолчал.

— Ну что ж...— он внезапно взглянул Пуаро прямо в глаза.— Видите ли, у меня здесь тоже имеется труп, который мне ужасно не нравится.

— В самом деле?

— Да. Здесь. В Аммане. Старая американка. Приехала с семьей в Петру. Понимаете? Утомительная дорога, жара, непривычная для нее в это время года, больное сердце и нагрузки, значительно большие, чем она предполагала. Сердечный приступ, и... конец.

— Здесь? В Аммане?

— Нет. В Петре. Тело перевезли сюда.

— Понятно.

— Естественная смерть, все сходится идеально. Словом, все в порядке, только...

— Что только?

Полковник почесал лысину.

— Только... только я вбил себе в голову, что ее прикончили родственники, члены семейства.

— А... Но почему вы так предполагаете?

Карбери ответил не сразу.

— Гадкая баба,— наконец констатировал он.— Не велика потеря. Она сыграла в ящик, но скорби по этому поводу не было. Напротив, казалось, что все этим удовлетворены. Но, видите ли, дьявольски трудно раздобыть доказательства, коль скоро семейство солидарно и в случае необходимости все врут согласованно, как нанятые. Ясное дело, нам совершенно ни к чему лишние заботы, какие-либо международные трения. Легче всего было бы просто не обратить на это должного внимания, оставить деяние без возмездия. Собственно, нет никаких оснований для того, чтобы начать следствие. В свое время знал я одного врача. Так он рассказывал мне, как подозревал, что того или иного из его пациентов преждевременно спровадили на тот свет. Он утверждал, что в подобных случаях, если не имеешь в руках чего-либо действительно надежного, лучше всего сидеть тихо. Иначе все рассеется, как дым, следствие будет прекращено, и единственное, что останется добропорядочному врачу, пекущемуся о правосудии, это пятно на его репутации. Так что, естественно, нет никакого

смысла... Но помимо всего... — Полковник снова поцарапал лысину. — Видите ли, я люблю порядок.

Узел галстука полковника сбилсся куда-то под левое ухо, рубашка, которую он носил, была потертой и выцветшей. И тем не менее Пуаро воспринял его последнюю фразу без улыбки. Он имел возможность надлежащим образом оценить методичность и сдержанную целенаправленность англичанина, когда речь шла о деле.

— Да. Я люблю порядок, — повторил Карбери. — Не выношу балагана.

Маленький бельгиец с уважением склонил голову. Подобное отношение к делу он понимал и поддерживал.

— Там не было врача?

— Их там было даже два. Но одного из них свалил приступ малярии, а другая — это молоденькая девушка, только со студенческой скамьи. Кончина этой женщины не вызвала у нее никаких сомнений, никаких подозрений. Старая женщина со слабым сердцем. Она уже давно принимала сердечные лекарства. Переутомление. Жара. Приступ. Скоропостижная смерть.

— И все-таки вас что-то тревожит, друг мой? — спросил Пуаро.

Полковник обратил в его сторону взгляд своих бледно-голубых, словно выцветших глаз.

— Вы слышали о французе по имени Теодор Жерар?

— Конечно. В своей области это знаменитость.

— Может быть. Но его теории — настоящий бред. Например, кто-то влюбился в судомойку и поэтому на тридцать восьмом году жизни заявил, что он архиепископ Кентерберийский. Не вижу в этом смысла и никогда не увижу, но связывать одно с другим этот парень умеет здорово.

— О, доктор Жерар — великий авторитет в деле определения глубоко скрытых патологических нарушений психики, — усмехнулся Пуаро. — Или он расценивает происшествие в Петре в подобном плане?

— Нет, нет, — живо запротестовал полковник. — Стал бы я держать в голове это происшествие, если бы все было так. Но здесь есть нечто такое, что я никак не могу понять, как, например, не могу понять одного из служащих у меня бедуинов, который способен вылезти из автомобиля посреди голой пустыни, пощупать рукой землю и с точностью до нескольких миль определить, где он находится. Это не магия, но нечто очень на нее смахивающее. Нет! Отчет доктора Жерара предельно прост и лаконичен. Факты и

только. Вероятно, он вас интересует? Уверен, что это так.

— Да, конечно.

— Отлично. Я телеграфирую Жерару, его доставят сюда, и вы из его собственных уст услышите все.

Полковник незамедлительно отправил машину за французом, после чего Пуаро спросил:

— Что за лица входят в это семейство?

— Фамилия их — Бойнтоны. Среди них двое сыновей умершей. Старший женат. Жена молодая, красивая. Она производит впечатление женщины спокойной и с головой на плечах. Еще две дочери. Обе красивы. У младшей совершенно расстроены нервы, но, возможно, это просто шок.

— Вы сказали — Бойнтоны... — Маленький бельгиец задумчиво наморщил лоб. — Интересно... Очень интересно.

Карбери вопросительно взглянул на детектива, однако Пуаро ничего не добавил, и полковник продолжал:

— Мамаша эта была настоящей ведьмой с чертовски противным нравом. Всех заставляла танцевать вокруг себя на задних лапках. Все домашние были в ее руках: никто из детей не имел собственного пенса.

— Очень интересно. Может быть, вы знаете, как она распорядилась относительно наследства?

— Да, знаю. Справлялся об этом от нечего делать. Наследство будет поделено между ними всеми, каждый получит равную долю.

— Понимаю. Так, значит, по вашему мнению, все они были в сговоре?

— Не знаю. В этом-то и все затруднения. Я не знаю, сговор ли это или просто внезапно возникший у кого-то из членов семьи умысел. А может, ничего такого и вообще не было. Я хотел бы услышать ваше профессиональное мнение и... О! Вот и доктор Жерар!

Француз вошел в комнату уверенно и быстро. Он пожал руку хозяину и с любопытством посмотрел на знаменитого детектива.

— Это месье Эркюль Пуаро, — представил детектива Карбери. — Мой гость. Мы как раз говорили об этой истории в Петре.

— Понимаю... — Жерар снова бросил взгляд на маленького бельгийца. — Вас заинтересовало это дело?

Пуаро развел руками с обреченным видом.

— Увы! — вздохнул он. — Человека интересуют все дела, связанные с его профессией.

— Это верно, — согласился француз.

— Выпьете, дорогой доктор?

Карбери налил виски и содовой в бокал, стоявший перед французом. Потом, с бутылкой в руках, взглянул на Пуаро, но тот отрицательно покачал головой.

— Так на чем мы остановились? — спросил полковник, поудобнее располагаясь в кресле.

— Похоже на то, — обратился Пуаро к Жерару, — что наш хозяин не вполне удовлетворен.

— И это по моей вине! — ответил француз. — Конечно, я могу и ошибаться. Помните, полковник, что ошибка вполне возможна.

— Ознакомьте, пожалуйста, месье Пуаро с фактами, — буркнул полковник.

Доктор коротко и сжато описал события, предшествующие поездке в Петру. Он охарактеризовал членов семьи Бойнтонов, отметил, что все они постоянно пребывали в состоянии нервного напряжения. Пуаро слушал его с величайшим вниманием.

Затем француз описал первый день пребывания в Петре и перешел к рассказу о своем возвращении в лагерь.

— На меня обрушился тяжелейший приступ малярии. Мне необходимо было сделать себе инъекцию хинина.

Пуаро понимающе покивал головой.

— Чувствовал я себя очень скверно. Кто болел малярией, тот знает это отвратительное сумеречное состояние. С трудом дотащился до палатки, но никак не мог отыскать там мою дорожную аптечку, которую, видимо, кто-то куда-то переложил. Когда же, наконец, отыскал ее, то не смог найти шприц. Пришлось попросту проглотить изрядную дозу хинина. Потом я лег. — Жерар сделал короткую паузу. — Смерть миссис Бойнтон была установлена только после захода солнца. Видите ли, она сидела в кресле в такой позе, что смерть не изменила ее положения. Факт смерти установил один из слуг, который в половине седьмого пошел пригласить ее на обед.

Француз подробно описал расположение пещеры, подчеркнув ее удаленность от навеса.

— Мисс Кинг, — сказал он, — закончившая только что обучение на медицинском факультете, осмотрела труп. Меня она не позвала, так как знала, что я болен. Так что с уверенностью можно утверждать, что между смертью миссис Бойнтон и моментом обнаружения тела прошло некоторое время.

— Какое именно? — вмешался Пуаро.

— Мне кажется, мисс Кинг не обратила особого внимания на этот вопрос. Понимаете, не придавала ему значения.

— Но потом удалось установить, когда миссис Бойнтон видели живой в последний раз? — спросил детектив.

Полковник откашлялся и вытащил документ внушительного вида.

— Сразу же после четырех, — начал он, — два человека разговаривали с миссис Бойнтон. Это леди Вестхолм и мисс Пирс. Леннокс Бойнтон говорил с матерью приблизительно в половине пятого. Его жена подошла к свекрови минут через пять. Затем Кэрол Бойнтон перебралась с матерью несколькими словами, но определить более или менее точно время этого разговора не удалось. По показаниям других лиц это произошло где-то около пяти, может быть, в десять минут шестого.

Американец Джефферсон Коуп, хорошо знакомый с Бойнтонами, видел старуху, когда возвращался в лагерь с леди Вестхолм и мисс Пирс; ему показалось, что она погружена в сон. Он не обращался к ней. Это было приблизительно в сорок минут шестого. Можно предположить, что младший сын, Реймонд, последним видел мать в живых. После возвращения с прогулки он подходил к ней и разговаривал с ней; это было примерно без десяти шесть. В половине седьмого слуга отправился напомнить миссис Бойнтон об обеде и нашел ее мертвой.

— А в промежуток времени между визитом Реймонда и шестью тридцатью никто не приближался к миссис Бойнтон? — спросил Пуаро.

— Похоже на то.

— Но кто-нибудь мог туда пройти, не так ли? — осведомился детектив.

— Не думаю. В шесть часов и позже прислуга сновала по лагерю. Люди входили в палатки и выходили из них. Никто, однако, не видел, чтобы кто-либо подходил к миссис Бойнтон.

— Следовательно, Реймонд последним видел мать живой? Вы в этом уверены, так? — спросил маленький бельгиец.

Жерар и Карбери обменялись быстрыми взглядами. Полковник забарабанил пальцами по столу.

— Вот тут-то и начинается муть, — сказал он. — Что ж, мы слушаем вас, доктор Жерар. Нынче ваш бенефис.

— Как я упоминал, мисс Кинг обследовала тело миссис Бойнтон. Однако она не предполагала, что точное установление момента смерти имеет существенное значение. Она сказала только, что смерть наступила «некоторое время назад». Но на следующее утро, когда я попытался

более точно установить ход событий и сказал, что Реймонд последним видел мать живой, мисс Кинг заявила, что это невозможно, так как в это время миссис Бойнтон уже была мертва.

Пуаро задумчиво наморщил лоб.

— Странная история! Весьма странная... А что показал мистер Реймонд Бойнтон?

— Он клянется, что в то время его мать была жива, — сказал полковник. — Говорит, будто подошел к ней и сказал, что уже вернулся и надеется, что она приятно провела время. Как он утверждает, она в ответ буркнула: «Все в порядке» или что-то в этом роде, и он тут же отправился в свою палатку.

— Это любопытно... Исключительно любопытно, — пробормотал Пуаро, а затем совсем другим тоном обратился к Жерару: — Скажите, месье доктор, в это время уже смеркалось?

— Как раз зашло солнце.

— Любопытно... А когда вы осматривали труп, доктор?

— На следующий день, утром. Около десяти часов.

— И какое у вас создалось мнение о времени смерти?

— После того, как прошло столько времени, трудно претендовать на точность. Ошибка во времени свободно может составить несколько часов. Если бы я давал показания под присягой, то мог бы только утверждать, что миссис Бойнтон умерла не менее двенадцати и не более восемнадцати часов тому назад. Как видите, эти данные ни на что не пригодны.

— Мы ждем продолжения, доктор, — подал голос Карбери. — Пусть месье Пуаро узнает все.

— Когда я утром проснулся и встал, то нашел шприц среди склянок в моей аптечке, стоявшей на столике. Вы, конечно, вольны утверждать, что накануне я просто проглядел его. Был в сумеречном состоянии, плохо соображал: озноб, высокая температура. Ведь и совершенно здоровый человек временами может часами искать и не находить предмет, лежащий на самом видном месте. Но я со всей определенностью утверждаю, что накануне вечером шприца там не было.

— Это еще не все, — проворчал хозяин.

— Еще два факта, которые, на мой взгляд, имеют определенный вес. На сгибе руки покойницы я обнаружил след словно бы от укола. Правда, ее дочь утверждает, что она укололась шпилькой и...

— Которая дочь? — вскинулся Пуаро.

— Кэрол.

— Рассказывайте дальше.

— И следующий важный факт. Когда я осматривал мою дорожную аптечку, то обнаружил, что заметно уменьшилось количество имевшегося там дигитоксина.

— Дигитоксин, насколько мне известно, — это сильный яд, вызывающий паралич сердца?

— Да. Его получают из дигиталис пурпуреа, или наперстянки обыкновенной. В этом скромном растении содержатся четыре исключительно сильнодействующих алколоида: дигиталин, дигитонин, дигиталеин и дигитоксин. Из них наиболее активен дигитоксин: его действие в шесть — десять раз сильнее, чем действие всех остальных. Дигитоксин широко фигурирует во французской фармакологии, тогда как в Англии его не применяют.

— Следовательно, большая доза этого препарата...

— Большая доза этого препарата, введенная внутривенно, повлечет немедленную смерть от паралича сердца, — продолжил француз. — Как установлено, уже четыре миллиграмма дигитоксина — доза, смертельная для взрослого человека.

— У миссис Бойнтон было больное сердце?

— Да. И в последнее время она принимала лекарства, содержащие дигиталис.

— Это чрезвычайно интересно, — тихо произнес маленький бельгиец.

— Вы хотите сказать, что ее смерть можно было бы приписать передозировке этого лекарства? — осведомился Жерар.

— Вполне возможно. Но я имел в виду нечто большее.

— Препараты дигиталиса обладают способностью накапливаться в организме. Это может серьезно затруднить трактовку результатов секции, если, конечно, она будет проведена.

Пуаро понимающе кивнул.

— Чистая работа, — сказал он. — Исключительно ловко устроено. С этим нельзя выступить перед судом. Это невозможно... Да, господа! Если это действительно убийство, то его можно назвать исключительно хорошо продуманным. Шприц подброшен на прежнее место. Женщина принимала лекарство, которое послужило орудием преступления. С другой стороны, сохраняется реальная возможность того, что мы имеем дело с несчастным случаем или ошибкой. О-ля-ля! Убийца имел голову на плечах! Есть тут и логика, и умение предвидеть, и воображение!

Не менее минуты Пуаро сидел в задумчивости. Потом внезапно выпрямился.

— Но одно обстоятельство сбивает меня с толку,— сказал он.

— Какое?

— Похищение шприца.

— Кто-то взял его,— быстро сказал доктор Жерар.

— Взял и вернул?

— Да!

— Странно... Очень странно,— вздохнул детектив.— Если бы не этот факт, все детали отлично подходили бы друг к другу.

Полковник взглянул на него не без удивления.

— Ну так что же? Каково мнение профессионала обо всем этом? Действительно ли мы столкнулись с убийством?

— Момент! — Пуаро поднял руку.— Так далеко мы еще не зашли. Нужно принять во внимание еще одно обстоятельство.

— Какое? Ведь мы ознакомили вас со всеми данными.

— Нет! Есть нечто, о чем вы узнаете от меня. От Эркюля Пуаро! — Он с усмешкой поглядел на два удивленных лица.— Забавно, не так ли? Вы, господа, изложили мне все, что знали об этом деле, но я могу прибавить к этому еще одно немаловажное показание, рассказав вам то, чего никто из вас не знает. А случилось вот что. Однажды вечером в отеле «Соломон» я подошел к окну, чтобы проверить, закрыто ли оно, и...

— Закрыто? — удивился Жерар.— Или открыто?

— Закрыто! — повторил решительно Пуаро.— Оно, конечно, было открыто, и я решил его закрыть. Я уже положил руку на задвижку, но на какой-то момент задержался. И тут до меня донесся голос, приятный мужской голос, в котором, однако, звучало сильнейшее нервное напряжение. Помню, я подумал, что легко узнал бы этот голос, если бы услышал его где-нибудь еще раз. И что же донеслось до моих ушей? О, весьма примечательная фраза! «Ведь ты понимаешь, что ее нужно убить?» — Пуаро сделал эффектную паузу.— Естественно, господа,— продолжал он,— что я в то время был далек от мысли попытаться связать подслушанную фразу с настоящим убийством. Я подумал, что ее произнес какой-то писатель или киносценарист, разрабатывающий сюжет. Но теперь я менее уверен, что дело обстоит столь безобидно. Или, точнее, я почти уверен, что тогда ошибался.

Последовала очередная эффектная пауза.

— Господа,— произнес Пуаро после минутного молчания,— я свидетельствую, что цитированные мною слова произнес молодой человек, которого я потом видел и голос которого слышал в холле отеля «Соломон». Как меня проинформировал служащий отеля, имя этого молодого человека — Реймонд Бойнтон.

Глава 12

— Реймонд Бойнтон! — воскликнул француз.

— Вы считаете, что это слишком неправдоподобно с точки зрения психологии? — спокойно спросил Пуаро.

— Нет. Этого я бы не сказал. Я удивлен, ошарашен. Признаю это. И знаете, почему? Потому что из всего семейства Бойнтонов именно Реймонд больше других вызывает подозрения.

Полковник Карбери вздохнул с таким видом, словно хотел сказать: «Ох уж мне эти пижоны от психологии!»

— Самое главное сейчас,— заметил он,— это как нам выкарабкаться из всей этой истории.

Жерар пожал плечами.

— Понятия не имею, как вы будете выбираться. Но уже сейчас ясно, что будет очень трудно с весомыми доказательствами. Вы можете быть абсолютно убеждены в том, что это убийство, однако доказать это в суде будет весьма нелегко.

— Вот, вот! — вскричал Карбери.— Мы подозреваем, что это убийство! И что же? Будем сидеть с опущенными руками? Не знаю, как вам, а мне это не по нраву,— заявил он и закончил обычным рефреном: — Я тут люблю порядок.

— Знаю и понимаю,— подхватил детектив.— Ясно, что вы хотите все упорядочить, дознаться в подробностях, что и как происходило. Ну, а вы доктор? Вы сказали, и вероятнее всего вы правы, что у нас будут затруднения с доказательствами. Так что же, по вашему мнению, это дело следует оставить?

— Миссис Бойнтон,— неуверенно ответил француз,— в самом деле была очень и очень больна. Во всяком случае она могла вскоре умереть. Через неделю... через месяц... через год.

— Следовательно, это дело лучше бросить?

— Не подлежит сомнению,— сказал доктор,— что... как бы это сформулировать?... Эта смерть в общественном аспекте в общем-то даже полезна. Она принесла свободу

детям миссис Бойнтон, людям вполне порядочным, вызывающим симпатию. Теперь они смогут нормально развиваться, станут полезными членами общества. Иными словами, последствия этой смерти могут быть только благотворными.

— А посему, по вашему мнению, дело это надлежит оставить? — настойчиво повторил Пуаро.

— Нет! — Француз неожиданно стукнул кулаком по крышке стола. — Я не придерживаюсь мнения, что дело это следует оставить, как вы выразились. Профессиональный долг требует от меня охранять всякую, любую жизнь. Хотя мое сознание снова и снова повторяет, что эта смерть была полезной, мое подсознание восстает против такого утверждения. Нехорошо, господа, когда человек умирает раньше положенного ему срока.

Пуаро сдержанно улыбнулся. Он был доволен ответом, который так терпеливо подготавливал.

— Значит, вы не одобряете убийства, — холодно констатировал хозяин дома. — Правильно! Я тоже. — Он встал и, поскольку бокалы гостей были наполнены, налил виски с содовой только себе. — А теперь возвратимся к сути дела. Как поступить нам с этим фактом, выпавшим на нашу долю? Ясно, что пилюля эта нам не по вкусу. Согласен. Но тем не менее, возможно, нам придется ее проглотить. Хотя вообще-то создавать суматоху, из которой едва ли что выйдет, не слишком прибыльное дело.

Пуаро некоторое время молчал. Он автоматически передвинул на столе две пепельницы, чтобы они стояли совершенно симметрично, сложил аккуратный столбик из использованных спичек.

— Вы хотите узнать, полковник, кто убил миссис Бойнтон? — проговорил он наконец. — Разумеется, если она была убита, а не умерла естественной смертью. Вы хотите установить точно, как и когда она погибла или, другими словами, узнать всю правду?

— Да. Но, видимо, мы с этим основательно застряли.

— И я не вижу причин, — словно не слыша слов полковника, продолжал Пуаро, — которые препятствовали бы этому.

Доктор взглянул на детектива с недоверием. Карбери сохранял спокойствие.

— Так... Вы, значит, не видите причин! Это интересно... И каким путем думаете вы подойти к раскрытию этого дела?

— Путем методичного анализа показаний и логических умозаключений.

— Это ответ мне,— кивнул хозяин.

— А также путем изучения психологических мотивов,— добавил Пуаро.

— А это ответ доктору Жерару. Ну, а что потом? Вы методически проанализируете показания, построите логические умозаключения, не забудете о психологии... И что? Вытащите кролика из цилиндра.

— Я буду искренне удивлен, если мне это не удастся,— ответил маленький бельгиец совершенно спокойно.

Полковник внезапно оторвал взгляд от своего бокала и в упор посмотрел в лицо Пуаро. Теперь глаза его не казались мутными. Они стали быстрыми, оценивающими. Он буркнул что-то и отставил бокал.

— Что вы на это скажете, доктор?

— Признаюсь, что я скептически отношусь к возможности успеха. Но месье Пуаро — это фигура!

— Да, я достаточно талантлив,— «скромно» согласился детектив.

Хозяин отвел взгляд от лица Пуаро и сдержанно закашлял.

— Прежде всего необходимо установить, готовили ли Бойнтонны преступление совместно или его совершил кто-то из них в одиночку. Если справедливо последнее, будем решать, кто мог бы быть наиболее вероятным исполнителем этого.

— Если учесть ваше сообщение,— вступил в разговор Жерар,— то первым подозреваемым является Реймонд Бойнтон.

— Верно! — согласился детектив. — На это место его выдвигают слова, сказанные им в отеле «Соломон» и подслушанные мною, а также расхождения между его показаниями и показаниями той молодой девушки с медицинским образованием. Он последним видел жертву живой. Так говорит он сам. А Сара Кинг,— ее ведь так зовут? — категорически отрицает это. Скажите, доктор, эта пара... как бы лучше выразиться... они проявляют взаимный интерес друг к другу?

— Несомненно,— подтвердил француз.

— Мисс Кинг — это брюнетка с карими глазами и волосами, зачесанными вот так? — Пуаро движением руки пояснял свои слова. — Такая молодая и очень энергичная особа?

На лице Жерара отразилось удивление.

— Да. Описание точное.

— Мне кажется, что я и ее видел в отеле «Соломон».

Она разговаривала с Реймондом, который потом оцепенел перед лифтом, словно увидел сон наяву. Мне пришлось трижды повторить «пардон», прежде чем он услышал и освободил дорогу.— Пуаро на минуту задумался.— А отсюда следует, что к высказываниям вашей молодой коллеги мы должны отнестись с определенной осторожностью. Мисс Кинг — сторона заинтересованная. Месье доктор, принадлежит ли Реймонд, по вашему мнению, к тому типу людей, которые по своему психологическому складу могут решиться на убийство?

— Вы имеете в виду предумышленное убийство? Да. Считаю это возможным, но только в условиях сильнейшего нервного потрясения.

— Такие условия имели место?

— Несомненно. Поездка за границу усилила эмоциональную возбудимость молодых Бойнтонов. Контраст между их жизнью и жизнью других людей высветился при этом особенно отчетливо. Это очевидно. Ну, а если речь идет о Реймонде...

— Я вас слушаю, доктор.

— Тут дело еще больше осложняется, если учесть его интерес к Саре Кинг.

— Мы имеем, стало быть, дополнительный мотив и дополнительный стимул, не так ли?

— В том-то и дело!

Полковник еще раз откашлялся.

— С вашего позволения, господа, я вмешаюсь в вашу беседу,— сказал он.— Фраза «Ведь ты понимаешь, что ее нужно убить?» должна была быть кому-то адресована.

— Точно подмечено! — одобрил Пуаро.— Не будем об этом забывать. К кому же обращался Реймонд? Несомненно, к кому-то из родных. Доктор, не могли бы вы сообщить нам что-нибудь об эмоциональном состоянии остальных молодых Бойнтонов?

— Кэрл,— ответил без промедления француз,— находилась на грани нервного срыва и, как и Реймонд, была близка к бунту. Но на ее поведение не оказывали влияния какие-либо сексуальные стимулы. Леннокс уже миновал период, когда он был способен восстать. Он погружен в апатию. Мне кажется, что он уже не способен сосредоточить мысли на чем-нибудь определенном; даже такая задача ему не по силам. На происходящее вокруг него он реагирует только тем, что сильнее замыкается в самом себе. Настоящий интроспективный тип, могу утверждать с полной определенностью.

— А его жена?

— Она, несомненно, измучена и утомлена этой жизнью, чувствует себя несчастной, однако, могу сказать с уверенностью, что Нейдин Бойнтон не обнаруживает каких-либо признаков нервных или психических расстройств. Полагаю, сейчас она колеблется в выборе какого-то решения.

— Какого? — спросил детектив.

— Оставить мужа или нет, — ответил француз и ознакомил присутствующих с содержанием своего разговора с Джефферсоном Коупом.

Пуаро понимающе покачал головой.

— А что вы скажете о младшей дочери? Ее имя Джиневра, не так ли?

Лицо доктора стало очень серьезным.

— По моему мнению, ее состояние внушает наибольшие опасения. У Джиневры Бойнтон начали обнаруживаться симптомы шизофрении. Она не смогла вынести повседневной жизни семейства Бойнтонов и поэтому прячется в мир своих фантазий. Она страдает манией преследования, и дело, к сожалению, зашло довольно далеко. Она внушила себе, что является особой королевской крови, что ее окружают враги, что она в опасности... Очень характерные признаки.

— Это очень опасно?

— Разумеется. Такое состояние зачастую приводит к маниакальному предрасположению к убийству. Больной убивает не потому, что он жаждет убийства, но в плане самозащиты. Он уверен, что убивает, чтобы не быть убитым, то есть в своей, так сказать, координатной системе поступает наиболее логично.

— Вы полагаете, следовательно, что Джиневра могла убить свою мать?

— Да. Однако я сомневаюсь, что объем знаний, которыми она располагает, позволил бы ей задумать и осуществить тот план, с результатами которого мы столкнулись. Не та эрудиция. Хитрости, к которым прибегают страдающие болезнями этого рода, обычно бывают очень наивными, их легко разгадать. Я почти уверен, что Джиневра избрала бы совершенно иную технологию.

— И все же не исключено, что она могла бы поступить именно так? — заметил Пуаро.

— Да, — согласился француз.

— А потом, когда убийство было совершено?.. Как вы

думаете, остальные члены семьи знают, кто виновен в этом?

— Они знали и знают! — неожиданно взорвался полковник. — Они что-то скрывают! Все! Уверен в этом.

— Значит, нужно, чтобы они рассказали нам все, что сочтут возможным сообщить, — заявил маленький бельгиец. — И покончим с этим.

— Допрос по форме? — забеспокоился англичанин.

— Нет, обычная беседа, — успокоил его Пуаро. — Обычно люди предпочитают говорить правду. Говорить правду легче, чем лгать. Тут не требуется находчивости, сообразительности, не нужно напрягать памяти. Можно солгать раз, можно солгать два, три, четыре раза, но невозможно лгать от начала до конца. Так что в конце концов правда все равно всплывет на поверхность.

— А ведь в этом что-то есть, — согласился хозяин. — Месье Пуаро, можно ли расценивать ваши слова, как согласие взять на себя расследование этого дела?

— Да. Однако внесем ясность в создавшееся положение. Вы желаете, чтобы я раскрыл правду, и я берусь это сделать. Но прошу вас помнить, что правда — это еще не доказательство, которое удовлетворило бы суд. Вы понимаете меня, полковник?

— Великолепно! Вы сообщаете мне правду, а я затем решаю, следует ли предпринимать дальнейшие шаги, памятуя о тех международных осложнениях, которые весьма возможны в подобных ситуациях. Но так или иначе, а эта история должна быть разгадана. Устраивать балаган я им не позволю!

Маленький бельгиец усмехнулся в усы.

— И еще одно, — продолжал Карбери. — Я не смогу дать вам много времени. Я не могу до бесконечности задерживать этих людей в Аммане.

— Достаточно задержать их на двадцать четыре часа, — холодно сказал детектив. — Вы будете знать правду завтра вечером.

Полковник смерил его быстрым взглядом.

— Вы так уверены в этом?

— Я знаю свои возможности, — с предельной ясностью ответил Пуаро.

Карбери, сбитый с толку столь явной хвастливостью, закашлялся в третий раз и машинально погладил свои усы.

— Ну, дело ваше, — закончил он разговор.

Глава 13

Сара Кинг внимательно присматривалась к детективу. Голова странной яйцеобразной формы, огромные усы, внешность денди и весьма подозрительно черные волосы. Неужели таков этот знаменитый детектив? Видимо, сомнение отразилось в ее глазах.

— Ну и как, мадемуазель? Понравился ли я вам?

Она покраснела под ироническим взглядом маленького бельгийца.

— Извините меня,— пробормотала она неловко.

— Не за что. Но, должен признать, осмотр был капитальный.

— Вы могли бы ответить мне тем же,— слабо улыбнулась она.

— Разумеется. И не премину поступить именно так.

Она снова быстро взглянула на него. Что-то такое было в тоне последней фразы... Но Пуаро столь заботливо и нежно поглаживал усы, что она уже во второй раз подумала: «Это шут!» Она вновь обрела уверенность в себе и, выпрямившись в кресле, сказала:

— Мне не очень понятна цель нашего разговора.

— А разве наш высокочтимый доктор Жерар вам ничего не объяснил?

— Я не поняла и доктора Жерара тоже. Он полагает, как мне кажется, что...

— «Подгнило что-то в Датском государстве»*,— закончил Пуаро.— Как видите, мадемуазель, ваш Шекспир не чужд мне.

Однако Сара не отнеслась к Шекспиру с должным вниманием.

— Так в чем же, собственно, дело? — спросила она.

— В чем дело? Мне нужна правда о случившемся.

— Вы говорите о смерти миссис Бойнтон?

— Да.

— А может, это, так сказать, искусство ради искусства? Ведь вы специалист. Вполне понятно, что...

— Вполне понятно,— закончил за нее Пуаро,— что я подозреваю преступления повсюду, где имеется хотя бы малейший повод для этого. Вы это хотели сказать?

— Что-то в этом роде.

— Смерть миссис Бойнтон не породила у вас каких-либо сомнений?

* Шекспир В. Гамлет. Акт. 1. Сцена 4.

Она пожала плечами.

— Послушайте, если бы вы побывали в Петре, то поняли бы, что поездка такого рода слишком тяжела для человека в летах и с больных сердцем.

— Значит, по вашему мнению, все объясняется очень просто?

— Естественно. Кстати, вам следовало бы учесть состояние, в котором находился тогда доктор. Да он и не видел ничего. У него был приступ малярии. Я, конечно, признаю всю глубину его медицинской эрудиции. Это очевидно. Но в данном случае я не вижу никаких оснований для проведения следствия. Конечно, полиция может потребовать произвести вскрытие трупа в Иерусалиме... Если мое мнение вас не удовлетворяет.

Пуаро помолчал немного.

— Есть некий факт,— сказал он негромко,— который вам еще не известен. Доктор Жерар не упоминал о нем.

— Какой факт?

— Из его дорожной аптечки пропало значительное количество дигитоксина.

— О-о! — Мисс Кинг мгновенно поняла, в чем дело, и быстро нашла уязвимое место в этом заявлении.— А доктор Жерар абсолютно уверен в этом?

Маленький бельгиец пожал плечами.

— Вам, несомненно, известно, мадемуазель, что врачи, формулируя свои показания, бывают предельно осторожны.

— Разумеется. Это не требует комментариев. Но у доктора Жерара тогда был приступ малярии.

— Совершенно верно. У него был приступ малярии.

— А как он сумел определить, когда именно пропал дигитоксин?

— Вечером, после прибытия в Петру, он перебирал свою аптечку. У него разболелась голова, и поэтому ему понадобилась таблетка фенаcetина. На следующее утро он положил лекарство на место и закрыл аптечку. Он почти уверен, что все было на месте.

— Почти уверен?

— Вы сомневаетесь? Что же, это понятно. В подобной ситуации для каждого мыслящего человека сомнение является нормой.

— Понимаю. Люди слишком часто настаивают на своем, даже не будучи уверенными в своей правоте,— согласилась она.— И все же заявление доктора отнюдь не является прямой уликой. Мне кажется...

Вам кажется, что мое расследование является излишним.— Пуаро еще раз закончил за нее фразу.

— Говоря откровенно, да! Не кажется ли вам, что вы ищете в темной комнате черного кота, которого там нет?

— Конечно, конечно... Такая утрата, семья пережила потрясение, привычный уклад жизни нарушен, а этот Пуаро со своим несносным любопытством хочет поразвлечься следствием. Вы же это думаете?

— Я не хотела бы быть невежливой, однако вы близки к истине.

— Это значит, мадемуазель, что вы стоите на стороне Бойнтонов?

— Пожалуй. Эти люди и так уже достаточно вытерпели. Не следует продолжать мучить их.

— А мамочка была деспотична, неприятна, обременительна. Мертвая, она куда лучше живой, не так ли?

— Ну, коль скоро вы так формулируете...— Сара слегка покраснела.— Такие факты не следует принимать во внимание...

— Но ведь принимают и не так уж редко! Значит, одному можно, другому нет, смотря по тому, кого имеют в виду? Так вот, что я вам скажу, мадемуазель Кинг. Мне все равно! Жертва может быть воплощением всех добродетелей или сосредоточением всех пороков. Факт остается фактом. Человека лишили жизни. Я не раз повторял, что не одобряю убийств. Никаких!

— Убийство! — воскликнула Сара сдавленным голосом.— Но где же доказательства? Исчезновение лекарства? Но это грошовая улика. Сам доктор Жерар не может быть уверен в этом факте.

— Существует еще одна улика, мадемуазель, — сказал Пуаро спокойно.

— Какая?

— След укола на руке жертвы. И еще одна. Слова, которые я подслушал — случайно, конечно, — в Иерусалиме в одну погожую тихую ночь, когда закрывал окно своей комнаты в отеле. Вы хотите знать, что это были за слова? Реймонд Бойнтон сказал: «Ведь ты понимаешь, что ее нужно убить?» — закончил Пуаро и заметил, что при его последних словах кровь отлила от лица мисс Кинг.

— Вы действительно слышали это? — спросила она.

— Да.

Взгляд ее бесцельно устремился в пространство, потом она спросила снова:

— Именно вы?

— Именно я. Такие вещи иногда случаются, мадемуазель. Теперь вы понимаете, почему я считаю, что в данном случае расследование вполне оправдано?

— Да. Вы правы,— согласилась она неожиданно спокойно и деловито.

— И вы поможете мне.

— Разумеется.

— Благодарю вас, мадемуазель.— Он наклонил голову в поклоне.— Я попросил бы теперь, чтобы вы подробно рассказали мне о событиях того дня.

С минуту она молчала.

— Сейчас... Никак не сосредоточусь. С утра в тот день я была на экскурсии, в которой никто из Бойнтонов не принимал участия. Я увидела их впервые во время ленча. Миссис Бойнтон была в необычайно хорошем настроении.

— Насколько мне известно, она не отличалась доброжелательностью и отзывчивостью?

— До этого ей было далеко! — На лице Сары появилась гримаса неудовольствия. Потом она рассказала, как старуха неожиданно освободила семейство от их обычных повинностей.

— Это тоже было нетипично? Не так ли?

— Еще бы! Она всегда держала детей возле себя.

— Может быть, она решила сделать им приятное? Знаете, проблеск хорошего настроения...

— Ничего подобного! — решительно запротестовала она.

— Что же вы подумали тогда?

— Я растерялась, подозревая, что она играет с ними, как кот с мышью.

— Может быть, вы объясните подробнее?

— Кот, видите ли, охотно отпускает мышь, чтобы поймать ее снова. Точно так же поступила и миссис Бойнтон. Я подозревала тогда, что у нее созрел какой-то новый сатанинский план.

— Что происходило дальше?

— Семейство Бойнтонов вышло из лагеря...

— Все?

— Нет. Самая младшая, Джиневра, осталась. Мать приказала ей идти спать.

— Она согласилась охотно?

— Нет. Но у нее не было выбора. Остальная часть семейства ушла из лагеря, а доктор и я задержались...

— В котором часу? — перебил Пуаро.

— Около половины четвертого.

— Где тогда была миссис Бойнтон?

— Нейдин... жена старшего сына усадила миссис Бойнтон в кресло перед входом в пещеру.

— Продолжайте.

— За поворотом ущелья я и доктор Жерар догнали Бойнтонов. Дальше пошли вместе. Вскоре доктор сказал, что вернется в лагерь. Он выглядел неважно. Сразу чувствовалось, что у него высокая температура. Я предложила проводить его, но он наотрез отказался.

— В котором часу это было?

— Я не посмотрела. Видимо, около четырех.

— А остальная компания?

— Мы прошли немного дальше.

— Все вместе?

— Сначала да, но потом мы разбрелись, — ответила Сара и поспешила продолжить свой рассказ, как бы предвидя очередной вопрос: — Нейдин Бойнтон и мистер Коуп пошли по одной тропинке, Кэрл, Леннокс, Реймонд и я — по другой.

— Все время так было?

— Нет... Реймонд и я вскоре отстали. Присели на камень, чтобы полюбоваться диким, исключительно своеобразным пейзажем. Потом он ушел, а я еще несколько минут оставалась на этом месте. В половине шестого я взглянула на часы и решила, что пора возвращаться. В шесть я уже была в лагере.

— Проходили ли вы поблизости от миссис Бойнтон?

— Да. Я заметила, что она по-прежнему сидит в кресле.

— Вас не удивило, что она сидит неподвижно?

— Нет. Точно также она сидела и в предыдущий вечер.

— Понятно. Продолжайте, пожалуйста.

— Я заглянула под навес, где уже находились все, кроме доктора Жерара, и пошла в свою палатку, чтобы умыться. Вскоре я присоединилась к остальным. Как раз подавали обед, и один из служащих вышел, чтобы пригласить к столу миссис Бойнтон. Вскоре он вернулся и сказал, что старая госпожа заболела. Я поспешила к ней. Она по-прежнему сидела в кресле, но было достаточно дотронуться до нее, чтобы убедиться, что она мертва.

— Вы тогда не заподозрили, что она могла умереть насильственной смертью?

— Ни в коей мере. Нам не раз подчеркивали, что больные, страдающие сердечной недостаточностью, могут скончаться мгновенно и в любой момент.

— Вы полагаете, что она умерла, сидя в кресле?

— Да.

— И не позвала на помощь?

— Нет. Такое нередко встречается. Она могла даже задремать и умереть во сне. В лагере в это время почти все спали. Пожалуй, даже если бы она громко позвала на помощь, никто бы не услышал ее.

— Определили ли вы, как давно могла наступить смерть?

— Я не очень-то задумывалась над этим. Однако нет никакого сомнения, что к моменту обнаружения миссис Бойнтон уже некоторое время была мертва.

— Что значит «некоторое время»?

— По-видимому, около часа. Но смерть могла наступить и значительно раньше. Нагретые солнцем скалы должны были препятствовать нормальному остыванию тела.

— Здесь какое-то противоречие. Известно ли вам, что мистер Реймонд разговаривал с матерью чуть раньше шести? Стало быть, в это время она еще была жива?

Сара Кинг опустила глаза, однако отрицательно покачала головой.

— Он, несомненно, ошибся. Смерть наступила значительно раньше.

— Нет, мадемуазель. Он не мог ошибиться.

Сара в упор посмотрела на детектива. Пуаро обратил внимание на то, как решительно вдруг сжались ее губы.

— Я молодой врач, — сказала она, — и у меня нет достаточного опыта, особенно в вопросах судебной медицины и исследования трупов. Но я знаю достаточно, чтобы с полной уверенностью утверждать, что когда я подошла к трупу, миссис Бойнтон была мертва по крайней мере час.

— И на этом заявлении вы, конечно, будете настаивать! — заметил Эркюль Пуаро.

— Потому что это правда, — закончила Сара.

— Но тогда как вы можете объяснить, почему мистер Бойнтон говорит, что его мать была жива в то время, когда на самом деле она была мертва?

— Понятия не имею. У всех этих Бойнтонов типичное нервное истощение. Может, он не в состоянии точно определить время?

— У вас было много случаев поговорить с ними?

Она помолчала, задумчиво морща лоб, потом сказала:

— Эти случаи можно сосчитать точно. По пути в Иерусалим я разговаривала с Реймондом в коридоре спального вагона. Далее у меня было два разговора с Кэрл: один во

внутреннем дворике мечети Омара, другой — поздно вечером в моем номере. На следующее утро я обменялась несколькими словами с Нейдин Бойнтон. И это все вплоть до того часа, когда миссис Бойнтон-старшая осталась в лагере, а мы отправились на прогулку.

— А с самой миссис Бойнтон вы не разговаривали? Она смутилась и покраснела.

— Вообще-то... да... Я говорила с ней, правда, очень недолго, перед ее отъездом из Иерусалима. — Она замолчала, потом добавила неуверенно: — И ужасно тогда наглушила.

— Неужели?

Сара не сомневалась, что эта беседа фактически является допросом. Поэтому она нехотя и сухо передала содержание злополучного разговора, состоявшегося в холле отеля. Пуаро явно заинтересовался и не скупился на дополнительные вопросы. Его интересовали все детали.

— Образ мышления миссис Бойнтон имеет в этом деле первостепенное значение, — пояснил он. — Вы же лицо постороннее, объективный наблюдатель. Поэтому ваше мнение о покойнице для нас весьма существенно.

Сара не ответила. При одном воспоминании об этом разговоре ей стало не по себе.

— Благодарю вас, мадемуазель, — сказал детектив. — Теперь попробую побеседовать с другими свидетелями.

Сара поднялась с кресла.

— Извините, но если бы вы позволили мне высказать свое мнение...

— Конечно! Я вас слушаю.

— Может, было бы лучше отложить это до того времени, когда по результатам вскрытия вы узнаете точно, имеются ли какие-нибудь основания для подозрений?

Маленький бельгиец величественно поднял руку.

— У Эркюля Пуаро свои методы! — заявил он.

Мисс Кинг прикусила язык и быстро вышла.

Глава 14

Леди Вестхолм величественно всплыла в комнату — точь-в-точь линейный корабль, швартующийся в гавани.

Мисс Амабель Пирс — судно несравненно меньшего тоннажа — проследовала за дредноутом и заняла кресло на заднем плане.

— Вы, конечно, Эркюль Пуаро! — загрохотала высокопоставленная дама. — Я с огромным удовольствием помогу

вам, если это только в моих силах. Я всегда придерживалась мнения, что в подобных ситуациях долг гражданина обязывает...

Гражданский долг затянул монолог леди Вестхолм на несколько минут, пока наконец Пуаро не удалось вклиниться с вопросом.

— Да! — прозвучал ответ. — Я самым точным образом помню события второй половины того дня. Мисс Пирс и я охотно посодействуем вам во всем, наш долг велит нам оказать вам любую помощь.

— О да! — выдохнула мисс Пирс в состоянии, близком к экстазу. — Такая трагедия! Смерть в мгновение ока!

— Не пожелаете ли вы познакомить меня с ходом развития событий, мадам? — обратился маленький бельгиец к леди Вестхолм.

— Разумеется! Так вот, после ленча я решила позволить себе краткую сиесту. Утренняя экскурсия была немного утомительной. Это, конечно, не значит, что я ощущала усталость. Я редко ее чувствую и никогда ей не поддаюсь. О, если кто-то берет на себя бремя активного участия в политической жизни...

Пуаро поспешил перекрыть обрушившийся на него словесный водопад.

— Да, да! Я, как уже говорила, выступила за сиесту. Мисс Пирс поделила мое мнение.

— О да! — откликнулась мисс Пирс. — Утренняя экскурсия ужасно, ужасно утомила меня. Такой небезопасный подъем, очень небезопасный!.. Это интересно, но так истощает... Увы, я не так сильна, как леди Вестхолм!

— Значит, после второго завтрака вы разошлись по своим палаткам? — задал вопрос маленький бельгиец.

— Да.

— Миссис Бойнтон тогда сидела у входа в пещеру, в которой она обосновалась?

— Да. Невестка, прежде чем отправиться на прогулку, усадила ее там.

— Вы обе видели ее?

— О да! — поспешила ответить мисс Пирс. — Она расположилась как раз напротив нас, однако чуть в стороне и значительно выше.

Леди Вестхолм сочла нужным уточнить слова мисс Пирс.

— Пещера имеет выход, ведущий на скальную полку. Ниже, над руслом ручья, стоит несколько палаток, а за ними, еще ниже, находится навес — полотняная маркиза —

и опять палатки. Мисс Пирс и я занимали палатки рядом с маркизой: она с правой стороны, а я с левой. Палатки своим выходом обращены к скальной полке, но это довольно далеко.

— Что-то около двухсот ярдов,— заметил маленький бельгиец.

— Возможно.

— Вот план, который я набросал с помощью драгомана Махмуда.

Леди Вестхолм выразила мнение, что план, по всей вероятности, не точный.

— Этот человек,— назидательно протрубила она,— исключительно неаккуратен. Я сравнивала его объяснения с Бедекером и неоднократно убеждалась, что он допускает грубейшие ошибки...

— Как видно из моего эскиза,— Пуаро довольно удачно уклонился от обсуждения достоинств и недостатков Бедекера и Махмуда,— пещеру, соседствующую с пещерой миссис Бойнтон, занимал ее сын Леннокс с женой. Реймонд, Кэрл и Джиневра жили в палатках, стоящих ниже и несколько правее, почти на уровне маркизы. Палатку, расположенную справа от палатки Джиневры, занимал доктор Жерар. Его соседкой была Сара Кинг. Слева от маркизы находилась ваша палатка, мадам, а рядом с ней палатка мистера Коупа. Мисс Пирс, как вы уже упоминали, располагалась в палатке, стоящей справа от маркизы. Вы согласны со мной?

Леди Вестхолм неохотно буркнула, что насколько ей известно, дело обстояло именно так.

— Благодарю. Все совершенно ясно. Теперь я жду продолжения вашего рассказа.

Она покровительственно улыбнулась.

— Примерно в пятнадцать сорок пять я заглянула к мисс Пирс, чтобы узнать, не спит ли она и не хочет ли немного прогуляться. Она сидела у входа в палатку, погруженная в чтение. Мы условились, что выйдем на прогулку через полчаса, когда солнце не будет так палить. Я вернулась к себе и минут двадцать пять читала. Затем снова отправилась к мисс Пирс; она уже была готова, и мы с ней отправились незамедлительно. Было похоже на то, что весь лагерь спит, так как вокруг не было видно ни души. Когда мы проходили неподалеку от миссис Бойнтон, я предложила спросить у нее, не можем ли мы быть ей чем-нибудь полезны.

— Да, да! Именно это вы предложили! Я еще подумала

тогда, что вы всегда так заботитесь о людях! — зашебетала мисс Пирс.

— Я считаю это своим долгом, — скромно уведомила леди Вестхолм.

— А она обошлась с нами так грубо! — посетовала мисс Пирс.

Маленький бельгиец вопросительно взглянул на нее. Леди Вестхолм поспешила прокомментировать ее слова.

— Наша тропа проходила под скальной полкой, довольно близко. Я громко обратилась к миссис Бойнтон, сказала, что мы идем на прогулку. Я также спросила, не можем ли мы ей чем-нибудь помочь. Так вы представляете? Она только буркнула в ответ что-то невразумительное! Словно мы не люди, а мусор какой-то!

— Она отвратительно, отвратительно вела себя! — воскликнула мисс Пирс и залилась румянцем.

— Должна признаться, — продолжала знаменитая дама, — что тогда я позволила себе не совсем корректное замечание.

— Какое, мадам? — осведомился Пуаро.

— Я сказала мисс Пирс, что, по-видимому, эта женщина пьяна. В самом деле, ее поведение было просто удивительным. Правда, правда! Она с самого начала была такая странная, что в конце концов я подумала, не следствие ли это неумеренного потребления алкоголя, который...

Маленький бельгиец ловко перевел разговор на другую тему.

— Как вам кажется, поведение миссис Бойнтон в тот день отличалось от обычного? Ну, например, во время второго завтрака?

— Нет... Не думаю, — ответила леди Вестхолм после непродолжительной паузы. — Миссис Бойнтон вела себя совершенно обычно... То есть, как всегда, была малообщительна, что очень странно для американки.

— Она ужасно грубо обошлась с тем слугой, — добавила мисс Пирс.

— О да, теперь и я вспоминаю, — подхватила леди Вестхолм. — Слуга чем-то разгневал ее. Разумеется, прислуга, которая не говорит ни слова по-английски, ужасно раздражает, но в путешествиях надлежит проявлять терпимость и снисходительность.

— О каком слуге вы говорите? — спросил детектив.

— О бедуине из лагерной прислуги, который подошел к миссис Бойнтон. Вероятно, она послала его за чем-то,

а он принес не то, что нужно. Подробностей я не знаю, но миссис Бойнтон злилась ужасно. Бедняга умчался со всех ног, а она грозила ему тростью и что-то выкрикивала.

— Что?

— Мы были слишком далеко, чтобы расслышать. Я, во всяком случае, ничего не разобрала. А вы? — обратилась она к мисс Пирс.

— Я тоже. Думаю, она посылала его в палатку своей младшей дочери... Впрочем, кто знает?.. Может быть, она разгневалась именно потому, что он заглядывал в эту палатку. Трудно угадать.

— Как выглядел этот слуга?

Мисс Пирс беспомощно развела руками.

— По правде говоря, я не сумела бы его описать... Он был далеко, а для меня все бедуины на одно лицо.

— Это был мужчина выше среднего роста, — уверенно заговорила леди Вестхолм. — Голова его была покрыта покрывалом, как у них у всех. Одет он был в брюки для верховой езды, драные и во многих местах заштопанные... Нечто омерзительное! А обмотки он закрутил так небрежно, что они сползли ему на икры.

— Вы узнали бы этого человека?

— Сомневаюсь. Я ведь не видела его лица. Он был слишком далеко. А бедуины, как сказала мисс Пирс, все похожи друг на друга.

— Интересно... Очень интересно, — протянул Пуаро задумчиво. — Чем же это он мог так разъярить миссис Бойнтон?

— Эти люди вообще ужасно раздражают, — объяснила леди Вестхолм. — Один забрал мои туфли для чистки, хотя я совершенно ясно сказала ему... Жестами, разумеется... Сказала, что всегда делаю это сама.

— Неужели? Я тоже! — воскликнул Пуаро. — Всегда вожу с собой приспособление для чистки обуви! Ну что ж... — резко переменял он тему. — От этого человека мы сумеем узнать, чем рассердил он миссис Бойнтон. Пожалуйста, продолжайте, мадам...

— Мы медленно шли по тропинке и вскоре встретили доктора Жерара. Он едва держался на ногах. Я сразу же поняла, что у него лихорадка.

— Его так трясло! — внесла дополнение мисс Пирс.

— Я была уверена, что это приступ малярии, — продолжала именитая дама. — Я предложила вернуться вместе с ним и дать ему хинина. Но он сказал, что располагает собственным запасом лекарств.

— Бедняжка! — вздохнула мисс Пирс. — Вид больного врача всегда наполняет мою душу ужасом.

— Мы прошли еще немного и уселись на камнях...

— Я была страшно утомлена, просто измучена, — снова зашебетала мисс Пирс. — После утренней экскурсии... Такая тяжелая дорога!

— Я не знаю, что такое усталость, — заявила леди Вестхолм, — но идти дальше было просто ни к чему. С того места открывался прекрасный вид...

— А лагерь вы видели? — спросил детектив.

— Да. Лагерь лежал перед нами, как на ладони.

— Такая романтическая картина! — прошептала мисс Пирс. — Лагерь, расположенный в пустыне, окаймленный пурпурными утесами!

— Этот лагерь можно было бы расположить значительно удачнее, — охотно отступила от темы беседы леди Вестхолм. — Ну, ничего, я эти порядки поломаю, как только доберусь до туристического агентства! К тому же я не уверена, фильтруется ли питьевая вода, кипятится ли... Об этом тоже нужно будет поговорить.

Пуаро попытался задуть вопрос о питьевой воде в зародыше.

— А больше вы никого из туристов не встретили? — поспешно спросил он.

— Да. Старший мистер Бойнтон и его жена прошли мимо нас, когда возвращались в лагерь.

— Вместе?

— Нет. Первым прошел мистер Бойнтон. Он выглядел так, словно получил легкий солнечный удар. Шел он неуверенно. Даже немного пошатываясь.

— Что он делал, когда достиг лагеря?

На этот раз мисс Пирс сумела опередить леди Вестхолм.

— Он сразу же подошел к матери, но пробыл возле нее совсем недолго.

— Сколько времени?

— Может, минуты две.

— Я бы сказала, чуть больше минуты, — веско бросила леди Вестхолм. — Потом он направился к своей пещере и сразу же сошел вниз под маркизу.

— А его жена?

— Она прошла приблизительно через четверть часа. Приостановилась и обратилась ко мне очень вежливо, предупредительно.

— Это очень, очень приятная особа, — вставила мисс Пирс.

— Во всяком случае, не столь несносная, как остальные Бойнтоны,— высказала свое мнение леди Вестхолм.

— Вы наблюдали за ее возвращением в лагерь?

— Да. Она тоже подошла к миссис Бойнтон, а минуту спустя вынесла кресло из своей пещеры и уселась возле свекрови. Они разговаривали минут десять.

— А потом?

— Потом она занесла кресло обратно и спустилась к маркизе, где находился ее муж.

— Что происходило дальше?

— Подошел этот очень странный американец. Коуп, если я правильно запомнила фамилию. Сказал, что за поворотом есть очень интересный архитектурный памятник, типичный для Петры, который стоит посмотреть. Поэтому мы дошли до поворота.

— Это было ужасно интересно, ужасно! — снова вклинилась мисс Пирс.

— В лагерь мы вернулись без двадцати минут шесть или что-то около этого,— продолжила рассказ почтенная дама.

— Миссис Бойнтон продолжала сидеть на том же самом месте?

— Да.

— Вы с ней разговаривали?

— Нет. По правде говоря, мы почти на нее не смотрели.

— А потом?

— Я вошла в палатку, чтобы сменить обувь и взять китайский чай, который всегда пью. Под маркизой я застала одного из проводников и поручила ему заварить чай для меня и мисс Пирс. Он сказал, что обед подадут через полчаса и прислуга уже накрывает столы, а я ответила, что это отнюдь не препятствует выпить чашку чая.

— Был ли под навесом кто-нибудь еще?

— Конечно! Мистер Леннокс Бойнтон с женой и его сестра Кэрол. Они сидели в стороне и читали.

— А мистер Коуп?

— Он пил с нами чай,— поспешно ответила мисс Пирс.— Но он сказал, что чай после полудня не очень привычен для американца.

Леди Вестхолм откашлялась.

— Я немного опасалась, что мистер Коуп обременит меня, но он, как говорится, заинтересовался мной. Как часто во время моих путешествий мне бывает трудно удерживать людей на должном расстоянии! Некоторые бывают ужасно навязчивыми. Особенно американцы.

— Я полагаю, мадам,— заверил Пуаро,— что вы умеете справляться с любыми обстоятельствами.

— Думаю, что вы правы,— усмехнулась именитая дама, не заметив озорного блеска в глазах детектива.

— Не пожелаете ли вы продолжить ваш рассказ о событиях того дня?

— Разумеется. Насколько я припоминаю, Реймонд Бойнтон и эта рыженькая девушка подошли вскоре после меня. Явилась также мисс Кинг. Обед был готов. Драгоман отправил слугу за миссис Бойнтон. Слуга вернулся очень встревоженный и начал что-то говорить драгоману по-арабски. Кто-то сказал, что миссис Бойнтон заболела, и мисс Кинг — она ведь врач, хоть и молодой,— предложила свои услуги. Она вышла вместе с драгоманом, вскоре вернулась обратно и объявила, что миссис Бойнтон скончалась.

— Как было воспринято это известие?

Могло показаться, что женщины в первый раз несколько смешались. Первой заговорила леди Вестхолм, и голос ее звучал явно менее уверенно, чем раньше:

— Как восприняли известие?.. Ну... я не берусь ответить на такой вопрос... Пожалуй, довольно спокойно.

— Оно ошеломило их,— не совсем в лад добавила ее спутница скорее в форме предположения, нежели констатации факта.

— Все вышли следом за мисс Кинг,— продолжала леди Вестхолм,— а мисс Пирс и я предусмотрительно остались на месте.— В глазах мисс Пирс Пуаро уловил выражение легкого разочарования.— Ненавижу, когда суют нос в чужие дела. Это так вульгарно!

Разочарование, появившееся в глазах мисс Пирс, явно усиливалось и становилось все заметнее.

— Вскоре,— рассказывала леди Вестхолм,— возвратились мистер Коуп и драгоман. Я посоветовала, чтобы нам незамедлительно подавали обед, а Бойнтоны поедят позже, что позволит им избежать общества чужих людей, их стесняющих. Мое предложение было принято, и сейчас же после еды я удалилась в свою палатку. Точно так же поступили мисс Кинг и мисс Пирс. Мистер Коуп, насколько я помню, остался под маркизой. Но он приятель Бойнтонов. Наверное, думал, что сможет помочь им чем-нибудь. Это все, что мне известно.

— Мисс Кинг уведомила семью о катастрофе. Все ли Бойнтоны вышли тогда из-под навеса?

— Да... Нет! Теперь, когда вы задали этот вопрос, мне

кажется, что на месте осталась эта рыженькая девочка. Вы не помните? — обратилась она к мисс Пирс.

— Я... Я почти уверена, что она осталась.

— И что она делала? — спросил Пуаро.

Леди Вестхолм непонимающе взглянула на него.

— Что делала?.. Ничего, насколько я припоминаю.

— Может, она шила... читала... проявляла беспокойство?.. Или она даже ничего не сказала?

— Я не знаю... — Она задумчиво наморщила лоб. — Нет! Я почти уверена, что она просто сидела. Сидела, и все!

— И ломала пальцы! — вдруг вмешалась мисс Пирс. — Я это помню, так как подумала тогда: «Бедняжка, как остро она восприняла это!» Но, заметьте, ее лицо совершенно ничего не выражало! Она только сплетала и ломала пальцы. Вот я припоминаю, — продолжала она уже повествовательным тоном, — как однажды в подобном состоянии разорвала однофунтовый банкнот. Я тогда совершенно не соображала, что делала. Я мучительно решала, ехать мне или не ехать первым поездом, на какой удастся сесть. Ибо в тот день я получила известие о том, что бабушка моей тети тяжело заболела. А потом взглянула на свои руки и увидела, что вместо телеграммы рву на мелкие клочки однофунтовый банкнот.

Леди Вестхолм, явно не получившая особого удовольствия от лучшего номера из репертуара своей спутницы, обратилась к маленькому бельгийцу:

— Чем еще мы могли бы быть вам полезны?

Пуаро вздрогнул, как будто его вывели из глубокой задумчивости.

— Пожалуй, это все... Вы описали события предельно ясно и исчерпывающе.

— У меня неплохая память, — не без самодовольства констатировала леди Вестхолм.

— Да... И еще одна мелочь. Попрошу вас, мадам, минуту посидеть неподвижно, не оглядываясь. Не смогли бы вы подробно описать, во что одета сейчас мисс Пирс? Конечно, если мисс Пирс не будет возражать.

— О нет! Это очень, очень любопытно! — зашебетала та, несколько, впрочем, озадаченная.

— Но какую цель...

— Я буду очень признателен, если вы согласитесь выполнить мою просьбу.

Именитая дама пожала плечами и начала несколько обиженным тоном:

— Мисс Пирс одета в кретоновое платье в белую и коричневую полоску, схваченное в талии суданским поясом из красной, бежевой и голубой кожи. На ногах у нее бежевые шелковые чулки (на левой спущена петля) и блестящие сандалии из коричневой кожи. На шее она носит два ожерелья: одно из светлосапфировых стеклянных бусинок, другое из кроваво-красных. На ее голове шляпка из розового и светло-коричневого фетра.— Она сделала паузу и спросила холодно: — Может, я что-нибудь забыла?

— О нет, мадам! — Эркуль Пуаро красноречивым жестом возвел руки к небу.— Я удивлен, искренне удивлен, обнаружив у мадам такую поразительную наблюдательность. Мадам, это настоящий талант!

— Я редко ошибаюсь в деталях.

Леди Вестхолм встала и, равнодушно кивнув детективу, покинула комнату. Мисс Пирс с неудовольствием окинула взглядом свою левую ногу и тоже поднялась, но Пуаро неожиданно обратился к ней.

— Минуточку, мадемуазель, если вы будете столь любезны!

— Чем могу служить?

— Вы видите букетик цветов на этом столе?

— Вижу,— ответила она не без удивления.

— А вы заметили, что сразу же после вашего прихода я несколько раз чихнул?

— Да.

— Скажите, нюхал ли я эти цветы?

— Но я... Нет, или... Я не могу припомнить.

— Но вы помните, как я несколько раз чихнул?

— О да! Разумеется!

— Я хотел проверить, мадемуазель, вызывают ли эти цветы сенную лихорадку. Вообще же это неважно.

— Сенная лихорадка! — воскликнула мисс Пирс.— Знаете, одна моя кузина была настоящей мученицей из-за этой противной болезни. Так вот, она говорила, что ежедневное полоскание носа борной кислотой...

Не без усилий удалось Пуаро отвлечь мисс Пирс от демонстрации ее эрудиции в ларингологии и деликатно выпроводить из комнаты. Закрыв за ней дверь, он вернулся на свое место и глубоко задумался.

— Но я не чихал,— заверил он сам себя.— Вот ведь в чем загвоздка! Ни разу не чихнул...

Леннокс Бойнтон вошел в комнату спокойно и уверенно. Его походка была легка и свободна. Если бы доктор Жерар был сейчас здесь, он удивился бы перемене, которая произошла с молодым человеком. Его апатия исчезла, теперь он был оживлен, активен.

Эркюль Пуаро встал и церемонно поклонился вошедшему, на что Леннокс ответил довольно неловко.

— Добрый день, мистер Бойнтон,— начал детектив.— Я очень признателен вам за то, что вы согласились встретиться со мной.

— Полковник Карбери сказал, что... что так будет лучше всего... Он советовал мне поговорить с вами...

Пуаро заметил, что Леннокс нервничает, хотя и хочет казаться спокойным.

— Садитесь, пожалуйста,— сказал детектив. Он подождал, пока Леннокс устроится в кресле, только что освобожденном леди Вестхолм, после чего продолжил: — Ваша семья, несомненно, пережила внезапное и страшное потрясение.

— Да... Разумеется... Хотя, может быть, и не столь внезапное: мы давно знали, что у матери тяжелое сердечное заболевание.

— Но в таком случае следовало ли разрешать ей участвовать в этой поездке в Петру? Вы обсуждали этот вопрос?

— Моя мать решала все и за всех,— ответил Бойнтон.— И коль скоро она что-нибудь решала, то уже не обращала внимания ни на какие уговоры.

— Да, да,— согласился Пуаро.— Женщины в определенном возрасте часто бывают упрямы.

— Полковник упоминал о... о некоторых формальностях,— с раздражением произнес Бойнтон.— Это обязательно? И какова их цель?

— Вероятно, вы знаете, что в случае внезапной смерти определенные формальности неизбежны. И особенно в случае смерти необъяснимой.

— Почему эту смерть вы называли необъяснимой? Маленький бельгиец пожал плечами.

— В подобных случаях всегда возникает вопрос: или это естественная смерть, или... самоубийство.

— Самоубийство? — удивился Леннокс.

— Разумеется,— непринужденно ответил Пуаро,— вам лучше знать, возможно ли это. Полковник Карбери не

слишком хорошо ориентируется в создавшейся ситуации. А он должен решить, нужно ли начать расследование, произвести вскрытие трупа... разные такие формальности. Однако поскольку я здесь, а я располагаю обширным опытом в делах такого рода, полковник попросил меня провести несколько бесед, после которых я смог бы дать ему совет, как следует поступить дальше. Разумеется, он не хочет создавать вам никаких затруднений, если этого можно избежать.

— Я обращусь к нашему консулу в Иерусалиме! — резко бросил Леннокс.

— Это ваше право. Вы вольны поступать, как захотите.

Наступило молчание. Через минуту Пуаро беспомощно развел руками.

— Ну, если вы не желаете отвечать на мои вопросы...

— Ладно! — прервал его Леннокс. — Только... Все это представляется мне совершенно излишним.

— Я понимаю вас. Но речь идет о просто, так сказать, процедурной формальности. Насколько мне известно, в день смерти миссис Бойнтон вы во второй половине дня покинули лагерь в Петре и отправились на прогулку. Это верно?

— Да. Мы все пошли прогуляться... Все, за исключением моей матери и младшей сестры.

— Миссис Бойнтон сидела у входа в свою пещеру?

— Да. Она сидела там со второго завтрака.

— Я знаю. А когда вы все тронулись в путь?

— Пожалуй, сразу же после трех.

— А в котором часу вы возвратились с прогулки?

— Трудно определить точно... Часа в четыре, а может, и в пять.

— Иными словами, ваша прогулка продолжалась час или два?

— Около этого... Да.

— На обратном пути вы проходили мимо кого-нибудь?

— Мимо кого?

— Мимо двух женщин, сидевших на камне.

— Не припоминаю... Да, кажется, я их видел.

— Наверное, вы были слишком погружены в свои мысли, чтобы обращать внимание на мелочи?

— Действительно, это верно.

— После возвращения в лагерь вы разговаривали с матерью?

— Разговаривал.

— Она не говорила, что плохо себя чувствует?

— Нет. У меня создалось впечатление, что она в норме.
— Можно задать вам вопрос о содержании этого разговора?

Леннокс помолчал. Потом сказал:

— Мать сказала, что я пришел слишком рано, и я согласился с ней.— Он снова замолчал.— Она также сказала, что день был очень жарким. Потом спросила, который час, и добавила, что ее часы стоят. Я взял ее часы, завел, подвел стрелки и надел ей на руку.

— В каком часу это было? — спросил детектив.

— Что?

— На который час вы поставили часы миссис Бойнтон?

— А-а... На четыре тридцать пять.

— Следовательно, вы точно знаете, в какое время вернулись в лагерь? — с полным спокойствием заметил Пуаро.

Бойнтон слегка покраснел.

— Конечно же! Где была моя голова! Очень извиняюсь, но я как-то потерялся. Никак не могу собраться. Вы меня понимаете?

— Очень хорошо понимаю! И у вас есть к тому основания. Так что же было дальше?

— Я спросил мать, нет ли у нее желания выпить чего-нибудь... кофе... чаю. Она ответила, что ей ничего не нужно, и я пошел под тент. Там не было никого из слуг, но я сам отыскал содовую и утолил жажду. Потом уселся и начал читать старую газету.

— Ваша жена тоже пришла под навес?

— Да. Вскоре после меня.

— И больше вы не видели свою мать живой?

— Нет, не видел.

— Во время разговора с ней у вас не возникло впечатление, что она расстроена или угнетена?

— Нет. Она была такой же, как всегда.

— Она не вспоминала о каких-либо недоразумениях со слугами?

Леннокс явно удивился.

— С какими слугами? Ничего подобного она не говорила.

— И это все, что вы можете мне сказать?

— Пожалуй, все.

— Очень вам благодарен.

Пуаро слегка наклонил голову. Разговор был окончен. Однако Леннокс, подойдя к двери, казалось, заколебался.

— У вас нет никаких других вопросов?

— Нет. Я только прошу пригласить сюда вашу супругу.
Леннокс Бойнтон медленно вышел. Когда дверь за ним закрылась, маленький бельгиец быстро записал на листке лежавшего перед ним блокнота: «Л.Б.4.35».

Глава 16

Детектив с интересом взглянул на высокую, полную достоинства женщину, вошедшую в комнату, поднялся со своего кресла и галантно поклонился.

— Миссис Нейдин Бойнтон? Я Эркюль Пуаро. К вашим услугам.

Она села и открыто взглянула в лицо детектива.

— Надеюсь, вы не обидетесь на меня за то, что я беспокою вас в эти скорбные дни?

Она поглядела на него внимательно и смело, не торопясь с ответом.

— Я полагаю, что поступлю наиболее разумно, если буду предельно откровенна с вами,— сказала она после минутного молчания.

— Я уверен в этом.

— Вы упоминали дни скорби. Так вот, я отнюдь не испытываю никакой скорби и какое-либо притворство по этому поводу считаю бесцельным. Я не любила свекровь и, откровенно говоря, не переживаю по поводу ее смерти.

— Благодарю вас за искренность и доверие.

— Я не собираюсь предаваться печали, но, несмотря на это, ощущаю укоры совести.

— Укоры совести? — повторил он с удивлением.

— Да. Я ответственна за ее смерть и по этой причине чувствую себя виноватой.

— Вы говорите серьезно?

— Совершенно серьезно. Это я была причиной смерти моей свекрови. Намерения у меня были добрые, но результат оказался роковым. Я убила ее.

— Может быть, вы пожелаете объяснить свои слова? — Пуаро выпрямился в кресле.

— Разумеется.— Она наклонила голову.— Именно это я и намереваюсь сделать. Сначала я не хотела раскрывать мои личные дела, однако, поразмыслив, пришла к выводу, что будет лучше сказать всю правду. Я уверена, что вам не раз доводилось выслушивать признания весьма интимного характера.

— Естественно, мадам.

— Поэтому я прямо и искренне расскажу вам о том, что

произошло. Наша супружеская жизнь сложилась не лучшим образом. Вину за это я возлагаю не на мужа, а на его мать, на ее дурное влияние. Так или иначе, но с определенного времени я начала отдавать себе отчет, что долго не выдержу. — Она помолчала. — Окончательное решение я приняла после полудня в день смерти моей свекрови. У меня есть друг, очень близкий друг, который неоднократно настаивал, чтобы я связала свою судьбу с ним. Так вот, в этот день я приняла его предложение.

— Вы решили расстаться с мужем?

— Да.

— Продолжайте, мадам.

Нейдин несколько понизила голос.

— Когда решение было принято, я захотела безотлагательно внести ясность во все это дело. В лагерь я вернулась одна. Моя свекровь сидела на прежнем месте. Поблизости не было никого. Я решила сейчас же сказать ей всю правду. Принесла кресло, села рядом с ней и сказала ей все, что должна была сказать.

— Ваши слова застигли ее врасплох?

— Да. Как мне кажется, это было для нее чувствительным потрясением, если учесть особенности ее характера. Она удивилась и разозлилась. Да, она была очень зла, близка к ужасному взрыву! Я сказала, что этот вопрос не подлежит обсуждению. Потом встала и ушла. — Она слегка запнулась. — После этого я не видела ее живой.

Пуаро понимающе кивнул головой.

— Так... Понятно... Значит, вы полагаете, что это потрясение и явилось причиной ее смерти?

— Я почти уверена в этом. Утомительная дорога в Петру подорвала силы моей свекрови. Неожиданное известие и вызванное им возбуждение окончательно доконали ее. Моя вина усугубляется тем, что я училась на сиделку и должна была лучше, чем кто-либо другой, отдавать себе отчет в том, к чему все это может привести.

Детектив с минуту молчал. Потом спросил:

— Что вы сделали после того, как расстались с миссис Бойнтон? Расскажите поподробнее.

— Я отнесла кресло обратно в пещеру и пошла к маркизе, где находился мой муж.

— Вы именно тогда уведомили его о своем решении или он уже был информирован о нем? — задал вопрос Пуаро, внимательно наблюдая за ней.

Она ответила после чуть заметного колебания:

— Да, именно тогда я сказала Ленноксу о своем решении.

— Как он прореагировал?

— Он был совершенно выведен из равновесия,— быстро ответила она.

— Настаивал ли он, чтобы вы отказались от своего решения?

Она отрицательно покачала головой.

— Он почти ничего не говорил. Видите ли, с некоторого времени мы оба отдавали себе отчет в том, что нечто подобное может произойти.

— Прошу прощения за нескромный вопрос,— сказал Пуаро.— Этот друг, надо полагать, мистер Джефферсон Коуп?

Она кивнула в знак подтверждения.

После долгой минуты молчания детектив спросил, не меняя тона:

— У вас есть шприц?

— Да... То есть нет!

Пуаро соорудил удивленную мину, и она поспешила пояснить:

— У меня есть старый шприц, но он лежит в дорожной аптечке, которая со всем нашим багажом осталась в Иерусалиме.

— Понятно.

Снова наступила тишина. Затем Нейдин спросила несколько принужденно:

— Почему вы задали мне этот вопрос?

Детектив, однако, вместо ответа задал ей следующий вопрос:

— Миссис Бойнтон употребляла микстуру, содержащую дигиталис? Я не ошибся, правда?

— Да,— подтвердила она тоном, свидетельствующим, что теперь Нейдин решила быть предельно осмотрительной.

— Она принимала эту микстуру в связи с болезнью сердца?

— Да.

— Дигиталис является лекарством, способным накапливаться в организме. Вам это известно?

— Объем моих знаний относительно таких вещей очень невелик, но об этом я слышала.

— Если миссис Бойнтон приняла слишком большую дозу дигиталиса...— начал детектив, но она тут же прервала его:

— Это исключено! Она всегда была очень внимательна! Я, когда давала ей лекарство, тоже.

— А может, ошибся аптекарь и приготовил на этот раз слишком концентрированную микстуру?

— Это маловероятно,— сказала она спокойно.

— Ну что ж, анализ ответит на этот вопрос.

— К сожалению, склянка разбилась,— сообщила Нейдин.

— Неужели? И кто же ее разбил? — спросил детектив, глядя ей в глаза.

— Неизвестно. Скорее всего один из слуг. Когда тело вносили в пещеру, возникла толчея, а свет там был очень слабый. Кто-то перевернул столик.

— Это заставляет подумать...— пробормотал Пуаро, не отрывая от нее глаз.— В самом деле, это наводит на размышления...

Нейдин беспокойно пошевелилась в кресле.

— Вы полагаете, что моя свекровь умерла не от сердечного приступа, а от передозировки дигиталиса? — спросила она и после паузы добавила: — Это совершенно неверно.

Маленький бельгиец подался вперед.

— Не измените ли вы, миссис Бойнтон, свое мнение, если я скажу вам, что доктор Жерар, который одновременно с вами находился в лагере, обнаружил, что из его дорожной аптечки пропало значительное количество дигитоксина?

Она молчала. Заметно побледнела и опустила глаза. Сжала пальцы.

— Я слушаю, мадам! Что вы теперь скажете?

Бежали секунды. Наконец она подняла голову, и выражение ее глаз удивило детектива.

— Месье Пуаро,— сказала она,— но ведь я ее не убивала. Это вы и сами знаете, тут не может быть никаких сомнений. Она была жива и здорова, когда я с ней разговаривала. Подтвердить это могут несколько лиц. И вот, не чувствуя за собой вины, я считаю себя вправе апеллировать к вам, месье Пуаро. Должны ли вы вмешиваться в это дело? Не откажетесь ли вы от расследования, если я поклянусь честью, присягну, что здесь только восторжествовала справедливость. Было много мук, много страданий, о которых вы не знаете. Или теперь, когда настал покой и вырисовалась возможность счастья, вы должны все это разрушить?

— Сформулируйте вопрос более точно,— сказал Пуаро.— Чего вы ожидаете от меня?

— Я утверждаю, что моя свекровь умерла естественной смертью, и прошу, чтобы вы поверили моим словам.

— Сформулируйте это иначе. Вы убеждены, что кто-то убил ее преднамеренно, и просите, чтобы убийство осталось безнаказанным!

— Я прошу о милосердии!

— Да... К кому-то, кто милосердия не проявил.

— Вы не понимаете... Это было не так!..

— Уж не вы ли совершили преступление, что все так хорошо знаете?

— Нет! — возразила она решительно.— Когда я с ней разговаривала, она была жива!

— Так что же случилось? Вы знаете или только подозреваете?

— Я слышала,— заговорила она убежденно,— что в деле о восточном экспрессе вы без возражений приняли официальную версию о происшедшем*.

Пуаро искоса взглянул на нее.

— Любопытно, от кого вы узнали об этом?

— Но это правда?

— Что ж... То дело представлялось совершенно иным, поскольку...

— Нет! — прервала его Нейдин.— Не дело представлялось иным. Просто убитый был очень злым человеком...— Голос Нейдин прервался.— Таким же злым, как она!

— Характер жертвы не изменяет положения дел! Личность, присваивающая себе право выносить приговор и лишать человека жизни, опасна для общества...

— Вы так непоколебимы...

— Да, мадам. В определенных вопросах я непоколебим. Я не стану покрывать убийство. Эркюль Пуаро сказал свое последнее слово!

Нейдин встала. Глаза ее неожиданно заблестели.

— Ладно! Делайте свое дело! Уничтожайте невиновных людей! Мне нечего больше сказать вам.

— А по-моему, есть, и очень много.

— Нет!

— А я повторяю: очень много. Что происходило после того, как вы расстались с миссис Бойнтон? В то время, когда вы с мужем находились под маркизой?

* Роман Агаты Кристи «Восточный экспресс».

Нейдин пожала плечами.

— Откуда я могу знать.

— Вы знаете или только подозреваете?

Она посмотрела ему в глаза.

— Я ничего не знаю.

Повернулась и вышла.

Глава 17

Пуаро сделал заметку: «Н.Б. 4.40». Потом приоткрыл дверь, позвал ординарца, которого прикрепил к нему полковник Карбери, и приказал пригласить мисс Кэрол Бойнтон.

Когда она вошла, он не без удовольствия взглянул на каштановые волосы, хорошенькую головку, красиво сидящую на длинной шее, тонкие изящные руки.

— Садитесь, пожалуйста, мадемуазель. Не расскажете ли вы мне, как провели вторую половину того рокового дня?

Она ответила ему взглядом, в котором он не заметил ни намек на искренность. Когда девушка наконец заговорила, голос ее звучал так гладко, словно она неоднократно репетировала свою речь.

— После ленча мы все пошли на прогулку. В лагерь мы вернулись...

— Минуточку, мадемуазель. Вы все время гуляли вместе? — прервал ее детектив.

— Нет. Но почти все время со мной были мой брат Реймонд и мисс Кинг. Потом они немного отстали. Я осталась одна.

— Благодарю. Итак, вы возвратились в лагерь. Примерно в какое время?

— Думаю, что в десять минут шестого.

Пуаро сделал отметку: «К.Б. 5.10».

— Что было дальше?

— Мама все еще сидела на прежнем месте. Я поговорила с ней и вошла в свою палатку.

— Вы можете вспомнить содержание этого разговора?

— Пожалуй, да. Я сказала, что на солнце страшно жарко и что мне хочется немного полежать в своей палатке. Она ответила, что не боится солнца и хочет остаться на том же месте. Вот и все.

— Не было ли чего-нибудь необычного в ее внешнем виде, в поведении. Нечто такое, что привлекло бы ваше внимание?

— Нет... Разве что...— Кэрол замолчала, вопросительно глядя на детектива.

— Мадемуазель, в моих глазах вы не прочтете ответа,— проговорил он одобряюще.

Она залилась румянцем и отвела глаза.

— Тогда я не обратила на это внимания, но теперь, после того, как я задумалась над этим...

— И что, мадемуазель?

— Да... У мамы был какой-то необычный цвет лица... Лицо было более красным, чем всегда.

— Может быть, ее что-нибудь взволновало? — высказал предположение Пуаро.— Какое-либо потрясение...

— Потрясение? — Она снова глядела на него вопросительно.

— Ну, скажем, она могла рассердиться на кого-нибудь из лагерной прислуги.

— А-а... Это возможно.

— Но она не упоминала об этом? Ничего не говорила на эту тему?

— Нет... Ни слова.

— Что вы делали после разговора с мадам Бойнтон?

— Я с полчаса полежала в своей палатке. Потом пошла к тенту. Там уже были мой брат и его жена. Они оба читали.

— А вы?

— Я? Я занялась шитьем. Потом просматривала какой-то старый журнал.

— Когда вы шли от палатки к навесу, вы не разговаривали с миссис Бойнтон?

— Нет. Я даже не взглянула в ее сторону. Сразу спустилась вниз.

— А дальше?

— Я находилась под маркизой до того времени, когда... когда мисс Кинг объявила нам, что мама умерла.

— Это все, что вам известно?

— Да.

Маленький бельгиец подался вперед, но тон его остался по-прежнему непринужденным:

— А что вы почувствовали?

— Что почувствовала?

— Да. Я спрашиваю, что вы почувствовали, узнав, что ваша мать... Пардон... Это была ваша мачеха, не так ли? Что вы почувствовали, узнав о ее смерти?

— Я не понимаю, к чему вы клоните.

— А я полагаю, что вы понимаете абсолютно все.

— Это было такое потрясение...— Голос ее звучал неуверенно.— Я была захвачена врасплох...

— В самом деле?

Девушка побледнела. На этот раз она взглянула на детектива беспомощно, даже со страхом.

— Это событие в самом деле застало вас врасплох? Несмотря на разговор, который состоялся у вас с братом Реймондом в один из вечеров в Иерусалиме?

Удар оказался сокрушительным. Лицо Кэрол стало серым.

— Вы знаете об этом? — прошептала она.

— Да, мадемуазель. Знаю.

— Как?.. Откуда?..

— Часть вашего разговора была подслушана.

Девушка закрыла лицо руками и разразилась отчаянными рыданиями. Пуаро подождал с минуту. Потом совершенно спокойно заметил:

— Тогда вы совместно планировали убийство матери?

— В тот вечер мы были... Мы были не в себе. Совсем обезумели.

— Может быть.

— Вы никогда не сможете понять, в каком состоянии мы тогда находились. Это невозможно! — Кэрол вздрогнула и откинула волосы со лба.— Вы не поверите мне, но... В Америке еще было сносно, мы мало что там понимали. Путешествие впервые открыло нам все.

— Что открыло? — спросил он тихо, сочувственно.

— Что мы отличаемся от других людей. Это было страшно. Ну, а Джинни...

— Джинни?

— Да. Наша сестра. Последнее время она какая-то странная, необычная. И чем дальше, тем больше. А мать делала так, что ей становилось все хуже и хуже... Может, и не осознавая этого. Во всяком случае, Реймонд и я опасались, что Джинни по-настоящему помешается. И Нейдин такого же мнения, я знаю.

— Понимаю. Что же дальше?

— В тот вечер в Иерусалиме наступил кризис. Реймонд был близок к безумию, а я... У меня нервы были настолько натянуты, что... Наш план казался нам тогда прекрасным, справедливым! Мы убедили себя, что наша мать помешалась, что она сумасшедшая. Не знаю, как вы на это посмотрите, но мне кажется, что... что уничтожение кого-то может иногда представляться правильным поступком!

Детектив подтверждающе кивнул головой.

— Что ж... Бывает и так. Уничтожение определенного лица действительно может быть добрым поступком. История человечества знает тому немало примеров.

— В тот вечер так нам и казалось... Моему брату и мне.— Неожиданно она ударила раскрытой ладонью по крышке стола.— Но мы не сделали этого! Уже утром мы опомнились, наступило отрезвление. Мы осознали, что план этот нелеп, мелодраматичен... И он преступный! Мать умерла естественной смертью, от разрыва сердца. Но ни Реймонд, ни я не имеем к этому никакого отношения.

— Поклянитесь спасением своей души, что вы не предпринимали никаких шагов, чтобы ускорить кончину миссис Бойнтон,— неожиданно сказал детектив.

Кэрол подняла голову и ответила твердо и неожиданно спокойно:

— Клянусь спасением моей души, что я не сделала ничего, что могло бы повредить ей.

Пуаро поудобнее расположился в кресле.

— Ну что ж...— сказал он и сразу же добавил не меняя тона: — А в чем, собственно, состоял ваш план?

— План?

— Ну да. Ведь вы должны были иметь какой-то план. Вы и ваш брат Реймонд.

Детектив ждал, медленно считая секунды. Одна, две, три...

— Не было у нас никакого плана,— ответила она наконец.— Так далеко дело не продвинулось.

— Это все, мадемуазель.— Пуаро поднялся с кресла.— Не пригласите ли вы ко мне вашего брата?

Кэрол встала. С минуту она явно колебалась.

— Извините... Вы поверили мне?

— Разве я сказал, что не верю вам?

— Вы не сказали, но...— Она не закончила фразу.

— Пригласите ко мне, пожалуйста, вашего брата.

— Да... Конечно.

Она направилась к двери, но задержалась у порога и внезапно оглянулась.

— Но я сказала правду! Чистую правду! — выкрикнула она.

Эркюль Пуаро промолчал, и Кэрол вышла из комнаты.

Глава 18

Пуаро взглянул на Реймонда Бойнтон и сразу же заметил, что брат и сестра необычайно похожи друг на

друга. Лицо юноши было серьезным, сосредоточенным. Он вовсе не казался нервным или испуганным. Он сел, смерил детектива быстрым взглядом и сказал коротко:

— Я вас слушаю.

— Сестра, вероятно, разговаривала с вами? — мягко осведомился Пуаро.

Юноша подтверждающе кивнул.

— Да. Когда приходила за мной. Разумеется, я отдало себе отчет в том, что ваши подозрения мотивированы. Коль скоро наш разговор в Иерусалиме был подслушан, его определенно должны были связать с внезапной кончиной мачехи. Но могу вас заверить, что тот разговор был... был всего лишь минутным умопомрачением. Мы находились тогда в состоянии, близком к нервному расстройству, а фантастический план убийства... Как бы это сформулировать?... Ага! Он в известной мере разряжал атмосферу.

— Это довольно правдоподобно, — заметил маленький бельгиец.

— На следующий день вся эта история показалась нам абсурдом. Клянусь вам! Потом я ни разу не подумал об этом!

Детектив молчал.

— Знаю. Сказать такое легко. Но трудно требовать, чтобы тебе поверили на слово. Но я прошу только, чтобы вы внимательно проанализировали факты. Я разговаривал с мачехой незадолго до шести. И она была тогда жива и здорова, я вполне в этом уверен. Потом я отправился в свою палатку, умылся и пошел к маркизе, где уже было несколько человек. Все меня видели. Видели также Кэрл. Разве не понятно, что мачеха умерла естественной смертью?

— Известно ли вам, — спокойно начал Пуаро, — какого мнения придерживается мисс Кинг? Осматривая труп в половине седьмого, она пришла к выводу, что смерть наступила полтора-два часа назад.

Реймонд взглянул на него с сомнением.

— Так говорит Сара?

Детектив кивнул.

— Так что же вы теперь скажете? — спросил он.

— Это невозможно!

— Таково медицинское заключение, вынесенное мисс Кинг. А вы только что утверждали, что миссис Бойнтон была жива еще за сорок минут до осмотра ее трупа мисс Кинг.

— Я сказал правду!

— Прошу внимательней относиться к тому, что вы говорите.

— Сара, безусловно, ошиблась. Наверное, какой-то существенный фактор не был принят ею во внимание.

Маленький бельгиец молчал с непроницаемым выражением лица.

Реймонд наклонился вперед и заговорил быстро и убежденно:

— Я представляю, как эта ситуация может выглядеть в ваших глазах. Но прошу вас, отнеситесь к ней беспристрастно, как незаинтересованная сторона. Понятно, что... — он замолчал на мгновение, — вы живете в специфическом климате. Каждый случай внезапной смерти вы рассматриваете под углом возможного преступления. Но люди умирают скоропостижно каждый день. Особенно люди со слабым сердцем.

— Вы намерены учить меня моей профессии? — холодно спросил Пуаро.

— Нет! Отнюдь нет! Но мне кажется, что вы предубеждены относительно этого злополучного разговора. Только этот несчастный истеричный разговор между мной и Кэрол явился причиной ваших подозрений!

— Вы ошибаетесь. Имеется кое-что большее. Из дорожной аптечки доктора Жерара исчезло значительное количество яда.

— Яда? — Реймонд, сбитый с толку и встревоженный, поднялся со своего места. — Яд? Вы подозреваете отравление?

Детектив с минуту молчал. Потом спросил холодно и деловито:

— Ваш план был иным?

— Конечно! — ответил Реймонд, не задумываясь, но тут же смущенно запнулся. — Это... это меняет положение вещей. Совершенно! Мне трудно собраться с мыслями...

— Каков был ваш план?

— Наш план? Мы думали... — Внезапно он умолк, взглянув на маленького бельгийца с беспокойством, словно в нем вдруг пробудилась осторожность. — Больше я ничего не скажу, — бросил он и встал с кресла.

— Как хотите.

Пуаро проводил взглядом уходящего Реймонда. Затем потянулся к блокноту и сделал очередную запись: «Р.Б. 5.55». Потом он взял большой лист бумаги и начал сосредоточенно писать, а когда закончил, то уселся поудобнее

в кресло, склонил голову набок и с удовольствием окинул взглядом свое творение.

Бойнтоны и Джефферсон Коуп вышли из лагеря (прибл.)	3.05
Доктор Жерар и Сара Кинг вышли из лагеря (прибл.)	3.15
Леди Вестхолм и мисс Пирс вышли из лагеря	4.15
Доктор Жерар вернулся в лагерь	4.20
Леннокс Бойнтон вернулся в лагерь	4.35
Нейдин Бойнтон вернулась в лагерь и разговаривала с миссис Бойнтон	4.40
Нейдин Бойнтон рассталась со свекровью и отправилась к навесу	4.50
Кэрол Бойнтон возвращается в лагерь	5.10
Леди Вестхолм, мисс Пирс и Джефферсон Коуп возвращаются в лагерь	5.40
Реймонд Бойнтон возвращается в лагерь	5.50
Сара Кинг возвращается в лагерь	6.00
Обнаружение трупа	6.30

— Это интересно,— пробормотал он себе под нос, сложил исписанный лист и, приоткрыв дверь, приказал звывать Махмуда.

Толстый драгоман был красноречив. Слова лились из его уст стремительным потоком.

— Всегда и во всем виноват я,— начал он.— Всегда. Что бы ни случилось, всегда все ложится на мои плечи. Что делать! Такова уж моя судьба, таково мое счастье в жизни.

Наконец детективу удалось притормозить этот поток красноречия и задать вопрос, на который толстяк охотно дал ответ:

— Вы говорите, в половине шестого? Нет, в половине шестого никого из слуг под маркизой не было. Ленч мы подаем в два часа. После этого нужно все убрать. А затем прислуга укладывается спать. Американцы, мистер инспектор, не пьют послеполуденный чай. Так вот, в половине четвертого мы все пошли спать. В пятом часу я встал. О, я всегда бдителен, всегда забочусь, чтобы дамы и господа были обеспечены всем, что им нужно. Я знаю, что английские дамы в этот час должны прийти пить чай. Однако никто не появился. Все господа отправились на прогулку. Я подумал, что это неплохо, и пошел прилечь опять. Без четверти шесть начались хлопоты. Эта английская дама, очень большая дама, пришла и потребовала чаю, хотя слуги уже накрывали к обеду. Наделала много беспорядка. Говорила, что вода для чая должна быть всегда наготове и что я, лично я должен об этом заботиться! Ах, мистер инспектор! Что за жизнь! Я из кожи лезу, делаю все, что могу, а все неприятности всегда падают на меня, ибо...

— Еще один вопрос,— прервал его Пуаро.— Дама, ко-

торая умерла в тот вечер, разгневалась на одного из слуг. Знаете ли вы, кто это был и что там произошло?

— Я? Да откуда мне это знать? Старая дама ни на что не жаловалась.

— А могли бы узнать?

— Нет, мистер инспектор! Это невозможно! Ни один из слуг ни за что не признается. Значит, старая дама гневалась? Вы так сказали, господин инспектор? Тем более, никто не сознается. Абдул скажет, что это Магомет, Магомет скажет, что Азиз, Азиз — что Аисса, и так по кругу. Это люди простые. Они ничего не понимают, мистер инспектор.

Маленький бельгиец выпроводил болтливого драгомана и, прихватив только что заполненный листок, отправился к полковнику.

При виде детектива Карбери еще сильнее сдвинул узел галстука влево.

— У вас есть что-нибудь?

Пуаро сел.

— Желаете ли ознакомиться с моей теорией?

— Если вы на этом настаиваете,— вздохнул полковник.

— Моя теория гласит, что криминалистика — это наименее простая из всех областей знаний! Следует только позволить преступнику выговориться. Рано или поздно, но он скажет все, что нужно.

— Нечто подобное я уже от вас слышал. Так кто вам выболтал все, что вы хотели узнать?

— Все! — заявил детектив и кратко изложил содержание состоявшихся бесед.

— Хм... Тут, вероятно, можно нащупать кое-какие ниточки... Досадно только, что ведут они в разные стороны. Так у вас есть основания для назначения расследования?

— Нет.

— Этого я и опасался,— вздохнул англичанин.

— Но вечером вы будете знать правду.

— Это вы мне уже обещали. Однако я сомневаюсь, что вам удастся разузнать что-нибудь... Или вы уверены?

— Абсолютно.

— Очень рад за вас.

Пуаро не уловил иронических огоньков, блеснувших в глазах полковника, и развернул перед ним свое творение.

— Аккуратная работа,— одобрил Карбери и склонился над исписанным листком. Через минуту он нарушил молчание: — Месье Пуаро, знаете, что я думаю?

— Нет. Но буду рад узнать это.

— Я думаю, что Реймонд Бойнтон чист в этом деле.

— Вы полагаете?

— Да. Чист, как слеза. Ну, а мы должны доказать, что он невиновен хотя бы потому, что, как это бывает в криминальных романах, производит впечатление наиболее подозреваемого. Вы подслушали, что он хочет прикончить старуху. И что же? Мы сразу должны сделать вывод, что он невиновен.

— Так вы читаете криминальные романы?

— Тысячами! — заверил полковник и добавил тоном проказливого ученика: — Предполагаю, что вы не хуже героев детективных романов умеете творить всяческие чудеса. Вы уже, конечно, составили список событий, незначительных на вид, но капитальных по значимости?

— О, значит вам по душе криминальная литература, выполненная в таком стиле? Охотно доставлю вам удовольствие, полковник! — Пуаро усмехнулся, взял лист бумаги и начал писать на нем быстро и четко.

1. Миссис Бойнтон принимала микстуру, содержащую дигиталис.

2. У доктора Жерара пропал шприц.

3. Миссис Бойнтон старалась, чтобы ее дети не устанавливали контактов с посторонними людьми.

4. В день происшествия миссис Бойнтон отправила на прогулку всю семью.

5. Миссис Бойнтон имела склонность к моральным глумлениям над окружающими.

6. Расстояние между маркизой и местом, где сидела миссис Бойнтон, составляет около двухсот ярдов.

7. Леннокс Бойнтон первоначально утверждал, что не знает, в котором часу вернулся в лагерь. Потом он сознался, что заводил часы миссис Бойнтон.

8. Доктор Жерар и Джиневра Бойнтон занимали соседние палатки.

9. В половине седьмого, когда обед был готов, за миссис Бойнтон послала слугу.

Карбери зачитал составленный список с явным удовольствием.

— Колоссально сработано! — заявил он. — В точности, как нужно! Запутанная ситуация, сопоставление фактов, столь неприметных на вид! Чудесно! Точь-в-точь, как в криминальном романе! Кстати, здесь есть несколько существенных пропусков. Полагаю, что именно на этом основывается ваш коронный номер?

Пуаро искоса взглянул на полковника, но ничего не сказал.

— Например, пункт второй, — продолжал тот. — «У доктора Жерара пропал шприц». Великолепно! Но у него

пропал еще какой-то препарат, содержащий дигиталис или что-то в этом роде.

— Это не так уж важно по сравнению с исчезновением шприца, — объяснил детектив.

— Превосходно! — усмехнулся полковник. — Но я этого не понимаю. Я лично считаю, что дигиталис имеет куда большее значение, чем шприц! А как быть с эпизодами, в которых участвует прислуга? «Когда обед был готов, за миссис Бойнтон послали слугу». Но ведь и раньше миссис Бойнтон обозлилась на кого-то из прислуги. Что-то там кричала ему. Угрожала тростью. Уж не подозреваете ли вы, что старуху прикончил кто-то из моих тупиц, бродящих по пустыне? О, лучше не говорите этого, это было бы не по правилам, — закончил полковник решительно.

Пуаро усмехнулся, но ничего не ответил.

Глава 19

На вершине пригорка Сара собирала цветы, доктор Жерар сидел неподалеку на полуразвалившейся стене из неотесанных камней.

— Зачем вы все это затеяли? — вдруг спросила она сердито. — Если бы не вы...

— По вашему мнению, я должен был молчать?

— Да.

— Вопреки тому, что я знаю?

— Ничего вы не знаете!

— Знаю, — вздохнул француз. — Хотя и должен признаться, что никто никогда не может быть абсолютно уверен ни в чем.

— Не скажите! Иногда может! — горячо запротестовала она.

— Например, вы! — пожал плечами доктор.

— У вас тогда был приступ малярии, высокая температура... Вы не могли сориентироваться в ситуации. Шприц вполне мог все время лежать там, где вы его потом нашли. И с дигитоксином могла случиться какая-нибудь ошибка. Или кто-то из слуг добрался до вашей аптечки.

— Вам не стоит огорчаться. Скорее всего расследование не выявит никаких серьезных доказательств преступления. Вот посмотрите, ваши приятели Бойнтоны выкрутятся из этой ситуации.

— Такая развязка меня тоже не удовлетворяет.

— Изумительный образчик логики! — выразительно покачал головой Жерар.

— А разве это не вы столь красноречиво развивали в Иерусалиме теорию о невмешательстве в чужие дела? — осведомилась Сара.

— Я ни во что не вмешивался. Только рассказал то, что мне было известно.

— А я повторяю: ничего вы не знаете! Бог мой! — вздохнула она. — Мы возвращаемся в исходную точку. Замкнутый круг!

— Я очень сожалею, — пробормотал француз примирительно.

С минуту оба молчали.

— Видите ли, — снова заговорил француз, — Бойнтонны ни от чего не освободились. Ни один из них! Она с ними! Даже лежа в гробу, она сумела сохранить свое положение: она царит над ними, она правит ими. Мне кажется, что... что это дело не принесло им никакой радости.

— Я тоже думала об этом... — Голос Сары прервался, но она тут же овладела собой и продолжила совсем другим тоном: — Смотрите, наш маленький детектив карабкается на гору.

Она умолкла, наблюдая мрачным взглядом за Эркюлем Пуаро, преодолевавшим подъем. Наконец он достиг цели и, тяжело дыша, вытер платком вспотевший лоб. Потом печальным взглядом окинул свои лакированные туфли.

— Что за каменная страна! — вздохнул он. — Мои бедные туфли!

— Вы можете одолжить у леди Вестхолм дорожный комплект для чистки обуви, — ехидно заметила Сара. — Она с ним никогда не расстается.

— Приспособление для чистки обуви не ликвидирует царапины, мадемуазель.

— Возможно. Но почему, черт побери, вы носите лакированные туфли в этой, как вы выразились, каменной стране?

Маленький бельгиец склонил голову набок.

— Мадемуазель, я всегда стараюсь одеваться пристойно.

— Но в пустыне можно было бы и отказаться от подобных правил.

— Что позволяют себе многие, в том числе и женщины, — вступил в разговор доктор Жерар; голос его звучал несколько принужденно. — И многие женщины не лучшим образом выглядят в пустыне. Я, конечно, не имею в виду мисс Кинг, которая всегда выглядит элегантно и свежей. Зато леди Вестхолм в своих штанах и куртках из грубого

твида или в тех ужасных брюках для верховой езды! И бедная мисс Пирс... Ее наряд с самого утра выглядит, как увядшие капустные листья, не говоря уже о бусах, которыми она непрерывно побрякивает! Нельзя назвать элегантной даже такую красивую женщину, как молодая миссис Бойнтон. Она тоже одевается неинтересно.

— Однако мне кажется, что месье Пуаро карабкался на такую высоту отнюдь не для того, чтобы беседовать о женских туалетах,— заметила Сара.

— Совершенно справедливо! — подтвердил детектив. — Я пришел сюда, чтобы узнать мнение доктора Жерара... И ваше, мадемуазель. Хотя вы и молодой врач, но, несомненно, знакомы с современной психологией. Я желал бы услышать все, что вы, господа, могли бы рассказать мне о покойнице.

— А разве вы не выучили уже наизусть все, что мы могли вам о ней сообщить? — взвилась мисс Кинг.

— Нет. У меня такое впечатление... Лучше сказать, я уверен, что состояние рассудка миссис Бойнтон является наиважнейшим фактором в этом деле. Подобные типы наверняка знакомы доктору Жерару.

— С моей точки зрения,— заявил француз,— миссис Бойнтон бесспорно являлась интереснейшим объектом для наблюдений.

— Может быть, вы захотите развить свои слова?

Доктор начал с того впечатления, какое произвела на него семья Бойнтонов. Затем передал содержание своего разговора с Джефферсоном Коупом, подчеркнув, что тот не совсем точно оценил ситуацию.

— Сентиментальная личность, не правда ли? — заметил маленький бельгиец.

— В высшей степени. Думаю, что взгляды, которых он придерживается, вытекают из его склонности к пассивности. Человеческую природу он видит с наилучшей стороны, и мир рисуется ему в розовом свете. Поэтому Джефферсон Коуп не имеет ни малейшего понятия, каковы те или иные люди на самом деле.

— Иногда это небезопасно,— покачал головой Пуаро.

— В том, что можно было бы назвать «комплексом Бойнтонов», он упорно видит только губительные последствия сверхмерной, принявшей уродливые очертания материнской заботливости. Ему не хватает воображения, чтобы представить, какой ад может скрываться за внешним благополучием: ненависть, мятеж, низкопоклонство, раболепие, мучения.

— Какая, однако, глупость! — прокомментировал Пуаро.

— Однако даже самый заядлый, некритичный, несправедливо сентиментальный оптимист не может быть абсолютно слеп. По моему мнению, мистер Коуп несколько прозрел за время поездки в Петру. — Доктор описал и прокомментировал разговор, состоявшийся с американцем утром в день смерти миссис Бойнтон.

— Меня очень заинтересовал инцидент с этой молодой служанкой, — заметил детектив задумчиво. — Он проливает свет на те методы, которые использовала эта старая дама.

— Вообще говоря, — продолжал Жерар, — это было необычное утро. Вы же знаете Петру, не так ли? Особого внимания заслуживает там экскурсия к жертвенному алтарю. Очень вам рекомендую... Видите ли, там... Как бы это выразить?.. Там специфическая атмосфера. — Он подробно описал утреннюю сцену. — Да, мисс Кинг восседала на камне, как молодой судья. Говорила о целесообразности принесения в жертву елиницы для блага всех. Вы вспоминаете, мадемуазель?

Сара нервно вздрогнула.

— Лучше не возвращайтесь к событиям того дня! Очень прошу!

— Это лишнее, — поддержал ее Пуаро. — Меня больше заинтересовало то, что было сказано доктором Жераром о душевном состоянии миссис Бойнтон. Одного я не могу понять. Почему, всецело подчинив семью своей воле, подмяв их под себя, миссис Бойнтон вдруг организует большое заграничное путешествие? Ведь в изменившихся условиях должна была существовать угроза возникновения дружеских контактов, связей, что в результате могло привести к ослаблению ее авторитета.

— В том-то все и дело! — подхватил доктор Жерар. — Есть такая категория старых женщин. Время для них тянется бесконечно долго. Они скучают, томятся. Любят раскладывать пасьянсы, причем те, которые они хорошо знают, перестают их удовлетворять, и они стремятся научиться новым, разнообразя любимое развлечение. Нечто в этом роде могло произойти со старой миссис Бойнтон, развлечение которой (странно звучит здесь это слово) состояло в том, чтобы тиранить и мучить своих близких. Миссис Бойнтон заботливо пестовала свои садистские инстинкты, меняла методы воздействия на окружающих, причем новые, не приевшиеся формы угнетения будили в ней, по-видимому, какие-то новые эмоции. Так, огромное удо-

вольствие получила она от женитьбы Леннокса и его последующей семейной жизни. Но потом это стало обыденным. Леннокс погрузился в апатию. Теперь ничто не могло уязвить или ранить его в той мере, в какой этого хотелось его мачехе. Реймонд и Кэрол не обнаруживали склонности к мятежу. Джиневра... Бедная Джиневра! С точки зрения ее матери, она представляла наименее интересный объект для забавы! Она сумела найти лазейку: из мира действительности бедная девочка бежала в вымышленный мир. И чем сильнее давила на нее мать, тем легче было ей находить удовлетворение, играя роль преследуемой герцогини. Для миссис Бойнтон все это становилось убийственно скучным. Подобно Александру Великому, она начала искать новые миры, дабы покорить их. Именно по этой причине задумала она данное путешествие. Ставя своих укрощенных зверей на грань бунта, она надеялась, что сумеет найти для них новые мучения, новые пытки. Наверное, это звучит неправдоподобно, но так было! Миссис Бойнтон искала новых, свежих ощущений.

Маленький бельгиец глубоко вздохнул.

— Вы нарисовали великолепный образ, доктор. Я понял, что вы имели в виду. Так было! Добрая мама Бойнтон избрала отнюдь не безопасный образ жизни и дорого заплатила за это.

Сара Кинг слушала, подавшись вперед, лицо ее было серьезно и задумчиво.

— Вы хотите сказать, что она, мучая и терзая своих жертвы, переступила грань, и они восстали против нее... А может, только одна из жертв?

Детектив подтверждающе наклонил голову.

— Которая? — спросила она сдавленным голосом.

Пуаро взглянул ей в глаза. Он ничего не ответил, или, точнее, был освобожден от необходимости что-либо ответить, так как в этот миг доктор коснулся его плеча.

— Взгляните туда, — шепнул он.

По склону холма шла девушка; ее дивная, удивительно гармоничная красота создавала впечатление, что она не вполне реальна, пробуждая воспоминания о феях. Ее золотисто-рыжие волосы блестели под лучами солнца, необычная, загадочная улыбка играла в уголках красиво очерченных губ.

Маленький бельгиец снова глубоко вздохнул.

— Как она очаровательна! — восхищенно шепнул он. — Трогательно прекрасна! Вот как следовало бы играть Офелию! Молодая богиня, которая случайно забрела к нам

из другого мира, мира счастливого, где не знают людских радостей и тревог.

— Да, вы правы,— согласился Жерар.— Лицо из сновидения, ночная греза, не так ли? Я видел ее во сне. Когда я лежал больной, то вдруг увидел перед собой ее лицо с этой неземной, удивительной улыбкой. Чудесный сон, способный примирить даже с малярией! Жаль было просыпаться...— вздохнул он, а потом добавил уже обычным тоном: — Это Джиневра Бойнтон.

Девушка приблизилась, и француз представил их друг другу:

— Месье Эркюль Пуаро, мисс Бойнтон.

— О-о...

Она подозрительно взглянула на маленького бельгийца. Переплела пальцы и начала нервно ломать их. Волшебная нимфа из страны сказок. Перед ними стояла обычная молодая девушка, оробевшая и взволнованная.

— Мне очень посчастливилось,— обратился к ней Пуаро,— что я случайно встретил вас, мисс Бойнтон. Я собирался побеседовать с вами в отеле.

— Правда? — слабо улыбнулась она.

— Не согласитесь ли вы немного пройтись со мной? — предложил детектив.

Как бы снисходя к его просьбе, она сделала несколько шагов и вдруг спросила быстро и неожиданно.

— Вы детектив, не так ли?

— Да, мадемуазель.

— И вы приехали сюда, чтобы защитить меня? — шепотом спросила она.

Пуаро погладил усы.

— Вам что-нибудь угрожает? — спросил он с ноткой удивления.

— О да! — Она испуганно огляделась вокруг.— Я говорила об этом в Иерусалиме доктору Жерару. О, это очень умный человек. Тогда он промолчал, а сам поспешил за мной в то ужасное место среди красных скал.— Дрожь прошла по ее телу.— Там меня хотели убить. Вы должны быть начеку! Всегда! Неустанно!

Детектив с ласковой снисходительностью закивал головой.

— Он добрый, он очень добрый,— продолжала она.— И он влюблен в меня.

— В самом деле?

— О да! Во сне он повторяет мое имя.— Ее лицо смягчилось и снова наполнилось странным очарованием.—

Я видела, как он лежал, сраженный приступом лихорадки, и повторял мое имя... Я тихонько отступила. Убежала.— Она немного помолчала.— Наверное, это он вызвал вас? У меня есть враги, их много, очень много. Вы знаете о них, правда? Они окружают меня повсюду... Часто переодетые...

— Да... Я понимаю вас... Но здесь, в кругу своей семьи, вы в безопасности.

Она гордо вскинула голову.

— Это не моя семья! С этими людьми у меня нет ничего общего! Я не могу... не могу вам поведать, кто я на самом деле... Это тайна!

— Смерть матери была для вас большим потрясением? — мягко спросил Пуаро.

Она выпрямилась, гневно топнула ногой.

— Но вы же слышали, что это вовсе не моя мать! Мои враги платили ей. Она выдавала себя за мою мать, стерегла меня, чтобы я не ускользнула.

— А где вы были после полудня в день ее смерти?

— В палатке... Там было жарко, душно, но я не осмелилась выйти... Боялась, что они смогут похитить меня.— Она пугливо вздрогнула.— Один даже заглянул в мою палатку. Он был переодет, но это не обмануло меня. Шейх прислал его. Вы, конечно, знаете, что шейх хочет меня похитить?

Детектив в молчании сделал несколько шагов. Потом сказал менее мягким тоном:

— Славные сказочки вы рассказываете.

— Это правда! Все правда! — воскликнула она и, повернувшись, быстро сбежала с пригорка.

Пуаро с минуту стоял неподвижно и смотрел вслед убегающей девушке. Позади раздался знакомый голос:

— Что вы ей сказали?

Он оглянулся и увидел несколько запыхавшегося доктора Жерара. Сара тоже приближалась к ним.

— Я сказал, что она выдумывает сказки для собственного удовольствия.

— И она рассердилась на вас? — Доктор потряс головой.— Ну что ж, это добрый знак. Бедняжка не переступила еще роковой порог. Она отдает себе отчет в том, что говорит неправду. Я наверняка вылечу ее.

— Вы думаете провести курс лечения?

— Да. Я уже договорился обо всем с молодой миссис Бойнтон и ее мужем. В Париже я помещу Джиневру в одну из моих клиник. Потом она сможет учиться. Девочка хочет стать актрисой.

— Актрисой?

— Да. И сцена может ей очень помочь. Это ей пойдет на пользу. Обязательно! Ведь она в некоторой степени похожа на мать. Напоминает ее многими существенными чертами характера.

— Нет! — бурно запротестовала Сара.

— Вы можете мне не верить, — мягко сказал Жерар, — но это так. Обе они пришли в мир с неумолимой жаждой славы, с желанием повелевать людьми. Бедняжка Джиневра на каждом шагу ощущала путы. Она не находила лазейки для удовлетворения болезненного самолюбия, не могла познать радости жизни, выразить свою буйную романтическую личность. — Он тихо засмеялся. — Вскоре мы это изменим, — сказал он и тут же добавил с поклоном: — До свидания, господа! — И быстро зашагал за убегающей девушкой.

— Доктор Жерар с энтузиазмом относится к своей работе, — заметила Сара.

— Именно так, — улыбнулся Пуаро. — Я тоже обратил внимание на этот энтузиазм.

Она нахмурила брови.

— Вопреки всему я никак не могу согласиться с тем, что он сравнивает Джиневру с этой мерзкой женщиной. Хотя... Хотя однажды я сама посочувствовала старой Бойнтон.

— И когда же это было, мадемуазель?

— В день их отъезда из Иерусалима. Я упоминала об этом в разговоре с вами. Временами случается, что человек какое-то время видит все наоборот. Вам знакомо это ощущение? Тогда на меня что-то нашло, я разъярилась и основательно наглупила.

— Или наоборот?

Сара слегка зарумянилась: как всегда воспоминание об этом неудачном разговоре с миссис Бойнтон вызвало чувство неловкости.

— Вначале мне казалось, что я выполняю высокую миссию, — сказала она. — Но потом, когда леди Вестхолм, посмотрев на меня многозначительно, заявила, что видела, как я разговаривала с этой женщиной, я подумала, что она не только видела, но и слышала наш разговор. Вот тогда-то я и почувствовала себя законченной идиоткой.

— Что именно сказала вам тогда старая миссис Бойнтон? — спросил детектив. — Могли бы вы повторить это слово в слово?

— Думаю, что да. Ее тирада произвела на меня впе-

чатление. Она сказала: «Я ничего не забываю, и об этом следует помнить. Я никогда ничего не забываю: ситуацию, имя, лицо». — Сара нервно вздрогнула. — Это было сказано враждебно, зловеще... И она даже не посмотрела на меня... Мне кажется, что... что и в эту минуту я слышу ее голос.

— Значит, эта сцена потрясла вас?

— Да. Я не пуглива, но эти слова временами слышу во сне. И вижу ее лицо — злое, торжествующее. Ужасно! — Она снова вздрогнула и неожиданно обратилась к детективу: — Я наверное не должна спрашивать об этом... Скажите, вы что-нибудь обнаружили?

— Да.

— Что? — У Сары дрожали губы, когда она задала этот вопрос.

— Я знаю, с кем разговаривал Реймонд в тот вечер в Иерусалиме. Со своей сестрой.

— С Кэрол?.. Естественно! Он сказал вам это?.. Вы его спрашивали?.. — Голос отказывался ей повиноваться.

Он взглянул на нее внимательно, с сочувствием.

— Это так много значит для вас?

— От этого зависит все. Все! — воскликнула она и расправила плечи. — Но я должна знать!

— Реймонд сказал, — тихо произнес детектив, — что в ту ночь он и его сестра впали в истерику. Они дошли до полного нервного расстройства. Утром, как он утверждает, они опомнились и осознали абсурдность таких замыслов.

— А-а... Понимаю...

— Мисс Сара, — мягко сказал Пуаро. — Можете вы мне рассказать, почему вы так сильно переживаете из-за этого события?

Полная отчаяния она повернула к нему побледневшее лицо.

— В тот день, после полудня, мы были вместе... были вместе... Он ушел в лагерь раньше меня, но перед этим... Перед этим он сказал, что должен сделать что-то. Немедленно! Иначе ему не хватит смелости! Я думала, что он хочет... хочет ей сказать, но... Если он действительно хотел... — Голос опять отказался ей повиноваться; Сара застыла в неподвижности, стараясь взять себя в руки.

Глава 20

Нейдин Бойнтон вышла из отеля и остановилась, неуверенно глядя по сторонам. В ту же минуту рядом с ней возник мистер Коуп — рыцарь всегда был готов к услугам своей даме.

— Может, пройдем в эту сторону? — предложил он. — Мне кажется, что там интереснее.

Они шли рядом, и мистер Коуп говорил. Слова лились из его уст неиссякающим потоком гладко, хотя и несколько монотонно. Трудно сказать, отдавал ли он себе отчет в том, что Нейдин не слушает его.

Когда они свернули на усыпанный камнями склон, она внезапно прервала его.

— Джефферсон, я хотела бы поговорить с вами... — Ее лицо побледнело.

— Конечно, моя дорогая. Не сдерживайте себя. Мне можно сказать все.

— Вы более проникательны, Джефферсон, чем мне казалось... Ведь вы знаете, что я собиралась сказать вам, правда?

— Меняются условия, меняется ситуация... Нейдин, у меня такое ощущение, очень отчетливое ощущение... Словом, в новых условиях нам следовало бы по-новому рассмотреть наши отношения. И вы должны поступить, Нейдин, так, как найдете нужным.

— Вы так добры, Джефферсон! — В голосе Нейдин слышалось глубокое волнение. — Так внимательны! Я плохо поступила с вами. Пожалуй, даже бесчестно.

— Послушайте, Нейдин. Внесем в дело ясность. С самого начала я хорошо понимал, на что могу рассчитывать. Я всегда желал вам счастья. Правда, потом бывали вспышки безумия, когда я видел, что вы несчастливы. Признаюсь открыто, что в этом я винил Леннокса. Я полагал, что он не достоин вас и не в состоянии позаботиться о вашем счастье.

Он умолк, чтобы перевести дыхание. Затем заговорил снова.

— Теперь, после поездки в Петру, я отдаю себе отчет в том, что Леннокс не был виновен в той мере, в какой мне казалось. Я не хотел бы говорить плохое об умершей, но подозреваю, что ваша свекровь была особой с невероятно тяжелым характером.

— Да. Ваши подозрения верны, — согласилась она.

— Во всяком случае, — продолжал он, — вчера после полудня вы сказали мне, что окончательно решили порвать с Ленноксом. Я считаю это решение верным. Вы не должны вести подобную жизнь, Нейдин. Вы были честны со мной. Не скрывали, что я могу рассчитывать только на вашу симпатию и признательность. Я же хотел заботиться о вас, создать вам условия, какие вы заслуживаете. Скажу откро-

венно, тот вечер я считаю самым счастливым в своей жизни.

— Мне так неприятно, Джефферсон! — воскликнула она. — Простите меня, простите!

— Не за что, Нейдин. Все время меня не оставляло ощущение, что это только иллюзия, что на следующее утро вы измените свои намерения. Ведь теперь дело принимает совсем иной оборот. Вы и Леннокс получили возможность жить своей жизнью.

— Да. И я не могу его покинуть. Простите меня.

— Мне не за что прощать вас, — сказал он убежденно. — Мы снова будем друзьями, а о том дне забудем, и конец.

Нейдин нежно коснулась его плеча.

— Джефферсон... Благодарю вас, дорогой мой друг, — шепнула она. — А теперь я пойду искать Леннокса.

Она быстро повернулась и отошла, а Коуп в одиночестве побрел дальше.

Нейдин без труда отыскала мужа. Он сидел наверху развалин римского театра и заметил ее только тогда, когда она заняла место рядом с ним.

— Леннокс!

Он вздрогнул и повернул к ней лицо.

— У нас до сих пор не было времени поговорить, — начала она. — Но ты и так знаешь, что я никуда от тебя не уйду. Правда, знаешь?

— Ты серьезно намеревалась это сделать?

— У меня сложилось мнение, что это единственно возможный путь к спасению. Я надеялась, что ты последуешь за мной. Бедный Джефферсон! Я так бесчестно поступила с ним!

Леннокс неожиданно рассмеялся.

— Ничего подобного, Нейдин! Люди, начисто лишенные эгоизма, как Коуп, любят, чтобы их благородство подвергали испытаниям. Что ж, может быть, они и правы. Когда ты сказала мне, что уходишь с ним, я совсем потерял голову. Даю слово, я понял тогда, что это конец всему. Черт побери, думал я, почему я не поднял руку на мачеху, не ушел с тобой, коль скоро ты желала этого?

— Ты не мог, любимый, — шепнула она.

— Да!.. Ну и характерец был у нашей матери... — сказал он задумчиво. — Я думаю, что все мы в определенном смысле были загипнотизированы.

— Несомненно, — согласилась она.

Несколько минут Леннокс сидел задумавшись. Потом сказал:

— Когда ты в тот день заявила, что уходишь от меня, это было как удар грома! Я возвращался в лагерь в полубессознательном состоянии и вдруг совершенно ясно понял, какими дураками были мы все! Я понял, что могу сделать только одно, чтобы ты осталась со мной,— продолжал он мрачно.— И я решил...

— Довольно! — резко прервала его она.

Леннокс взглянул на жену с удивлением.

— Вот я и решил поговорить с матерью.— Тон его голоса стал совсем иным, бесстрастным; он тщательно подбирал слова.— Я сказал ей, что должен сделать выбор между ней и тобой и, разумеется, выбираю тебя.

Он помолчал, а затем повторил, как бы убеждая самого себя:

— Да! Именно это я ей сказал.

Глава 21

На обратном пути к отелю Эркуль Пуаро повстречал двух лиц. Первым из них был мистер Коуп.

— Месье Пуаро? — осведомился он.— Мое имя Джефферсон Коуп.

Они пожали друг другу руки и двинулись дальше бок о бок.

— До меня дошло, что вы проводите формальное расследование в связи с кончиной моей старой знакомой, миссис Бойнтон,— начал американец.— Трагическая история, не так ли? В таком возрасте люди не должны рисковать, пускаясь в столь утомительные поездки. Но она была очень упряма, месье Пуаро. Родные не имели на нее ни малейшего влияния. Настоящий домашний тиран! Как скажет, так и должно быть!

Последовала короткая пауза.

— Я хотел бы проинформировать вас,— продолжал американец,— что являюсь старым приятелем семейства Бойнтонов. Разумеется, все они пережили сильное потрясение, тем более, что Бойнтоны — люди нервные, очень впечатлительные и... беспомощные. Если нужно что-либо предпринять, уладить формальности, связанные с погребением или транспортировкой тела в Иерусалим, я охотно сделаю все, что в моих силах, чтобы облегчить их положение. Вы только скажите мне, а уж я всегда буду готов помочь им.

— Я не сомневаюсь, что семейство Бойнтонов будет благодарно вам за это предложение,— сказал детектив

и тут же добавил: — Насколько мне известно, вы являетесь очень близким другом миссис Нейдин.

Мистер Коуп слегка покраснел.

— Не стоит затрагивать эту тему. Я слышал, что сегодня утром вы беседовали с миссис Нейдин Бойнтон. Наверное, она сказала вам, какие отношения сложились между ней и мной. Но с этим покончено! Миссис Бойнтон — особа исключительных достоинств. Выше всего она ставит свои обязанности перед мужем, который сейчас погружен в глубокую скорбь.

Пуаро ответил на эту речь легким кивком головы.

— Полковник Карбери, — сказал он, — желает получить ясную картину обстоятельств, при которых умерла миссис Бойнтон. Вы хотите рассказать мне что-нибудь об этом дне?

— Конечно, конечно! Так вот, после ленча и короткого отдыха мы собрались на прогулку. Решили пройтись сами, без этого невыносимого драгомана. Именно тогда состоялся мой разговор с Нейдин, которая потом ушла, так как хотела найти мужа и все ему рассказать. Я возвращался в лагерь в одиночестве и на половине пути встретил двух англичанок, которые ходили с нами на утреннюю экскурсию. Одна из них — женщина высокого общественного положения, английская графиня или что-то в этом роде.

Маленький бельгиец подтвердил, что это действительно так.

— Она женщина в годах, умная и такая образованная! Другая выглядела скромнее и была очень утомлена. Такая экскурсия, как та, что состоялась утром, нелегкое испытание для пожилых людей, особенно если они боятся высоты. Итак, встретил я этих дам, начал им рассказывать то да се о древних цивилизациях. Мы даже немножко вернулись назад, чтобы осмотреть кое-какие руины. Потом втроем направились к лагерю. Пришли туда около шести. Леди Вестхолм возжаждала чаю, и нам выпала честь разделить с ней чаепитие. Чай был слабый, но имел приятный, хотя и несколько необычный аромат. В это время слуги накрывали на столы, и один из них был послан за старшей миссис Бойнтон. Он нашел ее мертвой.

— Возвращаясь в лагерь, видели ли вы миссис Бойнтон?

— Видел. Она, как и раньше, сидела перед своей пещерой, словно за все это время она и не шевельнулась. На меня она не обратила ни малейшего внимания. Я как раз объяснял леди Вестхолм причины, обуславливающие наш

теперешний государственный курс. К тому же я должен был следить за мисс Пирс. Она так устала, что все время спотыкалась.

— Очень вам благодарен, — сказал детектив. — Разрешите вам задать один деликатный вопрос. Скажите, миссис Бойнтон оставила значительное состояние?

— Весьма значительное! Но, если быть точным, это не ее имущество. Состояние оставил муж, она же имела право пользоваться только процентами, а само состояние после ее смерти должно быть поделено поровну между детьми покойного Элмера Бойнтона. Так что теперь они люди богатые.

— Деньги... они могут многое, — пробормотал Пуаро. — Сколько преступлений совершено ради денег!

— Да... Разумеется... — согласился его собеседник, хотя и без особого энтузиазма.

Маленький бельгиец грустно улыбнулся.

— Но существуют еще сотни других мотивов, не так ли?.. Благодарю вас за ценную информацию.

— Не за что... Мне было приятно быть вам полезным... О-о! Там сидит мисс Кинг. Хотел бы сказать ей несколько слов.

Спускаясь с пригорка, Пуаро встретил мисс Пирс, которая семенила к нему, слегка запыхавшаяся и очень взволнованная.

— О! Простите! — начала она. — Я так рада, так рада, что встретила вас. Только что я разговаривала с младшей мисс Бойнтон, с той, рыженькой. Она рассказывала невероятные вещи о своих врагах, о каком-то шейхе, который хочет ее похитить, о шпионах, которые ее окружают. Безумно романтическая история! Леди Вестхолм утверждает, что все это отъявленные бредни и что у нее когда-то служила на кухне девушка, тоже рыжая, которая врала совершенно таким же образом. Но леди Вестхолм, эта достойнейшая женщина, временами бывает недостаточно чуткой. Она такая строгая! Может же быть, что все это правда, а? В жизни иногда случаются очень странные вещи. Если бы это было правдой, какая бы это была сенсация!

Чувствовалось, что мисс Пирс искренне взволнована.

— Действительно, жизнь человеческая изобилует необычайными происшествиями, — спокойно согласился Пуаро.

— До сегодняшнего утра, — продолжала мисс Пирс, — я не осознавала, что вы и есть тот самый величайший и прославленный в мире детектив. В свое время я,

разумеется, читала в газетах все-все об убийствах, совершенных в порядке алфавита... * Боже, как это было ужасно! Прошли буквы А, В, С... А я тогда как раз работала гувернанткой неподалеку от Докастера!

Пуаро буркнул нечто неопределенное, а мисс Пирс продолжала с возрастающим увлечением:

— Когда я подумала обо всем этом, мне пришлось в голову, что, наверное, сегодня утром я поступила не так, как следовало бы. Свидетель обязан всегда говорить все, правда? Он не может позволить себе опускать даже мельчайшие с виду детали, оставлять их без внимания. Ибо если месье Пуаро занимается этим делом, то не может быть сомнений в том, что миссис Бойнтон пала жертвой убийства! Ну, и я поняла, что об этом нужно рассказать, потому что, если поразмыслить, сразу видно, что в этом есть что-то странное.

— Вы совершенно правы,— подхватил Пуаро.— Надеюсь, что теперь вы мне расскажете об этом.

— Собственно говоря, ничего такого и не было. Только то, что на утро следующего дня после смерти несчастной миссис Бойнтон я встала рано и выглянула из палатки, чтобы полюбоваться восходом солнца. Вы знаете, как временами...

— Знаю, знаю,— прервал он ее.— И что же вы увидели?

— Нечто странное, хотя я сразу и не обратила на это внимания. Одна из мисс Бойнтон вышла из палатки и — вы только представьте себе это! — бросила что-то в ручей. Я не рассмотрела, что это было, но этот предмет как-то странно блеснул на солнце.

— Которая из них?

— Пожалуй, та, которую зовут Кэрол. Очень красивая девушка и так похожа на брата. Можно было бы подумать, что эти двое — близнецы, не правда ли? Но это могла быть и младшая рыженькая. Понимаете, солнце светило мне в глаза, поэтому я не слишком хорошо видела... Ой, нет! Волосы у нее были скорее каштановые, чем рыжие.

— И она, значит, бросила в ручей что-то блестящее? — спросил Пуаро.

— Да. Как я уже говорила, тогда меня это особенно не заинтересовало. Но потом я пошла прогуляться вдоль по руслу ручья. Туда пошла также мисс Кинг. Так вот, представьте себе, среди разного мусора и пустых консервных

* Роман Агаты Кристи «В алфавитном порядке».

банок я заметила блестящую металлическую коробочку...
— Конечно! — прервал ее детектив. — И эта коробочка была вот такой длины?

— Да, да! Какой вы умный! Я подумала тогда: «Почему мисс Бойнтон выбросила такую славную коробочку?» Ну и просто из любопытства я подняла ее и открыла. Внутри лежал шприц, совершенно такой же, каким колола меня медицинская сестра, когда мне делали прививку против тифа. Я немножко удивилась, потому что шприц, хотя и был разбит, не выглядел поломанным. Вот я и не могла понять, почему мисс Бойнтон его выбросила. Когда я размышляла над этим, ко мне подошла мисс Кинг. Подошла тихо-тихо, так что я и не услышала ее шагов. Она сказала: «О, это мой шприц. Я как раз его ищу. Очень вам благодарна». Я, конечно, отдала ей коробочку, и она вернулась в лагерь.

Мисс Пирс умолкла, но тут же снова зашебетала:

— Разумеется, я не усмотрела во всем этом ничего заслуживающего внимания, только удивилась немного: зачем мисс Бойнтон понадобилось выбрасывать шприц мисс Кинг? Однако сейчас же подумала, что этому, вероятно, есть какое-то простое объяснение, — закончила она и вопросительно взглянула в лицо маленького бельгийца.

— Благодарю вас, — сказал он очень серьезно. — То, что я услышал от вас, само по себе может и не иметь существенного значения. Но эти данные придали окончательную завершенность собранным мною материалам. Теперь все классифицировано, все разложено по полочкам, все абсолютно понятно.

— Неужели?

Было видно, что мисс Пирс взволнована и обрадована, как ребенок.

Пуаро проводил ее до отеля и там в своей комнате прибавил заключительный пункт к составленному им перечню событий:

«В Иерусалиме миссис Бойнтон произнесла слова: «Я ничего не забываю. И об этом следует помнить. Я никогда ничего не забываю...»

— Ну вот! — Он удовлетворенно наклонил голову. — Теперь все ясно.

Глава 22

— Уфф!.. Все готово! — Пуаро вздохнул с облегчением. Он отступил на несколько шагов, чтобы окинуть взглядом

приготовления, сделанные им в одной из многочисленных комнат отеля.

Полковник Карбери, стоявший в небрежной позе, опираясь на кровать, придвинутую к стене, усмехнулся.

— Забавный вы человек,— заметил он.— Любите все драматизировать.

— Может быть,— согласился маленький бельгиец.— Однако в данном случае речь идет не только об удовлетворении собственных слабостей. Если предстоит играть комедию, то прежде всего надлежит подготовить сцену.

— Разве это комедия?

— Ну, а трагедия, по вашему мнению, не требует соответствующего оформления? — осведомился Пуаро.

Карбери искоса взглянул на него.

— Ну, это уж ваше дело! Я не знаю, каковы ваши намерения, но чувствую, что вы до чего-то докопались.

— Я буду иметь удовольствие сообщить вам то, что вы желали: правду.

Эркюль Пуаро взглянул на часы.

— Пора приступать к операции,— сказал он.— Полковник, садитесь сюда, за стол. Постарайтесь выглядеть достаточно официально.

— Хорошо. Пусть будет так,— буркнул Карбери.

— Здесь,— продолжал детектив, пододвигая кресла,— разместим семейство Бойнтонов.— Там,— указал он движением руки,— усадим трех посторонних лиц, несомненно замешанных в деле. Это доктор Жерар, показания которого развязали всю эту историю; Сара Кинг, связанная с этим делом, я бы сказал, двояко — во-первых, лично, а во-вторых, как врач, дававший медицинское заключение; наконец, Джефферсон Коуп, близкий друг Бойнтонов, которого тоже можно считать стороной заинтересованной...— Он внезапно прервал свой монолог.— О! Вот и они.

Первыми в комнату вошли Леннокс и его жена, за ними Реймонд и Кэрол, потом Джиневра, на губах которой блуждала неопределенная улыбка. Шествие замыкали Жерар и Сара Кинг. Коуп явился несколькими минутами позже. Когда он занял указанное ему место, Пуаро вышел на середину комнаты.

— Дамы и господа! — начал он.— Встреча, на которую вас пригласили, совершенно неофициальная. Все произошло потому, что я случайно оказался в Аммане. Полковник Карбери обратился ко мне с просьбой о консультации...

В этот момент речь маленького бельгийца прервал тот,

атаки со стороны которого меньше всего приходилось опасаться. Леннокс Бойнтон вызывающе крикнул:

— Зачем? Для чего, черт побери, полковник впутал вас в эту историю?

Пуаро эффектно взмахнул рукой.

— Так уж складывается, что люди часто просят меня о консультации в случае скоропостижной смерти.

— А что, врачи всегда обращаются к вам в случае сердечных приступов?

— Сердечный приступ — это неточное и ненаучное определение, — снисходительно объяснил Пуаро.

Полковник Карбери, сидевший с официальным видом, откашлялся и произнес голосом, звучащим тоже весьма официально:

— Внесем ясность. Я получил рапорт об обстоятельствах смерти человека. Все выглядело вполне естественно. Непривычная жара. Путешествие, весьма мучительное для старого человека, к тому же со слабым здоровьем. Однако доктор Жерар обратился ко мне, чтобы добровольно дать показания...

Он прервал свою речь и вопросительно взглянул на Пуаро, который ответил ему кивком головы.

— Доктор Жерар, — продолжал полковник, — известный ученый с мировым именем. Мнение, высказанное им по любому вопросу, заслуживает внимания. Показания доктора сводились к следующему. После смерти миссис Бойнтон доктор обнаружил, что из его дорожной аптечки исчезла значительная доза ядовитого препарата, действующего на сердце. Во второй половине предыдущего дня он обнаружил отсутствие своего шприца. Поздним вечером того же дня или ночью шприц был подброшен обратно. Это второй пункт показания. Теперь пункт третий. Доктор Жерар обнаружил на сгибе руки умершей след, похожий на след инъекции. В свете этих фактов, — продолжил он после непродолжительного молчания, — я счел необходимым организовать предварительное расследование. Месяц Пуаро в это время гостил у меня и очень любезно предложил свою помощь. Я уполномочил его на проведение расследования, предоставив полную свободу действий. Теперь мы собрались сюда, чтобы заслушать его отчет.

Наступила тишина — мертвая, гнетущая. В соседнем номере кто-то, по-видимому, уронил ботинок, и этот звук прозвучал, как взрыв бомбы.

Пуаро быстро взглянул на тройку, сидевшую по правую

сторону от него. Потом перевел взгляд налево, на семью Бойнтонов.

— Когда полковник Карбери обратился ко мне с этим делом,— начал он,— я изложил ему свое мнение, мнение профессионала. Я сказал ему, что скорее всего не смогу собрать доказательства, достаточные для проведения судебного процесса, но выразил уверенность, что мне удастся узнать правду, если я побеседую с лицами, имеющими отношение к происшествию. Потому что, уважаемые дамы и господа, для разоблачения преступления нужно только позволить виновному или виновным высказаться; в конце концов он или они всегда выложат вам все, что вы хотите знать.— Он несколько повысил голос.— В данном случае вы, господа, разговаривая со мной, часто лгали, но невольно говорили при этом и правду.

Пуаро услышал тихий вздох, но даже не взглянул в ту сторону, откуда он донесся.

— Прежде всего обсудим возможность естественной смерти миссис Бойнтон и скажем, что вынуждает нас отбросить эту гипотезу. Действительно, ее отвергают разнообразные факты: исчезновение яда и шприца, а кроме того, поведение семьи умершей. Я пришел к выводу, что здесь вполне могло иметь место преднамеренное убийство и, что не менее важно, к этому акту могли быть причастны все Бойнтоны, которые вели себя как виновные. Но степень виновности может быть разной. Затем я приступил к анализу известных мне фактов, чтобы окончательно ответить на вопрос, убийство ли это. Да, господа, это было убийство!.. Было ли это убийство совершено в соответствии с планом, разработанным всей семьей или значительной частью ее? Несомненно, у родных миссис Бойнтон был мотив, даже слишком очевидный, если можно так выразиться. Ее смерть была полезна для них всех вместе и для каждого в отдельности, причем как в материальном, так и в моральном плане. Эта смерть обеспечивала им финансовую независимость, они становились весьма состоятельными людьми, а кроме того, освобождались от невыносимой домашней тирании. Несмотря на все это, я сразу же признал невозможной версию, согласно которой Бойнтоны совершили это преступление сообща. У них не было подготовленных алиби, которые подтверждались бы показаниями других членов семьи. Факты свидетельствовали, что здесь действовал один человек или, может быть, два человека были в сговоре, а остальные старались помочь им уже после совершения убийства. Далее я попытался выявить

непосредственных виновников, но в этом деле, должен признаться, одна известная только мне деталь несколько осложнила объективный подход к событиям.

Он на минуту умолк, а потом пересказал разговор, свидетелем которого был в Иерусалиме.

— Разумеется, услышанное наталкивало на мысль,— продолжал он,— что инициатором преступления мог быть мистер Реймонд Бойнтон. Поразмыслив, я пришел к выводу, что обращался он скорее всего к своей сестре Кэрл. Эти двое похожи друг на друга как внешне, так и по душевному складу, они очень нервны, поэтому родственные чувства у них должны проявляться весьма сильно. Кроме того, отметим присущую им энергичность, являющуюся необходимым условием для реализации подобного плана. То, что движущий ими мотив не является эгоистичным — они хотели освободить от гнета всю семью, особенно свою младшую сестру,— честно говоря, делало эту версию еще более правдоподобной.

Последовала короткая пауза. Реймонд шевельнул губами, будто собираясь что-то сказать, но тут же снова плотно сжал их. С отчаянием смотрел он прямо в лицо Пуаро.

— Я пока оставляю открытым вопрос о возможности участия Реймонда Бойнтон в этом деле и позволю себе зачитать присутствующим перечень событий, на мой взгляд знаменательных. Я составил его сегодня после полудня, а затем ознакомил с ним присутствующего здесь полковника.

1. Миссис Бойнтон принимала микстуру, содержащую дигиталис.
2. У доктора Жерара пропал шприц.
3. Миссис Бойнтон старалась, чтобы ее дети не устанавливали дружеских контактов с посторонними лицами.
4. В день происшествия миссис Бойнтон отправила на прогулку всю семью.
5. Миссис Бойнтон имела склонность к моральным глумлениям над окружающими.
6. Расстояние между маркизой и местом, где сидела миссис Бойнтон, составляет около двухсот ярдов.
7. Леннокс Бойнтон первоначально утверждал, что не знает, в котором часу вернулся в лагерь. Потом он сознался, что заводил часы миссис Бойнтон.
8. Доктор Жерар и Джиневра Бойнтон занимали соседние палатки.
9. В половине седьмого, когда обед был готов, за миссис Бойнтон послали слугу.
10. В Иерусалиме миссис Бойнтон произнесла слова: «Я ничего не забываю. И об этом следует помнить. Я никогда ничего не забываю: ситуацию, имя, лицо».

Хотя все события выделены в отдельные пункты, некоторые из этих пунктов следовало бы соединить. Например,

первый и второй: «Миссис Бойнтон принимала микстуру, содержащую дигиталис. У доктора Жерара пропал шприц». Эти пункты с самого начала привлекли мое внимание, как очень странные и, более того, абсолютно не согласующиеся друг с другом. Почему? Разве вам это не понятно, господа? Тогда оставим пока этот вопрос. Вскоре мы вернемся к нему.

Сейчас я хотел бы закончить с вопросом относительно вероятной виновности Реймонда Бойнтон. Сказанные им слова: «Ведь ты понимаешь, что ее нужно убить?», несомненно, относились к миссис Бойнтон. Он пребывал в состоянии сильнейшего нервного напряжения. Более того... Простите меня, мадемуазель,— Пуаро предупредительно поклонился Саре.— Он влюбился, влюбился впервые, окончательно и бесповоротно, а потому пережил сильнейшее эмоциональное потрясение. Состояние экзальтации, в котором он пребывал, могло разрешиться несколькими путями. Он мог расчувствоваться, ощутить любовь и нежность ко всему свету, не исключая даже мачехи. Он мог также обрести храбрость и бросить вызов миссис Бойнтон, освободиться от ее влияния. Но это состояние могло также послужить дополнительным стимулом для реализации плана преступления. Все это возможности психологического плана. Теперь поразмыслим над фактами.

Реймонд Бойнтон покинул лагерь вместе с остальными в самом начале четвертого. Вне всяких сомнений миссис Бойнтон тогда была жива и невредима. Вскоре между Реймондом и Сарой Кинг состоялся важный разговор с глазу на глаз. Потом он ушел и, как следует из его собственных показаний, возвратился в лагерь без десяти шесть. Он перебросился несколькими словами с мачехой, затем зашел в свою палатку, а потом направился к навесу. Итак, без десяти шесть миссис Бойнтон была жива. Однако существуют факты, решительно противоречащие этому утверждению. В половине седьмого один из слуг обнаружил труп миссис Бойнтон. Мисс Кинг, врач, недавно завершившая обучение, незамедлительно исследовала тело. Так вот, мисс Кинг заявляет, что в ту минуту она не придавала особого значения установлению точного времени смерти, однако она уверена, что смерть должна была наступить по крайней мере за час до обнаружения трупа.

Мы имеем, как вы видите, два абсолютно противоположных показания. Впрочем, приходится считаться еще с возможностью профессиональной ошибки со стороны мисс Кинг.

— Я никак не могла ошибиться! — запротестовала Сара.— Это значит... Если бы я совершила ошибку, то призналась бы в ней.

Пуаро снова учтиво поклонился девушке.

— А потому, — продолжал он, — существует только две возможности. Кто-то солгал: либо мисс Кинг, либо Реймонд Бойнтон! Подумаем теперь, какие причины мог бы иметь для этого Реймонд, принимая, конечно, что мисс Кинг не допустила ошибки и не лжет умышленно. Рассмотрим ход событий. Реймонд возвращается в лагерь, видит мачеху, сидящую в той же позе перед входом в пещеру, подходит к ней и убеждается, что она мертва. Как ему поступить? Поднять тревогу, позвать на помощь? Нет! Он, подождав несколько минут, идет в свою палатку, а оттуда к навесу. Там он находит остальных членов семьи, однако ничего им не говорит. Странное поведение, господи, даже чрезвычайное странное!

— Разумеется! Даже идиотское! — нервно перебил его Реймонд.— И именно поэтому вы должны верить мне, что моя мать тогда была жива. Мисс Кинг это событие застигло врасплох, сбило с толку. Она вполне могла совершить ошибку.

— Напрашивается вопрос, — продолжал Пуаро, пропустив мимо ушей реплику Бойнтон, — какая причина могла обусловить подобное поведение? Все указывает на то, что Реймонд Бойнтон не имел возможности совершить преступление. Ведь к тому времени, когда он возвратился в лагерь, мачеха уже была мертва. Предположим, что он невиновен. Сможем ли мы тогда объяснить его поведение? С полным убеждением отвечу: да. Напомню вам, господи, его слова: «Ведь ты понимаешь, что ее нужно убить?» В роковой день он возвращается с прогулки и обнаруживает труп мачехи. Что делать дальше? Ему на память приходит разговор в Иерусалиме. А что, если задуманный план выполнен, но не им, а его соучастницей? Иными словами, он начинает подозревать свою сестру, Кэрол Бойнтон.

— Это ложь! — выкрикнул Реймонд сдавленным дрожащим голосом.

— Рассмотрим теперь следующую возможность.— Пуаро скрестил руки на груди.— Могла ли Кэрол Бойнтон совершить убийство? Что свидетельствует против нее? По природе она нервна, энергична, темпераментна, а потому могла решиться на поступок такого рода из героических и благородных побуждений. Именно с ней разговаривал Реймонд в Иерусалиме. В лагерь она вернулась в пять

десять. Из ее собственных показаний следует, что она подходила к матери и обменялась с ней несколькими фразами. Никто этого не видел. Лагерь был безлюдным, прислуга спала. Леди Вестхолм, мисс Пирс и мистер Коуп в это время познакомились с пещерой за поворотом ущелья. Так что свидетелей не было. Указанное время согласуется с показаниями мисс Кинг. Итак, обвинение, выдвинутое против Кэрол Бойнтон, имело бы весьма серьезные основания.

Пуаро сделал паузу. Кэрол неотрывно смотрела ему в глаза. Взгляд ее был полон тоски.

— И еще одно,— продолжил Пуаро после минутного молчания.— Ранним утром следующего дня Кэрол Бойнтон бросила что-то в ручей. Есть серьезные основания предполагать, что это «что-то» есть не что иное, как шприц.

— Что вы говорите? — удивился доктор Жерар.— Ведь я нашел свой шприц. Он у меня.

— Вот именно! — откликнулся детектив.— И этот второй шприц создал аспект очень интересный, я бы сказал, необычный. Насколько мне известно, второй шприц является собственностью мисс Кинг. Это так, мадемуазель?

Кэрол Бойнтон опередила Сару.

— Нет! — живо воскликнула она.— Это мой шприц!

— Стало быть, вы признаете, что выбросили шприц? — обратился к ней Пуаро.

Девушка колебалась несколько секунд.

— Да. А почему я не могла это сделать?

— Кэрол! — Нейдин подалась вперед, ее широко открытые глаза были полны страха.— Кэрол! Ты не понимаешь, почему...

Кэрол повернула лицо в сторону брата. Взглянула на него быстро и как будто враждебно.

— Нечего тут понимать! — бросила она.— Просто выбросила старый шприц. Но я никогда не прикасалась к яду... Никогда...

— Мисс Пирс сказала вам правду,— поспешила обратиться к детективу Сара.— Это был мой шприц!

— Хотя история со шприцем весьма загадочна и основательно запутана,— усмехнулся Пуаро,— ее тем не менее нужно выяснить. Что ж, мы выдвинули два тезиса: тезис невинности Реймонда и тезис виновности его сестры Кэрол. Но я абсолютно беспристрастен. Любую ситуацию привык рассматривать с обеих сторон. Поставим вопрос так: как выглядело бы дело, если б Кэрол была невинна? Вот она возвращается в лагерь, подходит к сидящей матери

и видит, что она мертва. Что должно было прийти ей в голову? Разумеется, подозрение, что ее брат Бойнтон совершил убийство. Она не знает, что делать. Решает никому ничего не говорить. А что дальше? Часом позже возвращается Реймонд, якобы разговаривает с матерью и также умалчивает о происшедшем. Не кажется ли вам, господа, что подозрения Кэрл от этого должны были только укрепиться? Возможно, она зашла в его палатку и обнаружила там шприц. Я лично абсолютно уверен в этом. Она забрала шприц, спрятала его, а на следующее утро бросила в ручей.

И еще одно указывает на то, что Кэрл Бойнтон невиновна, — продолжал Пуаро. — Когда я разговаривал с ней, она уверяла меня, что ни она, ни ее брат никогда не помышляли о претворении в жизнь своего фантастического плана. Я попросил ее, чтобы она поклялась, что говорит правду. Она сделала это незамедлительно, без колебаний, серьезно и с достоинством. Поклялась, что она невиновна в преступлении. Понимаете, господа? Она, а не они! Она обошла вопрос о виновности брата. Вероятно, надеялась, что это не привлечет моего внимания! Итак, тезис о виновности Кэрл Бойнтон оказывается весьма уязвимым. Сделаем шаг назад и предположим, что виновен Реймонд Бойнтон.

Допустим, что Кэрл Бойнтон сказала правду и миссис Бойнтон в пять десять была жива. При каких условиях мог бы Реймонд Бойнтон осуществить преступление? Можно подозревать, что он убил мачеху, когда в пять часов пятьдесят минут подошел к ней и будто бы с ней разговаривал. Правда, прислуга в это время уже приступила к своим обязанностям. Однако в этот час начинает смеркаться, и Реймонд мог совершить преступление незаметно, но лишь при условии, что мисс Кинг солгала мне. Помните, господа? Она возвратилась в лагерь на пять минут позже Реймонда. Поэтому с относительно небольшого расстояния должна была бы видеть Реймонда, находящегося возле мачехи. Что же дальше? Когда труп обнаружили, мисс Кинг предположила, что убийство совершено Реймондом, и, чтобы спасти его, солгала умышленно. Ведь она знала, что доктора Жерара свалил тяжелый приступ малярии и он не сможет опровергнуть ее мнение.

— Я не лгала, — уверенно возразила Сара.

— Существует еще одна возможность, — продолжал маленький бельгиец. — Как уже упоминалось, мисс Кинг пришла в лагерь через пять — десять минут после Реймонда. Если Реймонд действительно застал мачеху живой,

то смертельный укол с успехом могла сделать сама мисс Кинг. Она могла уверовать в то, что миссис Бойнтон является воплощением зла, и убедить себя, что она лишь исполнительница справедливого приговора. В таком случае ее ложь относительно времени смерти также была бы вполне мотивированной.

Сара побледнела, а когда заговорила, в ее голосе не было обычной решительности.

— Действительно, я говорила, что считаю справедливым пожертвовать одним для блага многих. На эту мысль меня навел жертвенный алтарь. Но я могу показать под присягой, что я не сделала ничего плохого этой мерзкой женщине и никогда не имела подобных намерений.

— И тем не менее,— заметил Пуаро,— кто-то из вас должен лгать. Либо вы, мадемуазель, либо мистер Бойнтон!

Реймонд беспокойно завозился в кресле.

— Ваша взяла! — обратился он к Пуаро.— Мать была мертвой, когда я подошел к ней. Это совершенно сбilo меня с толку, я растерялся. Понимаете, я решил поговорить с ней очень серьезно, сказать, что с этой минуты я свободный человек. Я собрал все свое мужество и... И увидел, что она мертва! Ее рука была неподвижной, холодной. Мне тогда пришло в голову, что... что, может быть, Кэрл... Понимаете? У нее был след укола на сгибе руки...

— Я до сих пор ничего не знаю об одной важной вещи,— сказал Пуаро.— Какой все-таки метод вы собирались использовать? То, что вы задумали, имело связь со шприцем?

— Да,— признался Реймонд.— Я читал об этом в каком-то английском детективном романе... Если ввести в вену воздух из пустого шприца, то это смертельно... Звучало убедительно, вполне научно.

— Ага... Понимаю! И вы купили шприц? — спросил детектив.

— Нет. Если говорить правду, я украл его у моего брата.

Пуаро быстро взглянул на Нейдин:

— Не тот ли, который сейчас находится в Иерусалиме в оставленном там багаже?

Молодая миссис Бойнтон сильно покраснела.

— Я... Я понятия не имела, что с ним случилось.

— Мадам, у вас очень быстрая реакция,— вполголоса заметил Эркюль Пуаро.

Снова в комнате повисла тишина. После эффектной паузы Пуаро откашлялся и повел речь дальше:

— Рассмотрим теперь таинственную историю второго шприца, являющегося собственностью Нейдин Бойнтон. Реймонд взял его перед отъездом из Иерусалима. После смерти миссис Бойнтон Кэрол забрала его из палатки брата и на следующее утро швырнула в ручей. Шприц нашла мисс Пирс, а мисс Кинг признала его своим; полагаю, что он и сейчас находится у вас, мадемуазель.

— Да,— ответила Сара.

— А поэтому, мадемуазель,— сказал детектив,— ваше заявление относительно того, что шприц принадлежит вам, было ложью, в которой вы так решительно не хотели сознаться.

— Это была ложь другого рода,— спокойно заявила Сара.— Она не является ложью профессионального характера.

— Правильно. Вполне разделяю вашу точку зрения.

— Благодарю.

Пуаро откашлялся снова.

— Теперь восстановим ход событий,— сказал он и зачитал свое творение.

Бойнтон и Джефферсон Коуп вышли из лагеря (прибл.) . . .	3.05
Доктор Жерар и Сара Кинг вышли из лагеря (прибл.) . . .	3.15
Леди Вестхолм и мисс Пирс вышли из лагеря	4.15
Доктор Жерар вернулся в лагерь	4.20
Леннокс Бойнтон вернулся в лагерь	4.35
Нейдин Бойнтон вернулась в лагерь и разговаривала с миссис Бойнтон	4.40
Нейдин Бойнтон рассталась со свекровью и отправилась к навесу	4.50
Кэрол Бойнтон возвратилась в лагерь	5.10
Леди Вестхолм, мисс Пирс и Джефферсон Коуп возвращаются в лагерь	5.40
Реймонд Бойнтон возвращается в лагерь	5.50
Сара Кинг возвращается в лагерь	6.00
Обнаружение трупа	6.30

Вы, несомненно, заметили, господа, двадцатиминутный перерыв между четырьмя пятьюдесятью, когда Нейдин рассталась с миссис Бойнтон, и возвращением в лагерь Кэрол в пять десять. Итак, если Кэрол сказала правду, кончина миссис Бойнтон могла произойти в этот двадцатиминутный отрезок времени. Кто тогда мог совершить убийство? Мисс Кинг и Реймонд Бойнтон были вместе. Мистер Коуп, у которого нет ни малейшего мотива преступления,

имеет к тому же неопровержимое алиби: он находился в обществе леди Вестхолм и мисс Пирс. Леннокс Бойнтон и его жена отдыхали под маркизой. Доктор Жерар лежал в палатке с приступом малярии. Лагерь был безлюден. Прислуга спала. Все благоприятствовало убийству. Кто же мог его совершить?

Пуаро перевел взгляд на молодую миссис Бойнтон.

— Такая особа была! — произнес он после паузы. — Джиневра Бойнтон провела всю вторую половину дня в своей палатке. Так, по крайней мере, было сказано, однако, существует свидетельство, что она выходила из палатки. Она сама сообщила мне нечто очень важное, а именно то, что доктор Жерар в бреду повторял ее имя. В то же время доктор Жерар вспомнил, что видел во сне лицо Джиневры. Это не был сон! Он действительно видел Джиневру, стоявшую над его постелью. Он посчитал, что это померещилось ему в бреду, а это было на самом деле. Джиневра входила в палатку доктора! Не затем ли, чтобы положить шприц на прежнее место?

Девушка подняла голову, увенчанную короной золотисто-рыжих волос. Огромные, лишенные выражения глаза обратились в сторону детектива. Она напоминала изображение святой в глубоком болезненном экстазе.

— Это невозможно! — запротестовал француз.

— Вы полагаете, доктор, что это невозможно с точки зрения психологии? — спросил Пуаро.

Жерар опустил глаза.

— Это просто невозможно! — взволнованно крикнула Нейдин.

Пуаро измерил ее взглядом.

— Вы в этом уверены, мадам?

— Да. — Она прикусила губу. — Я не могу слышать такие обвинения в адрес бедной девочки. Мы... мы все знаем, что это невозможно!

Джиневра шевельнулась. На ее лице появилась улыбка — безмятежная, невинная, улыбка.

— Невозможно! — повторила Нейдин.

Маленький бельгиец склонился в учтивом поклоне.

— Мадам, — сказал он, — вы исключительно умны.

— Умны? Что вы хотите этим сказать? — спросила она спокойно.

— Я хочу сказать, мадам, что вы не склонны, как говорится, терять голову.

— Вы мне льстите, месье Пуаро.

— Нисколько, мадам! — Пуаро взглянул ей в глаза. —

С самого начала вы хладнокровно и рассудительно оценили ситуацию. Внешне вы поддерживали вполне корректные отношения со своей свекровью. Вы полагали, что это наиболее подходящая форма поведения. Но в действительности... в действительности вы глубоко ненавидели и порицали ее. Сколько-то времени назад вы, наверное, осознали, что ваш муж может быть счастлив только в том случае, если расстанется с этим домом, невзирая на финансовые затруднения и заботы, которые повлек бы за собой ваш уход. Однако ваши старания повлиять на него в этом направлении не привели к особым успехам. Вы не преуспели, мадам. Потому что Леннокс Бойнтон вообще не желал свободы. Я убежден, даже уверен, что вы любите мужа. Решение порвать с ним не было продиктовано тем, что у вас возникло сильное чувство к другому мужчине. Это была, как я полагаю, последняя искра надежды. В такой ситуации у женщины может быть только три выхода. Можно уговаривать и просить; как я упоминал, это ни к чему не привело. Можно угрожать разрывом, но и такая угроза не смогла расшевелить вашего мужа. Он, вероятно, только еще глубже погрузился в состояние депрессии, но не предпринял никаких попыток к бунту. Оставалось последнее отчаянное средство. Вы могли уйти с другим мужчиной. Инстинкт собственника и ревность — два фундаментальнейших инстинкта, наиболее глубоко укоренившихся в психике мужчины. Попытка воззвать к ним свидетельствует, мадам, о вашем интеллекте, о мудрости, я бы сказал. Если бы Леннокс позволил вам уйти с другим и не предпринял бы последнего усилия, это свидетельствовало бы о том, что для него нет спасения, а вы, мадам, имели бы полное право начать новую жизнь.

Допустим, однако, что даже это последнее отчаянное средство не возымело действия. Допустим, что даже апелляция к сильнейшим первичным мужским инстинктам не оправдала тех надежд, которые вы на нее возлагали. Могли бы вы как-нибудь иначе спасти мужа от состояния быстро прогрессирующих депрессии и апатии? Да! Если бы его мачеха умерла, то это, возможно, решило бы все проблемы. Леннокс, вероятно, сумел бы начать новую жизнь, жизнь независимого и по-настоящему свободного мужчины.

Нейдин, которая не отводила взгляда от лица детектива, ответила спокойным, сдержанным голосом:

— Вы хотите сказать, что я причастна к смерти миссис Бойнтон? Но вы ничего не докажете. В тот вечер я уведомила свекровь о своем окончательном решении разойтись

с мужем и сразу же ушла под маркизу, где находилась в обществе Леннокса вплоть до того времени, когда был обнаружен труп. Я чувствую себя виноватой в другом смысле. Потрясение, вызванное разговором со мной, могло явиться причиной смерти, естественной, разумеется. Таким образом, я не могла убить свекровь, просто не имела возможности.

— Следовательно, вы находились под маркизой вплоть до того момента, когда был обнаружен труп? Это ваши слова, не так ли? Но тут есть одно обстоятельство, дающее пищу для размышлений.

— В каком смысле?

— В моем списке фигурирует пункт девятый: «В половине седьмого, когда обед был готов, за миссис Бойнтон послали слугу».

— Ничего не понимаю! — воскликнул Реймонд.

— И я тоже, — присоединилась Кэрл.

Пуаро перевел взгляд на брата с сестрой.

— Вы не понимаете, господа? За миссис Бойнтон пошел слуга. Слуга! Но ведь вы все, господа, ревностно старались услужить миссис Бойнтон. Она передвигалась с трудом, поэтому кто-то всегда провожал ее к столу, помогал подняться с кресла. К чему я веду? Когда обед был готов, кто-то из вас, господа, должен был сходить за матерью. Такое поведение было бы естественным, но никто этого не сделал.

— Это все вздор! — резко бросила Нейдин. — В тот вечер все мы ужасно устали. Да, кто-нибудь из нас должен был пойти за матерью, признаю это. Но именно в тот вечер никто не поспешил это сделать.

— В этом-то и заключена суть вопроса. Именно в тот вечер! Мадам, вы помогали свекрови чаще и больше, чем кто-либо из ее детей. Считали это своей обязанностью и выполняли чисто рефлекторно. Но в тот вечер вы не пошли за ней. Почему? Я неоднократно задавал себе этот вопрос и ответ всегда был один и тот же: потому что вы знали, что ваша свекровь мертва. Нет, нет! Не прерывайте меня, мадам! — Он предостерегающе поднял руку. — Теперь говорю я, Эркюль Пуаро. Прошу вас выслушать меня до конца. Да, мадам, есть свидетели вашего разговора с миссис Бойнтон, свидетели, которые видели этот разговор, но не могли слышать его. Леди Вестхолм и мисс Пирс находились довольно далеко. Они видели, что вы разговаривали со свекровью, но кто знает, что там происходило в действительности. Я не знаю, но позволю себе предложить свою скромную гипотезу. Как я уже говорил, вы,

мадам, имеете голову на плечах. Если бы в своей спокойной деловой манере решили... ну, скажем, убрать свою свекровь, мачеху вашего супруга, то вы легко реализовали бы план, выполнению которого предшествовала бы соответствующая подготовка.

В то время, когда вновь прибывшие пошли на утреннюю экскурсию, вы имели полную возможность проникнуть в палатку доктора. Можно было ожидать, что в его аптечке найдутся лекарства, пригодные для намеченной цели. Вам помогли знания, полученные при обучении на медицинских курсах, и ваш выбор пал на дигитоксин, вещество, содержащееся в дивиталисе, обычном лекарстве, употребляемом миссис Бойнтон. Вы взяли также шприц доктора Жерара, так как ваш собственный где-то затерялся. Вы надеялись успеть положить его на место, прежде чем доктор обнаружит пропажу.

Перед осуществлением своего плана вы предприняли последнюю попытку побудить мужа к действиям. Вы сообщили ему, что намерены покинуть его и связать свою жизнь с мистером Коупом. Леннокс впал в отчаяние, однако не отреагировал на это так, как вы ожидали. Поэтому вам оставалось только довести до конца уже подготовленный план убийства. На обратном пути к лагерю вы обменялись несколькими малозначащими словами с леди Вестхолм и мисс Пирс. Потом подошли к своей свекрови, которая, как мы знаем, сидела в кресле у входа в пещеру. Шприц, наполненный дигитоксином, был у вас наготове. Что может быть проще для медицинской сестры, нежели взять руку жертвы и сделать укол, прежде чем та поймет, что происходит. Из глубины котлована было видно только, что вы склонились к свекрови и что-то ей говорите. Сделав свое дело, вы идете за креслом, садитесь рядом со свекровью и в течение нескольких минут делаете вид, будто разговариваете с ней. Смерть наступила мгновенно. Вы разговариваете с трупом, но кто может догадаться об этом? Несколько минут спустя вы относите кресло обратно и идете к маркизе, где застаете мужа с книжкой в руках. Конечно, вы больше не выходите из-под тента до самого конца. Вы убеждены, что причину смерти припишут неожиданному сердечному приступу. Правильно! Инъекция большой дозы дигитоксина вызывает паралич сердца. Только одно обстоятельство сорвало этот великолепно продуманный план. Вы не могли подбросить шприц в палатку доктора Жерара, которого неожиданно свалил приступ малярии и который, хотя вы еще об этом не знали, обнаружил исчез-

новение шприца. Вот тот маленький камешек, который неожиданно обнаружился на пути преступления. Мелочь, не так ли?

С минуту в комнате царило гробовое молчание. Затем Леннокс Бойнтон сорвался с кресла.

— Нет! — крикнул он. — Это клевета! Нейдин ничего не сделала! Не могла сделать! Моя мать тогда уже была мертва!

— Значит, так... — вкрадчиво произнес Пуаро. — Тогда, следовательно, ее убили вы?

Снова наступила тишина. Леннокс упал в кресло, прижимая руки к лицу.

— Да... Вы правы... Я убил ее.

— Вы взяли дигитоксин из аптечки доктора Жерара?

— Да.

— Когда?

— Вы угадали точно... В тот день утром.

— И шприц?

— Шприц?.. Да.

— Почему вы ее убили?

— Вы спрашиваете об этом?

— Да, спрашиваю.

— Но ведь вы знаете... Моя жена сказала, что уходит от меня с Джефферсоном.

— Знаю. Но вам это стало известно только после полудня.

— Разумеется... Когда ходили на прогулку.

— А о яде и шприце вы позаботились с утра? Как же это так?

— К черту! Зачем вы мучаете меня вопросами? — взорвался Леннокс и добавил: — Разве это имеет какое-нибудь значение?

— Имеет. И очень большое. Советую вам сказать правду.

— Правду? — Леннокс тупо взглянул на детектива.

— Я рассказала правду! — неожиданно выкрикнула Нейдин.

— Ради бога! Я все расскажу! — прервал ее Леннокс. — Но я не сомневаюсь, что вы мне не поверите. — Он запнулся и глубоко вздохнул. — Я расстался с Нейдин в ужаснейшем состоянии. Был потрясен до глубины души. Мне никогда не приходило в голову по-настоящему, что она может бросить меня ради другого мужчины. Я был близок к помешательству. Чувствовал себя как пьяный или как человек в горячечном бреду.

Пуаро понимающе кивнул.

— Что ж, ваши слова подтверждаются свидетельскими показаниями: леди Вестхолм говорила мне, что вы прошли мимо них пошатываясь. Так что я знал, что ваша жена солгала, когда утверждала, что сообщила вам о своем намерении позже, когда вы оба уже возвратились в лагерь. Продолжайте, пожалуйста.

— Сначала я не очень отдавал себе отчет в том, что со мной происходит. Но потом, уже неподалеку от лагеря, меня вдруг вроде как озарило. Я осознал, что мне некого винить, что я могу быть в претензии только на самого себя. Я вел себя как жалкий трус! Давно должен был восстать против тирании мачехи, покинуть ее и этот проклятый дом. И я подумал, что, может быть, еще не поздно. Она, старая чертовка, восседает там, как языческий идол среди красных скал. Я напрямик направился к ней, чтобы без промедлений сказать, что с меня хватит и что я ухожу. Я мечтал, что в этот же вечер заберу Нейдин и мы куда-нибудь уедем, хотя бы в Маан.

— Леннокс... Мой дорогой! — прозвучал тихий голос Нейдин.

— Ну и... Это было как гром среди ясного неба! Она была мертва! Мертвая сидела в кресле. Я понятия не имел, что делать. Я был поражен, мысли разбегались. Все во мне как бы окаменело. Я слова не мог произнести. Непроизвольно потянулся к ее часам: они лежали у нее на коленях. Одел их ей на руку. О, эта ужасная, холодная, мертвая рука! — Он вздрогнул от отвращения. — Боже! Это было страшно! Потом я, как пьяный, добрался до маркизы. Нужно было поднять тревогу, звать кого-то... Знаю! Но я был не в состоянии. Я сел, взял книжку и начал ждать... Бессмысленно листал страницы. — Он немного помолчал. — Вы мне не верите, правда? Почему, почему я никого не позвал, никому не сказал ни слова? Даже Нейдин! Не знаю.

Доктор Жерар, откашлявшись, сказал:

— Ваши показания заслуживают доверия, мистер Бойнтон. Вы находились в нервном состоянии. Два тяжелых удара, которые обрушились на вас за столь короткий промежуток времени, должны были сделать свое дело. Это так называемая реакция птицы, описанная Вейссенкальтером. Птица, столкнувшись с оконным стеклом, некоторое время находится в полной неподвижности; это необходимо, чтобы нервные центры пришли в нормальное состояние. Вы не были в состоянии поступить иначе. Выполнение

сколько-нибудь решительного действия превышало ваши возможности. Произошел временный паралич некоторых центров нервной системы. Уверяю вас,— обратился он к маленькому бельгийцу,— что все обстояло именно так.

— Я не сомневаюсь в этом,— ответил Пуаро.— Ничуть не сомневаюсь. Я тоже обратил внимание на определенные детали. Тот факт, что мистер Бойнтон надел часы на руку умершей, говорит сам за себя. Можно допустить, что этот его поступок был замечен и неправильно истолкован Нейдин Бойнтон. Она вернулась в лагерь всего на несколько минут позже мужа. Она должна была видеть, что он делает, а когда потом подошла к свекрови, то убийство приписала ему. Нейдин Бойнтон пришла к выводу, что ее муж отреагировал на известие о разрыве совсем не так, как она надеялась. Иными словами, она поверила, что помимо своей воли толкнула мужа на преступление.— Он взглянул в сторону Нейдин.— Я прав, мадам?

Она опустила голову. Потом спросила тихо:

— Вы действительно подозревали меня?

— Вы входили в число подозреваемых лиц,— последовал ответ.

Нейдин вздохнула.

— И что же? — обратилась она к детективу.— Как же все было в действительности.

Глава 24

— Как было в действительности? — повторил детектив. Затем пододвинул кресло и сел. Теперь он выглядел менее официально, даже доброжелательно.— Как было в действительности? Вот это вопрос! Несомненно исчезновение дигитоксина, несомненно исчезновение шприца, а умершая имела след укола на сгибе руки. Через несколько дней после секции трупа можно будет с уверенностью сказать, явилась ли причиной смерти большая доза дигитоксина. Но тогда, возможно, будет слишком поздно. Лучше добраться до правды здесь, пока убийца находится среди нас.

Нейдин внезапно выпрямилась.

— Так, значит, вы и теперь считаете, что...— Голос отказывался ей повиноваться.

Пуаро медленно кивнул головой.

— Правда...— произнес он.— Я обещал полковнику Карбери, что узнаю правду... Что ж, мы прошлись по разным тропинкам и теперь должны вернуться к месту, на

котором уже были раньше. Я имею в виду мой перечень событий и содержащиеся в нем разительные противоречия. Их два.

— Может быть, вы сообщите нам, наконец, что это за противоречия? — спросил полковник.

— Сейчас объясню, — с достоинством ответил Пуаро. — Вспомним два первых пункта упомянутой записки: «Миссис Бойнтон принимала микстуру, содержащую дигиталис. У доктора Жерара пропал шприц». Эти обстоятельства следует сопоставить с бесспорным фактом, сразу же поразившим меня: все Бойнтонны вели себя как виновные, откуда напрашивался вывод, что убийцу следует искать среди них. Однако сопоставление фактов убедительнейшим образом противоречило этой гипотезе. Прошу обратить внимание! Мысль воспользоваться концентрированным раствором дигитоксина была удачной, так как миссис Бойнтон принимала это лекарство. Но как поступил бы в таком случае кто-либо из членов семьи? Бог мой! Существует только один логически обоснованный ответ. Следовало просто ввести яд в склянку с лекарством, которое она систематически принимала. Так, разумеется, должен был поступить каждый, кто сохранил хотя бы каплю разума, если, конечно, он имеет доступ к лекарствам миссис Бойнтон. Раньше или позже, но миссис Бойнтон обязательно приняла бы смертельную дозу яда и умерла бы. Если бы даже удалось обнаружить в склянке дигитоксин, можно было бы приписать вину аптекарю, допустившему ошибку в дозировке. Во всяком случае, доказать ничего не удалось бы.

— Тогда зачем было похищать шприц?

— Этот факт можно объяснить двояко. Либо доктор Жерар просмотрел свой шприц и его вообще не похищали. Либо его забрал из палатки кто-то, не имеющий доступа к склянкам с лекарствами для миссис Бойнтон. Иными словами, убийство было совершено лицом, не принадлежащим к семье Бойнтонов. Преступник, так сказать, человек извне.

Я принял это во внимание, но меня сбивали Бойнтонны, которые вели себя слишком подозрительно. И вот я задал себе вопрос: возможна ли ситуация, в которой невиновные вели бы себя как виновные? Я ломал голову, чтобы доказать их невиновность, а не их вину! Примем же новую исходную точку. Убийство совершил кто-то из внешнего окружения, причем это лицо не было настолько близко знакомо с миссис Бойнтон, чтобы зайти в ее пещеру или

каким-либо иным способом получить доступ к бутылке с лекарством.

Эркуль Пуаро сделал короткую паузу.

— В этой комнате присутствуют три человека, — продолжал он, — не являющихся членами семьи Бойнтонов, но достаточно серьезно связанные с рассматриваемым делом. Мистер Коуп, на котором мы остановимся в первую очередь, в течение ряда лет был знакомым Бойнтонов. Мог ли он иметь мотив и возможность совершить преступление? Мне это кажется маловероятным. Смерть миссис Бойнтон ни в каком отношении не была для него полезной, более того, она означала крах дорогих его сердцу надежд. Я не в состоянии измыслить для него ни одного правдоподобного мотива, разве что это было фанатичное желание осчастливить ближних или нечто, о чем никто из нас не имеет понятия.

— Ну, это уж явное преувеличение, — с достоинством заявил Джефферсон Коуп. — Не следует забывать, что я не имел никаких возможностей совершить это преступление, а кроме того, человеческая жизнь всегда была для меня святыней.

— Истинно так, — согласился детектив. — Ваша позиция совершенно непоколебима. Именно поэтому в криминальном романе вы были бы наиболее подозрительным человеком. А теперь я займусь вами, мадемуазель, — обратился он к Саре Кинг. — Мисс Кинг могла бы иметь мотив преступления; как медик, она располагает соответствующими знаниями, а кроме того, она особа с решительным характером. Однако, поскольку она вышла из лагеря в четверть четвертого, все время находилась в компании, а возвратилась около шести, трудно представить себе, чтобы ей представился реально сколько-нибудь благоприятный случай.

Снова наступила тишина.

— Наконец мы дошли до доктора Жерара. Тут мы, конечно, должны поразмыслить о времени, когда было совершено убийство. В соответствии с последними показаниями Леннокса и Нейдин Бойнтонов жертва была мертва уже в четыре пятьдесят пять. Леди Вестхолм и мисс Пирс утверждают, что она была жива в четыре пятнадцать, когда они отправились на прогулку. Остаются двадцать минут, относительно которых у нас нет каких-либо данных. Когда упомянутые дамы покидали лагерь, доктор туда возвращался. Ни одна из дам не может сказать, чем занимался доктор Жерар, добравшись до лагеря, так как леди Вест-

холм и мисс Пирс шли в противоположную сторону.

Конечно, существует определенная вероятность, что именно он совершил преступление. Как врач, он мог без труда симулировать приступ малярии. У него был и мотив: он хотел спасти особу, рассудку которой грозила серьезная опасность. А ведь утрата рассудка страшнее утраты жизни! Он мог рассудить, что при таких обстоятельствах стоит удалить кое-кого, кто и так уже близок к концу.

— У вас буйная фантазия! — сказал француз.

Пуаро пренебрег этим выпадом и продолжал:

— Но если бы даже все произошло именно так, зачем нужно было доктору первому дать сигнал, что это дело плохо пахнет? Если бы не разговор с ним, полковник Карбери, конечно, не заинтересовался бы этим делом и смерть миссис Бойнтон была признана естественной. Именно доктор Жерар высказал предположение, что здесь могло иметь место убийство. Такой шаг с его стороны, господа, был бы абсолютной нелепостью!

— Мне тоже так кажется, — буркнул Жерар.

— Я вижу еще одну возможность. — Пуаро слегка подался вперед. — Совсем недавно Нейдин Бойнтон энергично запротестовала против подозрений относительно младшей сестры ее мужа. Запротестовала бурно, поскольку знала, что в это время миссис Бойнтон уже была мертва. Это главная причина. Но не будем забывать, что Джиневра Бойнтон провела в лагере всю вторую половину дня. А ведь был момент, правда, очень непродолжительный, когда мисс Пирс и леди Вестхолм уже вышли из лагеря, а доктор Жерар еще не успел вернуться туда...

Джиневра вздрогнула, подалась вперед, пристально вглядываясь в лицо детектива.

— Я это сделала? Вы думаете, что я могла ее убить?

Она поднялась с кресла и, подбежав к доктору, упала перед ним на колени. Сжав его руку и глядя ему в глаза, она воскликнула в отчаянии:

— Нет! Нет! Пожалуйста, не позволяйте им так говорить! Они хотят снова бросить меня за черную стену! Это неправда! Я ничего не сделала! Мои враги хотят заключить меня в темницу! Только вы мне поможете! Должны помочь!

— Спокойно, девочка, спокойно... — Его рука коснулась ее волос. — Откуда вы берете эти бредни? — обратился он к детективу.

— Мания преследования? — шепотом спросил Пуаро.

— Да. Но откуда у вас такие мысли? Если бы это сделала она, то вся картина выглядела бы иначе. Понимаете,

она должна была бы сделать это куда драматичней, эффектней. Воспользовалась бы стилетом, чем-то заметным, привлекающим внимание... А эта холодная, непоколебимая логика? Нет, дорогие господа! Это преступление совершил человек, находящийся в здравом уме!

Пуаро усмехнулся и слегка поклонился французу:

— Доктор, я вполне разделяю ваше мнение!

Глава 25

— Вперед! — воскликнул маленький бельгиец. — Немного пути осталось нам пройти! Доктор Жерар воззвал к психологии. Что ж, займемся и мы психологическим аспектом. Мы рассмотрели факты, установили хронологию событий, заслушали отдельные показания. Осталась еще психология, и в первую очередь психологический анализ покойной миссис Бойнтон.

Взглянем теперь на третий и четвертый пункты в перечне событий: «Миссис Бойнтон старалась, чтобы ее дети не устанавливали дружеских контактов с посторонними лицами. В день происшествия миссис Бойнтон отправила на прогулку всю семью». Эти пункты отчетливо противоречат друг другу. Почему именно в этот день после полудня миссис Бойнтон изменила своей обычной тактике? Может, ее сердце смягчилось? Может, это был внезапный прилив доброты? На основании всего того, что нам известно, такая версия представляется маловероятной. Но должна же существовать какая-то причина! Какая же?

Попробуем более тщательно охарактеризовать миссис Бойнтон. Мы имеем несколько различных мнений относительно этой личности: сварливая старуха, домашний тиран, садистка со склонностью к моральному мучительству, воплощение зла, помешанная женщина. Какое из этих определений соответствует истине? Мое мнение таково: ближе всех к истине была мисс Сара Кинг, которая в состоянии внезапного озарения постигла не только мрачный комизм непомерных притязаний старой женщины, но и то, что ее стремления в конечном счете тщетны: она поняла, что миссис Бойнтон очень не повезло в жизни.

Попробуем представить себе, насколько это возможно, образ мышления миссис Бойнтон. Она пришла в мир с непомерным самолюбием, неумейной жадой власти, стремлением импонировать окружающим. Она не противодействовала этим чертам характера, не пыталась их сломить, обуздать. Ничего подобного, дорогие господа! Она заботли-

во пестовала их! И каков был результат? Послушайте меня внимательно. Чего достигла миссис Бойнтон? Она не стала одной из тех, кто будит ненависть и ужас в широких кругах. Она тиранила только свою, живущую в обособленности семью! Доктор Жерар очень правильно подметил, что миссис Бойнтон наскучило ее хобби, как это зачастую случается со стареющими женщинами, и она решила искать лучших, более разнообразных утех. Но именно это и создало новый аспект в данном деле. Во время заграничного путешествия старуха уяснила, как мало значит она для своего окружения.

И вот мы дошли до десятого пункта моего перечня, до слов, произнесенных старой миссис Бойнтон в Иерусалиме. Как я уже упоминал, Сара Кинг была ближе всех к истине. Она демаскировала жалкую никчемность, мизерность жизненной схемы этой женщины. Я попрошу вас поглубже задуматься над смыслом сцены в Иерусалиме, припомнить слово в слово, что сказала тогда миссис Бойнтон. А произнесла она следующие слова: «Я ничего не забываю. И об этом следует помнить. Я никогда ничего не забываю: ситуацию, имя, лицо». На Сару Кинг это произвело огромное впечатление. Хриплый голос! Тон, исполненный убийственного яда! Впечатление было настолько сильным, что, как мне кажется, очень странное содержание этих слов не дошло до сознания мисс Кинг. Дорогие дамы и господа! Теперь, сориентировавшись в обстановке, не должны ли мы сделать вывод, что сентенция, произнесенная миссис Бойнтон, вовсе не была ответом на все то, что мисс Кинг высказала ей перед этим? «Я никогда ничего не забываю: ситуацию, имя, лицо...» Это же нелепость! Можно было бы понять, если бы миссис Бойнтон сказала: «Не забываю наглости». Согласен. Но почему лицо?

Пуаро простер руки в эффектном жесте.

— Почему? Ответ напрашивается сам собой! Слова, внешне брошенные мисс Кинг, в действительности вовсе не были ей адресованы. Их должен был услышать кто-то другой, кто в этот момент находился неподалеку от мисс Кинг!

Пуаро обвел присутствующих взглядом, как бы проверяя, какой эффект произвели его слова.

— Да, это был психологический момент, наисущественнейший в жизни миссис Бойнтон. Она демаскирована молодой интеллигентной женщиной! Она в ярости, исполнена безнадежности! И в эту минуту она вдруг узнала кого-то: какое-то «лицо из прошлого».

И вот, господа, мы снова пришли к уже упоминавшемуся «лицу извне». Вновь вернулись мы также к той непонятной доброте, которую проявила миссис Бойнтон к детям в день своей смерти. Она просто хотела отделаться от своего семейства, потому что, как бы это поточнее выразиться, ухватила за хвост новую птичку. Она желала расчистить поле, чтобы без помех насладиться разговором с новой жертвой!

Теперь, господа, обсудим последовательность событий, происшедших во второй половине того рокового дня, глядя на них под иным, новым углом зрения. Молодые Бойнтоньки отправились на прогулку. Миссис Бойнтон сидит в кресле у входа в пещеру. Подумаем внимательно над показаниями леди Вестхолм и мисс Пирс. Последняя, правда, не является свидетелем, заслуживающим большого доверия, так как очень легко поддается внушению. Обе они единодушно утверждают, что какой-то бедуин из лагерной прислуги подошел к миссис Бойнтон, чем-то рассердил ее, а затем поспешно удалился. Леди Вестхолм с уверенностью показала, что слуга сначала зашел в палатку Джиневры, однако я попрошу не забывать, что палатка доктора Жерара находится в непосредственном соседстве. Поэтому вполне вероятно, что этот бедуин заходил в палатку доктора...

— Вы хотите сказать,— прервал детектива Карбери,— что кто-то из бедуинов умертвил старую даму, сделав ей укол? Фантазия чистой воды!

— Минуточку, полковник,— остановил его Пуаро.— Я еще не кончил. Итак, учтем, что слуга мог войти в палатку доктора, а не Джиневры. Что же дальше? Обе дамы в один голос утверждают, что не видели отчетливо лица слуги и не могли также услышать произнесенных им слов. Это понятно. Расстояние между маркизой и скальной полкой составляет около двухсот ярдов. Вместе с тем леди Вестхолм подробно описала внешний вид бедуина. Говорит, что он был одет неряшливо, что на нем были рваные и заплатанные штаны для верховой езды.

Детектив сделал паузу. Еще раз пробежал взглядом по лицам присутствующих.

— И это, дорогие дамы и господа,— продолжал он,— странно, очень странно! Леди Вестхолм не слышала сказанных слов, не видела лица бедуина, но детально зафиксировала состояние его брюк и обмоток! На расстоянии в двести ярдов! Это был промах! Прوماх, дорогие господа, который обратил на себя мое внимание. Почему леди Вестхолм столь подчеркнуто говорила о рваных штанах

и неаккуратно закрученных обмотках. Может, потому, что штаны не были порваны, а обмоток не было вовсе? Леди Вестхолм и мисс Пирс видели этого бедуина, но не могли тогда видеть друг друга. Это подтверждают слова леди Вестхолм, которая пошла посмотреть, не спит ли мисс Пирс, и застала ее возле палатки, занятую чтением.

— Ради бога! — воскликнул полковник Карбери и выпрямился в кресле. — Вы ведете к тому...

— Я веду к тому, что леди Вестхолм проверила, чем занята мисс Пирс, единственный свидетель в данное время. Потом она вернулась в свою палатку, переоделась в штаны для верховой езды и куртку цвета хаки. Из шали в черно-белую клетку из шерстяной пряжи она соорудила себе кефи и в таком одеянии смело пошла к палатке доктора. Осмотрела его дорожную аптечку, отыскала препарат, который был ей нужен, и наполнила им шприц. Потом подошла к миссис Бойнтон, которая, возможно, дремала. Действовала она молниеносно. Схватив жертву за руку, она сделала ей укол. Миссис Бойнтон, наверное, вскрикнула, попыталась встать с кресла и сползла на него обратно. Мнимый бедуин удрал, создав впечатление, что он в чем-то провинился и получил нагоняй. Миссис Бойнтон погрозила ему палкой, еще раз попыталась подняться и снова упала в кресло.

Пятью минутами позже леди Вестхолм снова была у палатки мисс Пирс. Она перевела разговор на сцену, свидетельницей которой якобы была, и внушила мисс Пирс нужную версию. Потом дамы отправились на прогулку, а когда они проходили под карнизом, леди Вестхолм обратилась к миссис Бойнтон и, разумеется, не получила ответа, поскольку ее жертва уже рассталась с жизнью. И снова она сумела внушить своей спутнице, что старуха отнеслась к ней пренебрежительно, ответив на ее вопрос только ворчанием. Поскольку мисс Пирс и раньше слышала ворчание миссис Бойнтон, она легко поддавалась внушению. В случае необходимости она без колебаний подтвердила бы под присягой, что действительно слышала голос миссис Бойнтон. Леди Вестхолм не раз председательствовала в собраниях женщин типа мисс Пирс, а потому вполне отдавала себе отчет в том, какое влияние могут оказывать ее общественное положение и образ жизни на особ такого рода. Тщательно разработанный план был нарушен только в одном пункте: леди Вестхолм не успела отнести шприц в палатку доктора. Доктор Жерар вернулся преждевременно в связи с тяжелым приступом малярии. Однако она

надеялась, что он не заметит пропажи; шприц она подбросила ночью.

— Но зачем? — воскликнула Сара. — Зачем леди Вестхолм понадобилось убивать миссис Бойнтон?

— Из ваших слов я знаю, — ответил Пуаро, — что леди Вестхолм находилась поблизости, когда вы разговаривали в Иерусалиме с миссис Бойнтон. Именно леди Вестхолм были адресованы слова: «Я никогда ничего не забываю: ситуацию, имя, лицо». Прошу вас, господа, сопоставить эти слова с тем фактом, что миссис Бойнтон некогда служила тюремной надзирательницей, и вы без труда сделаете логически обоснованный вывод. Лорд Вестхолм познакомился со своей будущей женой во время обратного рейса из Америки. До брака будущая леди Вестхолм совершила какое-то преступление и отбыла тюремное заключение.

Вы, разумеется, понимаете, господа, в какую страшную западню попала эта женщина! Ее общественное положение, политическая карьера, ее женское самолюбие — все оказалось под угрозой. Я не знаю, за что она подвергалась заключению, но узнаю об этом в самом ближайшем будущем. Во всяком случае, это было такое преступление, публичная огласка которого похоронила бы ее карьеру. И еще одно, о чем следует помнить. Миссис Бойнтон отнюдь не была шантажисткой. Деньги ее не интересовали. Некоторое время она забавлялась бы мучениями своей жертвы. Потом наиболее эффектным способом довела бы известные ей скандальные сведения до самых широких кругов, воспользовавшись услугами прессы. Нет! Леди Вестхолм не могла чувствовать себя в безопасности, пока эта женщина была жива. Она подчинилась приказанию миссис Бойнтон и согласилась встретиться с ней в Петре. Между прочим, я даже удивился, почему особа, занимающая столь высокое положение, решила отправиться туда как простая туристка. Несомненно, она загодя обдумала план убийства и выбрала момент, благоприятный для его осуществления. Однако она допустила две мелкие погрешности. Во-первых, она слишком подробно описала порванные и заплатаанные штаны бедуина, что привлекло мое внимание. Во-вторых, по ошибке зашла в палатку Джиневры, спутав ее с палаткой доктора Жерара. Отсюда полуправдивый, полувывмышленный рассказ девушки о шейхе и переодетых врагах. Это тоже поразило меня.

И опять в комнате воцарилась тишина. Эркуль Пуаро нарушил молчание.

— Скоро я смогу сказать вам больше. Я снял отпечатки

пальцев леди Вестхолм, разумеется, без ее ведома. Достаточно послать их в тюрьму, в которой миссис Бойнтон была надзирательницей.

Его речь была прервана резким звуком.

— Что это? — спросил доктор Жерар.

— Похоже на выстрел, — сказал полковник Карбери. — В соседнем номере. Кто его занимает?

— Если не ошибаюсь... леди Вестхолм, — вполголоса ответил маленький бельгиец.

Глава 26

Вырезка из газеты «Вечерний голос»:

«С прискорбием сообщаем о безвременной кончине леди Вестхолм, депутата парламента, погибшей в результате несчастного случая. Леди Вестхолм любила путешествовать по экзотическим странам и никогда не расставалась с небольшим карманным пистолетом. Во время чистки оружия случайно произошел выстрел, последствия которого оказались трагическими. Выражаем глубокое сочувствие супругу погибшей и т. д., и т. д.»

Через пять лет после этих событий в теплый июльский вечер Сара Бойнтон и ее муж были в одном из лондонских театров. Играли «Гамлета». Сара стиснула руку Реймонда. Этот голос! Как всегда, чарующий, прекрасного тембра, звучащий как великолепно настроенный инструмент виртуоза.

Когда упал занавес после последнего акта, миссис Бойнтон сказала с глубоким убеждением:

— Джинни — великая актриса!

Потом был ужин в «Савойе».

Джиневра, улыбающаяся, но еще как будто полностью не очнувшаяся, обратилась к бородатому мужчине, сидевшему рядом с ней:

— Кажется, сегодня я играла неплохо?

— Ты была великолепна, дорогая.

Ее улыбка стала еще счастливее.

— Ты всегда верил в меня, — шепнула она. — Ты с самого начала знал, что я смогу этого добиться, заставлю людей поверить мне, сумею увлечь их...

— Как это чудесно, быть здесь, в Лондоне, где Джинни, уже такая известная, играет Офелию, — сказала Нейдин, сидевшая напротив молодой актрисы.

— А я так рада, что вы все тут, — оживленно откликнулась Джинни.

— Настоящий семейный съезд! — Нейдин с улыбкой обвела взглядом общество, собравшееся за столом, потом обратилась к мужу: — А если дети сходят на дневной спектакль? Как ты полагаешь? Им очень хочется посмотреть тетю Джинни на сцене.

Леннокс — в отличной форме, со смеющимися глазами, удовлетворенный жизнью Леннокс — поднял бокал:

— За здоровье самой молодой супружеской пары нашего клана, за здоровье миссис и мистера Коупов!

Джефферсон Коуп и Кэрол поклонились.

— А вообще это вероломство! — засмеялась Кэрол. — Не лучше бы тебе было выпить, Джефф, за здоровье твоей первой симпатии, которая, кстати сказать, сидит напротив тебя!

— Джефф покраснел! — весело подхватил Реймонд. — Что-то он без особой охоты вспоминает давние времена. — Лицо его нахмурилось, однако после нежного прикосновения руки Сары вновь прояснилось. Он взглянул на жену с улыбкой. — Сейчас все это кажется кошмаром, — сказал он.

К столу, за которым расположилось семейство Бойнтонов и Коупов, подошел Эркюль Пуаро, улыбающийся, элегантно одетый, с пышными усами.

— Мадемуазель, — обратился он с галантным поклоном к Джиневре, — разрешите выразить мое глубочайшее восхищение! Вы были чудесны!

Детектива сердечно приветствовали, усадили рядом с Сарой. Маленький бельгиец излучал улыбки, и потом во время оживленной беседы, склонившись к своей соседке, шепнул:

— Как я вижу, в семействе Бойнтонов все в порядке?

— И это благодаря вам, — ответила она.

— Ваш муж приобретает известность, — заметил он. — Сегодня читал восторженную рецензию на его последнюю книгу.

— Да, его последняя работа кажется хорошей. Вы знаете, что Кэрол и Джефферсон Коуп наконец поженились? А у Нейдин и Леннокса уже пара прелестных ребятшек! А Джинни! Что можно сказать о Джинни? По моему мнению, она гениальная актриса.

Она взглянула через стол на очаровательное личико под короной золотисто-рыжих волос. Вдруг Сара слегка вздрогнула, лицо ее посерьезнело, но она тут же с улыбкой потянулась к бокалу.

— Вы желаете произнести тост, мадам? — спросил Пуаро.

— Я в первый раз... и так неожиданно... подумала о ней,— медленно проговорила Сара.— Взглянула на Джинни и вдруг заметила сходство. Но Джинни — это свет, а она всегда была тьмой.

С противоположной стороны стола неожиданно прозвучал голос Джиневры:

— Бедная мама... Она была такая странная. Теперь, когда мы все так счастливы, я временами вспоминаю ее. Она не получила от жизни того, чего хотела. Наверное, ей было очень тяжело...

СОДЕРЖАНИЕ

НЕМОЙ СВИДЕТЕЛЬ. Перевод Н. Емельяниковой . . .	3
СВИДАНИЕ СО СМЕРТЬЮ. Перевод Г. Винтер . . .	211

Литературно-художественное издание

Кристи Агата

НЕМОЙ СВИДЕТЕЛЬ

СВИДАНИЕ СО СМЕРТЬЮ

Ответственные за выпуск *Л. Ф. Верниковская, А. В. Новикова*

Художник *Д. А. Милованов*

Художественный редактор *Ю. С. Сергачев*

Технический редактор *Т. К. Раманович*

Корректоры *Л. В. Лебедева, Л. Н. Макейчик*

Сдано в набор 07.12.95. Подписано в печать 19.01.96. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура Тип Таймс. Высокая печать с ФПФ. Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,74. Уч.-изд. л. 22,09. Тираж 15 000 экз. Заказ 2619.

Издательство «Універсітэцкае» Министерства культуры и печати Республики Беларусь. Лицензия ЛВ № 9. 220048, Минск, пр. Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени поллитрафкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

